

ISSN 2500-1523 (Print)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

T. 16

№ 4

2024

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)

2024. Т. 16. № 4

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)

Выходит 4 раза в год

Журнал «Монголоведение (Монгол судлал)» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76106 от 03.07.2019.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Издается с 2002 г.

Журнал «**Монголоведение**» — востоковедное издание историко-филологического направления. На страницах журнала освещаются вопросы истории, языка, фольклора и литературы монголоязычных народов, которые в основном проживают в Монголии, Китае и России. Публикуются материалы российских и зарубежных монголоведов: статьи, сообщения, комментированные переводы письменных памятников, устные нарративы с комментариями, рецензии, обзоры. Тематика журнала «Монголоведение» — история, этнология и антропология, источниковедение, языкознание, фольклористика, литературоведение.

Главная **цель** издания журнала — способствовать развитию академического монголоведения, имеющего более чем двухсотлетнюю историю, располагающего огромной источниковой базой и являющегося одним из важных и традиционных направлений востоковедения, а также развивать традиции, заложенные в российской монголоведной научной школе, и применять новые методы и приемы в исследовании актуальных проблем и вопросов монголоведения.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), включен в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология), языки, литература и фольклор монгольских народов

Подписной индекс: 39464

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Сайт: <https://mongoloved.kigiran.com/>

© Калмыцкий научный центр

Российской академии наук, 2024

© Коллектив авторов, 2024

MONGOLIAN STUDIES

Published four times a year

The Mongolian Studies journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 3, 2019.

Certificate of registration ПИ No. ФС77-76106.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Issued since 2002

The *Mongolian Studies* is an Orientalist journal focusing on historical and linguistic aspects. The articles published cover the questions of history, language, folklore, and literature of Mongolic peoples primarily residing in Mongolia, China, and Russia. Typologically, works authored by Russian and foreign Mongolists include as follows: scholarly articles, reports, commented translations of written monuments, commented oral narratives, reviews and surveys. The journal comprises a range of sections, such as History, Ethnology and Anthropology, Source Studies, Linguistics, Folkloristics, and Literary Studies.

The journal chiefly *aims* to facilitate further development of academic Mongolian studies as an important and traditional branch of Oriental studies in Russia that started over two centuries ago and are characterized by a widest source base. It also seeks to sustain research traditions of the Russian Mongolist school and apply new methods and techniques for the investigation of topical issues relating to Mongolian studies.

The journal publishes articles in Russian, Mongolian, Kalmyk and English.

The journal is issued four times a year.

The journal is indexed with Russian Science Citation Index, and is included in the list of peer-reviewed publications that publish key scientific results of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences theses.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies,
Ethnology and Anthropology);
Languages, Literature and Folklore of the Mongolian Peoples

Subscription index in Russian Catalogue: 39464

Founding Institution, Editorial office, Publisher —

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Founding Institution, Editorial Board, Publisher's address:

8, Ilishkin St., Elista 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Web-site: <https://mongoloved.kigiran.com/>

Главный редактор
канд. филол. наук **В. В. Куканова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук **Э. П. Бакаева**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук **А. Алимаа**, Институт языка и литературы АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук **Б. В. Базаров**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

канд. филол. наук **А. Т. Баянова**, Калмыцкий научный центра РАН
(Россия, г. Элиста);

д-р филол. наук **А. Бирталан**, Университет ELTE (Венгрия, г. Будапешт);

д-р филол. наук **И. В. Булгутова**, Бурятский государственный университет
им. Д. Банзарова (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р филол. наук **Л. С. Дампилова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **С. В. Джундэжзов**, Оренбургский государственный педагогический
университет (Россия, г. Оренбург);

д-р ист. наук **Н. Л. Жуковская**, Институт этнологии и антропологии РАН
(Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **Д. Н. Музраева**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р филол. наук **В. Н. Мушаев**, Калмыцкий государственный университет
им. Б. Б. Городовикова (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **Л. В. Курас**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО
РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **У. Б. Очиров**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **К. В. Орлова**, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **А. М. Плеханова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р филол. наук **Г. Ц. Пюрбеев**, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **К. Хамфри**, Кембриджский университет
(Великобритания, г. Кембридж);

д-р ист. наук **Н. Хишигт**, Институт истории и этнологии АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р филол. наук **А. Д. Цендина**, Институт восточных культур и античности РГГУ,
Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,
Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук **Р. М. Ханинова**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия,
г. Элиста);

канд. филол. наук **Г. М. Ярмаркина**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста).

Переводчик: Б. О. Номинханова
Верстка: А. Н. Когданов
Ответственный секретарь: И. Б. Манджиева

Editor-in-Chief:

V. V. Kukanova, Cand. Sc. (Philology) Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

E. P. Bakaeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Russia, Elista)

Editorial Board:

- A. Alimaa**, Dr. Sc. (Philology), Institute of the Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- B. V. Bazarov**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- A. T. Bayanova**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- A. Birtalan**, Dr. Sc. (Philology), ELTE University (Budapest, Hungary);
- I. V. Bulgutova**, Dr. Sc. (Philology), Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russia);
- L. S. Dampilova**, Dr. Sc. (Philology), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- S. V. Dzhundzhuzov**, Dr. Sc. (History), Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia);
- C. Humphrey**, Dr. Sc. (History), University of Cambridge (Cambridge, Britain);
- R. M. Khaninova**, Dr. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- N. Khishigt**, Dr. Sc. (History), Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- L. V. Kuras**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- V. N. Mushaev**, Dr. Sc. (Philology), Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);
- D. N. Muzraeva**, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- U. B. Ochirov**, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- K. V. Orlova**, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- A. M. Plekhanova**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- G. Ts. Pyurbeev**, Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistics RAS (Moscow, Russia);
- A. D. Tsendina**, Dr. Sc. (Philology), Russian State University for the Humanities, Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- N. L. Zhukovskaya**, Dr. Sc. (History), Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia);
- G. M. Yarmarkina**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia).

Translator: B. O. Nominkhanova

Page layout: A. N. Kogdanov

Executive Secretary: I. B. Mandzhieva

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Актамов И. Г., Цэрэнжигмэд Ш., Гэрэлбат.* Вопросы образования национальных меньшинств во Внутренней Монголии Китая 636

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Тепкеев В. Т.* Боевые действия калмыцкой конницы на территории Крымского ханства в 1675 г. 646
- Батмаев М. М.* Женщины нойонского сословия в Калмыцком ханстве в XVIII в.: к истории повседневности 656
- Курапов А. А.* Регламентация Российским государством рыбодобычи калмыками в 40-е гг. XVIII в. 668
- Ахмадулина С. З., Бадмацыренов Т. Б. Д.* Дандарон: жизнь, посвященная духовному совершенствованию 682

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Шахназарян А. И., Мелконян А. А., Крючков И. В., Худанян А. О.* Монголы в армянских рукописных источниках XIII–XIV вв. 694
- Базаров А. А., Батомункуева С. Р.* Пекинский Ганжур из тибетского фонда Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН . 705
- Музраева Д. Н., Тушинов Б. Л.* О колофоне к «Мани-камбуму», составленном Зая-пандитой Намкай-Джамцо (к проблеме сравнительного текстологического анализа рукописного и печатного текстов монгольского перевода) 716
- Манджикова Л. Б.* Ордынское отделение Астраханской Палаты государственных имуществ в свете изучения особенных прав зайсангов. 728
- Успенский В. Л., Яхонтова Н. С.* Калмыцкие шрифты Петербурга 745
- Аюшеева М. В.* Исторические работы Соло Ванданова в параллельном корпусе бурятских письменных источников 761
- Перетягко А. Ю.* Описание донских калмыков первыми донскими казачьими авторами: опыт критической характеристики 773
- Дудин П. Н., Базаров К. Ю.* Отечественные и японские ретроспективные карты: маньчжуро-монгольское приграничье в зоне событий на р. Халхин-Гол 1939 г. ... 784
- Очир-Горяева В. Н.* Книга «Списки призванных Малодербетовским РВК в 1941, 1942, 1943 годах» как источник по истории участия жителей Калмыкии в Великой Отечественной войне 802
- Каруева М. Д., Васькина А. Ю.* Об одном из документальных источников по изучению исторической демографии калмыцкого народа в период депортации (на примере Алтайского края) 812

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- Бичеев Б. А., Даишэвэг У.* Образ Будды в мифологической традиции ойратов 826

ЛИНГВИСТИКА

- Ярмаркина Г. М.* Приемы воздействия на адресата в деловых письмах хана Аюки на «тодо бичиг» («ясном письме») и их отражение в синхронических русских переводах XVII–XVIII вв. Часть 1 838
- Мирзаева С. В.* Латинско-русско-калмыцкий словарь А. Соколова (1769–1771): общая характеристика и некоторые графо-фонетические особенности 849

C O N T E N T

GENERAL HISTORY

- Aktamov I. G., Tserenzhigmed Sh., Gerelbat.* Issues of the Formation of National Minorities in the Inner Mongolia of China. 636

NATIONAL HISTORY

- Tepkeev V. T.* The Military Actions of the Kalmyk Cavalry on the Crimean Khanate Territory in 1675. 646
- Batmaev M. M.* Women of the Noyon Estate in the Kalmyk Khanate in the 18th Century: towards the Everyday Life History 656
- Kurapov A. A.* Russian Governmental Regulation of the Fishery by Kalmyks in the 1740s 668
- Akhmadulina S. Z., Badmatsyrenov T. B.* Dandaron: Life Dedicated to Spiritual Perfection. 682

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

- Shahnazaryan A. I., Melkonyan A. A., Kryuchkov I. V., Khudanyan H. H.* Mongols in Armenian Manuscript Sources of the 13th–14th Centuries. 694
- Bazarov A. A., Batomunkueva S. R.* Beijing Edition of Ganjur from the Tibetan Collection of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS 705
- Muzraeva D. N., Tushinov B. L.* On the Colophon to “Mani-kambum” Compiled by Zaya Pandita Namkhai Gyatso (on the problem of comparative textological analysis of the manuscript and printed texts of the Mongolian translation) 716
- Mandzhikova L. B.* The Horde Branch of the Astrakhan Chamber of State Properties in the light of the Study of Special Rights of Zaisangs 728
- Uspensky V. L., Yakhontova N. S.* Kalmyk Movable Types Made in Saint Petersburg 745
- Ayusheeva M. V.* Solo Vandanov's Historical Works in the Buryat Written Sources Parallel Corpus 761
- Peretyatko A. Yu.* Description of the Don Kalmyks by the First Don Cossack Authors: an Experiment in Critical Characterization 773
- Dudin P. N., Bazarov K. Ju.* The Domestic and Japanese Retrospective Maps: Manchurian-Mongolian Border Area in the Zone of Events on the Khalkhin Gol River in 1939 784
- Ochir-Goryaeva V. N.* The Book “Lists of Conscripts by Maloderbetovsky Regional Military Commissariat in 1941, 1942, 1943” as a Source on the History of Participation of Kalmykia Residents in the Great Patriotic War. 802
- Karueva M. D., Vaskina A. Yu.* On one of the Documentary Sources on the Study of the Historical Demography of the Kalmyk People during the Deportation Period (using the example of the Altai Territory) 812

FOLKLORE STUDIES

- Bicheev B. A., Urnukhdelger Dashzeveg.* Buddha in the Mythological Tradition of the Oirats 826

LINGUISTICS

- Yarmarkina G. M.* The Techniques of Influencing the Addressee in the Business Letters of Khan Ayuka on “Todo Bichig” (“Clear Letter”) and their Reflection in the Synchronized Russian Translations of the 17th–18th Centuries. Part 1. 838
- Mirzaeva S. V.* Latin-Russian-Kalmyk Dictionary by Adrian Sokolov (1769–1771): General Description and Some Grapho-phonetic Features. 849

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 4, pp. 636–645, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-636-645

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(510).093 +94(517)
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-636-645

Вопросы образования национальных меньшинств во Внутренней Монголии Китая

Иннокентий Галималаевич Актамов^{1,2}, Цэрэнжигмэд Шаравцэрэн³, Гэрэлбат^{4,5}

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 кандидат педагогических наук, PhD (история науки и техники), заведующий

² Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 кандидат педагогических наук, PhD (история науки и техники), доцент
 0000-0002-8646-1048. E-mail: aktamov13[at]gmail.com

³ Монгольская государственная консерватория (д. 25, ул. Пекинская, 13380 Улан-Батор, Монголия)
 кандидат педагогических наук, ректор
 0009-0002-8749-3575. E-mail: sharav.piano[at]gmail.com

⁴ Монгольский государственный университет образования (14 Бага Тойру, 14191 Улан-Батор, Монголия)
 докторант

⁵ Институт национальностей Хух-Хото (56, Тонгдао Бейлу, 010051 Хух-Хото, КНР)
 преподаватель
 0009-0006-9598-2247. E-mail: gerelbat1984[at]outlook.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Актамов И. Г., Цэрэнжигмэд Шаравцэрэн, Гэрэлбат, 2024

Аннотация. Введение. Статья посвящена краткому обзору развития образования национальных меньшинств в Автономном районе Внутренняя Монголия с 1949 г. по настоящее время. *Цель исследования* — выявить основные тенденции развития образования в условиях социально-политических процессов в новейшей истории Китая. Внутренняя Монголия является первой национальной автономией в КНР и имеет историко-политическое и культурно-образовательное значение. *Материалы и методы.* Работа основана на анализе официальных данных, результатов научных исследований отечественных, китайских и зарубежных ученых. При проведении исследования авторы опирались на системный подход, применялись общенаучные и специальные методы, в том числе проблемно-хронологический, историко-сравнительный, историко-антропологический. *Результаты и выводы.* Определены основные подходы к реализации национальной политики Коммунистической партии Китая в середине прошлого столетия. Дана краткая характеристика культур-

но-образовательной ситуации во Внутренней Монголии в середине XX в. Выявлены основные изменения в национальной политике после начала периода реформ и открытости. В заключительной части дана характеристика основных параметров развития образования национальных меньшинств в контексте достижения к 2049 г. цели столетия, выдвинутой Коммунистической партии Китая и Си Цзиньпином.

Ключевые слова: образование, национальные меньшинства, национальная политика, Автономный район Внутренняя Монголия, КНР

Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – нач. XXI вв. в контексте междивилизационного взаимодействия» (номер госрегистрации: 121031000302-9).

Для цитирования: Актамов И. Г., Цэрэнжигмэд Ш., Гэрэлбат. Вопросы образования национальных меньшинств во Внутренней Монголии Китая // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 636–645. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-636-645

Issues of the Formation of National Minorities in the Inner Mongolia of China

Innokentii G. Aktamov^{1,2}, Tserenjigmed Sh.³, Gerelbat^{4,5}.

¹Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Pedagogy), PhD (History of Science and Technology), Head of Laboratory

²Banzarov Buryat State University (24a, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Pedagogy), PhD (History of Science and Technology), Associate Professor

 0000-0002-8646-1048. E-mail: aktamov13[at]gmail.com

³Mongolian State Conservatory (25, Peking St., 13380, Ulaanbaatar, Mongolia)

Cand. Sc. (Pedagogy), rector

 0009-0002-8749-3575. E-mail: sharav.piano[at]gmail.com

⁴Mongolian State University of Education (14, Baga Toiruu St., 14191, Ulaanbaatar, Mongolia)

Doctoral Candidate

⁵Hohhot Minzu College (56, Tongdao Beilu, 010051, Hohhot, PR China)

Teacher

 0009-0006-9598-2247. E-mail: gerelbat1984[at]outlook.com

© KalmSC RAS, 2024

© Aktamov I. G., Tserenjigmed Sh., Gerelbat, 2024

Abstract. Goals. The article aims to give a brief overview of the development of education of national minorities in the Inner Mongolia Autonomous Region from 1949 to the present. The Inner Mongolia is the first national autonomy in the China and has historical, political, cultural and educational significance. **Materials and methods.** The issue is based on the analysis of official data, the results of scientific research by Russian, Chinese and foreign scholars. In our research, we relied on a systems approach and used general scientific and special methods. For example, problem-chronological, historical-comparative, historical-anthropological methods. **Results.** The main approaches to the implementation of the national policy of the Communist Party of China in the middle of the 20th century were determined. The authors are given a brief description of the cultural and educational situation in the Inner Mongolia in the last century. The major changes in national policy since the start of the reform and opening-up period were identified. The final part provides a description of the main parameters for the development of education of national minorities in the context of achieving the centenary goal put forward by the Communist Party of China and Xi Jinping by 2049.

Keywords: education, national minorities, national policy, Inner Mongolia Autonomous Region, China

Acknowledgements. The research was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation “Monuments of writing of the peoples of Russia and Inner Asia in Oriental languages and archival documents of the 18th – early 21st century in the context of inter-civilizational interaction” (No. 121031000302-9).

For citation: Aktamov I. G., Tserenjigmed Sh., Gerelbat. Issues of the Formation of National Minorities in the Inner Mongolia of China. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(4): 636–645. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-636-645

1. Введение

Национальная политика в полиэтнических государствах занимает особое место с точки зрения консолидации населения и формирования гражданской идентичности. Китайская династийная хронология, с одной стороны, носила непрерывный преемственный характер. С другой — базовым критерием периодизации выступала «смена правления одного императора и восхождение на престол другого, что зачастую знаменовало начало нового времени и нового девиза» [Деопик, Ганшин 2022: 10]. Другими словами, несмотря на всю преемственность, существовали разнонаправленные векторы, которые проявлялись в борьбе за власть политических групп внутри Китая. Китайская Народная Республика, образованная 1 октября 1949 г., должна была в том числе решать вопросы, связанные с межкультурным взаимодействием и формированием единого общества в новых условиях. Принципиальное отличие этого периода заключалось в том, что руководство страны взяло за основу коммунистическую идеологию и реализовывало политику в рамках указанной концепции, определявшей и социально-экономическое устройство, и культурно-образовательную систему. Национальный вопрос имел стратегическое значение для руководства Нового Китая. На обширных окраинных территориях на северо-западе страны исторически проживали этнические меньшинства. В социально-экономическом плане эти районы значительно отставали от юго-востока страны. Поэтому новое руководство государства поставило задачу реализовать комплекс мер по повышению уровня жизни населения, в первую очередь развивать сферу образования, культуры, здравоохранения.

Автономный район Внутренняя Монголия является третьей по площади административно-территориальной единицей КНР. Он расположен на севере Китая и граничит с провинциями Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин и Хэбэй на северо-востоке, Шаньси, Шэньси и Нинся-Хуэйским автономным районом на юге, Ганьсу на юго-западе, с Россией и Монголией на севере. Здесь проживает порядка 25 млн человек, национальный состав максимально разнообразен: монголы, маньчжуры, хуэй, эвенки, дагуры, русские, корейцы и т. д. Автономный район Внутренняя Монголия (далее — АРВМ) является первой национальной автономией Нового Китая, которая была образована 1 мая 1947 г. Многие подходы и формы работы в области национальной политики, которые применяло центральное правительство во Внутренней Монголии, впоследствии использовались в других регионах страны. В рамках данной статьи ставится цель выявить основные тенденции развития образования в условиях социально-политических процессов в новейшей истории Китая. Внутренняя Монголия является первой

национальной автономией в КНР и имеет историко-политическое и культурно-образовательное значение.

2. Материалы и методы

Исследование проводилось на основе анализа официальных документов в области образования, научных работ отечественных, китайских и зарубежных авторов, включенного наблюдения. Отдельные материалы на китайском языке ранее не переводились на русский язык и вводятся в научный оборот впервые.

В исследовании применялся проблемно-хронологический метод, который позволяет рассмотреть формирование и развитие концептуальных подходов к реализации национальной политики в сфере образования во Внутренней Монголии. Кроме того, использовался историко-сравнительный метод, который способствовал выявлению общего и особенного в образовательной теории и практике на начальном этапе государственного строительства. С помощью историко-антропологического подхода была изучена и раскрыта внутренняя логика развития культурно-образовательной среды в регионе.

3. Основные подходы к реализации национальной политики в первой половине XX в.

Как отмечалось выше, значение национальной политики в развитии китайского общества и государства велико. Особую актуальность в силу социально-политических процессов национальный вопрос получил в период с 1921 г. по 1949 г. Базовые подходы к реализации национальной политики были обозначены в июле 1922 г. на II Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (далее — КПК), где впервые официально было заявлено о необходимости реализации права на самоопределение. Партия считала, что «только после свержения капиталистического империализма можно достичь равенства и самоопределения» [Ли 2018: 125]. На начальном этапе построения государства за основу была взята марксистская идеология, которая получила развитие в трудах И. В. Сталина. Китайские партийные лидеры, а вслед за ними и ученые взяли за основу параметры, которые обозначил И. В. Сталин: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [Сталин 1946: 8]. Вместе с тем история практической реализации политики по отношению к национальным меньшинствам в Китае показала, что активное внедрение ханьских элементов культуры среди коренных народов не вело к желаемой ускоренной ассимиляции. Объяснением сложившейся ситуации может служить, во-первых, то, что у многих народов КНР был сформирован высокий уровень этнического самосознания, которые вели относительно обособленную социально-экономическую жизнь. Во-вторых, монголы, тибетцы, уйгуры и некоторые другие народы имели опыт государственности, которая занимала особое место в коллективной памяти, и это не могло не сказываться на общественных настроениях. В-третьих, особое влияние на социальные процессы имела религия, китайское общество еще находилось на пути к секуляризации. Тибетский буддизм, получивший распространение во Внутренней Монголии, наряду с религиозными функциями в определенной степени выполнял и культурно-политическую роль, как в самом Тибете [Гарри 2009:

54]. При первом же кардинальном вмешательстве в традиционный жизненный уклад возникали потенциальные угрозы социальной стабильности, вплоть до изменения политической ситуации в стране. Это требовало разработки новых подходов, трансформации теоретической концепции, которая, с одной стороны, учитывала бы этнокультурную и конфессиональную разнородность жителей регионов, а с другой — обеспечивала бы территориальную и политическую целостность.

Как отмечает Ли Сянянь, «на первоначальном этапе КПК не была способна самостоятельно анализировать сложившиеся в Китае национальные проблемы, стремясь к реализации права на самоопределение через построение федерации» [Ли 2018: 126]. В 1945 г. Мао Цзэдун на VII Всекитайском съезде выступил с докладом «О коалиционном правительстве», где в том числе отметил необходимость решения национального вопроса и сделал акцент на совершенствовании политики в отношении малочисленных народов и реализации права на самоуправление [Zhonggong zhongyang tongzhan bu 1991]. Таким образом, можно говорить о том, что объективная военно-политическая ситуация обусловила создание первой национально-территориальной автономии. 1 мая 1947 г. был создан первый автономный район в составе КНР — Внутренняя Монголия (内蒙古自治区).

4. Культурно-образовательная ситуация во Внутренней Монголии в середине XX в.

В начале XX в. на территории Внутренней Монголии функционировали начальные школы, велась подготовка кадров для нужд династии Цин, которая была заинтересована в увеличении числа грамотных людей среди представителей коренного населения. Казенные и частные школы в основном готовили писарей для администраций хошунов и сомонов. Отдельные деятели становились военными и гражданскими чиновниками. С установлением власти Китайской Республики отмечается рост количества начальных и средних школ, педагогических училищ. Например, увеличивается число желающих получить образование среди дауров. Как отмечает Б. Д. Цыбенков, «передовая интеллигенция даурского народа активно поддержала образовательные и культурные реформы Китайской Республики. Появились частные школы, спонсируемые богатыми семьями, в них работали и учителя китайского языка. По данным администрации Западной Бутхи, в 1923 г. в районе имелись одна казенная начальная школа второй ступени, шесть казенных начальных школ первой ступени, пять частных начальных школ» [Цыбенков 2018: 116]. Наряду с этим, население продолжало обучаться грамоте в буддийских дацанах, которые реализовывали не только религиозные, но и образовательные функции.

Вместе с тем обозначенные тенденции принципиально не решали вопрос повышения грамотности населения региона. Например, по официальным данным, к моменту создания автономии количество неграмотных из числа монголов составляло до 80 % от всего населения [Neimeng gu menggu zu renkou].

Для решения задач социально-политического развития автономии была необходима нормативная основа функционирования региона. Историческое значение имеет политическая программа Правительства АРБМ 1947 г., в которой нашли отражение основные положения о практической реализации региональной национальной автономии под руководством КПК. В августе 1952 г. Народное пра-

вительство Китая обнародовало «План реализации региональной национальной автономии». Данный документ определял основные направления реализации внутренней политики в национальных регионах страны [Актамов 2023: 362]. Руководство АРВМ в соответствии с планами Народного правительства Китая постепенно расширяло образовательную сеть для национальных меньшинств в каждом районе. На данном этапе начался системный процесс реализации двуязычного образования, который создавал условия для сближения и сплочения представителей разных национальностей. Китайский язык выступал основным средством межнационального общения. Учебные заведения условно делились на несколько типов: 1) общеобразовательные учреждения, реализующие учебный процесс на родном языке, китайский язык изучался в школе как предмет; 2) общеобразовательные учреждения, реализующие учебный процесс на родном и китайском языках; 3) общеобразовательные учреждения, реализующие учебный процесс на китайском языке, с преподаванием родного языка как предмета [Яо 2012: 99]. Достаточно высокие темпы развития образования столкнулись с объективными сложностями в период «политики большого скачка» и «культурной революции». Национальное образование рассматривалось как деструктивный элемент и путь к сепаратизму. Политика в период культурной революции в национальных районах носила достаточно жесткий характер, представители этнических меньшинств подвергались гонениям, были закрыты религиозные учреждения, принижалось значение национальной культуры.

5. Образование после начала политики реформ и открытости

Ренессанс образования для национальных меньшинств начался после перехода к политике реформ и открытости. Это стало возможным, в том числе, после изменения подходов к реализации национальной политики. Теоретические и практические изыскания китайских ученых, конкретные политические решения руководства страны в определенной степени явились возвратом к начальной модели национальной политики. Вместе с тем новые цели и обновленная стратегия развития государства требовали консолидации нации. В концентрированном виде основной принцип национальной политики был представлен Фэй Сяотунем (费孝通), он выражался в «плюралистическом единстве китайской нации» (中华民族多元一体格局). Впервые Фэй Сяотун озвучил этот термин в своей речи в Гонконге в 1988 г., в то время, когда в Китае (и во всем социалистическом мире) широко обсуждались опасения по поводу культурно-политического плюрализма и концепции «открытости» [Xiaoshi 2023: 24].

В своей монографии он развил свои идеи и разработал ряд положений, которые легли в основу национальной политики страны. Например, «он отметил, что пройденный с момента создания КНР путь побед и поражений, горя и радости объединил все 56 народов Китая в единый народ [Fei 1989: 37]. Центральную консолидирующую роль в формировании общности народов играет титульная нация — ханьцы, но это не означает, что они ассимилируют все остальные нации и народности страны. Более того, национальные отношения под руководством КПК выходят на более высокоорганизованный уровень. И одновременно высокий уровень национальной идентичности не означает подавление и игнорирование национальных меньшинств, а отражает стремление наций к сохранению своих базовых культурных особенностей и ценностей и к формированию на его ос-

нове многоязычного, неантагонистичного, мультикультурного общества» [Яо 2012: 100].

Следует отметить, что усилия со стороны руководства государства в области развития образования для национальных меньшинств в регионах страны, в том числе и во Внутренней Монголии, позволили сформировать непрерывную систему, включающую все уровни от дошкольного до высшего образования. Показатели по охвату и уровню образования среди представителей национальных меньшинств значительно улучшились по сравнению с серединой XX в.

6. Национальная политика в эпоху Си Цзиньпина

XVIII съезд Коммунистической партии Китая обозначил новые узловые моменты в реализации внутренней и внешней политики. Началась новая веха в истории государства, связанная со сменой поколений китайских руководителей. Принципиальное значение имела актуализация первой цели столетия — построение общества малого благоденствия (小康). В этом плане особая роль отводилась развитию образования, в том числе и для этнических меньшинств на их родном языке. Высшее руководство страны рассматривает двуязычное образование как важный инструмент для борьбы с бедностью. Образование для этнических меньшинств рассматривается одновременно как механизм и условие развития единой нации. Вместе с тем правительство страны отказалось от реализации так называемой политики «позитивной дискриминации», позволявшей абитуриентам из числа этнических меньшинств получать дополнительные баллы при поступлении в вузы КНР.

В ноябре 2016 г. во Внутренней Монголии официально обнародовано и введено в действие «Положение об этническом образовании Автономного района Внутренняя Монголия», а развитие этнического образования гарантировано правовой системой [Нao 2017: 55].

В соответствии с указанным документом Внутренняя Монголия придерживается политики «приоритета национального образования». В целях качественного развития этнического образования центральное правительство предоставляло приоритетное финансирование и распределение государственных средств учреждениям, реализующим образование национальных меньшинств.

Инвестирование средств в образование является важной гарантией содействия качественному развитию данной сферы. Сейчас можно говорить о значительных достижениях, которые характеризуют общий уровень развития системы образования Внутренней Монголии. Регион включен в общегосударственную программу создания ключевых дисциплин и специальностей с учетом этнических особенностей в региональных колледжах и университетах, а также развития научных, инновационных и прикладных специальностей, подготовки высококвалифицированных кадров, владеющих как монгольским, так и китайским языками. Была предложена и реализована «Программа развития ключевых талантов высокого уровня для этнических меньшинств».

В настоящее время по «Программе развития ключевых талантов высокого уровня для этнических меньшинств» обучается 6 041 аспирант и 1 409 докторантов; в колледжах и университетах Внутренней Монголии обучается более 120 000 студентов из числа этнических меньшинств, в том числе 35 000 получивших двуязычное образование; более 10 000 студентов из числа этнических

меньшинств учатся в государственных университетах Китая и университетах Внутренней Монголии [Tang, Liu 2022: 127].

7. Заключение

Образование является стратегическим направлением развития страны, определяющим ее настоящее и будущее. Система образования, ее уровень и качество подготовки кадров обуславливают темпы развития социально-экономической сферы, формируют гражданственность и оказывают влияние на социально-экономическое и политическое развитие страны. Автономный район Внутренняя Монголия имеет историческое значение в плане реализации национальной политики КНР. Первая национальная автономия в составе КНР всегда играла определяющее значение в плане формирования системы подготовки кадров, развития образования национальных меньшинств, стабильного и гармоничного развития северо-восточных регионов страны. Развитие образования для этнических меньшинств рассматривалось на начальном этапе центральным правительством как важная задача, связанная с консолидацией, социально-экономическим прогрессом и общим процветанием всех этнических групп. Многие подходы и решения, апробированные в АРВМ, доказали свою эффективность, и этот опыт стал переноситься в другие регионы страны [Актамов, Дайцинъ 2023: 314–315]. Период упадка и деструкции в период культурной революции сменился своеобразным ренессансом этнической культуры и образования после начала политики реформ и открытости. Национальную политику под руководством КПК в данный период можно охарактеризовать как сбалансированную. Права и свободы, предоставленные этническим меньшинствам в плане развития своей культуры и образования, сочетаются с политикой формирования мультикультурной китайской нации. Новым этапом в развитии образования национальных меньшинств можно считать XVIII съезд КПК, на котором было объявлено, что Китай и далее будет придерживаться пути построения социализма с китайской спецификой. В этом плане особая роль отводится системе образования, которая должна готовить кадры, способные своевременно и компетентно отвечать на возникающие вызовы и угрозы. В сфере национальной политики особое внимание было уделено подготовке кадров высшей квалификации из числа этнических меньшинств. Руководство страны запустило ряд специальных программ для формирования талантов. КПК и правительство КНР на данном этапе реализует национальную политику, направленную на укрепление и развитие межнациональных отношений на основах равенства и единства [Tang, Liu: 2012: 83]. Вместе с тем, очевидно, что эти равноправные отношения могут быть реализованы только при помощи ханьского большинства. Стратегические цели руководства КПК — построение общества сяокан и создание модернизированного социалистического государства, сопряженного с китайской мечтой о великом возрождении китайской нации, имеют общий фундамент в виде системы образования, обеспечивающей планомерное качественное развитие человеческих ресурсов. Взвешенная национальная политика в сфере образования позволит решить не только вопросы обучения и воспитания, но и консолидировать нацию, несмотря на все существующие разногласия и противоречия.

Источники

- Сталин 1946 — *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос. М.: Госполитиздат, 1952. 64 с.
- Neimeng gu menggu zu renkou — 内蒙古蒙古族人口60年来数量和素质获得全面发展 (= Монгольское население Внутренней Монголии за последние 60 лет добилось всестороннего развития в количественном и качественном отношении) // Официальный сайт Правительства КНР [электронный ресурс] // URL: https://www.gov.cn/jrzg/2007-05/28/content_628205.htm (дата обращения: 21.09.2024).

Sources

- Stalin I. V. Marxism and National Question. Moscow: Gospolitizdat, 1952. 64 p. (In Russ.).
- The Mongolian Population in the Inner Mongolia has Achieved Comprehensive Development in terms of Quantity and Quality over the past 60 years. Official Website of the Government of China. Available at: https://www.gov.cn/jrzg/2007-05/28/content_628205.htm (accessed: 21 September 2024) (In Chin.)

Литература

- Актамов 2023 — *Актамов И. Г.* Система образования Автономного района Внутренняя Монголия КНР на начальном этапе государственного строительства // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 358–368.
- Актамов, Дайцинъ 2023 — *Актамов И. Г., Дайцинъ Д.* Система высшего образования Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики в 1950–1960-х годах // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 6. С. 308–324. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-308-324
- Гарри 2009 — *Гарри И. Р.* Религиозная ситуация в Тибетском автономном районе КНР // Религиоведение. 2009. № 4. С. 52–63.
- Деопик, Ганшин 2022 — *Деопик Д. В., Ганшин Б. К.* Мировидение китайских династий: духовная преемственность и разрыв в девизах правлений императоров // Китай: общество и культура. 2022. Т. 1. № 2. С. 7–16.
- Ли 2018 — *Ли Сянянь.* Проблема самоопределения национальных меньшинств в теории и политике КПК (с 1922 г. по настоящее время) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 4. С. 124–130.
- Цыбенков 2018 — *Цыбенков Б. Д.* Культура и образование дауров в первой половине XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2018. Т. 25. С. 115–122.
- Яо 2012 — *Яо Ван.* Образование как инструмент формирования национальной идентичности малых народов КНР // Вестник Московского университета. Серия: Педагогическое образование. 2012. № 3. С. 98–103.
- Fei 1989 — 费孝通. 中华民族多元一体格局. 北京: 中国政治出版社, 1989, 36 页. Fei X. Zhonghua Minzu. Duoyuan Yiti Geju. Beijing: Zhongguo Zhengzhi Chubanshe, 1989. P. 37.
- Hao 2017 — *Hao W.* Inner Mongolia's Legislation Guarantees the Priority Development of Ethnic Education // China Ethnic Education. 2017. № 10. Pp. 53–55.
- Tang, Liu 2022 — *Tang J., Liu J.* An Exploration on the Development of National Education in Inner Mongolia // Pacific International Journal. 2022. Vol. 5 (3). Pp. 123–128.
- Xiaoshi 2023 — *Xiaoshi W.* Pluralistic Unity the Social Life of Duoyuan yiti in China // Inner Asia. 2023. Vol. 25. Is. 1. Pp. 23–38.
- Zhonggong zhongyang tongzhan bu 1991 — 中共中央统战部: “民族问题文献汇编”, 中共中央党校出版社, 1991. 北京: 中央党校出版社. 742页. (= Отдел работы Объединенного фронта ЦК Коммунистической партии Китая: «Сборник документов по национальным вопросам». Пекин: Издательство партийной школы ЦК КПК, 1991. 742 с.)

References

- Aktamov I. G. The Education System of the Inner Mongolia Autonomous Region of China

- at the Initial Stage of State Construction. *Eurasian Yearbook*. 2023. No. 1. Pp. 358–368. (In Russ.)
- Aktamov I. G., Daiqin D. Higher Education System of the Inner Mongolia Autonomous Region (People's Republic of China) in 1950s–1960s. *Nauchnyi dialog*. 2023. Vol. 12. No. 6. Pp. 308–324. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-308-324 (In Russ.)
- Deopic D. V., Ganshin B. K. The Worldview of Chinese Dynasties: Spiritual Continuity and Gap in the Mottos of Emperors' Reigns. *China: Society and Culture*. 2022. Vol. 1. No. 2. Pp. 7–16. (In Russ.)
- Department of Work of the United Front of the Central Committee of the Communist Party of China. In: "Collection of documents on national issues". Beijing: Publishing House of the Party School of the CPC Central Committee, 1991. 742 p. (In Chin.)
- Garri I. R. Religious Situation in the Tibet Autonomous Region of China. *Religiovedenie*. 2009. No. 4. Pp. 52–63. (In Russ.)
- Fei Xiaotong. The Chinese nation is a Single Entity. Beijing: Zhongguo Zhengzhi Chubanshe, 1989. 37 p. (In Chin.)
- Hao Wenting. Inner Mongolia's Legislation Guarantees The Priority Development of Ethnic Education. *China Ethnic Education*. 2017. No. 10. Pp. 53–55. (In Eng.)
- Li Xianyan. The Problem of Self-Determination of National Minorities in the Theory and Policy of the Communist Party of China (from 1922 to the Present). *Bulletin of Volgograd State University*. Series 4 "History. Regional Studies. International Relations". 2018. Vol. 23. No. 4. Pp. 124–130. (In Russ.)
- Tang Jun, Liu Jie. An Exploration on the Development of National Education in the Inner Mongolia. *Pacific International Journal*. 2022. Vol. 5 (3). Pp. 123–128. (In Eng.)
- Tsybenov B. D. Culture and Education of the Daurians in the first half of the 20th century. *Bulletin of Irkutsk State University*. Series "History". 2018. Vol. 25. Pp. 115–122. (In Russ.)
- Xiaoshi Wei. Pluralistic Unity the Social Life of Duoyuan yiti in China. *Inner Asia*. 2023. Vol. 25. No. 1. Pp. 23–38. (In Eng.)
- Yao Wang. Education as a Tool for Forming the National Identity of Small Peoples of China. *Bulletin of Moscow University*. Series "Education". 2012. No. 3. Pp. 98–103. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Iss. 4, pp. 646–655, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-646-655

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(47)

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-646-655

Боевые действия калмыцкой конницы на территории Крымского ханства в 1675 г.

Владимир Толтаевич Тепкеев¹

¹Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

📧 0000-0002-4140-8358. E-mail: tvt75@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Тепкеев В. Т., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются обстоятельства участия калмыцкой конницы в Крымском походе 1675 г. *Целью* исследования является введение в научный оборот новых источников по истории военного дела калмыков, а также по истории русско-калмыцких отношений XVII в., а именно — участия калмыцкой конницы в Крымском походе Каспулата Муцаловича Черкасского 1675 г. Основным *материалом* для данной работы послужили документы фонда 115 («Кабардинские дела») Российского государственного архива древних актов. *Результаты.* В статье последовательно показаны процессы мобилизации русско-калмыцкого войска, опубликованы сведения очевидцев о боевых действиях калмыцкой конницы на территории Крымского ханства в сентябре 1675 г. *Выводы.* Крымский поход Каспулата Черкасского в 1675 г. кардинально не переломил положение в противостоянии Москвы и Крыма, но произвел большой военно-политический эффект, так как это был первый случай, когда «государевы ратные люди» при поддержке калмыков и запорожских казаков достигли крымского полуострова и нанесли противнику ощутимый материальный и людской урон; главной ударной силой объединенного войска были калмыки и запорожские казаки с походной артиллерией; Крымское ханство было уязвимо для ударов мобильной, хорошо вооруженной конницы, но неудачная мобилизация русского войска, отсутствие в составе русской армии массовой легкой кавалерии не позволили организовать полноценный военный поход на территорию Крыма.

Ключевые слова: Крымское ханство, русско-калмыцкие отношения, русско-турецкая война, калмыки, К. М. Черкасский, Аюка

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Тепкеев В. Т. Боевые действия калмыцкой конницы на территории Крымского ханства в 1675 г. // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 646–655. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-646-655

The Military Actions of the Kalmyk Cavalry on the Crimean Khanate Territory in 1675

Vladimir T. Tepkeev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista, 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
 0000-0002-4140-8358. E-mail: tvt75[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Tepkeev V. T., 2024

Abstract. *Introduction.* The article examines the circumstances of the participation of the Kalmyk cavalry in the Crimean campaign of 1675. The *purpose* of the study is to introduce new sources on the history of military affairs of the Kalmyks in the scientific circulation, as well as on the history of the Russian-Kalmyk relations of the 17th century, namely, the participation of the Kalmyk cavalry in the Crimean campaign of Kaspulat Mutzalovich Cherkassky in 1675. The main material for this research was the materials of the Collection 115 (“The Kabardian Affairs”) in the Russian State Archive of Ancient Acts. *Results.* The article consistently shows the mobilization processes of the Russian-Kalmyk army, published eyewitness' information about the fighting of the Kalmyk cavalry on the Crimean Khanate territory in September 1675. *Conclusions.* The Crimean campaign of Kaspulat Cherkassky in 1675 did not radically change the situation in the confrontation between Moscow and the Crimea, but made the great military and political effect, since this was the first time when “sovereign military men” with the support of Kalmyks and Zaporozhye Cossacks reached the Crimean peninsula and inflicted tangible material and human damage on the enemy. Kalmyks and Zaporozhian Cossacks with marching artillery were the main striking force of the combined army; the Crimean Khanate was vulnerable to attacks by mobile well-armed cavalry. But the unsuccessful mobilization of the Russian army, the absence of mass light cavalry in the Russian army did not allow organizing a full-fledged military campaign on the Crimea territory.

Keywords: Crimean Khanate, Russian-Kalmyk relations, Russian-Turkish war, Kalmyks, K. M. Cherkassky, Ayuka

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 “The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups”.

For citation: Tepkeev V. T. The Military Actions of the Kalmyk Cavalry on the Crimean Khanate Territory in 1675. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(4): 646–655. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-646-655

1. Введение

После заключения между Россией и Польшей Андрусовского мирного договора в 1667 г. в Европе была зафиксирована новая расстановка сил. Раздел Украины между Москвой и Польшей никак не отвечал интересам Турции и Крыма, которые также претендовали на этот регион. Все это не могло не привести к дальнейшему военному столкновению. Закончив в 1669 г. войну с Венецией, Турция немедленно вмешалась в украинские дела, поддержав в гражданской войне гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенко. В 1672 г. был подписан Московский II договор, по которому Россия обязывалась оказать военную помощь вчерашнему противнику Польше, но уже в войне против Турции и Крыма.

Целью данной работы является введение в научный оборот новых источников по истории военного дела калмыков, а также по истории русско-калмыцких

отношений XVII в., а именно – участие калмыцкой конницы в Крымском походе Каспулата Муцаловича Черкасского 1675 г. Событие это довольно малоизвестное в историографии, хотя в разные годы выходило ряд работ по данной теме [Посольские 2024; Максимов 1993; Тепкеев 2018; Фаизов 1993].

2. Материалы и методы

Важным источником к данной работе стало дело из фонда 115 («Кабардинские дела») под названием «Книга, содержащая приезды в Москву от князя Каспулата Черкаскаго ...» Российского государственного архива древних актов [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1]. Здесь содержатся материалы устных и письменных сообщений кабардинского князя в Посольский приказ, доставленных его людьми, узденями или лично от самого князя. Особенно большую ценность для нас представляют его сведения о мобилизации и боевых действиях калмыцкой конницы против турецких и крымских сил в 1675 г. В фонде также представлены показания пленных крымских татар, очевидцев крымского похода К. М. Черкасского, данные ими в Москве. Ранее этот материал не вводился в научный оборот в том виде, в каком он представлен в данной статье. В дальнейшем эта тема требует более глубокого исследования на основе новых архивных источников. Достоверность этих сведений проверялась методом выявления происхождения источников, их сравнения и сопоставления с другими данными, содержащими сходную информацию.

3. Подготовка к походу

В начале 1675 г. 30-тысячная крымскотатарская конница под началом хана Селим-Гирея I вторглась на Украину, взяла в осаду Чигирин и двинулась далее на Польшу. Создалась ситуация, когда непосредственно само ханство оказалось малозащищенным, чем не могло не воспользоваться московское правительство. Намечалось наступление русской армии на Крым, но в силу ее малой мобильности было решено привлечь для наступления легкую иррегулярную конницу, которую должны были составить в первую очередь казаки и калмыки. Такой план вполне вдохновил калмыцкого правителя Аюку, и поначалу он вызвался лично возглавить калмыцкое войско, если многочисленная русская армия выступит на Крым [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 2. Л. 19–20, 24, 47].

С этой целью весной в 1675 г. в калмыцкие улусы срочно был отправлен царский представитель — стряпчий Кузьма Козлов, который на переговорах с Аюкой и другими тайшами заручился их поддержкой. Организация похода возлагалась на князя Каспулата Муцаловича Черкасского, имевшего довольно тесные отношения с Аюкой и боевой опыт при проведении подобных военных мероприятий. К. Козлов обнадежил Аюку тем, что русское войско будет состоять из 50 тыс. человек, куда войдут астраханские, терские, уфимские, донские отряды, а также ногайские и акинские мирзы.

Аюка, ранее изъявлявший желание лично принять участие в крымском походе, отказ свой мотивировал возникшей угрозой его улусам: *черные калмыки с ним не в миру, и опасен приходу их на свои улусы* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 2. Л. 64]. Вызвано это было, скорее всего, его разочарованием малочисленностью

русского войска, так как ранее на русско-калмыцких переговорах озвучивалась цифра в 50-тысячную армию. Руководство 10-тысячным калмыцким войском в походе Аюка возложил на своего младшего брата Ике-Замсу и дербетского Солом-Церена. Последний под предлогом болезни также отказался от участия, направив вместо себя сына Менке-Темира. С 15 по 20 августа калмыцкие отряды из улусов стали стекаться к Волге и переплываться, двигаясь к реке Сал для сбора. В авангарде этого движения находился отряд из 100 человек под началом известного Мазан-Батура [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 2. Л. 36–37, 64].

При планировании похода К. М. Черкасский рассчитывал на быстрый конный переход к территории Крымского ханства, путь к которому мог занимать около 25 дней. Для этого он даже оставил в Царицыне полевую артиллерию, которая могла значительно замедлить движение войска. В письменных реляциях в Москву он беспокоился за недостаточное военное обеспечение, прося выделить в дополнение к уже имевшимся запасам еще 40 пудов пороха и свинца, мотивировав это тем, что у тайши Аюки имеются 2 тыс. человек с «огненным боем». Поскольку подготовка к военному походу шла в тайне, князь запретил своим подчиненным о нем распространяться местному населению [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 2. Л. 38, 65; РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 122об., 124об.].

Однако ранее объявленная информация о численности русской армии в 50 тыс. человек не получила подтверждение, а отряд К. М. Черкасского насчитывал всего 740 человек, который 23 августа вышел из Царицына. Причиной такой малочисленности русского войска стали массовая неявка «государевых людей» на службу, дезертирство, отсутствие или недостаточное обеспечение конским составом и другие обстоятельства. Сбор русско-калмыцкого войска намечался на реке Сал, левом притоке Дона. Однако калмыцкие тайши, разочаровавшись «малолюдством» русского отряда, пересмотрели условия и своего участия в намечавшемся крымском походе. Ике-Замса и Менке-Темир со своими отрядами вернулись в улусы, а Мазан-Батур сформировал из оставшихся калмыков отборный отряд в 1 000 «пансырников». Об этом калмыцком тайше в письменных реляциях в Москву подчеркнуто сообщалось: *а Мазан Батыр — человек ратной и во всех улусах знатной промышленник* [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 244об.], *особой калмыцкой тайша* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 4. Л. 251].

4. Боевые действия в Крыму

О результатах крымского похода вскоре стали поступать сведения в Москву из разных источников. В октябре 1675 г. в Москву с вестью от князя К. М. Черкасского и воеводы И. Леонтьева о результатах крымского похода прибыл жилец Софрон Любавской. Из его слов известно, что русско-калмыцкое войско выдвинулось из Царицына в конце августа 1675 г. Двигаясь степью вдоль Северского Донца, войско достигло реки Молочные Воды. Поскольку в этом районе войско застиг сильный степной пожар, а также известие о бегстве из их войска в Крым некоего кумыка «о трех конех», человека К. М. Черкасского, общее командование приняло решение: так как они лишились фактора внезапности, то нужно все-таки идти в Запорожскую Сечь за содействием местных казаков. В Запорожье произошла знаковая встреча, когда К. М. Черкасский, Мазан-Батур

лично встретились с легендарным кошевым атаманом Иваном Серко и получили его поддержку: *видя их к себе приход, обрадовался и запорожцам всем, на коше будучим, велел в поход готовитца* [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 303об.].

На третий день объединенное войско выдвинулось из Сечи в сторону Перекопа. По данным Софрона Любавского, численность «государевых ратных людей», состоявших из астраханцев, уфимцев, терцев и окончан, составляло всего 240 человек. Калмыков было 1 000 человек. Запорожских казаков во главе с И. Серко числилось 2 500 человек с тремя полковыми пушками [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 303об.–304]. По мнению Н. Н. Максимова, численность объединенного русско-калмыцко-запорожского войска могла составлять в пределах 3–4 тыс. человек [Максимов 1993: 82–83].

Далее С. Любавский сообщает, что на четвертый день войско подошло к Перекопу, в район «Глиняного моря», которое еще называли «Чювашским», скорее всего, имелось в виду озеро Сиваш или «Гнилое море». На одном из его участков участники похода проложили себе путь на полуостров с помощью песка и камыша и таким образом сумели к Перекопу подойти с тыла. Здесь К. М. Черкасский и И. Леонтьев, оставив с собой небольшое количество людей, направили основную часть войска, калмыков и запорожцев, *для промыслу над неприятели в дальные места*, т. е. в набег вглубь полуострова [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 304]. Далее С. Любавский сообщает следующие подробности этого набега:

И были де те посольщики в самом Крыму, за Каменным мостом. И крымских татар побили, и конские животинные стада отогнали многие. А сел и деревень пожгли и попустили во все стороны верст на 30 и больше. А позади де Старые Перекопи от тех мест, где стоял князь Каспулат Муцалович и стольник и воевода, в стороне верстах в 30 стоял для опасения приходу их в шатрах салтан, а с ним ханов сын и многие мурзы. А с ними ратных крымских людей немалое число. И калмыки де напав на них, ратных их людей побили и шатры и бунчук взяли. А сам де салтан и мурзы ушли с небольшими людьми. И те де шатры и бунчук ныне у калмыков.

И как де того ж дни учали калмыки и черкасы из загонов ко князю Каспулату собиратца и переправиватца из-за Перекопи на свою сторону, и в Крыму почаяли, что за Перекопью остались небольшие люди. Собрався, крымские салтаны и знатные мурзы, а с ними татар с 600 человек пришли на князь Каспулата Муцаловича боем. И великого государя ратные люди учинили с ними бой и милостию де божиею и великого государя, его царского величества счастьем тех салтанов и мурз и татар побили, мало что не всех. И одного из них, мурзу Мансурова, взяли раненого. А великого государя из ратных людей не убит не один человек, только поранен один человек, уфинец. Да калмыков 12 человек, да уздень один человек пропали за Каменным мостом в загонах. А русского де полону отбили 300 человек и больше. Да ясырю крымского, малых робят, взяли с 400 человек, а больших де татар не имали, всех рубили [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 304об.–305].

Из текста самой «отписки» К. М. Черкасского, которую доставил в Москву С. Любавский, нам известны некоторые другие подробности. Так, оказалось, что кумыкский перебежчик по имени Курман бежал из их войска в Крым ночью 12 сентября на трех лошадях. Поскольку их войско было по численности небольшим, командование приняло решение не рисковать и заручиться воен-

ной поддержкой запорожцев. Правда, К. М. Черкасский атамана Ивана Серко в своей отписке именует уже «запорожским гетманом». В отличие от сведений С. Любавского о численности русского отряда К. М. Черкасский называет другую цифру — 546 человек. На территорию Крыма объединенное войско вошло 23 сентября через Гнилое море и Перекоп [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 307об.–308об.]. Далее К. М. Черкасский сообщает следующие подробности:

И крымские люди, проведая про нас, холопей твоих, приход, поставили в Крыме на две заставех крымских ратных людей. И за помощью божию [...] мы, холопы твои, с ратными людьми те две заставы збили и татар побили, и бунчюк и шатры взяли. И на том бою убито двенадцать человек калмык. И крымские улусы воевали, жгли и секли, и в полон имали. И мы, холопы твои, воевав в крымских улусех, пошли назад со всеми твоими великого государя ратными людьми. И как пришли к Перекопи, крымские ратные люди, собрався три салтана крымских, с крымскими ратными людьми пришли на нас, холопей твоих. И мы, холопы твои, с твоими великого государя ратными людьми бой с ними дали и их побили. Да на том же бою взяли Батыря мурзу Мансурова, да татарина раненых. И татарин от ран на дороге умер. Да на том же бою мой, холопа твоего, Каспулатков уздень Сетей убит. А твоих великого государя ратных людей никого не убито и в полон не взято [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 308–308об.].

О краткосрочности крымского похода говорит тот факт, что, как сообщает К. М. Черкасский, в Запорожье они вернулись уже 27 сентября. Захваченный в бою крымский бунчук и шатры не стали отправлять в Москву, так как калмыки Мазан-Батура оставили их у себя. 29 сентября из Сечи русско-калмыцкой войско двинулось в сторону Царицына [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 309–310].

Особый интерес, конечно, представляет текст документа допроса взятого в плен мирзы Батырши Мансурова, который был также отправлен К. М. Черкасским в Москву.

А в роспросе первой человек сказался, зовут ево Батыр мурза, Сытланов сын, Мансуров. Как де приходил князь Каспулат Муцалович Черкасской с товарищи великого государя с ратными людьми на крымские улусы войною, и, проведая де про приход великого государя ратных людей, крымские три салтана — Изва Гирей, Умареск Гирей, Давлет Гирей — собрався с крымскими ратными людьми и он, Батыр мурза с ними ж, пришли против государских ратных людей и учинили будучи в Крыме с государскими людьми бой. И на том бою тех крымских ратных людей побили две заставы. И ево де Батыр мурзу взяли ранена.

Да он же в роспросе сказал. Как де ханов сын, Давлет Кирей, пришел в Крым из Чигирина от Дорошенка, а с ним де пришло крымских ратных людей четыре тысячи. А как де крымской хан пошел войною в Польшу, а после себя оставил в Крыму калгу Салтана.

Да он же в роспросе сказал, как де пришел в Крым князь Каспулат Муцалович Черкасской с товарищи, с ратными людьми, и в Крым прибежал к салтану калге с вестью кумыченин. А сказал, что идет де князь Каспулат Муцалович Черкасской с товарищи, с ратными людьми, войною. А сказал тот кумыченин про тех ратных людей до приходу за три дни. И они де крымские люди, послыша великого государя ратных людей, многие разбежались улусные люди в города и в крепкие места.

Да он же мурза сказал. А как де зберутца калга Салтан з большимии ратными людьми к перекопи, и они де хотели послать ис тех людей в Чигирин к Дорошенку половину. А будет де зберутца небольшие люди, и они де посылать не хотели. А ныне де в Чигирине крымских ратных людей нет.

Да он же мурза сказал. Хан де крымской в польской земле взял тринадцатъ городов. А ис Крыму калга Салтан послал х крымскому хану для проводыванья, что будет ли хан в Крым зимовать или в Польше станет зимовать. И о том де от хана в Крым вести не бывало.

А ему, мурзе, про то все ведомо, что де он был с хановым сыном в Польше и в Чигирине. И ходили де они под Киев дважды и ничего де под Киевым не учинили. А про приход князя Каспулата Муцаловича Черкаского с товарищи наперед сего послал калга Салтан х крымскому хану посыльщика. И тот де посыльщик при нем в Крым не бывал [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 310–311об.].

В ноябре 1675 г. в Посольский приказ прибыли посланники князя Айдемира Черкаского, участника крымского похода, которые привезли с собой два трофейных крымскотатарских шатра и пленного крымского татарина, захваченного в бою из отряда мирзы Батырши Мансурова. Пленником оказался «черный татарин» Деюлгендин, живущий недалеко от Перекопа, который находился на крымской заставе в отряде Батырши Мансурова. О вторжении русско-калмыцкого войска К. М. Черкаского на крымский полуостров он сообщил следующие подробности:

И как де приходил в Крым великого государя с ратными людьми князь Каспулат Муцалович Черкаской и с калмыки, и в Крыму села и деревни многие выжгли. И в то де время Батырша Мансуров, собрався с крымскими татары, выходил с тремя тысячи против государевых ратных людей. И у Соляного де моря учинился бой. И на том бою государевы ратные люди и калмыки крымских людей побили мало, не всех. А ухощов де в Крым, чаёт он, небольшое место. А он-де, Деюлгендин, взят на том бою. А взяли де ево Айдемира мурзы Черкаского уздени. Да и мурзу де Батырша великого государя ратные люди в полон взяли ж. А о приходе де великого государя ратных людей дал в Крыму вестъ терской житель татарин же. А есть ли б де тот татарин вести не дал, тогда б де Крым был разорен, мало что не весь, потому что в Крыму хана в то время не было и приходу князь Каспулата Муцаловича в Крыму не чаяли, и опасения никакова не имели [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 404об.–405об.].

Четверо других пленных крымских татарина, Клыш Казыев, Копай Кутлумамаметев, Молты Асанов, Еш Казыгласов, живших в деревнях, которые находились в 10-ти верстах от Перекопа, были захвачены калмыками по дороге, когда они направлялись на крымскую заставу. По их словам, крымский калга предпринял ряд действий, отправив войско под началом двух «начальных людей», чтобы выбить передовые отряды калмыков из деревень, которые они активно сжигали, убивая и захватывая в плен местных жителей.

А калга де в то время был в Ак-мечети, а ратных людей при нем не было, потому что все мурзы, и нурадын, и ратные люди были с ханом в польской земле. А в Крыму было малоллюдно, всего з 10 000 человек. А как де у князь Каспулата Муцаловича был бой с крымскими людьми у Перекопи и з Батыршею де мурзою Мансуровым было

татар с 1 000 человек. А они де бежали к нему ж в полк. И Батыршу де мурзу князь Каспулат Муцалович взял в полон, а татар, которые с ним были, побил всех. А уходцов де в Крым, чают они, немного. А про приход де государевых ратных людей дал весть калге терской татарин. А да той вести про тот приход в Крыму было неведомо и опасения де никакова не имели. А есть ли б де с князь Каспулатом Муцаловичем были люди большие, то б де, чают они, что б Крым был разорен и до Бакчисарай и до самого моря. И отпору де дать было некому. А сел и деревень загоном калмыки и уздени в Крыму пожгли верст на тридцать и больши, да и те де деревни, где и они жили, выжжены ж. А ясырю де взято мужеского и женского полу, чают они, у калмык и русских людей с триста человек и больши. А про крымские де вести, тако ж и про польские, сказали ни про что не ведают, потому что де они с ханом и с мурзами в Украине и в польской земле в войне нигде не бывали, а жили в деревнях своих [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 406–407].

5. После похода

Опустошив близлежащую местность от Перекопа, командование объединенного войска приняло решение не наступать вглубь полуострова, а возвращаться в Запорожскую Сечь, поскольку собственных сил было мало и все еще существовала опасность возвращения основной крымской армии из Польши. На Украине этот поход возымел большой политический эффект. Так, атаман Иван Серко сообщал гетману Ивану Самойловичу об успехе крымского похода: *немалую часть неприятельскую, противу нас изготавившуюся, разбили, села их огнем попустишили, добычи их и самих их живьем в полон набрав, душ христианских немало свободили из неволи, а сами в целости своего войска безо всякого урону на кош пришли [Акты 1882: 260].*

Организованно отступив от Перекопа в сторону Сечи, К. М. Черкасский и воевода И. Леонтьев отправили с «отписками» своих представителей в Москву с извещением об успешном крымском походе. В состав делегации вошли, помимо Софрона Любавского, и 5 кабардинских узденей, 20 калмыков, 7 астраханских стрельцов и 5 гребенских казаков. Кошевой атаман Иван Серко также отправил своего представителя — полковника Лукьяна Андреева с 20 человек [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 305–305об.].

Русско-калмыцкое войско возвращалось на Дон, в Черкасск, той же дорогой, какой направлялось в Сечь. Пленного мирзу Батырши Мансурова решили не отправлять с делегацией в Москву, так как он был сильно ранен. К. М. Черкасский принял решение взять его с собой в Астрахань. На Запорожье остался только отряд донских казаков из 50-ти человек под командой атамана Флора Минаева, который также участвовал в крымском походе [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 306–306об.].

В составе общей делегации, отправленной в Москву, были и 20 калмыков под началом Буянчатая от тайши Мазан-Батура [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 309, 313]. В октябре 1675 г. она благополучно добралась до Москвы, и в благодарность за службу правительство пожаловало калмыкам по лисьей шапке и «портицу» сукна на человека [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 410].

Что касается судьбы пленного мирзы Мансурова, то он находился у калмыков Мазан-Батура, который категорически отказался отдавать его К. М. Черкасскому, желавшему отправить знатного пленника в Москву. Мирзу в дальнейшем кал-

мыки по инициативе крымской стороны обменяли на калмыков, захваченных в плен на территории Крымского полуострова во время их рейда. Позже Мансуров объявляется в турецком Азове, что подтверждает состоявшийся обмен. Действительно, пленных калмыков освободили и они оказались в Запорожской Сечи, откуда их доставили в Москву с последующей выдачей их калмыцким посланникам [Тепкеев 2018: 49].

6. Заключение

Крымский поход Каспулата Муцаловича Черкасского в 1675 г. кардинально не переломил положение в противостоянии Москвы и Крыма, но произвел большой военно-политический эффект, так как это был первый случай, когда «государевы ратные люди» при поддержке калмыков и запорожских казаков достигли Крымского полуострова и нанесли противнику ощутимый материальный и людской урон. В одной из грамот на имя царя руководитель Посольского приказа Артемон Сергеевич Матвеев отмечал: *а прежде сего никогда ваши государские ратные люди в Крым не хаживали, и славы в том походе такой имени вашему государскому не бывало* (цит. по: [Максимов 1993: 85]).

Сведения очевидцев показывают, что главной ударной силой объединенного войска были калмыки и запорожские казаки с походной артиллерией. «Государевы ратные люди» и донские казаки в основном составляли военный лагерь и прикрывали тыл наступавшим частям.

Подобные военные мероприятия показали, насколько уязвимо Крымское ханство для ударов мобильной, хорошо вооруженной конницы. Но неудачная мобилизация русского войска, отсутствие в составе русской армии массовой легкой кавалерии не позволили организовать полноценный военный поход на территорию Крыма. В следующий раз русская армия под командованием генерал-фельдмаршалов Х. А. Миниха и П. П. Ласси ворвется на территорию Крымского полуострова только в ходе Русско-турецкой войны 1735–1739 гг., и в 1737 г. в ее рядах также будет находиться 4-тысячная калмыцкая конница.

Источники

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Sources

Russian State Archive of Ancient Acts.

Литература

- Акты 1882 — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 12: 1675–1676. СПб., 1882. [6] с., 20, 874 стб., 15 с.
- Максимов 1993 — Максимов Н. Н. Проект русского наступления на Крым в годы Польско-турецкой войны (1672–1676) // Славянский сборник. Вып. 5. Саратов: Саратовск. ун-т, 1993. С. 66–76.
- Посольские 2024 — Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1675–1677, 1683–1684 гг.: сб. док. / сост., авт. предисл. В. Т. Тепкеев. Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. 372 с.
- Тепкеев 2018 — Тепкеев В. Т. Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.
- Фаизов 1993 — Фаизов С. Ф. Участие России и Крымского ханства в польско-турецкой войне 1672–1676 гг. // Славянский сборник. Вып. 5. Саратов: Саратовск. ун-т, 1993. С. 98–116.

References

- Acts Relating to the History of Southern and Western Russia, Collected and Published by the Archaeographic Commission. Vol. 12. 1675–1676. St. Petersburg, 1882. 15 p. (In Russ.)
- Ambassadorial Books on Russia's Relations with the Kalmyk Khanate. 1675–1677, 1683–1684. Collection of Documents. V. Tepkeev (comp., foreword). Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2024. 372 p. (In Russ.)
- Faizov S. F. Participation of Russia and the Crimean Khanate in the Polish-Turkish War of 1672–1676. *Slavic Collection*. No. 5. Saratov: Saratov University, 1993. Pp. 98–116. (In Russ.)
- Maksimov N. N. Project for the Russian Offensive on Crimea during the Polish-Turkish War (1672–1676). *Slavic Collection*. No. 5. Saratov: Saratov University, 1993. Pp. 66–76. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Ayuka Khan and his Time. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 366 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 4, pp. 656–667, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-656-667

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94 (517)

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-656-667

Женщины нойонского сословия в Калмыцком ханстве в XVIII в.: к истории повседневности

Максим Манчиевич Батмаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2233-0647. E-mail: batmaev44[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Батмаев М. М., 2024

Аннотация. *Введение.* О положении калмыцких женщин в быту и общественных отношениях в XIX – начале XX вв. встречаются довольно содержательные иллюстрации в дореволюционной исторической литературе о калмыках. XVIII в. был важным этапом в становлении новых реальностей в калмыцкой повседневности, а в связи с этим в развитии социально-психологической ментальности. Проживание на юге Европейской России, где в менталитете местного населения большое место занимал дух казачества и беглого крестьянства, не могло не повлиять на калмыков, в том числе и на их женщин. *Целью* статьи является освещение реального положения нойонш в XVIII в. и выявление новых социально-бытовых условий их жизни. *Материалы и методы.* Для достижения поставленной задачи использованы дореволюционные исторические работы и по большей части впервые вводимые в научный оборот архивные материалы. При изучении использованного документального материала применялись историко-сравнительный и историко-генетический методы. *Результаты.* В XVIII в. калмыцкие нойонши постепенно освобождались от некоторых стеснительных для них обычаев и бытовых предписаний. Вместе с тем меняющиеся социально-бытовые условия вводили в положение нойонш новые обстоятельства. Подобный процесс приводил к разладу в нойонских семьях и давал возможность вмешательства в эти распри российской администрации, действия которых не всегда были корректны.

Ключевые слова: женщины-калмычки, социально-бытовая реальность, калмыцкая семья, нойонши

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Батмаев М. М. Женщины нойонского сословия в Калмыцком ханстве в XVIII в.: к истории повседневности // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 656–667. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-656-667

Women of the Noyon Estate in the Kalmyk Khanate in the 18th Century: towards the Everyday Life History

Maksim M. Batmaev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
 0000-0002-2233-0647. E-mail: batmaev44[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Batmaev M. M., 2024

Abstract. *Introduction.* There are good sketches about the status of the Kalmyk women in everyday life and social relations in the 19th and early 20th centuries in the pre-revolutionary historical literature on the Kalmyks. The 18th century was an important stage in the formation of new realities in the Kalmyk everyday life and in this regard in the development of socio-psychological mentality. Living in the south of the European Russia, where the spirit of the Cossacks and the fugitive peasantry had a great place in the mentality of the local population, could not fail to affect the Kalmyks, including their women. The *aim* of the article is to highlight the real situation of the Noyon women in the 18th century and to reveal the new social and living conditions of their life. *Materials and methods.* To achieve this goal, the relevant literature and, for the most part, archival materials introduced into scientific circulation for the first time were used. Historical, historical-comparative and historical-genetic methods were used in the study of the documentary material. *Results.* In the 18th century the Kalmyk noyons gradually got rid of some of the customs and household regulations that were embarrassing for them. At the same time, the changing social and living conditions introduced new circumstances into the situation of the noyon women. Such a process led to discord in the Noyon families and made it possible for the Russian administration to intervene in these feuds. Its actions were not always correct.

Keywords: Kalmyk women, social and domestic reality, Kalmyk family, Noyon women

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134- 6 “The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups”.

For citation: Batmaev M. M. Women of the Noyon Estate in the Kalmyk Khanate in the 18th Century: towards the Everyday Life History. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(4): 656–667. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-656-667.

1. Введение

О положении калмыцких женщин в быту и общественных отношениях в XIX – начале XX вв. встречаются довольно содержательные иллюстрации в дореволюционной исторической литературе о калмыках. XVIII в. был важным этапом в становлении новых реальностей в калмыцкой повседневности, а в связи с этим в развитии социально-психологической ментальности. Проживание на юге Европейской России, где в менталитете местного населения большое место занимал дух казачества и беглого крестьянства, не могло не повлиять на калмыков, в том числе и на их женщин.

И. Г. Георги, участник второй волны академических экспедиций 1768–1774 гг., писал, что у калмыков «женский пол из дворянства называется белым, а из простолюдинов черным мясом» [Георги 1799: 6]. Кажется, что здесь маститый ученый оговорился или имеет место неправильный перевод. Скорее всего, здесь

имеется в виду известное деление калмыцкого населения на белую и черную кость. Зато мы должны с уважением и некоторой признательностью принять его убеждение в том, что «у калмыков женский пол содержится весьма хорошо, и в обхождении очень смел» [Георги 1799: 15].

В благожелательном тоне отзывался о калмычках и вообще обо всех калмыках Н. А. Нефедьев. Приведем один подобный отзыв целиком, так как из-за сокращения он может потерять стройность и убедительность. «Полная свобода женщин и худая оценка со стороны калмыков добродетелей прекрасного пола не подает повода к разрушению благонравия. Напротив того, там не найдешь примера, который гласностью непозволительных связей или явным пренебрежением целомудрия служил бы для других открытым соблазном. Вообще о калмыках можно сказать, что они при самой полудикости (тогда многие думали так. — М. Б.) их, во всем том, что представляется пороком или неблагопристойностью, стараются быть осторожными» [Нефедьев 1834: 179].

Целью статьи является освещение реального положения нойонш в XVIII в. и выявление новых социально-бытовых условий их жизни, поэтому кратко осветим обычай воспитания нойонских детей и некоторые обычаи, касающиеся женщин-представителей сословия нойонов, а затем остановимся подробнее на одной из их представительниц, которая выделяется своими поступками из общего ряда.

2. Материалы и методы

Для достижения поставленной задачи использованы соответствующая литература и по большей части впервые вводимые в научный оборот архивные материалы из следующих архивных фондов центрального и местного архивов: Ф. 119 «Калмыцкие дела» Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ); Ф. И-33 «Калмыцкая канцелярия, г. Астрахань», Ф. И-34 «Астраханское калмыцкое правление», Ф. И-35 «Калмыцкая экспедиция при Астраханской губернской канцелярии», Ф. И-36 «Состоящий при „Калмыцких делах“ при астраханском губернаторе» Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК). При подготовке статьи использовались системный, сравнительный и функциональный методы.

3. Результаты

3.1. Обычай воспитания нойонских детей. Права и запреты в отношении женщин

Сразу после рождения или же вскоре после него (в архивных материалах об этом точно не сказано) отпрыск нойонской семьи, как мужского, так и женского пола, поручался заботам выбранной родителями семьи кормильца, обычно из семьи зайсангов или же из духовных людей. Так, в одном из архивных дел говорится о Санжи гелюне, «которому дана для воспитания Дунду Гунбина (Дондук-Омбо. — М. Б.) дочь, а сын ево, Санжи геленов Дамдин, всегда во услугах при Дунду Гунбе» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 42. Л. 57]. Из письма Дондук-Даши генерал-лейтенанту И. Ф. Барятинскому, которому в то время поручено улаживание междоусобиц нойонов, следует, что «... Баксадаева сына кормилицу бабу

летом как взяли, то вы обещали после того отпустить» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 52. Л. 358]. Речь идет о сыне Бакадая-Доржи, в крещении Петре Тайшине.

Самый младший сын Дондук-Омбо Джубасар был отдан «на пропитание Отхуну зайсангу» [НА РК. Ф. И-36. Д. 134. Л. 134]. Сын последнего наместника ханства Убаши находился на воспитании у Бакши-гелюна, который считался калмыками «главным из духовных» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 218. Л. 88]. Во время событий января 1771 г. в записи одного допроса говорится: «Причем слышал он [, что] „Аджагул, что Башин кури лама Шампин-Эмчи, у которого наместниковы дети, сын и дочь, воспитываются, не хотел от Волги кочевать“, но заставлен насильно» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 424. Л. 24]. Нойон Цагалай, бывший в 1788 г. заседателем астраханского нижнего земского суда, сообщал, что 26 кибиток его подвластных «сего года, 1788, мая в последних числах из того уезда (Черноярского. — М. Б.) с кибитками бежали и увезли малолетнюю мою дочь, находящуюся у одного из них на воспитании» [НА РК. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 24. Л. 24].

Сведения о том, какие права или запреты налагались на нойонш в повседневной социально-бытовой сфере, мы не обнаружили в архивных материалах, но вот что пишет на этот счет П. И. Небольсин: «Калмычка не скрывает лица от посторонних взглядов; она молится в хуруле вместе с мужем и сыновьями; она может затевать игры с чужими мужчинами» [Небольсин 1852: 117]. П. И. Небольсин также отмечает, что женщина-калмычка являлась полной распорядительницей в своем доме; женщина, будь то жена или дочь, сама угощала почетных гостей, причем от ее потчевания нельзя было отказаться. Предложение женщины выпить чашку теплой арзы, только что выгнанной ею, нельзя было отвергнуть, так как такой отказ считался тяжкой обидой дому. Особое отношение отличало бытовые отношения, связанные с конем кочевников. Считалось, что женщина не должна седлать коня, это обязан выполнять мужчина, он должен полностью экипировать лошадь и подвести ее к женщине. Мужчины любого сословия не имели права даже простой женщине передать своего коня, чтобы она его держала за повод. При этом каждый мужчина, даже если это был бы сам нойон, заметив, что встретившаяся ему женщина хочет сойти со своего коня, должен был спешиться и помочь ей сойти с седла [Небольсин 1852: 118].

Отношение к женщине отражено в различных этикетных ситуациях, упоминаемых исследователем. Так, мужчина, приглашавший женщину на танцы, должен был встать перед ней на колени, приложив при этом руку ко лбу, потом слегка коснуться колена приглашаемой. Женщина, приглашая мужчину к танцам, слегка склонялась перед ним и касалась рукой его плеча. Замужняя женщина благодарила мужчину, проводя правой рукой по чехлу, который облекал ее правую косу; девушка в подобной ситуации благодарила молча, глазами. Мужчина же в ответ женщине должен был особым образом ее благодарить, соединив большой палец правой руки с указательным, приложив их ко лбу. Женщина не должна была перешагивать через мужские ноги, через нагайку, укрюк или винтовку, нельзя было задеть их подолом, а также коснуться блюд с пищей и чашек с вином. Нельзя было самовольно сесть при старших родственниках, начинать разговор без их приглашения к тому. Женщина никогда и ни перед кем не должна была сидеть в развязной позе, подвернув обе ноги под себя калачиком. И, наконец, женщина не имела нагайки, она могла использовать только плетъ [Небольсин 1852: 117–119].

Удивительно, но даже Н. Я. Бичурин утверждал, что калмыки не знали ни домоводства, ни земледелия [Бичурин 1991:108]. К. И. Костенков также упрощал положение женщин времен ханства, когда писал: «Работа женщин ограничивается шитьем тулупов, обуви, платья, кожаной посуды: ведер, бартога (бутылей), валянием кожи (войлоков) для покрывания кибиток, плетением тесьмы из шерсти и шелку с серебром для украшения одежды и т. п.» [Костенков 1870: 134].

Почему же названные авторы, да и не только они, не упоминают хотя бы работы по содержанию скота и уходу за детьми? Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что главной ошибкой досоветских авторов, писавших о калмыках, было занижение ими уровня социально-политического и культурного развития. Даже Н. Н. Пальмов был убежден, что «рассматривая ойратские законы 1640 года, нельзя не признать, что определяемый ими быт носит все признаки, присущие патриархально-родовой жизни» [Пальмов 1929: 12].

Представляется, что если и не все, то определенная часть этих предписаний соблюдалась и нойоншами, правда, согласно своей социальной принадлежности.

Так, Н. А. Нефедьев отмечал: «Нойоны и зайсанги, вернее, некоторые из них, почти никогда не оставляют кибиток своих; сидят, поджавши ноги, и попеременно перебирают четки, курят табак и — едят. Другие разнообразят иногда праздность слушая сказки, или выезжают в поле на охоту с гончими собаками и балабанами (охотничьими птицами. — М. Б.)». [Нефедьев 1834: 119]. Некоторые нойонши могли вести себя так же.

В XVIII в. в среде нойонш начались процессы постепенного их освобождения от некоторых стеснительных для них предписаний. Так, полковник Н. Г. Спицын, руководивший в 1740-х гг. Калмыцкими делами, в доношении Коллегии иностранных дел от 23 ноября 1747 г. сообщал: «... ныне вошло у них в обычай, что от многих знатных владельцев жены своевольно отходят и выходят в замужество за других, за кого пожелают» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 218. Л. 114].

Наместник Убаши в октябре 1763 г. писал в ту же Коллегию, что «прежде, по обыкновению их (т. е. калмыков. — М. Б.), женщины отделенными сыновьям их частями довольствовались. Чакдорчаб и Чемет (брат Аюки. — М. Б.) имели многих жен, которым улусы свои разделяли по частям и оными всеми вообще сами владели» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 364. Л. 525].

При этом супруги у представителей владельческого сословия весьма часто происходили из иной, нежели их мужья, субэтнической группы, и семейные раздоры отражались и на внутренней ситуации в ханстве. В этой связи Екатерина II обратилась с грамотой от 12 августа 1762 г. к наместнику и его окружению. В грамоте говорилось о том, что вследствие ссор владельцев с супругами возникают междоусобицы («столкновения») между родственниками с обеих сторон. Такие дела нужно также решать в реорганизованном Зарго, и, если понадобится, для решения определенных дел привлекать дополнительных людей, причем по бракоразводным делам к судьям необходимо присоединять дополнительно людей с обеих сторон (мужа и жены) и от духовенства [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 346. Л. 112–125]. Императрица отмечала, что «наставление» дано, чтобы пресечь «холодности» «между торгоутскими, дербетовскими, хошеутовскими и вновь пришедшими зенгорскими владельцами» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 346. Л. 121об.]. Особого значения эта грамота не имела: столкновения и ссоры среди владельцев продолжались.

3.2. Женитьба на нойонше как способ приобрести улус: история Даши-Бирюнь

В октябре 1724 г. через укрепленную Царицынскую линию перешли и кочевали с Досангом четыре его мачехи, в том числе Даши-Бирюнь [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 11. Д. 6. Л. 268об.]. Она являлась по рождению джунгаркой и была выдана замуж сначала за Гунчжаба, затем за Гунделека, хотя последний по договоренности должен был жениться на Дарме-Бале, на которой позже женился отец Гунделека — хан Аюка [Бакунин 1995: 27]. После его смерти Даши-Бирюнь была замужем за его старшим братом Чагдорджабом — отцом Досанга.

После смерти Чагдорджаба на Даши-Бирюнь хотели жениться еще один брат ее супругов Церен-Дондук, сыновья Чагдорджаба Досанг и Баксадай-Дорджи. Аюка спрашивал ее мнения, и та ответила, что до достижения совершеннолетия своего сына замуж не будет выходить, так как она желает передать ему улус багацатанов, на который может претендовать тот, кто пожелает стать ее следующим супругом. Аюка оставил решение за ней по этому вопросу. После смерти же хана его вдова Дарма-Бала, подозревая, что якобы Даши-Бирюнь хочет уйти к Досангу (претендовавшему на престол), отобрала ее сына и дочь и отдала Эмчи-гелюну, при этом около 200 кибиток они распределили между собой [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 144].

С этого момента за жизнью Даши-Бирюнь организовали негласное наблюдение. Вскоре появилось известие о том, что Нитар-Дорджи, младший брат Досанга, чтобы не допустить ухода Даши-Бирюнь на луговую сторону Волги, стал собирать войска, и для нагнетания страха одного знатного из простолюдинов, который говорил, что ему выехать было не на чем, «он, Нитар, убил до смерти, и у тех, у кого есть что лошадей и больше, отбирал и отдавал для помянутого дела тем, кому за скудостью не на чем было выехать» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 429].

В одном сообщении Дондук-Даши назвал Даши-Бирюнь женой Досанга. Если это было верно, то следует, что она вышла за него замуж или он ее принудил сделать подобный шаг. Досанг, объединив своих людей с людьми Даши-Бирюнь, получил войско численностью в 7 000 человек, которое было, однако, плохо обеспечено: «за худобою лошадей войска его многие на верблюдах, а именно на каждом верблюде по два и по три человека» [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 11. Д. 6. Л. 268].

Из последующих сообщений выясняется, что Досанг женился на Даши-Бирюнь, но публично об этом еще не объявляли, потому что замужеством матери был недоволен сын ее Амдо и ее зайсанги, а Досанг опасался «по нынешним обстоятельствам их озлобить» [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 11. Д. 6. Л. 352об., 415].

В начале 1725 г. к претендентам на руку Даши-Бирюнь, а скорее всего на 1 000 кибиток ее подвластных, присоединился и сын Гунчжаба Дондук-Омбо. Когда до него дошел слух, что Церен-Дондук хочет жениться на Даши-Бирюнь, вдове Гунделека (в удел которого входил Багацатановский улус), Дондук-Омбо решительно заявил, что его отец, Гунчжаб, в свое время был на ней женат, и потому ему, Дондук-Омбо, надлежит на ней жениться. После этого, говорится в архивном материале, он «взял ее с улусом в неволю». Церен-Дондук не захотел ссориться с таким грозным соперником и уступил [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 41об.]. Вскоре после этого правительственный агент Олдоксон сообщал, что

люди Дондук-Омбо разграбили у Даши-Бирюнь конские табуны. Видимо, вдова неласково встретила претендента [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 87].

Итак, Даши-Бирюнь была замужем последовательно за Гунчжабом, Гунделеком и Чагдорджабом. После на ней хотел жениться Церен-Дондук, уже по обычаю поставили ему кибитку, в которой должна была происходить свадьба. Однако, как мы видели, тому воспрепятствовал Дондук-Омбо, утверждая, что он должен на ней жениться как на вдове своего отца [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 17. Л. 99].

Сама Даши-Бирюнь говорила астраханскому губернатору А. П. Волынскому при встрече, что была замужем за тремя мужьями, однако была несчастлива с каждым из мужей, и за четвертого, Досанга, замуж не имеет желания выходить. Сватались же к ней и Досанг, Петр Тайшин, Церен-Дондук и Дондук-Омбо, но она им всем отказала, не желая сына оставить без наследства, ссылаясь на Аюку, который разрешил ей жить одной [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 412].

Наконец Даши-Бирюнь сделала решительный шаг. Письмом от 4 июля 1731 г. она объявила В. П. Беклемишеву, тогдашнему руководителю Калмыцких дел, что хочет сама ехать ко двору и просит пока об этом не извещать никого из Калмыцкого ханства, «понеже калмыцких владельцев нравы такие, ежели из владельцев к вашему государю ехать намерение возымеет, жестоко не любят» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 374. Л. 374].

Даши-Бирюнь, будучи в Москве, сообщила, что из-за малолетства сына и из-за насильственных действий родственников, которые пытались отнять у нее улусы, она усыновила Дондук-Даши для того, чтобы он был братом ее сыну, и соединила свои улусы с улусами Дондук-Даши «дабы от насильства и от неприятелей защищал» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 50. Л. 60]. Кроме того, она заявила: «Желаю съездить к Далай-ламе и помолитца бурханом, понеже леты мои недруги мои померли, и об них тамо поминовения учинить и душе своей пользу зделать мышлю» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 50. Л. 61об.].

Даши-Бирюнь была приготовлена к отъезду в улусы, но 17 января 1732 г. в Москве заболела оспой и 24 января умерла. Посланцы ее были отпущены в улусы с ее подарками и личными вещами, предназначавшимися ее сыну Дамрин Балбару [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 50. Л. 60]. Письмом И. Ф. Барятинскому, временно управлявшему Калмыцкими делами, Дондук-Даши его оповещал: «Из улуса моего приехали мои люди и сказывают, что приехали в Царицын люди с Царын-Бирюнь. И едучи в пути мать моя Дашин-Бирюнь от оспы умерла, а по нашему обычаю надо сделать ей поминки, а если не поминать, то великий стыд, а мы по обычаю поминаем 49 дней». Письмо это И. Ф. Барятинский получил 16 марта 1732 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 52. Л. 34]. Нетрудно заметить, что место упокоения Даши-Бирюнь относят к двум местам — в Москве или же в пути.

Об этих событиях пишет и современник того времени В. М. Бакунин. Он называет сына Даши-Бирюнь Дамрин Бамбаром, подтверждает, что она просила отпустить ее к Далай-ламе и что она усыновила Дондук-Даши, объединив улусы для обеспечения защиты от противников [Бакунин 1995: 72]. Как свидетельствует В. М. Бакунин, императрица Анна Иоанновна удовлетворила просьбу Даши-Бирюнь и пожаловала ей ценные подарки. Умерла Даши-Бирюнь в Москве [Бакунин 1995: 72].

3.3. Некоторые особенности взаимоотношений в нойонских семьях

Определенные хлопоты доставляли улаживания ссор между женами нойонов в случае двоеженства. В мае 1739 г. поссорились две жены Лубжи, старшего сына Доржи Назарова. За посредничеством они обратились к хану Дондук-Омбо. По договоренности для разбора дела жены Лубжи в сопровождении ханского посланца Арулы ехали к хану. Тогда Бай, младший брат Лубжи, видимо, чувствуя свою вину, с 50 людьми бежал и соединился с беглыми от хана людьми. Прикочевав к переправе на Волге ниже Царицына, старшая жена Лубжи, Чот, со своим старшим сыном Бамбаром тайно помирилась с Баем, и тот решил напасть с боем на ханского посланца Арулу. Тогда последний с младшей женой Лубжи Цегунгой и ее сыном Емчином бежали и переправились через Волгу на левый берег. В результате Бай усилился и стал владельцем 2 000 кибиток [НА РК. Ф. И-36. Оп.1. Д. 113. Л. 22].

В реверсе (присяге, клятве, обещании) Дондук-Даши, данным им за своей печатью и подписью в Санкт-Петербурге 25 сентября 1741 г., говорилось следующее: «Багацатановский улус никому во владение не отдавать, а оставить его при Гунделекове сыне Амдоне, а за малоумием его, по завещанию матери его Даши-Бирюнь, получив его в смотрение наместнику Дондук-Даши, а прочих мелких владельцев каждого оставить при их собственных улусах» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 135. Л. 93а].

Сестра наместника ханства Дондук-Даши, Нойн Абу была замужем за дербетским нойоном Четерем, а после смерти ее мужа возвращена пасынком Лабан-Дондуком к наместнику только на одной лошади (если верить наместнику), а из собственных ее людей в количестве 22 кибиток, а также скота ей были не отданы, хотя эти люди были не дербетами, а торгутами (т. е. ранее были подаными ее родных). Между тем по тогдашним порядкам и обычаям все, что было дано в качестве приданого, после смерти мужа его вдова должна была забрать с собой, поскольку она должна была быть отпущена со всем своим имуществом и людьми [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 259. Л. 98].

Нойона Замьяна, когда он ехал в 1757 г. для подачи жалобы, арестовали по приказу его жены его же улусные люди. Жена, Дан Араши (Данара), была родной сестрой Дондук-Даши. Замьян вскоре был отпущен, канцлер М. Н. Воронцов советовал Дондук-Даши вернуть Замьяну улусных людей и сына, ушедших от него с его женой, — писал об этом Замьян 30 сентября 1759 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 308. Л. 114].

В этом же, 1759 г., Дондук-Даши «отрешил» от хошутского нойона Еремпеля его жену, сестру Бамбара, а за Еремпеля выдал свою сестру. При этом Еремпель должен был возратить Бамбару с разведенной сестрой ее имущество, привезенное в качестве приданого, но нойон не отдал приданое [НА РК. Ф. И-36. Оп.1. Д. 308. Л. 122].

Глядя на эту чехарду, русская администрация могла только констатировать, что «...на пред сего у калмыцких владельцев такого обычая не было, дабы за дочерьми их в приданные улусы давались и потому нечаятельно, чтобы улус за нынешнюю Замьянову женою приданной улус был разве (только) несколько кибиток одних слугителей» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 308. Л. 123].

Примечателен тот факт, что овдовевшие нойонши начинали вести себя раскованнее в быту. 27 августа 1743 г. был произведен раздел Багацохуровского улуса между вдовой Галдана-Норбо (сына Дондук-Омбо) Никбой с детьми и

Дондук-Даши: Никбе достались 604 кибитки. Дети ее были малолетними, и до их совершеннолетия всеми делами заправляла она [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 161. Л. 1005, 1006, 1008].

25 марта 1743 г. к ней по поручению царицынского коменданта П. Кольцова¹ приехал служащий при Калмыцких делах переводчик Спиридон Везелев. Никба, когда С. Везелев хотел с ней встретиться, «встала уже поздно, часу в пятом или шестом дня (счет в тот период осуществлялся от момента восхода солнца. — М. Б.). А как она встала, пришел я к ее кибитке без доклада ея» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 161. Л. 431об.]. Служители Никбы не допустили С. Везелева в ее кибитку. Последний через ее толмача Габуна сообщил о причине своего приезда. В ответ нойонша сказала (как передавал С. Везелев): «Я де еду к попу в гости, как де оттуды приеду, ты де приди с письмом, а от попа она уже приехала ночью, пьяна, потому же меня к ней и не допустили же» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 161. Л. 1009]. Приняла она его только 30 марта и извинилась: «Ты де на меня не сердитуй, что де я тебя к себе не допускала, поднялась де у меня старая болезнь, приступила де ко мне кровь, эти де дни лежала без памяти» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 161. Л. 431об.—432]. Она действительно была больна: 1 сентября 1743 г. Никба умерла скоропостижно.

21 января 1761 г. также скоропостижно умер хан Дондук-Даши. Незадолго до смерти он велел перевести дербетские улусы внутрь своих улусов, чтобы они вместе с ним кочевали по р. Куме. Главный их нойон Галдан-Церен находился в это время с отрядом в Рын-песках на заставе от казахов. Узнав от своей матери Абы (она была дочерью Досанга), что его улусы подверглись гонению, он ушел с заставы, перешел Волгу и с частью своих улусов пришел под Царицын, прося коменданта впустить его в Царицынскую укрепленную линию. Тем временем умер хан. Пользуясь замешательством ханской стороны, Галдан-Церен пытался отобрать свои улусы силой. Однако дочь хана и жена Галдан-Церена с частью улусных людей «ушла в Орду (т. е. откочевала внутрь калмыцкой степи. — М. Б.)» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 329. Л. 155–156].

Для решения возникших проблем, в первую очередь вопроса о независимом от наместника Убаши кочевании, Галдан-Церен отправился в столицу. Он был представлен один раз Екатерине II, а потом внезапно заболел оспой и умер 16 июня 1764 г. Велено было до последующих распоряжений оставить улусы в управлении матери его — Абы, которая по своей бездетности не могла единолично управлять улусами. По соглашению А. Д. Бехтеева и И. А. Кишенского с Абой, с сыном Галдан-Церена Цебек-Убаши, троюродным братом Тундатом и с главными дербетскими зайсангами решено было Оджу, мать Цебека-Убаши, отправить для жительства и управления в дербетские улусы, взяв с нее некоторые обязательства [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 359. Л. 232–233]. Однако Оджа умерла 30 мая 1765 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 361. Л. 123].

А. Д. Бехтерев по просьбе к нему Басурмана-Тайджи писал Абе и ее зайсангам, чтобы они в случае, если не хотят оставить бездетную дочь Басурмана-Тайджи (которая была женой Галдан-Церена) у себя, вернули бы ее обратно к отцу с данными ей в приданое пятью кибитками и четырьмя девочками, данными для услуг [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 356. Л. 408]. Дочь звали Баярлаху, у нее отобрали три кибитки служителей [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 362. Л. 201].

¹ В документе отчество не указано.

Наместник Убаши был в ссоре с мачехой, ханшей Найджитан (второе имя — Церен-Джал). О своих обстоятельствах она поведала Н. А. Бекетову в письме от 23 декабря 1764 г. После смерти первого мужа (имя не названо) она вдовствовала, воспитывая своего малолетнего сына Эмген-Убаши. Потом вышла замуж за Яндыка, с «которым по достоинству ево прокладное и веселое житье имела» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 609]. Однако Дондук-Даши насильно с ним разлучил и взял ее в жены. После смерти его пасынок «яко мать и точное ... почтение чинил». «Ныне же, послушав свои ближних зайсангов, деньги ее и товары грабежом отнял» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 609].

В ответ на запрос Н. А. Бекетова по этому делу бригадир А. Д. Бехтеев в рапорте от 14 января 1765 г. писал, что эти письма она, видимо, писала до примирения, сейчас же живут в согласии. Что же касается до взятых у ханши назначенных для отправления к Далай-ламе вещей, то все они должны быть в сохранении у главного в калмыцком народе правителя, т. е. у Убаши [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 615].

Русской администрации временами приходилось решать, казалось бы, незначительные вопросы. Когда Оджа в 1756 г. родила сына Цебек-Убаши, то отец подарил ей эмчи Добдона, «состоящего в двух кибитках», который в 1763 г. был включен в число духовных лиц. В августе 1764 г. Оджа узнала, что Басурман-Тайджи объявил его своим подвластным, и «для взятья того эмчи послал людей». Оджа за защитой обратилась к А. Д. Бехтееву [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 356. Л. 418].

Дербетский зайсанг Дюкур жаловался Н. А. Спицыну, что владелица отбирает у него людей. Аба ответила, что Дюкур просит о трех кибитках, за которых она ходатайствовала, чтобы их освободить от платежа податей, которые берутся с них не для него, Дюкура, а для Абы и Галдан-Церена. Она предлагала взять Дюкуру другие три кибитки для последующего сбора с них подати [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 284. Л. 31–34].

Нойонша Падма в 1800 г. сообщала местной администрации, что Аба — дочь Досанга, Оджа — дочь Дондук-Даши, и она — дочь Бодонга (младший родной брат Дондук-Даши) при выходе замуж за дербетских владельцев вывели за собой по 20 кибиток подаренных им подвластных. Они были у них отняты, по причине чего Падма просила вернуть этих подвластных-кочечинеров [НА РК. Ф. И-34. Оп. 1. Д. 105. Л. 3]. Тарза, жена дербетского нойона Цендена, сообщала Калмыцкому правлению в ноябре 1798 г., что, когда заболел ее сын Бабул, она имевшиеся у нее «имение», скот, деньги и из малого числа своих подвластных 20 кибиток поднесла «всевышнему создателю богу», так как по закону и обычаю «лично архиерею, духовенству и хурулу, то есть монастырю и невидимому вседержителю богу с искренностию таковое воздаяние делать должно, и то подаяние брать обратно закона не имеется» [НА РК. Ф. И-34. Оп. 1. Д. 45. Л. 9]. Таким образом, ряд фактов из архивных документов свидетельствует о дарении людей в качестве приданого представительницам женского пола из сословия нойонов.

В семьях наместников и ханов бывали неурядицы и ссоры. Особенно их случаи участились при Убаши. 7 января 1765 г. у Н. А. Бекетова был зайсанг Ондон из подчиненных наместнику Убаши. Во время беседы губернатор поднял вопрос об Убаши, который обидел свою мачеху Церен-Джал, т. е. вдовствующую ханшу Найджитан. Ондон ответил, что это произошло по предложению знатных зайсангов, да и простолюдинов, «на основании старых калмыцких

обычаев», согласно которым остающиеся после смерти ханов жены их «полной власти и содержания большого не имеют, чтобы через то излишними поборами не отяготить народ» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 363. Л. 18]. В данной ситуации на содержание Убаши и ханши уходило много средств (нашедших выражение в вещах, деньгах и «излишествах»). В связи с этим народ стал возмущаться и в 1763 г. уже не хотел платить подати. Чтобы такое не повторилось, наместник совместно с зайсангами, в числе которых был и Ондон, решили уменьшить содержание Найджитан, отобрать от нее часть людей и вещей, «чтоб она особо теми вещами не могла покорыстоваться». Да и ханша была сначала довольна выделенным содержанием, и о причинах ее недовольства уже после этого Ондон не смог сообщить [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 363. Л. 18].

Из письма ханши Церен-Джал (Найджитан, Найджитун — называется в документах то первым, то вторым именем. — М. Б.) к Н. А. Бекетову от 1 февраля 1765 г. выясняется, что она младшая сестра Замьяна. У Дармы-Балы было три сына. За Церен-Дондуком была замужем старшая сестра Церен-Джалы — Деджит, мать наместника Убаши. После смерти Церен-Дондука Дондук-Омбо взял Дарму-Балу, Деджит и Галдан-Данжина к себе в улусы со всеми их людьми. Хотя знатные зайсанги Дондук-Омбо старались у них отобрать их людей, но хан им сказал, «что они затевают необыкновенное, да и с правами несходное дело, отчего он немалой стыд и нареkanie получить может, и ничего от тех ханш не отобрал. Сверх того в довольствие пищу, одежду и скот из улусов давать определил» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 366. Л. 20]. В завершение письма Найджитан жаловалась на поступки Убаши.

Убаши отвечал на губернаторское письмо о жалобе Найджитан 5 января 1765 г. Подвластные, писал он, представляли ему, что владелец от подвластных своих людей довольствие получает, а подданные «со скотом жить должны» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 366. Л. 224]. Они за последние 4–5 лет из-за разных событий в улусах подверглись крайнему разорению. К тому же за их счет содержатся два равных владельца, т. е. наместник Убаши и его мачеха Найджитан, а размер податей по некоторым причинам увеличивается — все это приводит к крайнему обеднению подвластных. Убаши заключал: «У нас же издавна существует установление, что женам умерших хана или владельцев в их содержании, по сравнению с прежним, делается убавок, которое со времен хана Аюки каждым владельцем соблюдается» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 366. Л. 224].

4. Заключение

Изученный архивный документальный материал свидетельствует, что в XVIII в. калмыцкие нойонши постепенно освобождались от некоторых стеснительных для них обычаев и бытовых предписаний. Подобный процесс приводил к разладу в нойонских семьях и давал возможность вмешательства в эти распри российской администрации.хлопоты нойонш за улучшение своего социально-бытового положения расширяли их жизненный кругозор, что хорошо видно на примере наиболее «продвинутых» из них. Кроме того, к разладам в семьях нойонов могли приводить и психологические мотивы. Примером может случить случай с супругой племянника Дондук-Омбо — нойона Нингбы, который имела «не согласие» с пасынком, не желавшим с ней жить и бывшем при наместнике ханства [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 206. Л. 336].

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Соч. 1761 г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

Бичурин 1991 — *Бичурин Н. Я. (Иакинф)*. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 127 с.

Георги 1799 — *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Часть IV: О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россиянах, с описанием всех именований козаков, так же история о Малой России и купно о Курляндии и Литве. СПб.: Имп. Академия наук, 1799. 388 с.

Костенков 1870 — *Костенков К. И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии: с картой Калмыцкой степи. СПб.: Мин-во гос. имуществ, 1870. 170 с.

Небольсин 1852 — *Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса, составленные Павлом Небольсиным. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1852. 192 с.

Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1834. 290 с.

Пальмов 1922 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань: Калмгосиздат, 1922. 139 с.

References

Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, Especially of the Torgout People, and the Deeds of their Khans and Owners: essay of 1761. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)

Bichurin N. Y. (Iakinf). Historical Review of Oirats or Kalmyks from the 15th Century to the Present Time. 2nd ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 127 p. (In Russ.)

Georgi I. G. Description of all Peoples Living in the Russian State. Part IV: About the Mongolian Peoples, Armenians, Georgians, Indians, Germans, Poles and the Ruling Russians, with the Description of all the Names of the Cossacks, as well as the History of the Little Russia and about Courland and Lithuania. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1799. 388 p. (In Russ.)

Kostenkov K. I. Historical and Statistical Information about the Kalmyks Travelling in Astrakhan Province: with the Map of the Kalmyk Steppe. St. Petersburg: Ministry of State Property, 1870. 170 p. (In Russ.)

Nebolsin P. I. Sketches of the Life of the Kalmyks of the Khoshoutov Ulus composed by Pavel Nebolsin. St. Petersburg: K. Kray, 1852. 192 p. (In Russ.)

Nefediev N. A. Detailed Information about the Volga Kalmyks assembled locally by N. Nefediev. St. Petersburg: K. Kray, 1834. 290 p. (In Russ.)

Palmov N. N. Sketch of the History of the Kalmyk People during their Stay within the territory of Russia. Astrakhan: Kalmgosizdat, 1922. 139 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 4, pp. 668–681, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-668-681

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(470.46=512.37)
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-668-681

Регламентация Российским государством рыбодобычи калмыками в 40-е гг. XVIII в.

Андрей Алексеевич Курапов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0521-2710. E-mail: akurapov78[at]rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Курапов А. А., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются формирование и эволюция государственного регулирования рыбодобычи населением Калмыцкого ханства в 40-е гг. XVIII в., на материалах межведомственной дискуссии, переписки калмыцких ханов и наместников с правительством и региональными властями. *Цель* статьи — исследовать и ввести в научный оборот комплекс неопубликованных документов, относящийся к государственной регламентации калмыцкого рыбного промысла и хранящийся в фонде И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе» Национального архива Республики Калмыкии и в фонде 614 «Астраханская рыбная контора» Государственного архива Астраханской области. *Материалы и методы.* Объектом анализа стали архивные документы 40-х гг. XVIII в.: письмо хана Дондук-Омбо главе Калмыцких дел Л. В. Боборыкину (1741 г.), ответ правительства на обращение наместника Дондук-Даши (1741 г.), протокол переговоров астраханского губернатора В. Н. Татищева с Дондук-Даши (1742 г.), письмо Дондук-Даши В. Н. Татищеву (1742 г.), указ Правительствующего Сената статскому советнику П. А. Соковину (1743 г.). В процессе исследования использовались сравнительно-исторический анализ, историко-типологический, хронологический, историко-генетический методы. *Результаты.* Комплекс документов, исследованный и введенный в научный оборот в статье, является важным источником по истории рыболовства у калмыков, его государственной регламентации. В письмах Дондук-Омбо и Дондук-Даши определяют основные причины активизации рыбодобычи калмыками в 40-е гг. XVIII в. Межведомственная переписка и инструкции региональным чиновникам направлены на защиту интересов прежде всего астраханских рыбодобытчиков. Рассмотренные документы позволяют расширить источниковую базу изучения специфики и динамики участия национальных групп региона в развитии рыбного промысла в Астраханской губернии.

Ключевые слова: рыбодобыча, государственное регулирование, Калмыцкое ханство, хан, наместник, Астраханская губерния, Астраханская рыбная контора, астраханский губернатор

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Курапов А. А. Регламентация Российским государством рыбодобычи калмыками в 40-е гг. XVIII в. // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 668–681. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-668-681

Russian Governmental Regulation of the Fishery by Kalmyks in the 1740s

Andrey A. Kurapov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
 0000-0002-0521-2710. E-mail: akurapov78[at]rambler.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Kurapov A. A., 2024

Abstract. *Introduction.* The article examines the formation and evolution of state regulation of fishery by the population of the Kalmyk Khanate in the 1740s, based on the materials of the interdepartmental discussion, correspondence between the Kalmyk khans and viceroys with the government and the regional authorities. The *purpose* of the article is to study and introduce into scientific circulation a set of unpublished documents related to the state regulation of the Kalmyk fishery, deposited in the I-36 collection “Consisting of the Kalmyk affairs under the Astrakhan governor” of the National Archive of the Republic of Kalmykia, collection 614 “Astrakhan fish office” of the State Archive of the Astrakhan Region. *Materials and methods.* The object of the analysis were the archival documents from the 1740s: the letter from Khan Donduk-Ombo to the Head of the Kalmyk affairs L. V. Boborykin (1741), the response of the government to the appeal of the viceroy Donduk-Dashi (1741), the protocol of negotiations between the Astrakhan governor V. N. Tatishchev and Donduk-Dashi (1742), the letter by Donduk-Dashi to V. N. Tatishchev (1742), the decree of the Governing Senate to the state councilor P. A. Sokovnin (1743). The following methods were used in the study: comparative historical analysis, historical-typological, chronological, historical-genetic methods. *Results.* The set of documents studied and introduced into scientific circulation in the article is an important source on the history of the Kalmyk fishery, its state regulation. In the letters of Donduk-Ombo and Donduk-Dashi the main reasons for the activation of the Kalmyk fishery in the 40s of the 18th century are determined; the interdepartmental correspondence and instructions to the regional officials are aimed at protecting the interests of Astrakhan fishermen first of all. The examined documents will allow expanding the source base of the research on the specifics and regional dynamics of participation of the national groups in the development of fishery in the Astrakhan province.

Keywords: fishery, state regulation, Kalmyk Khanate, khan, viceroy, Astrakhan province, Astrakhan fishery office, Astrakhan governor

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Kurapov A. A. Russian Governmental Regulation of the Fishery by Kalmyks in the 1740s. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(4): 668–681. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-668-681

1. Введение

Рыболовство традиционно являлось важнейшей отраслью экономики Нижнего Поволжья. Рыбодобыча обеспечивала население Астраханского края и была одним из направлений экспорта из региона. Рыбохозяйственное значение низовьев Волги на протяжении столетий привлекало в регион представителей кочевых и оседлых цивилизаций, с разной степенью интенсивности использовавших промысловые богатства рукавов Волги и Каспийского моря. Несмотря на то, что система хозяйства калмыков была основана на кочевом скотоводстве, рыболовство являлось частью экономической жизни населения Калмыцкого ханства с XVII в. Интеграция калмыцкого народа в социально-экономическую жизнь региона приводит к изменениям и в его экономической жизни. Одним из таких изменений становится интенсификация рыбного промысла, как самостоятельного, несанкционированного, так и в рамках системы рыбодобычи, сформировавшейся в Астраханской губернии. С начала XVIII в. осуществляется процесс системного государственного освоения ресурсов региона на фоне регламентации социально-политической и социально-экономической жизни Калмыцкого ханства. Политический кризис, междоусобица в Калмыцком ханстве в 20–30-е гг. XVIII в. оказывают значительное влияние и на экономическую жизнь калмыков. Кризис традиционного кочевого скотоводства, обострившийся в 40-е гг. XVIII в., приводит к разорению значительной части населения ханства, вынужденного добывать рыбу. Несанкционированный вылов рыбы калмыками наносил ущерб экономическим интересам астраханских рыбопромышленников, поддерживавшихся государством. Необходимость регламентации калмыцкого рыбного промысла для сохранения стабильности в социально-экономической жизни региона в 40-е гг. XVIII в. приводит к длительной межведомственной дискуссии, переписке и встречам калмыцких владельцев с астраханскими губернаторами, обсуждению проблемной темы с региональными рыбодобытчиками.

Развитие рыболовства у калмыков и его регламентация Российским государством в рассматриваемый период нашли отражение в исследованиях М. М. Батмаева [Батмаев 1993: 316–319; Батмаев 2002: 300–302; Батмаев 2022: 18–20], А. В. Цюрюмова [Цюрюмов 2007: 279–284], И. С. Крепской (Панченко) [Панченко 2006: 36–39; Панченко 2007: 254–255; Крепская 2008: 15–16], А. К. Манджиева [Манджиев 2020: 235–236]. Вместе с тем расширение источниковой базы исследования позволит отследить эволюцию регламентации калмыцкой рыбодобычи, ее механизмы, отношение к государственному регулированию калмыцкой аристократии.

2. Материалы и методы

Основной источниковой базой исследования стали архивные дела, связанные с государственным регулированием рыбодобычи калмыков в 40-е гг. XVIII в. отложившиеся в фонде И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе» Национального архива Республики Калмыкии (НА РК), фонде 614 «Астраханская рыбная контора» Государственного архива Астраханской области (ГА АО). В ходе исследования архивных материалов использовались сравнительно-исторический, историко-типологический, хронологический, историко-генетический методы, которые позволили рассмо-

треть специфику формирования ограничительной политики Российского государства по отношению к калмыцкому рыбному промыслу на рассматриваемом этапе истории Калмыцкого ханства.

3. Рыболовство калмыков в начале XVIII в.

Несмотря на то, что основой экономического развития Калмыцкого ханства в XVII–XVIII вв. являлось скотоводство, рыбный промысел также был фактором экономического развития калмыцких улусов, что предопределялось географическим положением Астраханского края, его экономическими возможностями и сложившимися особенностями природопользования. Рыбные богатства края, освоение которых традиционно являлось одной из значительных отраслей экономики региона, использовались и калмыками с момента их добровольного вхождения в состав Российского государства.

М. М. Батмаев отмечает, что рыболовство у калмыков, начиная с XVII в., интенсифицировалось и расширялось, в связи с чем регулирование калмыцкого рыболовства становилось одним из направлений политики региональных властей уже в конце XVII – начале XVIII вв. [Батмаев 2002: 300–301].

Отметим, что регулирование добычи рыбы в низовьях Волги Российским государством систематизировалось после объявления рыбных промыслов казенной монополией с 1704 г., после учреждения Астраханской рыбной конторы и передачи Астраханскому городскому обществу «Астраханских рыбных ловлей», к которым относились северо-западные участки волжских протоков, морские участки Каспия [Струбалина 1989: 8–9]. По указу Петра I от 6 января 1704 г. оброчные и безоброчные рыбные промыслы, ранее переданные помещикам и вотчинникам, передавались в государственную монополию и отходили в ведение Семеновской (Ижорской) канцелярии, которая определяла участки на оброк откупщикам [Об отдаче рыбных ловель 1830: 232]. При отсутствии откупщиков система добычи рыбы сохранялась в соответствии с дореформенным положением. Указ предписывал строгий учет добытой рыбы и орудий лова в статистических отчетах, отправляемых в государственные органы власти [Об отдаче рыбных ловель 1830: 233]. Можно сделать вывод о том, что указ 1704 г. повлиял и на добычу рыбы калмыками, поскольку уже в 1705 г. хан Аюка сообщал правительству, что калмыкам запрещали ловить рыбу на Волге и Яике, где ими традиционно осуществлялась рыбодобыча [Батмаев 1993: 133].

Калмыцкое междоусобие 20-х гг. XVIII в., ухудшение погодных условий, вызывавшее падеж скота и кризис калмыцкого скотоводства, разорение отдельных групп населения Калмыцкого ханства, наличие опыта добычи рыбы, богатство рыбных запасов региона также приводили к активизации рыболовства у калмыков, искавших в нем источник пропитания, альтернативный скотоводству. В рассматриваемый период в целом активизируются колонизация региона и развитие рыбного промысла оседлого населения Астраханской губернии, параллельно калмыцкому рыболовству.

И. С. Крепская (Панченко) отмечает наличие двух направлений развития рыболовства у калмыков с 20-х гг. XVIII в.: непосредственно калмыцкой рыбодобычи и активизации привлечения калмыков на рыбные промыслы Астраханской губернии, — подчеркивая, что для Российского государства, заинтере-

сованного в притоке рабочих сил, использование населения калмыцких улусов на казенных и откупных рыбных промыслах приобретало большое значение [Панченко 2007: 302]. Вместе с тем для калмыцких владельцев приоритетным было развитие самостоятельного рыболовства, не предполагавшего отток населения из ханства, в связи с чем калмыцкая аристократия добивалась от российского правительства возможность осуществления именно самостоятельной добычи рыбы [Панченко 2006: 37].

Рыбный промысел становится темой активной переписки калмыцких владельцев с российскими властями с 20-х гг. XVIII в., со времени, когда противодействие калмыцкому рыбному промыслу начали оказывать откупщики, ограничить влияние которых призывал региональные власти в 1727 г. руководитель Калмыцких дел М. М. Голицын — после обращения к нему хана Церен-Дондука [Батмаев 2022: 17]. В феврале 1734 г. Коллегия иностранных дел в ответ на жалобу хана Церен-Дондука о препятствиях калмыцкому рыболовству со стороны местных властей предписала губернатору И. П. Измайлову не ограничивать вылов рыбы калмыками в тех местах, где ими традиционно осуществлялась рыбодобыча [Бакунин 1995: 112].

4. Рыбный промысел калмыков в начале 40-х гг. XVIII в.

4.1. Дондук-Омбо о рыбодобыче

В начале 40-х гг. XVIII в. рыбный промысел играл большую роль в экономике Астраханской губернии, разветвленная сеть промыслов контролировалась государством, определявшим арендаторов-откупщиков и регулировавшим процесс рыбодобычи.

Н. Н. Пальмов отмечал, что район астраханских рыболовных вод в 40-е гг. XVIII в. был значительным и им управляли две рыбные конторы: в Саратове и Астрахани. Протяженность астраханских рыболовных вод, подчиненных Саратовской рыбной конторе, была 800 верст. Эти рыболовные воды начинались у с. Соснового и заканчивались у о. Песчаного близ г. Астрахани. От того же острова начинались астраханские воды, управляемые астраханской рыбной конторой, к ним же относился морской рыбный промысел, протянувшийся до р. Терека и Яика [Пальмов 1924: 113].

Рыболовные воды, управляемые из Астрахани, делились на казенные и промыслы, сдаваемые в аренду [Пальмов 1924: 116]. В 40-е гг. XVIII в. в Астраханской губернии добыча рыбы осуществлялась на девяти учугах, названных по рекам и протокам, на которых они были основаны: 1) Чаган, 2) Камызяк, 3) Бельский, 4) Увары, 5) Иванчуг, 6) Бирюль, 7) Урустоба, 8) Басарга, 9) Яик-Гурьев [Пальмов 1924: 117]. Н. Н. Пальмов, анализируя отчеты 40-х гг. XVIII в., отмечал, что добыча рыбы на учугах Бирюль, Урустоба, Басарга был незначительной [Пальмов 1924: 119]. В отчетах рыбной конторы отмечалось, что в водах, сдаваемых в аренду, ловилась только частичковая, реже — красная рыба. Н. Н. Пальмов приводил список откупных вод 40-х гг. XVIII в. и определял их дислокацию [Пальмов 1924: 118–119].

В условиях значительной регламентации рыболовецких промыслов ситуационная добыча рыбы населением Калмыцкого ханства могла навредить экономическим интересам рыбодобытчиков, внеся некоторый беспорядок в отлаженную систему. По мнению М. М. Батмаева, именно суровые погодные

условия зимы 1739–1740 гг., обусловившие массовую гибель скота в калмыцких улусах, предопределили обращение к рыболовству значительной части населения Калмыцкого ханства, которое вызвало активизацию ограничительных мероприятий со стороны российского правительства [История Калмыкии 2009: 329]. В 40-е гг. XVIII в. активизируются несанкционированная калмыцкая рыбодобыча и отход разоренных простолюдинов ханства на рыбные промыслы Астраханской губернии. В 1741 г. астраханские рыбопромышленники наняли на рыбные промыслы 6 400 кибиток калмыков [Очерки истории 1967: 165].

В фондах НА РК отложился комплекс документов по регламентации правительством добычи рыбы населением калмыцких улусов. В апреле 1741 г. хан Дондук-Омбо направил письмо к руководителю Калмыцких дел полковнику Л. В. Боборыкину, в котором просил не ограничивать калмыцкий рыбный промысел, ставший жизненно необходимым для населения ханства в условиях суровой зимы. Приведем это письмо полностью.

Перевод с письма хана Дондук-Омбо к господину полковнику Боборыкину, полученного 8 апреля 1740 года.

Хан Дондук-Омбо здесь я со всеми здоров, полковник Лукьян Васильевич, верный мой друг ты чаю тамо здравствуешь. В нынешнем вешнем среднем месяце в 20 числе из Черного Яра посланное твое письмо губернатор князь Михайло Голицын с посланным своим сержантом и с Егором толмачом ко мне прислал и получено мною среднего другого вешнего месяца 7 числа и по нашему календарному исчислению вешний первый месяц сделался дважды, того ради считаем мы сей месяц средним вешним месяцем.

Ты ко мне в присланном своем письме пишешь, как я с детьми своими пребываю и с улусными калмыками, и об о всяком скоте чтоб обо всем к вам отписать, и для того по вашему ко мне письму в нынешнее опасных вестей ни от кого не имеем, я с детьми своими со всеми здоров и подданные улусные калмыки все здоровы. Как вы в бытность свою у нас видели великие снега, от того всякого скота померло многое число. В нынешнем году калмыки мои очень стали бесскотны и кроме рыбы чем кормиться иного способу не имеем. На Волге, как по сю, так и по ту сторону места не прикажите запрещать, чтоб спокоем калмыки рыбу ловили. Друг мой у вас прошу в том старание свое приложите. В нынешнее время улусы мои в великой скудности, того ради как в Мочаги, так и на Волгу велели пуцать, а со скотинами и с улусами степью по урочищам Эргеням на Сарпу кочевать намерен. Ее Императорскому Величеству, графу Остерману оные два письма прикажите скорее отправить.

Вешнего среднего месяца с Кумы реки, с урочища Сухали писано.

У письма печать красная.

Переводил Федор Черкесов [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 121. Л. 112].

Несмотря на обращение Дондук-Омбо в марте 1741 г., калмыкам было запрещено кочевать и ловить рыбу у казенных рыбных промыслов [Батмаев 2022: 19].

5. Регламентация рыбодобычи калмыков правительством в правление Дондук-Даши

Дальнейшее обнищание простолюдинов Калмыцкого ханства в 40-е гг. XVIII в. стало предметом обращений уже наместника Дондук-Даши к пред-

ставителям российского правительства. Добыча рыбы населением калмыцких улусов, спасавшимся от голода, приводила к конфликтным ситуациям с рыбодобытчиками и арендаторами-откупщиками. Многочисленные обращения и жалобы со стороны рыбопромышленников предопределяют разработку и внедрение ограничительных мер астраханскими губернаторами В. Н. Татищевым и И. А. Брылкиным в 40-е гг. XVIII в. в отношении калмыцкого рыболовства. И. С. Крепская отмечает, что именно в 40-е гг. XVIII в., после смерти хана Дондук-Омбо в 1741 г., ситуация с калмыцкой рыбодобычей значительно обострилась и возникла необходимость вмешательства государства во взаимоотношения между рыбопромышленниками Астраханской губернии и калмыками, несанкционированно добывавшими рыбу [Панченко 2007: 254].

В фондах НА РК, в делах периода правления Дондук-Даши, выявлены документы, относящиеся к ограничительным мероприятиям в отношении калмыцкого рыбного промысла. Так, в «Черновиках донесений и писем» 1741 г. сохранился ответ правительства на обращение Дондук-Даши о калмыцком рыболовстве, в «Журнальной записи входящим и исходящим делам» 1742 г. сохранился протокол переговоров В. Н. Татищева с наместником Дондук-Даши в январе 1742 г., в «Книге со сведениями о рыбных ловлях отданных в откуп и оставшихся свободными и о разрешении калмыкам ловить рыбу» — письма Дондук-Даши В. Н. Татищеву.

Приведем документы, относящиеся к государственному регулированию калмыцкой рыбодобычи в рассматриваемый период.

Из Калмыцкой комиссии в Астраханскую губернскую канцелярию

Прошедшего октября (1741 г. — А. К.) 11 числа получил я именной Ее Императорского Величества всемилостивейший указ от 31 августа и при оном с поданного в бытность ныне при дворе Ее Императорского Величества наместника Дондук-Даши доношения и данной ему на оное грамоте копия, в которых между прочим написано в пунктах:

В доношении наместником

4. Вашего величества подданный калмыцкий народ пришел ныне в крайнее убожество и кроме рыбы иного пропитания и поживления не имеет, токмо излишнюю рыбу, которая на пропитание им остается на базарах продавать им запрещено. А велено им жительство иметь при ватагах и излишнюю рыбу продавать тех ватаг хозяевам, которые например за каждую рыбу дают им по одной копейке, а на базаре или другим охочим людям ту же рыбу могут продать за пять или за шесть копеек, от чего оным убогим нашим людям немалая польза быть может. И хотя всем убогим нашим людям и приказано жить при ватагах, и я желаю чтоб охочие из них при ватагах и жили, но токмо прошу дабы всемилостивейше повелено было им на базаре и в других местах рыбу продавать без запрещения.

В грамоте, данной ему наместнику

4. О ловле калмыками рыбы и продаже оной по прошению твоему рассмотрение учинено и тебе о том знать дано будет впредь, а до того рассмотрения поступать в том по прежнему постановлению, в том вышеписанном наш губернатор астраханский с тобой согласился.

В имянном указе:

4. О ловле калмыками рыбы до будущего нашего указа четвертый пункт писанный в грамоте нашей, данной наместнику ханства, остается в его силе [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 158. Л. 422].

1 числа месяц январь 1742 года

Был у тайного советника наместник Дондук-Даши... Тайный советник говорил, что по указу Ее Императорского Величества повелено о ловле рыбы калмыкам рассмотреть, и положив намерение прислать в Коллегию, по которому мы ныне советуем и когда намерение поставим, то и к нему наместнику письменно сообщено будет, а он бы наместник приказал всем калмыкам, чтоб близ учугов и на протоках перед учугами рыбы отнюдь ловить не велит, ибо прежними указами повелено рыбу ловить удами и сетями, а большими неводами не велено.

Наместник объявил, что калмыки перед прежними ныне весьма оскудали, и кроме рыбы пропитать себя не могут, и для того бы определить места перед прежними довольнее, а рыбу ежели русским не продавать, то калмыцкий народ поправиться не может.

Тайный советник сказал, чтоб нанимались у русских людей в работу, и через тот наем скот себе промышляли.

Наместник объявил, что скудных калмык ныне весьма много и всем в наем быть никак не возможно [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 143. Л. 4-4об.].

Перевод с письма калмыцкого, полученного от наместника Дондук-Даши 9 января 1742 года

Ее Императорского Величества верному в делах управителю тайному советнику Василию Никитичу Татищеву верному и милостивому моему большому брату вручаю.

Письмо ваше о рыбной ловле я получил в котором написано чтоб нашим калмыкам большими неводами не ловить и оное положено по указу или по вашему определению, ежели по вашему определению, то подданным Ее Императорского Величества нашим калмыкам кроме одного пропитания другой пользы не имеется и для того пропитания чтоб ловить удами, сетями и малыми неводами да и рыбу здесь не продавать и то подданным нашим калмыкам как весьма скудному народу никак невозможно исправиться, ибо я как и прежде надеялся на вас, что вы в пользу того учинить не оставите, почему и ныне в том же надеянии состою;

2. Ежели оное определение учинено по указу, то я буду о том доношением моим всеподданнейше просить Ее Императорское Величество о чем прошу чтоб и вы при том мое доношение в пользу калмыцкому народу представление свое учинить не оставили;

3. Что рыбу ловить до Яику и до Терека позволено, а понеже нашим калмыкам для ловли рыбы при Яике за опасностью от кайсак быть невозможно, о чем вы сами ведаете;

4. А что ж и до Терека ловить упоминаете и так в отдаленном месте улусам нашим кочевать неспособно, о чем сами изволите рассудить;

5. Когда ж по Волге земля, вода, трава и лес все к русским принадлежит, то подданным Ее Императорского Величества нашим калмыкам чрез какой способ исправиться я не знаю, однакож я объявляю более на вас надеюсь, что вы в пользу того старание свое приложить не оставите;

*6. Что ж при построенном для зимования городе выше и ниже по пяти верст опорожнено будет, и того весьма мало, а надлежит по милости Ее Императорского Величества определить с удовольствием, чтоб чрез то можно и другие при-
вадить;*

7. О построении же города до времени многим калмыкам чтоб не объявлять, о чем со временем словестно я вам обстоятельно объявлю;

Ваш меньший брат Дондук-Даши 1742 году зимнего последнего месяца 14 дня, при Астрахани писано.

Подлинное переводил Яков Самсонов [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 140. Л. 33–33об.].

15 числа месяц январь 1742 года.

Был у тайного советника наместник Дондук-Даши при котором для рассуждения о ловле рыбы призван полковник Кнутов и Беклемишев... Тайный советник наместнику объявил о рыбных ловлях для удовольствия калмыцкого по всей Волге, озерах и протоках просят, что во время летние калмыкам рыбу везде оставлять свободно токмо через два месяца, а именно октябрь и ноябрь калмыкам в Волге от Песчаного до учугов рыбу не ловить, и тем помешательства им не показывать, а ловить в оные месяцы им в малых протоках и озерах.

Наместник сказал, что по высочайшей Ее Императорского Величества милости того весьма довольно, а что б два месяца калмыкам в показанных местах рыбу не ловить в том не противен и того калмык воздерживать будет. Тайный советник, вы господин наместник изволите объявлять, что калмыки изубожели и без свободного в рыбной ловле допущения исправить и скот завести невозможно, а без скота они в обслуги Ее Императорского Величества не годны, что сущая правда, однако ж здешние купцы как довольно сведомые о состоянии калмык представляют, что калмыки ловлей рыбы нынешним порядком не поправить, и скота не завести, для того, что при ватагах калмыки хотя в год столько вырабатывают, что б всяких лошадей купить мог, только не купит, затем, что владелец, зайсанги и посланцы их грабят немилостиво, а деньги манжники выманивают, и так никогда ничего собрать не могут, а понеже при здешних ватагах калмыки в работах может свободно тысяча пятьсот и до двух тысяч употребится и всякой сколько может выработать, что через два года лошадей и скотину купить и для того вам наш совет, сообщаем, что на все ватаги определить добрых надзирателей и велеть от промышленников деньг принимая каждому только на крайнюю нужду.

Наместник сказал: сие весьма изрядно, токмо я прошу объявить мне сколько, где для работы калмык содержать надобно...

16 числа месяц январь 1742 года.

Тайный советник, полковники Кнутов, Беклемишев, рыбной конторы управитель майор Смольянинов и астраханские купцы Лошкарев, Кобяков, самарский Илларион Иванов рассуждали о рыбных ловлях ко удовольствию калмык. И положили чтоб скудных калмык расписать по ватагам, так же казенным учугам и к Гурьеву городку по требованию майора Смольянинова, и чтоб о том от всех купцов и прочих откупщиков кому сколько кибиток надобно подать ведомости, и потом учинить дополнительное определение [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 143. Л. 20, 21–21об., 22–22об.].

Результатом переговоров, переписки В. Н. Татищева с наместником ханства, рыбодобытчиками, межведомственного диалога конца 1741 г. – начала 1742 г. становится разработка астраханским губернатором совместно с полковником В. П. Беклемишевым определения, по которому калмыкам было запрещено ловить рыбу на Волге в «беляшное время» (октябрь, ноябрь), допускалось использование сетей, неводов и удочек, вместе с тем добыча осетровых была запрещена [Батмаев и др. 2021: 915, 916]. Запрещалось кочевать и зани-

маться добычей рыбы у казенных протоков и морских горловин, запрещалось продавать рыбу за пределы калмыцких улусов [Батмаев 2002: 302].

В. Н. Татищев стремился стимулировать отход калмыков на рыбные промыслы, вводя разрешение на использование отходниками при рыбодобыче любых снастей, поддерживая калмыцкую рыбодобычу на Яике [Панченко 2007: 255]. В 40-е гг. XVIII в. рыболовством на Яике занимались калмыки улуса владельца Бамбара, имевшие разрешение на вылов рыбы и ее продажу в казну [Цюрюмов 2007: 282].

Регулирование калмыцкого рыболовства становится одним из важнейших направлений деятельности российского чиновничества, о чем свидетельствует и хранящийся в фондах ГА АО указ Правительствующего Сената статскому советнику П. А. Соковнину, возглавившему Астраханскую и Саратовскую рыбные конторы в 1743 г.

Указ Ее Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из Правительствующего Сената статскому советнику Петру Соковнину.

По указу Ее Императорского Величества и по определению Правительствующего Сената велено тебе статскому советнику над Астраханскими, Саратовскими и прочими рыбными промыслами ведомыми в Астраханской и Саратовской рыбных конторах быть главным командиром и в правление тех промыслов вступить с нынешнего 1743 года. А при тебе в Астраханской рыбной конторе для лучшего тех промыслов размножения впредь пять лет быть же в товарищах московскому купцу Ивану Мыльникову, а каким образом при том деле имеете вы поступать и кого из определенных к тебе подполковников Матрунина и Ивашова к рыбным промыслам в Саратов и в Гурьев городок також и купца Мыльникова товарищем по усмотрению вашему определить вы рассудите о том сочиненная в Правительствующем Сенате инструкция для исполнения к вам послана при сем указе. Того ради по получении сего указа и притом инструкции ехать тебе к тому порученному делу в немедленном времени, а которого числа поедешь и туда прибудешь о том тебе в Сенат рапортовать без упущения времени. А понеже вышеписанный купец Мыльников в поданных Правительствующему Сенату пунктах между прочего писал круг де Астрахани и по берегам рек Волги и Яика кочующие татары и калмыки, которые под высоким Ее Императорского Величества владением состоят ныне близ казенных учугов и ватаг в удобных местах ловят рыбу неводами и переметами и оную рыбу и икру и клей продают партикулярным людям и от того чинят казенной прибыли немалое помешательство.

А прежде сего оные татары и калмыки при хане Аюке ловивая рыбу удою и малыми сетями и то про свое пропитание а не на продажу и не переметами и неводами, и чтоб оным кочующим татарам и калмыкам переметами и неводами ловить запретить, а позволить им ловить против прежнего как при хане Аюке бывало удою и малыми сетями и для того ловли им отвести от угодных мест далее тако ж де у оных де татар и калмыков российскому народу партикулярным людям рыбу и икру и клей покупать запретить чтоб у оных татар и калмыков рыбы, икры и клею не покупали и чтоб быть оному клею в одном казенном ведомстве как и наперед сего бывало, отчего де последует немалая казенная прибыль. А справкою из Иностранной коллегии показано, что из той де коллегии в 1741 году декабря 5 дня к тайному советнику Татищеву в посланном указе писано, чтоб ему о рыбных ловлях к удовольствию калмык и о запрещении им на казенных и откупных морских горловинах по

совету с наместником ханства калмыцкого Дондук-Дашею и по сношению с астраханской губернской канцелярией учинить определение и для конфирмации прислать в Коллегию иностранных дел, и при том сообщены к нему тайному советнику сочиненных в Коллегии иностранных дел по сношению с Камер-коллегией к бывшему калмыцкому хану Дондук-Омбо грамоты и с указу к астраханскому губернатору копии. И по тому указу от него тайного советника и губернатора Татищева что о том учинено для рассмотрения при доношении присланном в Коллегию иностранных дел, а наместник де ханства калмыцкого Дондук-Даши представляет некоторые свои о том прошения почему в Коллегии иностранных дел чинится рассмотрение и потом де какая ему наместнику ханства дана будет резолюция о том в Правительствующий Сенат представлено будет о чем в оную коллегию из Сената подтверждено указом. Известно о вышеписанном рассмотрении и надлежащее определение учинить в немедленном времени и что будет учинено о том в Правительствующий Сенат с обстоятельством подать доношение, а по подаче доложить немедленно. Для охранения в проездах от воровских людей и в ловле рыбы и прочих помешательств ради разъездах в казенных водах определить из астраханского гарнизона унтер офицеров трех, солдат сорок, канониров двух человек толковых. Изборщикам и определенным от Мыльниковых товарищам и поверенным прилежно наблюдать ежели в казенных рыбных водах калмыки будут рыбу ловить с изно до того оных калмыков пристойным образом не допускать, а того не послушают о том на них в надлежащие места представлять, а в ссоры и в драки отнюдь с ними не вступать. И статскому советнику Петру Соковнину о том ведать и чинить по сему Ее Императорского Величества указу и по приложенной при сем инструкции во всем непременно, а в Камер-коллегию, в Астраханскую губернию, в рыбные конторы и в прочие места, о чем куда надлежало, указы посланы и купцу Мыльникову указ с прочетом дан.

Марта 2 дня 1743 году.

Секретарь Алексей Федоров.

Подканцелярист Иаков Шишкин [ГА АО. Ф. 614. Оп. 1. Д. 238. Л. 1–2].

Регламентация калмыцкого рыбного промысла, активно осуществлявшаяся астраханским губернатором В. Н. Татищевым, была продолжена и при его преемнике — И. О. Брылкине. В декабре 1745 г. Коллегия иностранных дел сообщила Военной коллегии, что 10 тыс. «бесскотных калмыков» в летнее время осуществляют добычу рыбы, сообщалось, что рыболовство было разрешено с малых двухвесельных лодок [Црюмов 2007: 282].

10 августа 1746 г. был подписан указ «О недопущении калмыков к ловле рыбы», подготовленных на материалах доношения Астраханской рыбной конторы. В нем отмечалось, что на казенных водах — на горловинах и в степных протоках калмыки, «весьма многочисленностью», добывали рыбу, нанося убыток казенным ловцам [О недопущении калмыков 1830: 587]. Астраханская рыбная контора требовала у губернской канцелярии сослать в степи ловивших рыбу калмыков. В указе отмечалось, что вопрос об ограничении калмыцкого рыбного промысла на казенных промыслах ставился перед наместником Дондук-Даши еще в декабре 1745 г. 6 мая 1746 г. Камер-коллегия сообщалась о ссылке калмыков с казенных рыбных промыслов [О недопущении калмыков 1830: 588]. 11 мая 1746 г. в Астраханскую губернскую канцелярию был направлен указ из Камер-коллегии о выселении калмыков с казенных рыбных промыслов и учугов.

И. О. Брылкину был направлен указ о недопущении калмыков к ловле рыбы на казенных рыбных промыслах, Коллегии иностранных дел было предписано подтвердить наместнику Дондук-Даши запрет лова [[О недопущении калмыков 1830: 589](#)].

В декабре 1746 г. И. О. Брылкин на совещании с региональным чиновничеством принимает решение о запрете калмыкам ловить рыбу в летнее время на середине реки, о запрете рыбодобычи на Волге и больших протоках в октябре-ноябре, запрете калмыкам кочевать и добывать рыбу при казенных учугах, торговать рыбой, было принято решение обедневших калмыков, не размещенных на ватагах, расселять в Мочагах [[Батмаев 2022: 20](#)].

6. Выводы

Рыболовство, имевшее определенное распространение в Калмыцком ханстве с XVII в., в XVIII в. становится частью экономической жизни калмыцкого народа, интегрировавшегося в региональную систему рыбодобычи и осуществлявшего самостоятельный вылов рыбы. Несанкционированный вылов рыбы калмыками встречает противодействие со стороны региональных рыбопромышленников, оказывавших воздействие на региональные власти и Российского государства, с начала XVIII в. систематизировавшего рыбный промысел в стране.

Политическая ситуация в Калмыцком ханстве, опыт рыбодобычи, существование значительных рыбных ресурсов в регионе, климатические условия и кризис скотоводства приводят к активизации вылова рыбы калмыками в 40-е гг. XVIII в. Наличие сложившейся региональной системы рыбодобычи приводит к конфликтам между рыбопромышленниками-откупщиками и населением Калмыцкого ханства, осуществлявшим добычу рыбы. В 40-е гг. XVIII в. калмыцкий рыбный промысел был регламентирован и ограничен государством в процессе многолетнего диалога с калмыцкими владельцами, региональными рыбопромышленниками и межведомственного взаимодействия. Значительный комплекс документов, связанных с систематизацией калмыцкой рыбодобычи, отложился в фондах НА РК и ГА АО.

Несмотря на стремление регламентировать рыбный промысел населения Калмыцкого ханства, правительство не было заинтересовано в активизации калмыцкой рыбодобычи, создававшей конкуренцию существовавшим промыслам оседлого населения. Рыболовство, последовательно развивавшееся у калмыков с XVII в., не рассматривалось правительством в качестве значимого направления развития экономики для Калмыцкого ханства.

Источники

ГА АО — Государственный архив Астраханской области.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкии.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

State Archive of Astrakhan Oblast.

Литература

Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского и поступков их ханов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 158 с.

- Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках: события, люди, быт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 381 с.
- Батмаев 2002 — *Батмаев М. М.* Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: Джангар, 2002. 400 с.
- Батмаев 2022 — *Батмаев М. М.* Развитие калмыцкого рыболовства в XVIII в. и его регулирование российской администрацией // Вестник Калмыцкого университета. 2022. № 3(55). С. 14–21.
- Батмаев и др. 2021 — *Батмаев М. М., Кольцов П. М., Мургаев С. М., Умгаев С. А.* В. Н. Татищев и вопросы улучшения экономического положения калмыцкого народа // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (5). С. 910–918. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-910-918
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- Крепская 2008 — *Крепская И. С.* Калмыки в экономической политике России (1700–1771 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2008. 21 с.
- Манджиев 2020 — *Манджиев А. К.* К вопросу о развитии рыболовства у калмыков в дореволюционный период // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 2. С. 232–243. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-2-232-243
- О недопущении калмыков 1830 — О недопущении калмыков к ловле рыбы на Астраханских казенных рыбных промыслах // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. Первое. Т. XII. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Имп. Величества Канцелярии, 1830. С. 587–589.
- Об отдаче рыбных ловель 1830 — Об отдаче рыбных ловель на откуп, и о ведении оных в Ижерской Канцелярии // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. IV. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Имп. Величества Канцелярии, 1830. С. 232–240.
- Очерки истории 1967 — Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 479 с.
- Пальмов 1924 — *Пальмов Н. Н.* К истории рыбной промышленности в Астраханском крае в первой половине XVIII века // Наш край. 1924. № 4. С. 113–135.
- Панченко 2006 — *Панченко И. С.* Развитие калмыцкого рыболовства в 40-е гг. XVIII в. // Востокведные исследования в Калмыкии: Сб. науч. тр. Вып. 1. Элиста: КГУ, 2006. С. 35–40.
- Панченко 2007 — *Панченко И. С.* Политика России и экономическое развитие Калмыкии в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, Политология. 2007. № 4/3. С. 253–256.
- Струбалина 1989 — *Струбалина Н. К.* Из истории освоения рыбных богатств Каспия и Астраханского края. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1989. 94 с.
- Цюримов 2007 — *Цюримов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2007. 464 с.

References

- Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, Especially the Torgout People, and the Deeds of their Khans. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 158 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. Development of the Kalmyk Fishery in the 18th Century and its Regulation by the Russian Administration. *Bulletin of the Kalmyk University*. 2022. No. 3(55). Pp. 14–21. (In Russ.)
- Batmaev M. M. Kalmyks in the 17th–18th Centuries: Events, People, Everyday Life. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. Socio-Political System and Economy of the Kalmyks in the 17th–18th Centuries. Elista: Dzhangar, 2002. 400 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M., Koltsov P. M., Murgaev S. M., Umgaev S. A. Vasily Tatishchev and Issues of Improving the Kalmyk People's Economic Conditions. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (5). Pp. 910–918. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-910-918 (In Russ.)
- History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day: in 3 Vol. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. 848 p. (In Russ.)

- Krepskaya I. S. Kalmyks in the Economic Policy of Russia (1700–1771). Cand. Sc. (History) thesis abstract. Astrakhan, 2008. 21 p. (In Russ.)
- Mandzhiev A. K. Revisiting Pre-Revolutionary Fishing Practices of the Kalmyks. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 2. Pp. 232–243. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-2-232-243 (In Russ.)
- On the Non-Admission of Kalmyks to Fishing in the Astrakhan State-owned Fisheries. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection. Vol. 12. St. Petersburg: Tipografiya II of the Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. Pp. 587–589. (In Russ.)
- On the Auction of Fisheries and on their Holding in the Izhera Chancellery. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection. Vol. 4. St. Petersburg: Tipografiya II of the Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. Pp. 232–240. (In Russ.)
- Essays on the History of the Kalmyk ASSR. Pre-October period. Moscow: Nauka, 1967. 479 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. On the History of the Fishing Industry in the Astrakhan Region in the first half of the 18th Century. *Nash Krai*. 1924. No. 4. Pp. 113–135. (In Russ.)
- Panchenko I. S. Development of the Kalmyk Fishery in the 1740s. *Oriental Studies in Kalmykia*. Collection of Scientific Articles. No. 1. Elista: Kalmyk State University, 2006. Pp. 35–40. (In Russ.)
- Panchenko I. S. Russian Policy and Economic Development of Kalmykia in the first half of the 18th Century. *Bulletin of the Altai State University*. Series “History, Political Science”. 2007. No. 4(3). Pp. 253–256. (In Russ.)
- Strubalina N. K. From the History of Exploration of the Fish Resources of the Caspian Sea and the Astrakhan Region. Volgograd: Lower Volga Book Publ., 1989. 94 p. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. The Kalmyk Khanate as Part of Russia: Problems of Political Relationships. Elista: Dzhangar, 2007. 464 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 16, Iss. 4, pp. 682–693, 2024
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-682-693

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 243.4(092)

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-682-693

Б. Д. Дандарон: жизнь, посвященная духовному совершенствованию

Светлана Зиннатовна Ахмадулина¹, Тимур Баторович Бадмацыренов²

¹ Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (д. 24 а, ул. Смолина, 670000
Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник

0000-0002-8254-6036. E-mail: lana_clio[at]mail.ru

² Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (д. 24 а, ул. Смолина, 670000
Улан-Удэ, Носсийская Федерация),

доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

0000-0002-6363-9464. E-mail: batorovitch[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Ахмадулина С. З., Бадмацыренов Т. Б., 2024

Аннотация. *Введение.* Жизнь Бидии Дандаровича Дандарона — это путь духовного подвижника, Учителя, философа, ученого-буддолога, тибетолога, йогина и мастера буддийской тантры, человека, который в советскую эпоху внес большой вклад в распространение буддизма. На примере трагичной судьбы Б. Д. Дандарона можно проследить развитие религиозной политики Советского государства по отношению к буддизму. *Цель* данной статьи — изучить биографию Б. Д. Дандарона и деятельность его последователей («дандароновцев») через призму духовного подвижничества. *Материалы и методы.* Основными источниками для статьи послужили материалы семейного архива, рассказы и воспоминания родственников, друзей и учеников, которые вошли в состав «Мирской Сангхи» Б. Д. Дандарона. *Результаты.* Рассмотрены биографии Б. Д. Дандарона и его духовного Учителя Лубсана Самдана Цыденова, этапы их обучения и становления крупными религиозными деятелями. Подробно описана роль Бидии Дандарона и его учеников в становлении «Мирской Сангхи». Уделено внимание современному состоянию группы последователей — «дандароновцев». *Выводы.* Результаты исследования позволяют заключить, что Бидия Дандарович Дандарон внес серьезный вклад в советское время в распространение буддизма, в частности распространение буддийского учения среди его учеников — выходцев из европейской части России. Жизнь Бидии Дандаровича Дандарона, его тесное взаимодействие с русской интеллигенцией, европейской цивилизацией и образованием стали фундаментом для распространения буддизма среди российских верующих и проникновения ценностей западного мира в бурятский буддизм. Религиозно-философская основа евразийского синтеза была заложена в мировоззрение бурятской интеллигенции благодаря Бидии Дандаровичу Дандарону.

Ключевые слова: буддизм, Б. Д. Дандарон, Мирская Сангха, необуддизм, дандароновцы, тантра, Бурятия

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Традиционный буддизм, постсекулярность и современные общественно-политические процессы в России и Монголии» (№ 24-48-03022, <https://rscf.ru/project/24-48-03022/>).

Для цитирования: Ахмадулина С. З., Бадмацыренов Т. Б. Б. Д. Дандарон: жизнь, посвященная духовному совершенствованию // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 682–693. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-682-693

B. D. Dandaron: Life Dedicated to Spiritual Perfection

Svetlana Z. Akhmadulina¹, Timur B. Badmatsyrenov²

¹ Dorzhi Banzarov Buryat State University (24a, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Senior Research Associate

 0000-0002-8254-6036. E-mail: lana_clio[at]mail.ru

² Dorzhi Banzarov Buryat State University (24a, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Leading Research Associate

 0000-0002-6363-9464. E-mail: batorovitch[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Akhmadulina S. Z., Badmatsyrenov T. B., 2024

Abstract. Introduction. The life of Bidya Dandarovich Dandaron is the path of a spiritual adept, teacher, philosopher, Buddhologist, Tibetologist, yogi and master of Buddhist tantra, a man who made a great contribution to the spread of Buddhism in the Soviet period. On the example of the tragic fate of B. D. Dandaron it is possible to trace the development of the religious policy of the Soviet state towards Buddhism. The *purpose* of the article is to study the biography of B. D. Dandaron and the activities of his followers through the prism of spiritual movement. *Materials and methods.* The main sources for the studying were the family archive materials, stories and memories of relatives, friends and students who were part of the B. D. Dandaron's "Secular Sangha". *Results.* The biographies of B. D. Dandaron and his spiritual teacher Lubsan Sandan Tsydenov, the stages of their training and becoming major religious figures are considered. The role of Bidya Dandaron and his disciples in the formation of the "Secular Sangha" is described in detail. Attention is paid to the current state of the group of Dandaron's followers. *Conclusions.* The results of the study allow us to conclude that Bidya Dandarovich Dandaron made a serious contribution to the spread of Buddhism in the Soviet period, in particular the Buddhist teachings among the disciples — natives of the European part of Russia. Bidya Dandarovich's life, his close interaction with the Russian intelligentsia, the European civilization and education became the foundation for the spread of Buddhism among the Russian believers and the penetration of the values of the Western world into Buryat Buddhism. The religious-philosophical basis of the Eurasian synthesis in the Buryat intelligentsia's worldview was laid thanks to Bidya Dandarovich Dandaron.

Keywords: Buddhism, B. D. Dandaron, Secular Sangha, neo-Buddhism, Dandaron's followers, tantra, Buryatia

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 24-48-03022 "Traditional Buddhism, Postsecularity and Contemporary Socio-Political Processes in Russia and Mongolia". Available at: <https://rscf.ru/project/24-48-03022/>

For citation: Akhmadulina S. Z., Badmatsyrenov T. B. B. D. Dandaron: Life Dedicated to Spiritual Perfection. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(4): 682–693. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-682-693

1. Введение

В декабре 2024 г. исполняется 110 лет со дня рождения Бидии Дандаровича Дандарона — духовного Учителя и проповедника, философа, ученого-буддолога, йогина и мастера буддийской тантры, человека, который в советский период многое сделал для продвижения буддизма на Запад.

В 1914 г. в Кижингинской долине в семье вышедшего из дацана известного тантриста и религиозного поэта, бурятского философа Агвана Силнама Тузол Доржи Шоб (Бадмаева) и Абидуевой Бальжимы родился Бидиядара (санскр. Видьяхара ‘Держатель Знания’), детское его имя — Зида-Базар (санскр. Чита-Ваджра ‘Алмаз Мысли’) [[Жалсараев 2011: 244](#)].

В статье В. Пупышева подробно описан чудесный рассказ, предзнаменовавший рождение Бидии Дандаровича Дандарона. Матери Б. Д. Дандарона, Бальжигме Абидуевой, рассказала свое видение во сне близкая подруга. Она описывала солнце, которое упало ей в руки с неба и которое она потом как подарок передала Бальжигме. Вскоре после этого сновидения у Бальжимы родился сын, и вера в предвидение была настолько сильной, что ее подруга сетовала, сожалея, что не оставила во сне подарок для себя [[Пупышев 1995: 9](#)].

В раннем детстве родителей маленького Бидии просили отдать его на обучение представители делегации буддистов Тибета, которые считали его перевоплощением Джаягсы гэгэна Ринпоче XIII Галсана Цултима Данбий Нимы, хамбо-ламы монастыря Гумбум Джамбалин, основанного на месте рождения известного буддийского реформатора Цзонхавы [[Альбедиль 2015: 145–154](#)]. Отец отказал, мотивировав тем, что у Бидии другие задачи и он нужен бурятской земле.

Отец Бидии Дандарона был учеником Лубсана-Самдана Цыденова, одного из известнейших буддийских общественно-политических деятелей начала XX в., незаурядного человека, буддийского мыслителя, известного йогина.

Цель нашего исследования — изучить биографию Б. Д. Дандарона сквозь призму его духовного подвижничества и распространения буддийского учения среди его учеников, которые вошли в состав «Мирской Сангхи».

2. Материалы и методы

Основными источниками для статьи послужили материалы семейного архива, рассказы и воспоминания родственников, друзей и учеников, которые вошли в состав «Мирской Сангхи» Б. Д. Дандарона. Воспоминания о жизни и деятельности Б. Д. Дандарона, также фотоматериалы были представлены его старшей дочерью — Гургормой Бидияевной. Был проведен контент-анализ сайта учеников Б. Д. Дандарона — Правидья. Исследование основано на принципах историзма и объективности. Для решения поставленных задач были использованы специальные методы исторической науки — конкретно-исторический и сравнительно-исторический, метод включенного наблюдения.

3. Биографические сведения о Лубсан-Самдан Цыденове

Лубсан-Самдан Цыденов (1851–1922 гг.) — лама-основатель реформистского внедацанского направления, ориентированного на традиции махасиддх Индии, йогин. Ученик легендарного Намнанэй-ламы и учитель Б. Д. Дандарона. Он стоял у истоков национально-теократического движения Бурятии в начале 20-х гг. XX в. Бурятское население Хоринского ведомства провозгласило его царем (Дхармараджей (Хан-ламой)) государства Кодунай Эрхидж балгасан. Он — один из первых лам, подвергшихся репрессиям [[Васильева 2021: 329](#)].

По легенде, Лубсан-Самдан на коронации императора Николая II был единственным участником из представителей бурятской делегации, кто не преклонил колени перед государем, считая, что мирскому владыке не должен кланяться владыка духовный. И в этом отношении лама был прав: в соответствии с правилами Винаи монах не мог оказывать почести светскому лицу. Позже Лубсан-Самдан получил духовное звание «Дхармараджа» [[Жалсараев 2011: 244–245](#)]. Это титул Царя Учения трех миров — нашего мира или мира страстей, мира богов и других существ или мира форм, и мира высоких духов или мира без форм.

Остановимся на нескольких эпизодах жизни Лубсана-Самдана Цыденова, которые иллюстрируют процессы развития буддийской общины Бурятии. Лубсан-Самдан инициировал и активно продвигал идею реформирования буддизма, суть которой заключалась в призыве верующих покидать дацаны — «места сансары». По мнению Л.-С. Цыденова, в дацанах изучали и практиковали различные искаженные формы буддийской религии [[Янгутов, Урбанаева 2014: 27–28](#)].

Разговоры о необходимости реформирования буддизма в Бурятии продолжались. После приезда в регион известного тулку Акпа-гэгэна и настоятеля монастыря Гумбум Джаягсы-гэгэна, настоятель и представители буддийского духовенства Чесанского дацана, а также Л.-С. Цыденов и Агван Силнам провели несколько встреч, на которых рассматривали современное состояние бурятского буддизма и перспективы его развития.

Вслед за отъездом досточтимых гостей в Тибет Агван Силнам и Л.-С. Цыденов вышли из состава лам Кижингинского района. Вместе со своими учениками духовные подвижники поселились в местности Соорхой. Именно в это время, в период углубленного погружения Л.-С. Цыденова в созерцание Ваджрабхайравы, он был назван Дхармараджей.

Выход из буддийских монастырей Лубсана-Самдана Цыденова и его учеников и создание общин йогин-созерцателей стали началом реформирования буддизма. Исследователи считают, что со времен известного тибетского реформатора, основателя школы гелуг Цзонхавы это была одна из самых значительных реформ буддийской религии. Целью реформаторской деятельности для подвижника было приспособление буддизма к новым социокультурным условиям наступающего XX в. Провозглашался отказ от внешней обрядовой формы в пользу философских оснований раннего индийского буддизма. Лубсан-Самдан Цыденов призывал образовывать тантрические общины в уединенных таежных местностях и выйти из официальных дацанов [[Буддизм в истории 2014: 177–178](#)]. По мнению Л.-С. Цыденова, в современном мире исключительно дацанская система существования буддизма не способна сохранить Учение. Последующие исторические события — антирелигиозная политика, разгром дацанов в советском государстве, затем уже в Монголии и Китае — стали подтверждением его мнения.

По мнению Л. Е. Янгутова и И. С. Урбанаевой, личность и поведение Л.-С. Цыденова «напоминают знаменитых тибетцев, критиковавших недостатки монастырского буддизма, — таких как странствующий йогин Друпа Кунли или бунтарь и философ Гендун Чопел», а само движение схоже с тибетским внесектарным движением Ригме (rigmed) [Янгутов, Урбанаева 2014: 28].

Не останавливаясь на причинах затворничества Лубсана-Самдана Цыденова, отметим, что длилось оно более двух десятилетий. Подобная практика, когда йогин посвящал свою жизнь духовному самосовершенствованию вдали от светского мира, известна в буддизме.

Уединенная жизнь, по мнению духовных подвижников, должна была быть дополнена линиями других буддийских практик. Чтобы познакомиться и заимствовать опыт буддийских школ, не известных в Бурятии, Л.-С. Цыденов отправляет своего ученика для прохождения обучения в Китай. Агван Силнам после обучения передал свои посвящения своему учителю — Лубсану-Самдану [Пупышев 1995: 10–11]. После этого они в равной степени стали друг для друга учителями и учениками и заложили основу для возникновения первой «Мирской буддийской Сангхи» (общины) на территории этнической Бурятии. Позже, в 20-е гг. XX в., свой титул Дхармараджи Лубсан-Самдан Цыденов передал малолетнему ученику Б. Д. Дандарону, назвав его продолжателем своего дела, духовным наследником. [Пупышев 1995: 11].

Особое место в жизни Лубсана-Самдана Цыденова занял проект Кудунского теократического государства. Идея государственного проекта Л.-С. Цыденова заключалась в сочетании республиканского типа государства с традициями дхармического государственного образования, возглавляемого просветленным тантрийским божеством [Цыремпилов 2015: 321]. «Теократическое балагатское движение», которое во время Гражданской войны охватило жителей Хоринского аймака, оказало большое влияние и на судьбу семьи Б. Д. Дандарона. Началось это движение с нескольких резолюций, принятых на аймачных съездах хоринцами, которые отказывались от призыва в вооруженные формирования красных («Улан-Цагда») и белых («Саган-Цагда»), мотивировалось это тем, что в имперский период буряты никогда не привлекались для несения действительной военной службы, за исключением бурят-казаков. Начавшись с резолюций против призыва на военную службу, движение вылилось в движение за идею административно-национальной автономии.

В начале 1919 г. инициативные жители Хоринского аймака обратились к Л.-С. Цыденову как почитаемому святому, который к тому времени пробыл в затворничестве более двадцати лет возле села Усть-Орот, в местности Соорхой. Весной 1919 г. был разработан основной закон Кудунского теократического государства, согласно которому его возглавил по праву человека, который, как считалось, воплотил в себе тантрийское божество Ямантака и выполняющего его волю Йогачари Номун Хана, — Цог Тугульдур Дармаранза¹ Лубсан-Самдан Цыденов [Цыремпилов 2015: 329]. Государственный теократический проект просуществовал очень недолгое время, и вскоре Л.-С.Цыденов и многие его

¹ Титул Дхармараджа является комбинацией санскритских и монгольских слов, которая в дословном переводе на русский означает «Йогин, Царь Учения, Величественный и совершенный Царь Дхармы. Дармаранза — монгольская передача санскритского термина дхармараджа (санскр. dharmaṛāja), использовавшегося в индуистской и буддийской традициях для обозначения правителя, покровительствующего религии.

последователи были арестованы действующим правительством, их обвинили в антисоветской и контрреволюционной деятельности. По официальной версии Лубсан-Самдан Цыденов умер в тюремной больнице г. Ново-Николаевска весной 1922 г. [Васильева 2021: 324]. Однако среди его последователей сохранялись рассказы о его чудесных преобразованиях и исчезновении. Безусловно, его образ, жизнь и деяния продолжились в его учениках, и прежде всего в Бидии Дандаровиче Дандароне.

4. Жизнь и деятельность Бидии Дандарона, время репрессий

С раннего возраста лама Лубсан-Самдан Цыденов был учителем Бидии, обучал его основам и буддийской философии, письменности, языкам (тибетскому и монгольскому). Бидия учился в школах Кижинги и Кяхты. Долгое время он учился и работал в Бурятии. После женитьбы на Е. А. Шулуновой вместе с семьей переехал в Ленинград. Поступил в Институт авиаприборостроения, одновременно посещал лекции известного ученого-тибетолога Ленинградского университета А. И. Вострикова. Именно здесь начинаются трагичные страницы жизни Б. Д. Дандарона. 1937 год стал переломным в жизни Бидии Дандарона, его арестовали и приговорили к высшей мере наказания, затем заменив на лагерный срок. Сам он рассказывал своим близким, что прошел через имитированную казнь во дворе тюрьмы. Обвинения звучали в духе времени — шпионаж в пользу Японии и деятельность в пользу движения, направленного на объединение в единое независимое государство монгольских народов (панмонголизм).

Начало Великой Отечественной войны вносит коррективы в сибирскую лагерную жизнь Б. Д. Дандарона. Он пишет несколько обращений, рвется на фронт, что возможно и стало причиной его досрочного освобождения в 1943 г.

Годы лагерной жизни стали временем знаковых встреч со многими интересными людьми своего времени, среди них были ученые самых различных специальностей, историки, философы и репрессированные бурятские ламы. Все это тяжелейшее время Б. Д. Дандарон усердно практиковал буддийское тантрийское созерцание. В разговорах со своими близкими и учениками часто рассказывал, что только ежедневная практика помогла ему. Он не пропускал ни одного дня, причем практиковать приходилось по ночам, после отбоя. Первое время охранники делали ему замечания, почему он сидит, а не спит как остальные. Бидия Дандарович пытался объяснить, что только так может уснуть из-за больного сердца. Постепенно к его «чуждачествам» привыкли, не замечали. Но при таких интенсивных занятиях и ежедневном труде, отсутствии должных условий и скудном питании подобный образ давался очень тяжело [Пупышев 1995: 9–10]. Тем не менее именно в застенках лагерей были подготовлены первые научные работы — «Эстетика» и «О взаимоотношении материи и духа», «Необуддизм» и др.

Жизнь после лагеря постепенно налаживалась, Б. Д. Дандарон вновь женился — на кижингике Зундыме. Однако новый виток репрессий в послевоенное время вновь затронул семью Дандарона. Незадолго до своего очередного ареста в 1947 г. он обратился к И. В. Сталину с письменной просьбой об открытии буддийского дацана в Бурятии. Разрешение было получено уже после его ареста. Освободили и полностью реабилитировали Бидию Дандарона в 1956 г. [Дандарон 2006: 26–31]. Это время, когда начинается его активная и плодотворная

научная деятельность, связанная с Институтом востоковедения АН СССР и Бурятским институтом общественных наук. Здесь проводилась серьезная работа по переводу рукописей и ксилографов. Переводческая деятельность нашла свое отражение в публикации научных трудов, в частности в «Описании рукописей и ксилографов», где содержатся сочинения тибетских и монгольских авторов. Б. Д. Дандарон подготовил серию монографических изданий, различные статьи, переводческие труды.

В эти же годы состоялась встреча с известным востоковедом, много лет прожившим в Тибете и Индии, — Юрием Рерихом. В 1957 г. они с Бидией Дандаровичем познакомились в Москве, а через два года Юрий Николаевич приехал в столицу Бурятии. Совместными усилиями был намечен план работ по развитию российской буддологической науки. По мнению исследователей, одной из приоритетных задач было создание русско-тибетского словаря, так как словарь 30-х гг. XIX в. Я. Шмидта стал редким изданием и требовал дополнений. К сожалению, в 1960 г. Ю. Н. Рерих скончался, а Б. Д. Дандарон продолжил свою кропотливую работу по составлению словаря, который был издан в 1963 г. небольшим тиражом [Дандарон 2007]. В 1970 г. вышла одна из самых его знаковых книг «Мысли буддиста», которая разошлась в самиздате под псевдонимом Читта-Ваджра (детское имя Бидии) [Дандарон 2007]. В первой части книги изложена общая концепция буддизма. Путь совершенствования или абсолютная часть изложена во второй части книги. В последующем именно эта работа легла в основу обвинительных материалов на судебном процессе 1972 г., который вошел в историю как «дело Дандарона».

4. «Мирская Сангха» Б. Д. Дандарона

Первыми учениками Бидии Дандаровича Дандарона стали люди разных национальностей, преимущественно интеллигенция, с которыми он встретился в годы лагерной жизни. В 1965 г. к нему приезжает первый западный ученик, которого, как утверждал Б. Д. Дандарон, он уже ожидал. Этим учеником оказался Александр Иванович Железнов, благодаря деятельности которого буддизм как религиозное учение стал активно распространяться среди выходцев из европейской части России. А. И. Железнов родился в 1940 г. в Москве. Известный буддолог, тибетолог, художник и религиозный деятель. В 1972 г. был арестован по делу Б. Д. Дандарона, где участие в религиозно-философском кружке представлялось как деятельность изуверской секты. Его, как и нескольких других учеников, признали психически больными и направили на принудительное лечение, лишив возможности работы по специальности. Уже после смерти Б. Д. Дандарона А. И. Железнов возглавил созданную им первую буддийскую общину СССР в традиции ваджраяны, которая была направлена на западных учеников [Монтлевич 2019: 9–10].

Впоследствии к Б. Д. Дандарону приехали ученики из европейской части России, с территории Прибалтики и Украины. На процессе 1972 г. было озвучено более шестидесяти имен последователей Б. Д. Дандарона, часть из них были приезжими, остальные местными. Так была сформирована «Мирская буддийская Сангха» Дандарона, это была община одного Учителя.

В конце 1960-х гг. в г. Ленинграде образовалась маленькая буддийская община — это были в основном молодые интеллектуалы, окончившие различные

ленинградские вузы, ученики Бидии Дандарона, которые стали изучать буддизм и заниматься ритуальными практиками. Собираясь на частных квартирах, они совершали ритуал поклонения Учителю («согшод»), за что впоследствии на них и обрушились репрессии властей [Андреев 2012: 172–174]. Работа этой группы, называвшей себя «мирской сангхой» (термин Б. Д. Дандарона), дала толчок к возрождению буддийской традиции в Ленинграде.

Позднее, в 1970–1980-е гг., появились группы европейских буддистов «второй волны» (не связанные с «сангхой» Дандарона), также подпольно практиковавшие тибетский буддизм. Осенью 1988 г. инициативная группа буддистов Ленинграда (В. М. Монтлевич, А. Ю. Матвеев и А. Б. Болдин) обратилась в Совет по делам религий при Совете министров СССР с призывом вернуть здание Ленинградского дацана и начала с этой целью сбор подписей среди постоянно проживающих в городе буддистов. Затем 1 февраля 1989 г. в Ленинградский городской исполком было подано заявление с просьбой официально зарегистрировать вновь сформировавшуюся общину буддистов Ленинграда. К заявлению прилагался список 117 членов-учредителей (30 бурят, 38 монголов, девять шриланкийцев, один татарин и 39 жителей европейской части страны). Совет общины развернул активную деятельность. Общину и храм в этот период посетили многие зарубежные гости — буддисты из Японии, Кореи, Шри-Ланки, Таиланда. Летом 1989 г. Совет по делам религий зарегистрировал Ленинградское общество буддистов. Новая община состояла в основном из бурят и прежних «подпольных» буддистов-европейцев [Андреев 2012: 174–176]. Так стремление и активные действия верующих на западе страны привело к возрождению буддизма в Северной столице. Во многом это стало возможно и благодаря ученикам Бидии Дандаровича Дандарона.

Ирина Геннадиевна Васильева — также одна из учениц Б. Д. Дандарона, родилась в 1951 г. в семье геологов поселка Хову-Аксы Тувинской АССР. Окончила Бурятский педагогический институт (БГПИ) им. Доржи Банзарова, историко-филологический факультет. И. Г. Васильева со временем стала одной из активных участниц буддийской мирской общины Бидии Дандарона, а после судебных разбирательств и ареста руководителя долгое время была лишена возможности работать по специальности. Позже она получила возможность работать в Бурятском Объединении музеев, а в «Бурятпроектреставрации» она возглавила исследовательский отдел, который занимался реставрацией Тамчинского (Гусиноозерского) дацана [Васильева, Цыренова 1989: 5–6].

Сегодня И. Г. Васильева — автор известных книг, которые посвящены истории буддизма в Бурятии. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает монография «Семнадцать больших Светильников. Материалы к жизнеописанию Хамбо-лам» [Васильева 2021]. В данной работе автор скрупулезно систематизировал и дополнил материалы о жизни и деятельности буддийского духовенства с момента его возникновения на территории Восточной Сибири и до начала Великой Отечественной войны. Работа автора интересна полевыми исследованиями, интервью, архивными источниками, которые до сегодняшнего дня не были введены в научный оборот, редкими фотоматериалами. Сам автор в предисловии своей работы объясняет свой интерес к теме бурятского буддизма событиями, связанными с поиском материалов, которые были необходимы для реставрационных работ Гусиноозерского дацана. Этот уникальный памятник

истории и культуры бурятского народа на протяжении длительного времени был резиденцией Хамбо-лам Восточной Сибири. По словам И. Г. Васильевой, «„Семнадцать больших светильников“ — это моя память о тех, кто вложил сердце в восстановление храма в Тамче, и, конечно, дань почитания Хамбо-ламам прошлых столетий» [Васильева 2021: 10–12]. До сегодняшнего дня И. Г. Васильева продолжает дело по сохранению исторической памяти о Бидии Дандаровиче Дандароне.

В деле продвижения буддизма на Запад Бидии Дандарону помогали ламы, которые, вернувшись из ссылки, продолжили религиозную деятельность. В частности это настоятель Иволгинского дацана Ц. Цыбенов, Ц. Гатавон, Гэндун-Цырен лама, Дид-хамбо (впоследствии хамбо-лама) Ж.-Ж. Эрдынеев и некоторые другие. В последующем ученики появляются у лам дацанов Иволги и Агинского округа. Многие старики, прошедшие через лагеря, обладающие знаниями о буддизме, также привлекали внимание тех, кто нуждался в духовном поиске, верующих по традиции.

Бидия Дандарон продолжал давать свои письменные и устные наставления верующим единомышленникам. Огромная работа была проделана по переводу текстов, связанных с тантрийской практикой, с тибетского и монгольского языков. В начале 1970-х гг. он занялся переводом книги великого йогина Тибета Нацог Рандола «Карнатантра», более известной под кратким названием «Сабмо янтиг». В данном труде изложены основы «дзогчен», «великого завершения». Отметим, что переводческие труды такого рода текстов на английском языке появились лишь в 90-е гг. XX в. Завершить перевод до конца Бидии Дандаровичу не удалось, переводные части были у него изъяты при обыске накануне ареста в 1972 г. Очередной арест духовного Учителя вызвал широкий общественный резонанс. В защиту Бидии Дандарона выступил известный общественный деятель, академик А. Д. Сахаров, также некоторые печатные издания — российские и зарубежные. Несмотря на всемерную общественную поддержку, итогом судебного процесса стало осуждение Б. Д. Дандарона к пяти годам лагерей. Его ближайших учеников признали психически больными и направили на принудительное лечение в Ленинград, Киев и Каунас. Остальные участники обвинений были уволены с работы. Для того чтобы помочь Б. Д. Дандарону, предпринял усилия Пандито хамбо-лама Жамбал-Доржи Гомбоев, однако и это не принесло ощутимых результатов. Вновь в совершенно нечеловеческих условиях приходилось отстаивать свою религиозную убежденность и продолжать работу по изложению своего видения философии буддизма. В лагере Бидия Дандарон подготовил один из основных трудов своей жизни — «Черную тетрадь», по доносу эта книга была изъята, впоследствии найдена в архивах Комитета государственной безопасности и издана [Дандарон 1995]. Умер Бидия Дандарович в октябре 1974 г. в лагере п. Выдрино [Жалсараяев 2011: 245].

5. Заключение

Список работ Б. Д. Дандарона, составленный им во время последнего ареста, составляет 37 работ, при этом не включаются в него неопубликованные труды. Большая часть из них — плановые переводческие тексты первоисточников по буддийской философии. Но наиболее известные не входили в этот список. Это

фундаментальные работы: «Письма о буддийской этике» (1956 г.), «Мысли буддиста» (1960–1970 гг.), «Черная тетрадь» (1972–1974 гг.) [Дандарон 1993]. Эти работы представляют собой законченный философский проект. Написаны они были в трудных жизненных условиях, у каждой из них своя необычная история, при этом автор не рассчитывал, что они могут быть изданы. Сегодня они составляют теоретическую основу учения необуддизма, у истоков возникновения которого стоял Бидия Дандарович Дандарон. Его духовное подвижничество, серьезная научная и переводческая деятельность легли в основу современного теоретического прочтения буддизма, развивая духовную традицию передачи учения на Запад, что повлияло и на возрождение буддийской религии в современной России.

Формирование «Мирской Сангхи» стало также одним из результатов духовного подвижничества Бидии Дандарона. Оригинальный способ изложения своих мыслей, научный язык, философская эрудиция приблизили понимание буддизма для тех людей, которые были воспитаны и образованы в современной западной культуре. Он показал, что доступ к буддизму не ограничен этнической принадлежностью, иными религиозными верованиями. Основная цель, которую преследовал Бидия Дандарович, — показать, что буддизм — высший интеллектуальный и философский уровень понимания реальности, осознания истинных жизненных целей и смысла существования человека [Филатов 2007: 28–33]. Б. Д. Дандарон — выдающийся буддийский мыслитель, ученый с мировым именем, который оставил после себя не только серьезный комплекс буддологических исследований, но и труды по истории западной философии. В частности это трактат «Эстетика» о развитии эстетической мысли на Западе и истории западных эстетических теорий [Нестеркин 2023: 22–23].

Сегодня дело Бидии Дандаровича Дандарона продолжают его ученики — «дандароновцы». На сайте «Правидья» представлены традиция, история, и основные философские положения буддизма [Правидья 2024]. Ученики именуют себя последователями «Полноты Учения Дандарона, великого подвижника Дхармы 20 столетия». Источником своих знаний они указывают буддийский канон, практику и проповедь Учителей. Считают, что для буддизма необходимость Учителя — абсолютная истина. Верующие, по их утверждению, являются сторонниками русского буддизма, основанного на каноне и российской буддологии, необуддизме Бидии Дандаровича Дандарона и энергии его призыва «Тантра на Запад!», достоинстве русской цивилизации и на собственных изысканиях, получивших название «Нетроственность». По мнению учеников Б. Д. Дандарона, буддизм обрел новую духовную и историческую родину — Россию.

Литература

- Альбедиль 2015 — Альбедиль М. Ф. О необуддизме Б. Д. Дандарона // Учение Будды в России: 250 лет институту Пандито Хамбо-лам. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. С. 145–154.
- Андреев 2012 — Андреев А. И. Храм Будды в северной столице. СПб.: Нартанг, 2012. 288 с.
- Буддизм в истории 2014 — Буддизм в истории и культуре бурят / под ред. И. Р. Гарри. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014. 432 с.
- Васильева 2021 — Васильева И. Г. Семнадцать больших Светильников. Материалы к жизнеописанию Хамбо-лам. СПб.: Нартанг, 2021. 464 с.
- Васильева, Цыренжапова 1989 — Васильева И. Г., Цыренжапова Ц. Д. Историко-архив-

- ные и библиографические изыскания и составление исторической справки к проекту реставрации памятника истории и архитектуры XVIII века комплекса Гусиноозерского буддийского монастыря. Улан-Удэ: Бурятпроектреставрация, 1989. 301 с.
- Дандарон 1993 — Дандарон Б. Д. Из истории бурятских дацанов (Бурятская историческая хроника) // Гаруда. 1993. № 2, 3. С. 37–39.
- Дандарон 1995 — Дандарон Б. Д. Черная тетрадь о Четырех Благородных Истинах Будды. СПб.: Дацан Гунзэчойнэй, 1995. 96 с.
- Дандарон 2006 — Дандарон Б. Д. Из истории бурятских дацанов (Бурятская историческая хроника) // Дандарон Б. Д. Избранные статьи. Черная Тетрадь: материалы к биографии. СПб.: Евразия, 2006. С. 26–31.
- Дандарон 2007 — Дандарон М. Б. Необуддизм. Синтез Дхармы и науки: религиозно-научный синкретизм в философской системе Б. Д. Дандарона. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2007. 191 с.
- Жалсараев 2011 — Жалсараев А. Д. Время. События. Люди: хронологический перечень дат и фактов из истории этнической Бурятии (эпоха палеолита – 2010 год). Улан-Удэ: Респ. тип., 2011. 408 с.
- Монтлевич 2019 — Монтлевич В. М. Краткая биография Б. Д. Дандарона. Архивная копия от 20 марта 2019: К семинару «„Дело Дандарона“, 25 лет спустя» (Музей-квартира П. К. Козлова, 19 дек. 1997 г.) [электронный ресурс] // URL: http://www.dandaron.ru/rus/tradition/dandaron_short_biography.html (дата обращения: 17.04.2024).
- Нестеркин 2023 — Нестеркин С. П. Философия Шопенгауэра в «философских тетрадях» Б. Д. Дандарона // Философская мысль. 2023. № 11. С. 22–23.
- Правиц 2024 — Правиц. Сайт учеников Б. Д. Дандарона [электронный ресурс] // URL: <http://dandaron.ru/> (дата обращения: 18.06.2024).
- Пупышев 1995 — Пупышев В. Жизнь, посвященная духовному совершенствованию // Священный Байкал: культурно-экологический журнал. Улан-Удэ: Агропромиздат, 1995. С. 8–11.
- Филатов 2007 — Филатов С. Б. Бурятия: Евразийство в буддийском контексте // Религия и право: Информационно-аналитический журнал. 2007. № 4 (43). С. 28–33.
- Цыремпилов 2015 — Цыремпилов Н. В. Конституционная теократия Лубсан-Самдан Цыденова: попытка создания буддийского государства в Забайкалье (1918–1922 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 4. С. 318–346.
- Янгутов, Урбанаева 2014 — Янгутов Л. Е., Урбанаева И. С. Буддизм и буддология в Бурятии // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2014. № 3 (15). С. 20–41.

Reference

- Albedil M. F. About B. D. Dandaron's Neo-Buddhism. In: The Teaching of Buddha in Russia: 250 Years of the Institute of Pandito Khambo-lamas. St. Petersburg: St. Petersburgskoe Vostokovedenie, 2015. Pp. 145–154.
- Andreev A. I. Buddha Temple in the Northern Capital. St. Petersburg: Nartang, 2012. 288 p. (In Russ.)
- Dandaron B. D. From the History of the Buryat Datsans (The Buryat Historical Chronicle). *Garuda*. 1993. No. 2, 3. Pp. 37–39. (In Russ.)
- Dandaron B. D. From the History of the Buryat Datsans (The Buryat Historical Chronicle). In: Dandaron B. D. Selected Materials. Black Notebook: materials to the biography. St. Petersburg: Eurasia, 2006. Pp. 26–31. (In Russ.)
- Dandaron M. B. Neobuddhism. Synthesis of Dharma and Science: Religious and Scientific Syncretism in the Philosophical System of B. D. Dandaron. Ulan-Ude: East Siberian State Academy of Culture and Arts, 2007. 191 p. (In Russ.)
- Filatov S. B. Buryatia: Eurasianism in the Buddhist Context. *Religion and Law: Informational and Analytical Journal*. 2007. No. 4 (43). Pp. 28–33. (In Russ.)
- Harry I. (ed.) Buddhism in the History and Culture of the Buryats. Ulan-Ude: Buryaad-Mongol Nom, 2014. 432 p. (In Russ.)
- Montlevich V. M. Short Biography of B. D. Dandaron. Archive copy dated 20 March 2019: to the seminar “The Dandaron Case. 25 Years Later” (Museum-Apartment of P. K. Kozlov, 19 December, 1997). Available at: http://www.dandaron.ru/rus/tradition/dandaron_short_biography.html (accessed: 17 April 2024). (In Russ.)

- Nesterkin S. P. Schopenhauer's Philosophy in the "Philosophical Notebooks" of B. D. Dandaron. *Philosophical Thought*. 2023. No. 11. Pp. 22–23. (In Russ.)
- Pravidya. Website of B. D. Dandaron's Disciples. Available at: <http://dandaron.ru/> (accessed: 18 June 2024). (In Russ.)
- Pupyshev V. Life Dedicated to Spiritual Perfection. In: Sacred Baikal: Cultural and Ecological journal. Ulan-Ude: Agropromizdat, 1995. Pp. 8–11.
- Tsyrempilov N. V. Lubsan-Sandan Tsydenov's Constitutional Theocracy: an Attempt to Create the Buddhist State in the Transbaikalian Region (1918–1922). *State, Religion, Church in Russia and Abroad*. 2015. No. 4. Pp. 318–346. (In Russ.)
- Vasilieva I. G. Seventeen Big Lights. Materials to the Biography of the Khambo-Lamas. St. Petersburg: Nartang, 2021. 464 p. (In Russ.)
- Vasilieva I. G., Tsyrenzhapova Ts. D. Historical-Archival and Bibliographic Research and Compilation of Historical Reference to the Project of Restoration of the Complex of Gusinozersky Buddhist Monastery — Monument of History and Architecture of the 18th Century. Ulan-Ude: Buryatproektrestavratsiya, 1989. 301 p. (In Russ.)
- Yangutov L. E., Urbanaeva I. S. Buddhism and Buddhology in Buryatia. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS*. 2014. No. 3 (15). Pp. 20–41. (In Russ.)
- Zhalsaraev A. D. Time. Events. People: Chronological List of Dates and Facts from the History of Ethnic Buryatia (Paleolithic Epoch – 2010). Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2011. 408 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Iss. 4, pp. 694–704, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-694-704

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДИЕНИЕ

UDC / УДК 94(517)+94(479.25)+39
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-694-704

Mongols in Armenian Manuscript Sources of the 13th–14th Centuries

*Artashes I. Shahnazaryan¹, Ashot A. Melkonyan^{2,3}, Igor V. Kryuchkov⁴,
 Harutyun H. Khudanyan⁵*

¹ National Academy of Sciences, Institute of History (24/4 Marshal Baghramyan Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)
 Cand. Sc. (History), Leading Research Associate
 0009-0006-7000-5335. E-mail: artashesshahnazaryan.1950[at]gmail.com

² National Academy of Sciences, Institute of History (24/4 Marshal Baghramyan Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia),
³ Yerevan State University (1 Alek Manukyan, 0025 Yerevan, Republic of Armenia)
 Dr. Sc. (History), Academician
 0000-0002-2579-0286. E-mail: ashamelk[at]yahoo.com

⁴ North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)
 Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department
 0000-0002-1224-1341. E-mail: igory5[at]yandex.ru

⁵ National Academy of Sciences, Institute of History (24/4 Marshal Baghramyan Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)
 Ph.D. Student, Junior Research Associate
 0009-0006-5021-2150. E-mail: hkhudanyan[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Shahnazaryan A. I., Melkonyan A. A., Kryuchkov I. V., Khudanyan H. H., 2024

Abstract. Introduction. A significant amount of diverse and valuable information regarding the Mongols, who arrived in Armenia during their exploratory expeditions in 1220–1222 and governed the country from 1236 to 1353, has been preserved in Armenian manuscript sources. These sources contain detailed accounts of the Mongols' names, origin, homeland, appearance, food, character, customs, beliefs, weaponry, martial arts, language, and overall ethnology. This collection of insights illuminates the historical significance due to the fact that Mongols played a pivotal role in global history. The scientific importance of this material should not be underestimated, particularly for Mongolian studies and Mongolian ethnology. This significance arises from both the variety of accounts in the Armenian manuscript sources and the reliability of the majority of these reports. Many of these accounts are based either on direct observations by the authors or the information obtained from credible sources, including the Mongols themselves. It is no coincidence

that this emphasis on accuracy is regularly highlighted within the manuscript sources. The *purpose* of this study is aimed at bringing together and, for the first time, introducing into scientific circulation the ethnological material on the Mongols provided in the rich and valuable Armenian manuscript sources (historical works, minor chronicles, manuscript colophons) of the High Middle Ages (13th-14th centuries). *Materials and methods.* Among the Armenian manuscript sources addressing the ethnological characteristics of the Mongols, the historiographical works of such notable historians as Kirakos Gandzaketsi, Vardan Vardapet, Grigor Aknertsi, Smbat Sparapet, Hetum the Historian, and Stepanos Orbelian are particularly prominent. Several chroniclers and authors of manuscript colophons have echoed or even expanded upon the mentioned above accounts. The work on the Mongols by Vanakan Vardapet, the teacher of Kirakos Gandzaketsi, by Vardan Vardapet and by Grigor Aknertsi, also undoubtedly contained valuable insights into this subject. Unfortunately, this work has not survived, although Vardan Vardapet almost certainly drew upon it in his own writings. In some cases, Vardan Vardapet also compiled material about the Mongols from the works by Kirakos Gandzaketsi. The information related to the ethnology and lifestyle of the Mongols, as recorded in the Armenian sources of the High Middle Ages, is presented here through a combination of historical compilation and analytical methods for the reconstruction of the history. *Results.* The aforementioned evidence forms the basis for introducing the material from Armenian manuscript sources on Mongol ethnology into scientific discourse that will facilitate a deeper and more comprehensive understanding of the ethnological characteristics of the Mongols during the period in question.

Keywords: Mongols, Kirakos Gandzaketsi, Vardan Vardapet, Grigor Aknertsi, Smbat Sparapet, Hetum the Historian, Stepanos Orbelian, Armenian manuscripts, ethnology, “Chin and Machin” chronicle.

For citation: Shahnazaryan A. I., Melkonyan A. A., Kryuchkov I. V., Khudanyan H. H. Mongols in Armenian Manuscript Sources of the 13th–14th Centuries. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16 (4): 694–704. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-694-704

Монголы в армянских рукописных источниках XIII–XIV вв.

Арташес Иванович Шахназарян¹, Ашот Агасиевич Мелконян^{2,3},
Игорь Владимирович Крючков⁴, Арутюн Оганесович Худанян⁵

¹ Институт истории Национальной академии наук (д. 24/4, пр. Маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0009-0006-7000-5335. E-mail: artashesshahnazaryan.1950[at]gmail.com

² Институт истории Национальной академии наук (д. 24/4, пр. Маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения),

³ Ереванский государственный университет (д. 1, ул. Алека Манукяна, 0025 Ереван, Республика Армения)

доктор исторических наук, академик

 0000-0002-2579-0286. E-mail: ashamelk[at]yahoo.com

⁴ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 1355017 Ставрополь, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

 0000-0002-1224-1341. E-mail: igory5[at]yandex.ru

⁵ Институт истории Национальной академии наук (д. 24/4, пр. Маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

аспирант, младший научный сотрудник

 0009-0006-5021-2150. E-mail: hkhudanyan[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Шахназарян А. И., Мелконян А. А., Крючков И. В., Худанян А. О., 2024

Аннотация. *Введение.* Армянские рукописные источники эпохи Высокого Средневековья содержат обширную и ценную информацию о монголах, которые проникли в Армению во время своих экспедиционных походов в 1220–1222 гг. и управляли страной с 1236 г. по 1353 г. Эти источники предоставляют детальные описания монголов, охватывающие их имена, происхождение, родину, внешний вид, рацион, характер, обычаи, верования, вооружение, боевые искусства, язык и этнографические сведения в целом. Данный массив материалов имеет важное историческое значение, поскольку монголы сыграли ключевую роль в мировой истории. Научная ценность этого материала неоспорима, особенно в контексте монголоведения и этнологии монголов. Это обусловлено как разнообразием содержащихся в армянских источниках сведений, так и достоверностью большинства из них, которая подкреплена либо непосредственными наблюдениями авторов, либо сведениями, полученными из надежных источников, включая самих монголов. Не случайно, что рукописные источники систематически акцентируют внимание на точности изложенной информации. Настоящее исследование ставит своей целью обобщить и впервые ввести в научный оборот этнологические данные о монголах, представленные в богатых и ценных армянских рукописных источниках (исторических сочинениях, малых хрониках, колофонах рукописей) XIII–XIV вв. *Материалы и методы.* Среди армянских рукописных источников, содержащих этнографические сведения о монголах, особенно значимы историографические труды таких выдающихся историков, как Киракос Гандзакети, Вардан Вардапет, Григор Акнерци, Смбат Спарпет, Хетум Историк и Степанос Орбелян. Несколько летописцев и авторов рукописных колофонов повторили или даже расширили их труды. Работа о монголах Ванакана Вардапета, учителя Киракоса Гандзакети, Вардана Вардапета и Григора Акнерци, также, несомненно, содержала ценные сведения по этому вопросу. К сожалению, эта работа не сохранилась, хотя Вардан Вардапет почти наверняка опирался на нее в своих собственных трудах. В некоторых случаях Вардан также собирал материал о монголах из работ Киракоса Гандзакети. Информация, связанная с этнографией и образом жизни монголов, зафиксированная в армянских источниках Высокого Средневековья, представлена здесь посредством сочетания историко-сравнительного и историко-аналитического методов реконструкции истории. *Результаты.* Приведенные выше свидетельства служат основанием для введения в научный оборот материалов армянских рукописных источников по монгольской этнологии, что будет способствовать углубленному, всестороннему изучению и пониманию этнографических особенностей монголов в рассматриваемый исторический период.

Ключевые слова: монголы, Киракос Гандзакети, Вардан Вардапет, Григор Акнерци, Смбат Спарпет, Хетум Историк, Степанос Орбелян, армянские рукописи, этнография, «Чин и Мачин», летопись

Для цитирования: Шахназарян А. И., Мелконян А. А., Крючков И. В., Худанян А. О. Монголы в армянских рукописных источниках XIII–XIV вв. // Монголоведение. Т. 16. № 4. С. 694–704. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-694-704

1. The ethnonym, origins, homeland, and physical appearance of the Mongols

In Armenian historiography, the Mongols are commonly referred to as Mongol, with less frequent usage of terms such as Mongol-Tatar or Tatar-Mongol. Within medieval Armenian historiography, particularly evident in the Armenian manuscript sources from the 13th–14th centuries, various designations are used to describe the Mongols.

Kirakos Gandzaketsi, who experienced Mongol captivity in 1236 and directly interacted with the Mongols, delved into their ethnology more extensively than other historians. His initial mentioning of the Mongols was: “it is a nation called Tatar, whose [king’s] name is Genghis Khan,” [Gandzaketsi 1961: 232] then added that the

latter tribe itself is “called Mughal Tatar” [Gandzaketsi 1961: 233]. After that, the historian only used the name “Mughal Tatar” once [Gandzaketsi 1961: 231]. Unlike other contemporary authors, he only referred to the Mongols, who were skilled archers, as the “nation of archers” twice [Gandzaketsi 1961: 231, 288]. Kirakos Gandzaketsi commonly called them “Tatars,” with a few exceptions [Gandzaketsi 1961: 231, 257, 263, 271, 276, 280, 281, 289, 290, 31, 312, 314, 319, 357, 364, etc.].

Regarding the homeland of the Mongols and the Tatars living there, according to him, the Tatars “are the leader of the barbarian nations... located in a distant country in the northeast, known in barbaric language as Gharaghrum, on the borders of Ghatia, with their king being named Genghis Khan” [Gandzaketsi 1961: 231–232]. This historian provided correct information about both the location of the Mongols’ homeland and the position of Genghis Khan’s tribe in the hierarchy of Mongolian tribes. Surprisingly, Kirakos Gandzaketsi did not address the question of the Mongols’ origin, unlike other authors.

Vardan Vardapet, in his writings, refers to the Mongols by the names “Mughal and Tatar,” “Tatar” and “nation of archers” [Vardapet 1862: 142, 143, 144, 152, 162; Michael the Syrian 1870: 614, 615]. In his colophon accompanying the Armenian translation of Michael the Syrian’s “Chronicle,” he provides unique etymologies for the term “Tatar,” suggesting meanings such as “sharp and light” and “tur yev tar” (“give and take”) [Michael the Syrian 1870: 614]. In the latter case, he alludes to the capture of Christians by the Mongols [Michael the Syrian 1870: 614]. This author delved into the origin and homeland of the Mongols. Referring to the vision of the Armenian Catholicos Nerses I (353–373 AD) regarding the conquest of Armenia by the “archers,” Vardan Vardapet proposed that the Mongols were a blend of descendants of Hagar, Abraham’s concubine who traced her lineage back to Shem, Noah’s eldest son, and the kin of Govg, a descendant of Torgom, the presumed ancestor of the Armenians as mentioned in the Bible. They dwell in the part of the world known as Scythia, stretching from the Itil (Volga) river to Mount Yemavon. As per his account, among the forty-three nations inhabiting this area, the Tugars are identified as the Tatars [Michael the Syrian 1870: 614–615]. Furthermore, he remarks on a separate occasion that the Mongols’ homeland is “Chin and Machin,” that is, China [Vardapet 1862: 142].

Bishop Stepanos, a chronicler who provided limited insight into the ethnological background of the Mongols, remained silent on their origins and homeland. He predominantly referred to them as “Tatars,” occasionally as “the nation of archers” or simply “archers,” and once as the “Tatar nation of archers” [Minor chronicles 1951: 38, 39, 40, 41, 42, 43].

Grigor Aknerts, in his historical work titled “The History of the Tatars” distinguishes between Mongols and Tatars, considering them as separate nations [Aknerts 1974: 47]. He consistently refers to the Mongols as “a nation of archers” [Aknerts 1974: 17, 21, 28] three times and as “Tatars” [Aknerts 1974: 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 42, 45, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 67] on other occasions. Similar to Vardan Vardapet, he interprets the etymology of the name “Tatar” to mean “sharp and light” [Aknerts 1974: 18]. Building upon Nerses I’s vision, he traces the origin of the Mongols to a violent lineage resulting from the intermingling of the tribes of Hagar, Abraham’s wife Keturah, and grandson Esau, influenced by malevolence [Aknerts 1974: 18].

Echoing Vardan Vardapet, Grigor Aknertsı identifies Scythia as the homeland of the Mongols, extending from the Itil River near Mount Yemavon to the Caspian Sea [Aknertsı 1974: 19]. He suggests that the Tugars are the same as those referred to as “Tatars” among the forty-three nations inhabiting the region [Aknertsı 1974: 19].

The congruence in the factual accounts of Vardan Vardapet and Grigor Aknertsı regarding the origin and homeland of the Mongols raises the possibility that they drew from a common but unrecovered source. It is plausible that the overlooked work of their mentor, Vanakan Vardapet, holds the key as the most probable source, which has yet to receive attention in Armenology.

Smbat, the sparapet (commander-in-chief) of the Armenian kingdom of Cilicia, who undertook a diplomatic mission to Karakorum and engaged in negotiations with the great Güyük Khan (1246–1248), consistently identifies the Mongols as “Tatars,” “nation of archers,” or simply “archers” [Sparapet 1856: 226, 227, 229, 232, 233, 236, 246]. Throughout his encounters, he abstains from delving into inquiries regarding the origin of the Mongols or the exact location of their homeland, merely indicating his visit to Mongolia [Sparapet 1974: 130]. Concurrently, Hetum the Historian similarly designates the Mongols as “Tatars” [Hetum the Historian 1842: 30, 31, 32, 33, 34, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 69, 70], though acknowledging that they are simply called “Mongols” [Hetum the Historian 1842: 31]. In addressing the Mongols’ homeland and lineage, Hetum delineates a narrative where the Tatars, residing beyond the great mountain Belgena, i.e., east, initially proliferate and segregate into seven distinct nations, i. e., tribes. Notably, the principal tribe emerges as the “Tatar,” deriving its appellation from the region where they primarily dwell [Hetum the Historian 1842: 31]. The alignment of Smbat Sparapet with Kirakos Gandzaketsı becomes evident as both scholars attribute paramount significance to the tribe known as “Tatar” among the diverse Mongolian tribes.

In Stepanos Orbelian’s first mention of the Mongols, he notes that “the Lord raised up a nation of archers from the east, who were called Mughals, and according to the peasants, Tatars” [Orbelian 1910: 400]. Thus, there is a discrepancy between this author and Hetum the Historian regarding the name of the Mongols. Nonetheless, Stepanos Orbelian, a high-ranking clergyman of noble origin, predominantly refers to the Mongols as “Tatars,” occasionally as “Mughal,” “a nation of archers,” or simply “archers” [Orbelian 1910: 400, 403, 404, 405, 467, 476, etc.]. This author does not delve into the etymology of the name “Tatar,” nor does he discuss the origin of the Mongols. Concerning the Mongols’ homeland being the land of “Chin and Machin,” he aligns with Vardan Vardapet [Orbelian 1910: 400, 407], further noting its location beyond Khatastan, to the east [Orbelian 1910: 400].

Among the chroniclers, Mkhitar Ayrivanetsı [Ayrivanetsı 1860: 65, 66, 67, 68], and Ananun Sebastatsı [Minor chronicles 1956: 139], identify the Mongols as “Tatars.” The latter, akin to Vardan Vardapet and Stepanos Orbelian, designates the land of “Chin and Machin” as their homeland [Minor chronicles 1956: 137]. One of the 13th century chroniclers, priest Yohan, also refers to the Mongols as “Tatars” and “a nation of archers” [Minor chronicles 1951: 26]. An anonymous chronicler from the 14th century employs the term “Tatar” when discussing the Mongols [Colophons of Armenian manuscripts 1950: 150]. Conversely, other chroniclers from the same century prefer the epithet “the nation of archers” [Colophons of Armenian manuscripts 1950: 35, 48, 51, 65, 113, 166, 218, 331, 368, etc.].

2. Appearance, food, character and customs of the Mongols

Armenian written sources of the 13th century consistently described the appearance (anthropological type) of the Mongols, with one notable exception. According to Kirakos Gandzaketsi, the Mongols were “terribly ugly and hideous in appearance. They had no beards, but some had a few hairs on their lips or muzzles. Their eyes were narrow and sharp-sighted, their voices gentle and sharp, and they were long-lived and durable” [Gandzaketsi 1961: 271]. Vardan Vardapet contented himself with describing the Mongols as “foreign-looking and foreign language speaking” [Vardapet 1862: 142].

Grigor Aknertsı provided a more detailed and vivid description of the Mongols’ appearance. According to him, the Mongols were sinister-looking and indescribably terrifying to those who saw them. Their “head was big like a buffalo, eyes like a cub, nose short like a cat, muzzle protruding like a dog, back thin like an ant, legs short like a pig, and they lacked a beard entirely. They had the strength of a lion and their voice screeched like an eagle” [Aknertsı 1974: 22].

Bishop Stepanos described the appearance of the Mongols as unusual and terrifying [Minor chronicles 1956: 137]. A remarkable depiction of the Mongols’ appearance is preserved in the 1236 colophon of an Armenian manuscript. The author, who referred to the Mongols as “Khara Tatars,” described them as broad-backed, thick-armed, and broad-fronted, with smooth hair, narrow eyes, flat noses, and sparse beards [Colophons of Armenian manuscripts 1984: 196].

Smbat Sparapet described their appearance as “terrible,” [Sparapet 1974: XIX] but Hetum the Historian did not address it. The author of a 1315 manuscript colophon also considered the Mongols to have a hideous face [Colophons of Armenian manuscripts 1950: 113].

In contrast to the above-mentioned authors, Stepanos Orbelian, the son of a foreign mother, offered a markedly different assessment of the Mongols’ appearance. He wrote that the Mongols “were very beautiful in appearance, they had a smooth face like a woman’s face” [Orbelian 1910: 401].

This difference in perspective may be explained not only by the different nationality of Stepanos Orbelian’s mother but also by the relatively favorable treatment the Mongol conquerors extended towards his princely family, the Orbelians.

3. The food, character, customs and worship of the Mongols

Kirakos Gandzaketsi provides the most detailed and remarkable information about Mongolian food and eating culture. According to his eyewitness account, when the Mongols had enough food and alcohol, they ate and drank insatiably, but when resources were scarce, they lived a temperate life [Gandzaketsi 1961: 271]. They indiscriminately consumed the meat of all kinds of animals, both clean and unclean, as well as mice and reptiles [Gandzaketsi 1961: 250, 257, 271]. Horse meat was their preferred meat, and kumis, made from horse milk and kept in a wineskin, was their favored alcoholic beverage [Gandzaketsi 1961: 257]. Before eating, horse meat was divided into large pieces, boiled without salt or grilled, then cut into small pieces, soaked in salt water, and eaten [Gandzaketsi 1961: 271]. The Mongols prepared horse meat without salt to prevent it from hardening during boiling or grilling. They ate while kneeling or standing like camels. Food was divided equally between masters and servants. When drinking kumis or wine, someone would take the drink in a large bowl, then pour it into a smaller one, sprinkling it towards the sky and in

all directions — east, west, north, and south. After that, he would drink a little of the beverage and then serve it to the senior participant of the dinner.

If a stranger brought them food or drink, they first forced him to taste it to avoid poisoning [Gandzaketsi 1961: 272]. When a foreign guest refused to eat the meat served during the dinner because it was not holy for him, he was served his preferred portion of food and wine. Moreover, if the guest was favored by the host Mongolian senior official, he was subsequently seated closer to the host, in increasingly honorable positions at the dining table [Gandzaketsi 1961: 257].

Grigor Aknertsi initially claimed that the Mongols did not eat bread at all [Aknertsi 1974: 22], but later contradicted himself by stating that Ilkhan Hulegu (1256–1265) had ordered only bread and milk to be given to Mongols traveling for service [Aknertsi 1974: 47]. He also reported that the Mongols loved to eat mutton insatiably and drink wine to the point of drunkenness [Aknertsi 1974: 39]. Historian Hetum also noted that the Mongols lived on horse meat and milk [Hetum the Historian 1842: 70], no doubt referring to kumis, similar to Grigor Aknertsi.

The sources in question did not shy away from discussing the character traits, customs, and worship practices of the Mongols, providing us with remarkable information about them. According to Kirakos Gandzaketsi, the Mongols were “extremely cunning and ingenious” [Gandzaketsi 1961: 241] and their “greed was insatiable” [Gandzaketsi 1961: 240]. He notes that Mongolian officials, not content with eating and drinking at the expense of Armenian princes, demanded expensive clothes and horses from them, as they were particularly fond of horses [Gandzaketsi 1961: 263–264]. According to this historian, they were distinguished by their terrible mercilessness and unrestrained rage, and “they resorted to murder with joy, as if they were going to a wedding or a wine orgy” [Gandzaketsi 1961: 240]. Kirakos Gandzaketsi also notes that the Mongols took as many wives as they wanted but did not keep harlots with their wives. They were indiscriminately intimate with women of foreign nationalities. They hated theft and even brutally killed thieves [Gandzaketsi 1961: 272]. According to the same historian, the Mongols lived in tents, and when moving, the tents were transported by many oxen and horse-drawn carts [Gandzaketsi 1961: 356].

Vardan Vardapet, who was hosted by Ilkhan Hulegu (1256–1265) in Tabriz, also provided valuable information about the customs and habits of the Mongols. He wrote that, according to the order established by Genghis Khan (1206–1227), Mongols were obliged not to lie, steal, or be intimate with someone else’s wife, to love others as equals, not to swear, not to know swearing, to spare those who voluntarily obeyed them, and to honor churches and their ministers [Vardapet 1962: 160]. At the end, the historian noted that Hulegu adhered to these commandments and instructed others to do the same [Vardapet 1962: 160]. However, it is well known from the testimonies of both Vardan Vardapet and other Armenian and non-Armenian sources that the Mongols, especially after converting to Islam, did not always observe the order set by Genghis Khan.

Grigor Aknertsi, who twice referred to the Mongols as a “beastly nation” [Aknertsi 1974: 20], observed that it was a common practice among them to interrogate individuals by subjecting them to scourging. Additionally, he noted that minor offenders were often brutally beaten and then mercilessly thrown to ferocious dogs [Aknertsi 1974: 33, 37]. Aknertsi also documented the Mongolian custom of expecting to be welcomed with “bread and salt” when visiting [Aknertsi 1974: 38–39]. Moreover,

he highlighted the tradition among Mongolians of bestowing an honorable Mongolian wife upon those they esteemed, irrespective of their nationality [Aknertsi 1974: 32] — a practice also noted by Kirakos Gandzaketsi [Gandzaketsi 1961: 263]. By the way, Grigor Aknertsi, like Kirakos Gandzaketsi, noted that Mongolian officials harassed the Armenian princes, demanding a gold canvas from some, a falcon from others, and a good dog or horse from others [Aknertsi 1974: 35]. Referring to the commandments given by God to the Mongols, Grigor Aknertsi observed that they were obliged to love each other, not commit adultery, not steal, not bear false witness, not betray anyone, and to respect the elderly and the poor. Anyone who violated any of these commandments was liable to be killed [Aknertsi 1974: 19–20].

Grigor Aknertsi recounted the Mongolian custom of honoring famous wrestlers and giving them great accolades [Rashid ad-Din 1960: 60]. He shared the tale of how the Armenian prince and formidable wrestler Sadun triumphed over a wrestler widely considered invincible during the reign of Möngke Khan (1251–1259), the great ruler of the Mongolian Empire. This victory earned Sadun the sympathy and favor of Ilkhan Hulegu [Aknertsi 1974: 47–49]. Kirakos Gandzaketsi also testified that Hulegu ranked Sadun among the “first braves” [Gandzaketsi 1961: 386].

Grigor Aknertsi also referred to Mongolian women. According to him, they wore pointed hats covered with a brocaded veil, painted their wide-open faces with a killer drug, gave birth like a viper, and fed their children like wolves [Aknertsi 1974: 22]. He then reported that because they lived for three hundred years, no mortality was observed among the Mongols [Aknertsi 1974: 22]. Despite the exaggeration, it is evident that the Mongols were distinguished by their longevity. As we have already seen, Kirakos Gandzaketsi also documented this circumstance.

Bishop Stepanos called the Mongols “bloodthirsty” [Minor chronicles 1951: 26] and priest Yohan described them as a “merciless” nation [Minor chronicles 1951: 26].

The author of the aforementioned 1236 colophon described the Mongols as “beastly and merciless, a nation which shed a lot of blood.” He noted that even if he had a “fiery” tongue, he would not be able to describe the evils they committed [Colophons of Armenian manuscripts 1984: 196]. He added that if a Mongolian found food, he ate it, and if he did not find it, he did not ask for food [Colophons of Armenian manuscripts 1984: 196]. The author of a 1317 manuscript also considered the Mongols a “beastly nation” [Colophons of Armenian manuscripts 1984: 113].

Stepanos Orbelian, who, as previously mentioned, had a favorable attitude towards the Mongols, noted that they were law-abiding by nature, hated fornication and all kinds of harmful deeds, were fair to each other, and loyal and obedient to their leader, arbitral and lawful. He described them as poor and greedy in customs, exploiting and oppressing people [Orbelian 1910: 400–401]. The historian adds that later, they abandoned their natural mores and the customs of their ancestors, came under the laws of Mohammed (i.e., adopted Islam), learned all kinds of impurity and debauchery, and led a promiscuous life [Orbelian 1910: 401].

The author of the aforementioned 1315 manuscript corroborates this by testifying that the Mongols abandoned “their laws” after converting to Islam, which led to an intensified persecution of Christians [Colophons of Armenian manuscripts 1950: 113].

The information provided by Hetum the Historian about the character and customs of the Mongols is quite interesting. According to him, the Mongols do not consider murder and fornication to be sins. They take numerous women as wives, with sons

being obliged to marry their mothers and brothers being obliged to marry their brothers' widows. They give whatever they have to newcomers and also demand from others; if they are not given what they want, they take it by force. When they are weak, they are humble, but when they are strong or numerous, they become arrogant. They do not want anyone to lie, yet they lie voluntarily. But when confessing to a case of war or a crime, they confess everything truthfully [[Hetum the Historian 1842: 70](#)]. On another occasion, he observed that the Mongols used to graze animals and migrate from place to place for grazing [[Hetum the Historian 1842: 31](#)].

4. The worship, weaponry, martial arts, and language of the Mongols

According to Kirakos Gandzaketsi, although the Mongols did not practice formal worship or paganism, they often mentioned the name of their god and expressed gratitude to him, though they did not know what to call him. They believed that their god took the sky and gave the earth to the khagan. This belief included the myth that Genghis Khan's father was not a mortal man; instead, his mother conceived him through divine light that entered through the garret of their house [[Gandzaketsi 1961: 272](#)]. Thus, Kirakos Gandzaketsi was familiar with the myth about the birth of Genghis Khan.

According to this historian, the Mongols used to carry the deceased with them for many days to allow the demon inside the body to escape. Afterward, they would either burn the body or bury it in a deep pit. They buried the deceased with their weapons, clothes, gold, and silver – whatever belonged to them. For the famous and wealthy, they included a servant and a maid to serve them in the afterlife, as well as a horse, because the Mongols believed there was a fierce war in the other world [[Gandzaketsi 1961: 273](#)]. Kirakos Gandzaketsi also noted that Mongolian women were sorcerers who could predict events. No one embarked on a journey without the permission of these women and the magicians [[Gandzaketsi 1961: 273](#)]. Vardan Vardapet adds that while the Mongols “did not have a religion, but they worshiped the sun and carried felt idols for sorcery wherever they went” [[Michael the Syrian 1870: 615](#)].

According to Hetum the Historian, who briefly discussed the worship practices of the Mongols, they acknowledged one immortal god to whom they called for help but “they have no service to God, no prayers, no fastings” [[Hetum the Historian 1842: 70](#)]. He also noted that the Mongols “have neither writing nor faith” [[Hetum the Historian 1842: 34](#)].

In the examined manuscript sources, there is relatively extensive information about the weaponry and martial arts of the Mongols. This is due to the fact that these conquerors conducted military operations not only in Armenia but also in the surrounding countries during the 13th century, frequently utilizing Armenian armed forces.

Kirakos Gandzaketsi described the Mongolian army as fierce, strict, cunning, and ingenious [[Gandzaketsi 1961: 237, 241](#)]. He frequently noted that the Mongols used various siege machines, such as catapults and battering rams, when capturing cities and fortresses [[Gandzaketsi 1961: 236, 253, 258, 279](#)]. Among their weapons, he mentioned the quiver, the sword, and the bow [[Gandzaketsi 1961: 239, 275, 236](#)], and he also stated that the Mongols often used ambush tactics during battle [[Gandzaketsi 1961: 203](#)]. Grigor Aknertsy similarly described the Mongol army as cunning and provident [[Aknertsy 1974: 30, 42](#)], thereby highly appreciating their martial prowess.

Vardan Vardapet and Stepanos Orbelian did not specifically discuss Mongolian weapons and martial arts, but Hetum the Historian provided extensive details. He

wrote that the Mongols are brave and warlike instruments who are obedient to their commanders. When they go into battle, they carry many weapons. They excel in horse riding and are skilled archers, though their infantry is less agile. They are adept at capturing cities and fortresses through combat. If retreating during battle is advantageous, they do not consider it shameful. They are not reckless in their attacks. Instead, they advance against the enemy only when it is strategically advantageous and when the enemy is at a disadvantage [[Hetum the Historian 1842: 70](#)]. According to the historian, the Mongols are skilled archers, making it difficult to fight them or pursue them during a retreat. It is difficult to fight them and pursue them during a retreat, as they frequently move backward while shooting arrows from the rear. The Mongol army moves cohesively [[Hetum the Historian 1842: 70](#)].

Smbat Sparapet also attested to the Mongols' proficiency with siege machines [[Sparapet 1956: 235](#)] and their excellence as archers [[Sparapet 1974: XIX](#)]. Stepanos Orbelian, in addition, observed that the Mongols "were adept in the use of bows and arrows, and in general very nimble in warfare [[Orbelian 1910: 401](#)].

Kirakos Gandzaketsi, through his close contact with the Mongols during his captivity, had the opportunity to become acquainted with their "barbaric and unfamiliar" language [[Gandzaketsi 1961: 273](#)]. As a result, he was able to introduce some Mongolian words to his readers through Armenian translations. Here they are: 'God' was called *tangri*, 'man' was called *ere* or *haran*, 'woman' was *eme* or *apji*, 'father' was *echka*, 'mother' was *aka*, 'brother' was *agha*, 'sister' was *akani*, 'head' was *tiron*, 'eyes' were *nitun*, 'ears' were *chikin*, 'beard' was *sakhal*, 'the face' was *yuz* or *niur*, 'the mouth' was *aman*, 'the tooth' was *skhur* or *sidun*, 'the bread' was *otmak*, 'ox' was *okar*, 'cow' was *unen*, 'sheep' was *ghoina* or *ghurgan*, 'goat' was *iman*, 'horse' was *mori*, 'mule' was *losa*, 'camel' was *taman*, 'dog' was *nokha*, 'wolf' was *china*, 'bear' was *aitku*, 'fox' was *honkan*, 'rabbit' was *tablgha* or *tula*, 'chicken' was *takhya*, 'pigeon' was *kokuchi*, 'eagle' was *burkvi gush*, 'water' was *usu*, 'wine' was *tarasu[n]*, 'sea' was *naur-tangez*, 'river' was *morán-ulansu*, 'sword' was *ioltu*, 'bow' was *nmu*, 'arrow' was *smu*, 'king' was *melik*, 'lord' was *nuin*, 'great lord' was *yeqa nuin*, 'earth' was *el* or *irkan*, 'sky' was *goga*, 'sun' was *naran*, 'moon' was *sara*, 'stars' were *sargha* or *hutut*, 'light' was *otur*, 'night' was *suyni*, 'scribe' was *bitikchi*, and 'devil' was *barahur* or *elep* [[Gandzaketsi 1961: 274–275](#)].

Immediately after listing these words, the historian added, "and other such barbaric names, which were unknown to us for many years, and now we have become familiar with them unwittingly" [[Gandzaketsi 1961: 274](#)]. This implies that the number of Mongolian words known to him was not limited to those he introduced. It goes without saying that Kirakos Gandzaketsi contributed to the study of the Mongolian language in the 13th century [[Gandzaketsi 1961: 25](#)]. G. Sanzhev, who documented this fact at the time, also noted that "everything that Kirakos reports about the Mongols is extremely important for Mongolian studies" [[Gandzaketsi 1961: 25](#)]. This high assessment by the distinguished Mongologist can be unconditionally extended to the above-mentioned reports from Armenian primary sources of the 13th–14th centuries regarding the ethnological characteristics of the Mongols.

5. Conclusion

The information preserved in Armenian manuscript sources about the Mongols, who appeared in northern Armenia in 1220–1222 and ruled over Armenia from 1236–

1253, is especially valuable. Among these, the records from the 13th–14th centuries are particularly significant. Records related to the ethnological characteristics of the Mongols hold a special place. These accounts have been preserved in the works of prominent Armenian historians such as Kirakos Gandzaketsi, Vardan Vardapet, Grigor Aknerts, Smbat Sparapet, historian Hetum, Stepanos Orbelian, and others, as well as in small chronicles and colophons of Armenian manuscripts.

A comparison of the information preserved in the Armenian manuscript sources of the 13th–14th centuries reveals that these records are largely accurate and of great scientific value [Melkonyan 2019: 41–47]. They are important for Mongolian studies in general and for understanding the ethnological characteristics of the Mongolian people of that period in particular.

References

- Aknerts 1974 — Grigor Aknerts. History of the Tatars. Jerusalem: St. Jacob's Cathedral, 1974. 80 p. (In Arm.)
- Ayrivanetsi 1860 — History of Armenians by Mkhitar Ayrivanetsi. Moscow: Lazarian Seminary of Oriental Languages, 1860. 69 p. (In Arm.)
- Colophons of Armenian Manuscripts 1950 — Colophons of Armenian Manuscripts of the 14th Century. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1950. 756 p. (In Arm.)
- Colophons of Armenian Manuscripts 1984 — Colophons of Armenian Manuscripts of the 13th Century. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1984. 987 p. (In Arm.)
- Gandzaketsi 1961 — Kirakos Gandzaketsi: History of the Armenians. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1961. 426 p. (In Arm.)
- Hetum the Historian 1842 — Hetum the Historian of the Tatars. Venice: St. Lazarus Cathedral, 1842. 90 p. (In Arm.)
- Melkonyan 2019 — Melkonyan A. A. Armenian Sources on the Peoples of Central Asia and the Golden Horde (13th–15th Centuries). In: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Eurasian Historical Heritage: Facets of History — from Origins to Modern Times”. Nursultan: Liter-M, 2019. (In Russ.)
- Michael the Syrian 1870 — Chronicle of the Patriarch Michael the Syrian. Jerusalem: St. Jacob's Cathedral, 1870. 622 p. (In Arm.)
- Minor Chronicles 1951 — Minor Chronicles of the 13th–18th Centuries. Vol. 1. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1951. 453 p. (In Arm.)
- Minor Chronicles 1956 — Minor Chronicles of the 13th–18th Centuries. No. 2. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1956. 684 p. (In Arm.)
- Orbelian 1910 — History of the State of Sisakan, Archbishop Stepanos Orbelian of Syunik. Tiflis: Locomotive Press of Miss N. Aghanians, 1910. 618 p. (In Arm.)
- Rashid ad-Din 1960 — Rashid ad-Din. Collection of Chronicles, Vol. 2. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1960, 248 p. (In Russ.)
- Sparapet 1856 — Yearbook of Smbat Sparapet. Venice: St. Lazarus Cathedral, 1856. 272 p. (In Arm.)
- Sparapet 1974 — Smbat Sparapet. Chronicle. Yerevan: Hayastan, 1974. 197 p. (In Russ.)
- Vardapet 1862 — The Collection of History Illustrated by Vardan Vardapet. Venice: St. Lazarus Cathedral, 1862. 183 p. (In Arm.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Iss. 4, pp. 705–715, 2024
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-705-715

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 294.321

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-705-715

Пекинский Ганжур из тибетского фонда Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН

Андрей Александрович Базаров¹, Соелма Ринчиновна Батомункуева²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-6837-7280. E-mail: bazarow_andr[at]mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат философских наук, научный сотрудник

 0000-0002-5060-0296. E-mail: soelmul[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Базаров А. А., Батомункуева С. Р., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию пекинского издания Ганжура из коллекции тибетского фонда Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. *Актуальность* исследования связана с необходимостью изучения и фиксации буддийских канонических сборников разных изданий, хранящихся в различных российских фондах, что создаст благоприятные условия для дальнейших сравнительных исследований. Как квинтэссенция буддийского учения, буддийский канон обладает огромной значимостью в религиоведческих, источниковедческих, археографических исследованиях. *Целью* работы является ввод в научный оборот комплекта Ганжура пекинского издания тибетского фонда Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, структурный анализ и обзор его полиграфических особенностей. *Методы.* Авторы, полагая, что письменные памятники буддизма являются показателем и результатом не только интеллектуального (также физического в данном случае) труда, а их создание и бытование сформировало пробуддийский дух той эпохи, обращаются к методам «когнитивной истории». Пекинские издания Ганжуров занимают особое место в ряду других канонических изданий. Именно с 1410 г. — времени создания первого ксилографического свода Ганжура, началась история взаимосвязанных пекинских изданий, патронированных самими императорами и сформировавших благоприятный климат для развития буддизма в регионах. *Выводы.* Ввод в научный оборот данного издания обогащает отечественную библиографическую базу исследований буддийских канонических сочинений. Предварительная работа с коллекцией подтверждает

важность археографической репрезентации данного издания с последующей демонстрацией исторического и социально-культурного значения пекинского Ганжура из коллекции Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. Работа с собранием выявила определенные проблемы с установлением истории этого комплексного источника.

Ключевые слова: буддизм, буддийский канон, Ганжур, Пекин, Тибет, Бурятия, археография

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Тибетский буддийский канон: комплексное археографическое изучение и создание базы данных» (№ 24-28-00275, <https://rscf.ru/project/24-28-00275/>).

Для цитирования: Базаров А. А., Батомункуева С. Р. Пекинский Ганжур из тибетского фонда Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 705–715. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-705-715

Beijing Edition of Ganjur from the Tibetan Collection of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS

Andrey A. Bazarov¹, Soelma R. Batomunkueva²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy.), Leading Research Associate

 0000-0002-6837-7280. E-mail: bazarow_andr[at]mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanovoi st, 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philosophy.), Research Associate

 0000-0002-5060-0296. E-mail: soelmul[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024.

© Bazarov A. A., Batomunkueva S. R., 2024

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the Beijing edition of Ganjur from the collection of the Tibetan fund of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS. *The relevance* of the study is concerned with the need to study and record Buddhist canonical collections of different editions stored in various Russian funds, which will create favorable conditions for further comparative studies. As the quintessence of Buddhist teaching, the Buddhist canon is of great importance in religious, source studies and archaeographic research. *The purpose* of the work is to introduce into scientific circulation the collection of Ganjur of the Beijing edition kept in the Tibetan fund of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS as well as to review structural analysis and its printing features. *Methods.* The authors, believing that written monuments of Buddhism are the indicator and the result of not only intellectual (also physical in this case) labor, but also considering that its creation and functioning formed the pro-Buddhist zeitgeist of that era, used the methods of “cognitive history”. Beijing editions of Ganjur occupy a special place among other canonical editions. It was from 1410 — the time of creation of the first xylographic edition of the Ganjur — that the history of interconnected Beijing editions began, patronized by the emperors themselves and forming a favorable climate for the development of Buddhism in the regions. *Conclusions.* The introduction of this edition into scientific circulation enriches the domestic bibliographic base of studies of Buddhist canonical investigations. The preliminary work with the collection confirms the importance of the archaeographic

representation of this edition with the successive demonstration of the historical and socio-cultural significance of the Beijing Ganjur from the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS. The work with the collection revealed certain problems in establishing the history of this complex source.

Keywords: Buddhism, Buddhist canon, Ganjur, Beijing, Tibet, Buryatia, archeography

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 24-28-00275 “Tibetan Buddhist canon: comprehensive archaeographic study and creation of a database”. Available at: <https://rscf.ru/project/24-28-00275/>.

For citation: Bazarov A. A., Batomunkueva S. R. Beijing Edition of Ganjur from the Tibetan Collection of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(4): 705–715. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-705-715

1. Введение

Тибетский фонд Института монголоведения буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (далее — ТФ ИМБТ СО РАН) является одним из крупнейших хранилищ буддийского книжного наследия на тибетском языке не только в России, но и мире. ТФ ИМБТ СО РАН располагает разнообразными текстами, связанными со многими аспектами буддизма: астрология, медицина, философия, ритуал, этика и мораль, сочинения исторического характера, которые обычно содержатся в отдельных собраниях сочинений буддийских ученых и т. д. Среди огромного числа разнообразной литературы одной из наиболее ценных коллекций являются комплекты тибетского буддийского канона (далее — ТБК) разных изданий. В ТФ ИМБТ СО РАН хранятся ТБК чонэского, пекинского, дэргэского, нартангского, ургинского изданий, а также несколько рукописных Ганжуров неизвестного происхождения. Несмотря на то, что в настоящее время существуют как академические исследования и публикации, так и большое разнообразие интернет-ресурсов, посвященных ТБК, данная тема не теряет своей актуальности. Это связано с внушительностью объема ТБК и его обширной содержательной составляющей, которая включает себя все аспекты буддийского учения. Существующие работы по ТБК основываются преимущественно на текстологических, сравнительно-сопоставительных методах лингвистики и др.

Вместе с тем особо значимыми являются социокультурные и исторические реалии периодов изданий ТБК. Несмотря на то, что тексты ТБК не являются прямыми носителями исторической информации¹, востребованность в них в определенные периоды истории предполагает наличие социокультурного фона, благоприятствующего формированию конкретных условий для создания данного массива буддийской литературы. Развитие буддийской издательской деятельности, в свою очередь, поддерживает и способствует укреплению тех социальных условий, в которых функционируют эти письменные тексты. Буддийское письменное наследие имманентно несет в себе отпечаток той эпохи, в которой они создавались. Из всего репертуара буддийской литературы именно буддийский канон, как «слова Будды», считался наиболее значимым и востребованным для широких слоев буддийского сообщества.

2. Методы и материалы исследования

В связи с вышеизложенным становится актуальным применение методов «когнитивной истории», исходящих из историко-феноменологической методологии

¹ Только в дополнительном библиографическом томе «гарчак» (dkar chag) обнаруживаются исторические сведения.

[[Каравашкин, Юрганов 2005: 11](#)]. Значимым для исследования является базовое положение данного подхода о собраниях «текстов» как объективированного результата творческой деятельности человека в контексте формирования, с одной стороны, его интеллектуальных, читательских и коллекционных интересов, с другой — его понимания собственной общественной и религиозной деятельности. Теоретически значимой для настоящего исследования стала гипотеза о том, что распространение ТБК в регионе является отражением социально-религиозных процессов конкретного исторического периода в регионе Внутренней Азии.

Материалом для исследования послужило одно из наиболее важных собраний в коллекции ТФ ИМБТ СО РАН — пекинское издание Ганжура. Хранящийся сборник не комплектен и состоит из 99 томов. Данное издание обычно состоит из 107 томов и одного библиографического тома — гарчак (*dkar chag*). Инвентарный номер коллекции: TSPG-1 – TSPG-99.

3. К истории Ганжуров: пекинские издания

ТБК, состоящий из двух сводов — Ганжура и Данжура, на протяжении веков, можно сказать тысячелетия, неоднократно перерабатывался и переиздавался. На сегодняшний день известны десятки как рукописных, так и ксилографических вариантов изданий ТБК: нартанское, пекинское, лхасское, чонэское, дэргэское, литанское, ургинское, чхабдоское, таванское и т. д.

В течение долгого времени считалось, что наиболее ранним рукописным сводом является нартанский, однако исследователи отмечают, что традиция Ганжура была разнообразной и изменчивой. В результате сравнительных исследований были выявлены две линии Ганжура: цхалпа (*tshal pa*) и темпангма (*them sprangs ma*) [[Stanley 2005](#)]. Ранее ученые предполагали, что обе эти линии произошли от нартанского свода ТБК, однако от этого предположения отказались, поскольку появилось все больше свидетельств того, что различия между двумя линиями существенны. Переменчивость структуры канонических сборников, их текстового наполнения наблюдается на протяжении всей истории канона. Предложенное деление всех изданий на две редакции не выглядит окончательным, так как наряду с ними выделяются группы независимых рукописных изданий и несколько смешанных изданий Ганжура [[Stanley 2005](#); [Зорин и др. 2017: 10](#)].

Первым ксилографическим изданием считается пекинское, восходящее к 1410 г. — ко времени правления минского императора Юнлэ (1360–1424) [[Непомнин 2005: 647](#)]. Пекинское ксилографическое издание по уровню издания являлось наиболее презентабельным. Как правило, разные издания ТБК отличаются структурой, составом и количеством текстов, а также качеством и цветом бумаги и печати.

К известным пекинским относятся издания при минских императорах Юнлэ и Ванли (1563–1620), а также правителях Цинской империи — Канси (1654–1722) и Цянлуне (1711–1799) [[Непомнин 2005: 650](#)]. Упомянутое первое ксилографическое пекинское издание 1410 г. при императоре Юнлэ относится к линии цхалпа, или восточной группе Ганжуров, и оно стало прототипом для всех последующих пекинских ТБК. Издание при Юнлэ было отпечатано красными чернилами, содержит 105 томов и гарчак. Спустя два столетия, в 1605 г. при поддержке Ванли было напечатано следующее издание пекинское ТБК [[Eimer 1988: 7](#)].

Последующие издания пекинских ТБК осуществлялись под патронажем цинских императоров. Надо полагать, что в основе интереса к буддизму у цинов лежала не только политическая подоплека, ведь буддизм стал точкой соприкосновения маньчжуров с китайцами, монголами и тибетцами. Вместе с тем важна была и сама религиозная сторона буддизма. Известно, что маньчжурские императоры не просто благосклонно относились к буддизму, но и сами практиковали буддизм, изучали тибетский язык и активно участвовали в буддийских ритуалах. Кроме того, шаманизм, являвшийся на протяжении веков основой мироустройства маньчжуров, не был в состоянии конкурировать с мировой религией, ставшей в какой-то степени «защитным инструментом» от китайских обычаев и традиций, от тотальной китаизации маньчжурского общества.

Стоит отметить, что благодаря цинам начался расцвет издательства буддийской литературы не только на тибетском, но также китайском, монгольском и маньчжурском языках. Регулярно издавались ксилографические издания произведений, необходимых для ежедневных ритуалов [Успенский 2011: 23]. Последний факт свидетельствовал о социальной востребованности в буддийской литературе и культовых предметах.

Особое место в череде публикаций буддийской литературы при династии Цин занимает неоднократное переиздание ТБК. Как отмечает В. Л. Успенский, такой размах издательской деятельности не имел precedентов в предыдущие века. Впервые при цинах доски для тибетского Ганжура были вырезаны по повелению императора Канси в 1684–1692 гг. Все тома были отпечатаны красной краской, а первые и последние листы были украшены изображениями божеств. Прототипом для ТБК при Канси, который стал одним из наиболее авторитетных как в ритуальной практике, так и современной тибетологии, послужили минские издания 1410 г. и 1605 г. [Успенский 2011: 243]. Несмотря на то, что издание при Канси было основано на предыдущих минских, для этого издания специально были подготовлены новые доски, так как первоначальные сильно износились. Для подготовки нового набора блоков использовались старые, на которые наносилась краска. Затем пигмент с этих старых досок, служивших в качестве мастер-копий, переносился на новые [Eimer 1988: 69; Silk 1996: 164].

Следует добавить, что при Канси ТБК издавался еще в 1700 г. и 1717–1720 гг. [Eimer 1983: 7]. Кроме того, В. Л. Успенский сообщает, что издание Ганжура было предпринято Юньсяном — тринадцатым сыном императора Канси. В послесловии к этому изданию говорится о том, что маньчжурский принц сделал это «ради долголетия его отца-императора, ради того, чтобы учение Будды распространилось во все стороны и ради того, чтобы принести пользу всем живым существам» [Uspensky 2001: 110].

При императоре Цянлуне ТБК был издан дважды: в 1737 г. был издан так называемый красный императорский, а в 1765 г. — черный. Говоря о последнем, Хельмут Еймер отмечает, что, согласно сведениям, полученным от доктора Брюса Холла, ни одно из этого «черного» издания не дошло до нас [Eimer 1983: 7]. Надо полагать, что подготовка первого издания была начата еще до того, как Цянлунь взойшел на трон, ибо 1737 г. — второй год его правления, и именование пекинского Ганжура 1737 г. изданием Цянлуна достаточно условное. Очевидно, работа по изданию ТБК велась еще при предшественнике Цянлуна, императоре

Юнчжэне. Ссылаясь на Б. Холла, Дж. Нурс отмечает, что в 1738 г. в каталог Данжура, изданный при Юнчжэне, были внесены изменения по поручению Цянлуна. Кроме того, по его предположению, Цяньлун пересмотрел или переиздал Ганжур около 1737 г. [Nourse 2014: 100].

4. Появление пекинского Ганжура в ТФ ИМБТ СО РАН

История поступления Ганжура пекинского издания в ТФ ИМБТ СО РАН не известна. Имеющиеся архивные сведения о буддийских культовых принадлежностях, в том числе письменных текстах, исчерпываются посписочным и количественным упоминанием и тем, что все дацанское имущество подлежит изъятию и передаче государству. К примеру, согласно описи имущества в связи с закрытием Эгитуйского дацана на его балансе числилось несколько комплектов Ганжура и Данжура [ГА РБ. Ф. 248. Оп. 3. Д. 66. Л. 32]. Необходимо отметить, что буддийский канон разных изданий, в том числе пекинского, имелся во многих дацанах, поэтому достаточно сложно на сегодняшний день определить, какому именно дацану принадлежал комплект пекинского Ганжура из нашего фонда. В результате закрытия дацанов основная сохранившаяся масса буддийского культового наследия передавалась в Антирелигиозный музей. Однако после его закрытия, объединения с Бурят-Монгольским национальным музеем и реорганизации в Краеведческий музей Бурят-Монгольской АССР, часть имущества перешла в новообразовавшийся музей. В 1958 г. по специальному постановлению Совета Министров Бурятской АССР в рукописный отдел Бурятского комплексного научно-исследовательского института (КНИИ, ныне ИМБТ СО РАН) был передан тибетский фонд Республиканского краеведческого музея им. М. Н. Хангалова в г. Улан-Удэ. Благодаря этому пополнению нынешний тибетский фонд занимает одно из первых мест в мире среди хранилищ подобного рода [Дандарон, Семичев 1960: 131; ЦВРК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 35а. Л. 1]. Возможно, что и пекинский Ганжур был в числе переданного имущества, однако на данный момент не удалось найти точных сведений о поступлении данного комплекта в ТФ. На пекинском Ганжуре ТФ ИМБТ СО РАН не были найдены владельческие штампы, записи и др.

По свидетельству прежних сотрудников, не представляется возможным ссылаться на точную документацию, которая позволила бы установить предысторию формирования тибетского фонда [Гармаева 2005: 161; Сыртыпова и др. 2006: 50]. Б. Д. Дандарон в 1960 г. писал о том, что тибетский фонд можно разделить на две неравные части. Первая была образована в результате сборов, производившихся сотрудниками института во время археографических экспедиций и командировок, путем покупки и получения в дар от отдельных лиц и учреждений, а вторая, большая, часть поступила в 1958 г. [Дандарон 1960: 3]. Несмотря на очевидность того, что пекинский Ганжур поступил вместе с имуществом Республиканского краеведческого музея, все же нет данных, которые подтвердили бы это. Так, по состоянию на 1960–1962 гг. «тибетский фонд лежит сложенным в штабеля объемом около 8 грузовых автомашин, примерно около 40 тонн весом. Не случайно этот фонд исчисляется машинами и тоннами, так как этот фонд пролежал без разбора более четверти века» [ЦВРК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 35а. Л. 1–2].

5. Состав и основные параметры памятника

Ганжур пекинского издания ТФ ИМБТ СО РАН представлен в 99 томах.

– Тантра / *rgyud* состоит из 23 томов: TCPG-001 – TCPG-024 (АОм-ya), в разделе данного собрания отсутствуют два тома — *ka*, *kha*;

– Праджняпарамита Стотысячная / *yum 'bum* состоит из 14 томов: TCPG-24 – TCPG-37 (*ra-ji*);

– Праджняпарамита Двадцатипятитысячная / *nyi shu lnga pa* состоит из 4 томов: TCPG-38 – TCPG-41 (*nyi-di*);

– Праджняпарамита Восемнадцатитысячная / *khri brgyad stong pa* состоит из 4 томов: TCPG-42 – TCPG-45 (*ni-bi*);

– Праджняпарамита Восьмитысячная / *brgyad stong pa* — 1 том: TCPG-46 (*mi*);

– Праджняпарамита, разное / *sher phyin sna tshogs* — 1 том: TCPG-47 (*tsi*);

– Ратнакута / *dkon brtsegs* состоит из 6 томов: TCPG-48 – TCPG-53 (*tshi-'i*);

– Аватамсака / *phal chen* состоит из 6 томов: TCPG-54 – TCPG-59 (*yi-hi*);

– Сутры / *mdo sna tshogs* — состоит из 28 томов: TCPG-60 – TCPG-87 (*i-ke*), в разделе отсутствуют четыре тома — *khu*, *thu*, *bu*, *chu*;

– Виная / *'dul ba* состоит из 12 томов: TCPG-88 – TCPG-99 (*khe-phe*), в разделе отсутствует один том — *the*.

В данном собрании не представлен гарчак — каталог, или справочно-библиографический список.

Из «общих» параметров можно отметить следующее: текст издан на плотной китайской бумаге красными чернилами, пагинация всех томов на лицевой стороне листа с правого и левого краев на тибетском и китайском языках, количество строк — 8, на первых и последних страницах варьируется от 4 до 8. Размеры листа — 20 x 71 см, размеры текстовой рамки — 15 x 60 см. Данное издание отличается хорошей сохранностью текста и бумаги. Титульный и последний листы каждого тома помещены в деревянные рамы (*glegs shing*), обтянутые плотной цветной китайской парчой с золотыми нитями. Кроме того, на каждой доске имеются так называемые «шторки» (*zhal khebs*) для прикрытия текста, сшитые из тканей разных цветов и сложенные в несколько слоев. На правой и левой стороне титульного листа каждого тома имеются образы буддийских божеств в цветном исполнении, предположительно, минеральными красками. Практически в каждом томе разные божества, и, к сожалению, по нашему комплекту пекинского Ганжура их сложно идентифицировать, так как отсутствуют подписи, которые обычно сопровождают их. На последних листах всех томов присутствуют идентичные образы божеств, также в цветном исполнении: Дзамбалы, Махакалы Шестирукого, Палден Лхамо и Васудхары. Каждый том завернут в несколько слоев специальной тканью (бур. жанши, тиб. *dpe res*). Кроме того, тома помещены между двумя дополнительными, окрашенными в красный цвет, деревянными досками и перевязаны десятиметровыми брезентовыми ремнями. Следует отметить, что некоторые тома завернуты в «именные» жанши, на которых имеются надписи на старомонгольской письменности с информацией о его дарителе. К примеру, на жанши от тома *tsha* имеется следующая надпись: *qoli ger qotu-du dörben kümün nige jingša örgübe* ‘Коля, в семье которого четыре человека, преподнес один жанши’; от тома *da*: *pürba ger qotu-du tabun kümün nige jingša örgübe* ‘Пурбо, в семье которого пять человек, преподнес один жанши’ и т. д.

В целях уточнения и подтверждения, что пекинский Ганжур (ИМБТ СО РАН) представляет собой Цянлунское издание, были сопоставлены отдельные тома, страницы издания из коллекции Рагху Виры¹, а также с комплекта, хранящегося в Институте восточных рукописей (ИВР) РАН [Зорин и др. 2017]. Сопоставление с отмеченными изданиями выявило, что основные показатели у сборников совпадают. В результате сравнений мы пришли к выводу, что пекинский Ганжур из ТФ ИМБТ СО РАН является изданием 1737 г. Идентичными оказались печать, тексты, количество листов и строк, пагинация. На некоторых листах этих изданий имеются такие шероховатости, как нечетко пропечатанные части графем, пробелы в линиях рамок, пятна от чернил, которые также совпадают и свидетельствуют, что издания были отпечатаны с одних и тех же матриц.

Исходя из сравнительного анализа трех доступных версий пекинского Ганжура можно сделать вывод, что данный ксилографический комплект тибетского канона отличается от других изданий не только уровнем издания, более дорогим, но и специфичной уникальностью каждого отдельного экземпляра собрания. Различия внутри пекинских изданий связаны прежде всего с оформлением внутренней стороны верхней деревянной обложки и первых листов (1b), которые содержат тексты и иконографические композиции. Три версии доступных изданий представляют три варианта оформления. В сборнике, хранящемся в ИВР РАН, внутренняя сторона верхней деревянной обложки — это изображения божеств и текст прибежища; первый лист — это отпечатанный на белой бумаге красными чернилами ксилограф. Пекинское издание из фонда ТФ ИМБТ СО РАН: на внутренней стороне верхней деревянной обложки изображения божеств, нарисованных минеральными красками, и текст первой страницы, написанный от руки на черном лаковом фоне золотыми чернилами. В коллекции пекинского Ганжура (Рагху Вира) внутренняя сторона верхней деревянной обложки содержит изображения божеств, нарисованных минеральными красками с двух сторон, и ксилографический текст на бумаге, вклеенный в доску. Здесь необходимо признать некоторое преимущество пекинского Ганжура ИВР РАН для исследований, в частности для идентификации имен божеств, поскольку они указаны на листах. На издании из ТФ ИМБТ СО РАН и коллекции нарисованных минеральными красками, к сожалению, эти сведения отсутствуют, и это, очевидно, связано с тем, что при рукописном переоформлении они не были учтены. Наряду с этим, как сообщают составители «Каталога...»: «... по бокам внизу у каждого из изображений, как правило, имеются подписи по-маньчжурски (слева) ... и по-монгольски (справа)» [Зорин и др. 2017: 19], — однако на доступных нам фотокопиях мы не обнаружили эти подписи.

Тем не менее существует необходимость более тщательного сравнения двух собраний пекинского Ганжура, хранящихся в российских фондах, и одного зарубежного (Рагху Вира). Данная необходимость связана с тем, что пекинские издания Ганжура зачастую использовали работы предшественников в публикационной деятельности. В какой степени это имело место, как использовались предшествующие доски матрицы, вызывает большой научный интерес.

¹ *Peking 1737 Kanjur (Q)* [электронный ресурс] // URL: [<http://www.rkts.org/collections.php?id=1Q>] (дата обращения 14.07.2024).

6. Выводы

Пекинский Ганжур, хранящийся в тибетском фонде ИМБТ СО РАН, представляет собой уникальный материал, который становится источником для многочисленных исследований, прежде всего историко-источниковедческих и археографических. Данный книжный сборник является фундаментальным письменным памятником Востока, дающим возможность научному развитию отечественной буддологии на протяжении многих лет. Необходимо подчеркнуть, что тибетские каноны, благодаря своей территориальной принадлежности и способу производства, имеют все признаки библиографической уникальности. Каждое издание канона является в определенном смысле единственным, поэтому в настоящее время они являются подлинными книжными раритетами, требующими тщательного изучения и учета.

Пекинский Ганжур стоит особняком среди ксилографических изданий буддийского канона, поскольку он один формировался в качестве нескольких последовательных и взаимопереходящих издательских проектов. Его отличает не только «императорское» оформление, центральные фрагменты которого представляют собой уникальные живописные миниатюры ручной работы, но и содержательная система, которая задает издательские образцы для всех ксилографических изданий буддийского канона Внутренней Азии.

Сравнительно-сопоставительный анализ Ганжура Пекинского издания ТФ ИМБТ СО РАН с аналогичными сводами подтверждает наше предположение о том, что оно относится к числу изданий, датируемых 1737 г., осуществленных при правлении цинского императора Цянлуна. Ввод в научный оборот данного раритетного издания расширяет информацию о книжном потенциале страны в области востоковедения. Данный аспект особенно важен в связи с новым этапом отечественных исследований исторических, культурных и социальных особенностей развития народов Восточной и Внутренней Азии.

Источники

ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия.

ЦВРК — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Sources

Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS.

State Archive of the Republic of Buryatia.

Литература

Гармаева 2005 — *Гармаева Х. Ж.* Тибетский фонд ОПИ ИМБТ СО РАН: история формирования, структура, содержание // Письменное наследие монгольских народов: актуальные проблемы информационного обеспечения востоковедных исследований: материалы I Междунар. семинара. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. С. 161–176.

Дандарон 1960 — *Дандарон Б. Д.* Описание тибетских рукописей и ксилографов Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Вып. 1. М.: Вост. лит., 1960. 70 с.

Дандарон, Семичев 1960 — *Дандарон Б. Д., Семичев Б. В.* Тибетский фонд нашего института // Краткие сообщения Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Вып. 2. Улан-Удэ: Тип. Мин-ва культуры Бурятской АССР, 1960. С. 131–134.

- Зорин и др. 2017 — *Зорин А. В., Мутруев Б. Л., Сабрукова С. С., Сизова А. А.* Каталог сочинений тибетского буддийского канона из собрания ИВР РАН. Вып. 1: Кагьюр и Тэнгьюр / под общ. ред. А. В. Зорина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 509 с.
- Каравашкин, Юрганов 2005 — *Каравашкин А. В., Юрганов А. Л.* Регион Докса: Источниковедение культуры. М.: РГГУ, 2005. 210 с.
- Непомнин 2005 — *Непомнин О. Е.* История Китая. Эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Вост. лит., 2005. 712 с.
- Сыртыпова и др. 2006 — *Сыртыпова С. Д., Гармаева Х. Ж., Дашиев Д. Б.* Тибетский фонд ЦВРК ИМБТ СО РАН: структура и содержание. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. 226 с.
- Успенский 2011 — *Успенский В. Л.* Тибетский буддизм в Пекине. СПб.: Студия НП-Принт, 2011. 368 с.
- Eimer 1983 — *Eimer H.* Some results on recent Kanjur research. Bonn: Wissenschaftsverlag, 1983. 21 p.
- Eimer 1988 — *Eimer H.* A Note on the History of the Tibetan Kanjur // *Central Asiatic Journal*. Vol. 32. No. 1/2 (1988). Pp. 64–72.
- Nourse 2014 — *Nourse B.* Canons in Context: A History of the Tibetan Buddhist Canon in the Eighteenth Century. Dr. Sc. (Philosophy) thesis. Virginia: University of Virginia, 2014. VIII, 240 p.
- Silk 1996 — *Silk J. A.* Notes on the History of the Yongle Kanjur // *Suhrllekhāh: Festgabe für Helmut Eimer*. Ed. Michael Hahn, Jens-Uwe Hartmann and Roland Steiner. Swisttal-Odendorf: Indica et Tibetica, 1996. Pp. 153–200. (In Eng.)
- Stanley 2005 — *Stanley D. Ph.* The Tibetan Buddhist Canon, 2005 [электронный ресурс] // URL: <https://www.thlib.org/encyclopedias/literary/canons/index.php#!essay> (дата обращения: 24.04.2024).
- Uspensky 2001 — *Uspensky V. L.* Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 2001. 530 p.

References

- Dandaron B. D. The Description of Tibetan Manuscripts and Xylographs of the Buryat Complex Research Institute. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1960. 70 p. (In Russ.)
- Dandaron B. D. Semichev B. V. The Tibetan Collection of our Institute. In: Brief Reports of the Buryat Complex Research Institute. No. 2. Ulan-Ude: Ministry of Culture of the Buryat ASSR, 1960. Pp. 131–134. (In Russ.)
- Eimer H. A Note on the History of the Tibetan Kanjur. *Central Asiatic Journal*. 1988. Vol. 32. No. 1 / 2. Pp. 64–72. (In Eng.)
- Eimer H. Some Results on Recent Kanjur Research. Bonn: Wissenschaftsverlag, 1983. 21 p. (In Eng.)
- Garmaeva Kh. Zh. Tibetan Fund of the Department of Written Monuments of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS: History of Formation, Structure, Content. In: Written Heritage of the Mongolian Peoples: Current Problems of Information Support of Oriental Studies. Proceedings of the 1st International Seminar. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2005. Pp. 161–176. (In Russ.)
- Karavashkin A. V., Yurganov A. L. The Region of Doxa: Source Studies of Culture. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2005. 210 p. (In Russ.)
- Nepomnin O. E. The History of China. The Qing Dynasty. 17th – early 20th Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. 712 p. (In Russ.)
- Nourse B. Canons in Context: History of the Tibetan Buddhist Canon in the 18th Century. Dr. Sc. (Philosophy) thesis. Virginia: University of Virginia, 2014. 240 p. (In Eng.)
- Silk J. A. Notes on the History of the Yongle Kanjur. *Suhrllekhāh: Festgabe für Helmut Eimer*. M. Hahn, J.-U. Hartmann and R. Steiner (eds.). Swisttal-Odendorf: Indica et Tibetica, 1996. Pp. 153–200. (In Eng.)
- Stanley D. Ph. The Tibetan Buddhist Canon, Copyright, 2005. Available at: <https://www.thlib.org/encyclopedias/literary/canons/index.php#!essay> (accessed: 24 April 2024). (In Eng.)
- Syrtyanova S. D., Garmaeva Kh. Zh., Dashiev D. B. Tibetan Fund of the Center of Oriental

- Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS: Structure and Content. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2006. 226 p. (In Russ.)
- Uspensky V. L. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 2001. 530 p. (In Eng.)
- Uspensky V. L. Tibetan Buddhism in Beijing. St. Petersburg: Studio NP-Print, 2011. 368 p. (In Russ.)
- Zorin A. V., Mitruiev B. L., Sabrukova S. S., Sizova A. A. The Catalogue of Texts of the Tibetan Buddhist Canon Kept at the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS. Vol. 1: Bka' 'gyur and Bstan 'gyur. St. Petersburg: Petersburgskoe Vostokovedenie, 2017. 509 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Iss. 4, pp. 716–727, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-716-727

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 294.321+930.253+821.51
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-716-727

О колофоне к «Мани-камбуму», составленном Зая-пандитой Намкай-Джамцо (к проблеме сравнительного текстологического анализа рукописного и печатного текстов монгольского перевода)

Деляш Николаевна Музраева¹, Баир Луданович Тушинов²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

0000-0002-8619-9369. E-mail: deliash[at]mail.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

0000-0002-6029-160X. E-mail: nurushi[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Музраева Д. Н., Тушинов Б. Л., 2024

Аннотация. Введение. В статье рассматривается колофон к монгольскому переводу тибетского памятника буддийской литературы «Мани-камбума», выполненному известным ойратским буддийским деятелем Зая-пандитой Намкай Джамцо в 1643–1644 гг. Колофон написан в стиле традиционного монгольского стихосложения с применением начальной аллитерации. **Материалы и методы.** Материалом для анализа послужили ксилографическое издание и рукописный текст колофона к монгольскому переводу «Мани-камбума», выполненному Зая-пандитой в 1643–1644 гг. В работе применяются традиционные методы текстологического анализа. **Результаты.** Проведен сравнительный текстологический анализ содержания колофона Зая-пандиты по ксилографическому изданию на монгольском языке в составе сборника «Юм-ченмо» и рукописному варианту на монгольском языке, представленному в книге Х. Лувсанбалдана. Привлечение для сопоставления текста рукописного варианта колофона было продиктовано особенностями печати пекинского ксилографа на монгольском языке с характерным отсутствием в нем некоторых диакритических знаков, подменой отдельных графем, их нечетким отображением. В результате были восстановлены фрагменты текста, опущенные в рукописном колофоне или же записанные с ошибками, и в то же время установлены правильные написания ряда слов в ксилографе, напечатанные с ошибками. Таким образом, нашел подтверждение один из ключевых моментов, которые необходимо учитывать в работе по составлению и уточнению транслитераций текстов тибетско-ойратского корпуса, а именно: привлечение не только ксилографических изданий переводов

Зая-пандиты на монгольском языке, но и их списков и копий. Помимо этого, были рассмотрены несколько строф колофона, составленные Зая-пандитой в традиции монгольского стихосложения, что обогащает наши представления о нем не только как о переводчике буддийских текстов, но и как о талантливом литераторе.

Ключевые слова: Зая-пандита Намкай Дхамцо, переводы, Мани-камбум, монгольский язык, колофон, текстология

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Параллельный корпус текстов на тибетском языке и ойратском „тодо бичиг“ („ясном письме“): разработка инструментария и текстологические исследования» (№ 23-18-00978, <https://rscf.ru/project/23-18-00978/>).

Для цитирования: Музраева Д. Н., Тушинов Б. Л. О колофоне к «Мани-камбуму», составленном Зая-пандитой Намкай-Дхамцо (к проблеме сравнительного текстологического анализа рукописного и печатного текстов монгольского перевода) // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 716–727. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-716-727

On the Colophon to “Mani-kambum” Compiled by Zaya Pandita Namkhai Gyatso (on the problem of comparative textological analysis of the manuscript and printed texts of the Mongolian translation)

Delyash N. Muzraeva¹, Bair L. Tushinov²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
 0000-0002-8619-9369. E-mail: deliash[at]mail.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Research Associate
 0000-0002-6029-160X. E-mail: nurushi[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Muzraeva D. N., Tushinov B. L., 2024

Abstract. Introduction. The article examines the colophon to the Mongolian translation of the major Tibetan monument of Buddhist literature, Mani-kambum, made by the famous Oirat Buddhist figure Zaya Pandita Namkhai Gyatso in 1643–1644. The colophon is written in the style of traditional Mongolian versification using initial alliteration. *Materials and methods.* The material for the analysis was a woodcut edition and a handwritten text of the colophon to the Mongolian translation of “Mani-kambum” made by Zaya Pandita in 1643–1644. The work uses traditional methods of textual analysis. *Results.* A comparative textual analysis of the contents of the Zaya Pandita colophon has been carried out based on the woodcut edition in the Mongolian language in the collection “Yum-chenmo” and the handwritten version in the Mongolian language presented in the book comp. by Luvsanbaldan. The use of the handwritten version of the colophon for text comparison was dictated by the peculiarities of printing the Beijing woodcut in Mongolian with the characteristic absence of some diacritics in it, the substitution of individual graphemes, and their indistinct display. As a result, the fragments of the text that were omitted in the handwritten colophon or written down with errors were restored, and at the same time, the correct spelling of a number of words in the woodcut, printed with errors, was established. Thus, one of the key points that needs to be taken into account in the work on compiling and clarifying transliterations of the Tibetan-Oirat corpus texts has been confirmed, namely, the use of not only woodcuts of Zaya Pandita’s translations in Mongolian language, but also their lists and copies. In addition, several stanzas of the colophon were considered, com-

posed by Zaya Pandita in the tradition of the Mongolian versification, which enriches our understanding of him not only as a translator of Buddhist texts, but also as a talented writer.

Keywords: Zaya Pandita Namkhai Gyatso, translations, Mani-kambum, Mongolian language, colophon, textual criticism

Acknowledgments. The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00978 “Parallel Corpus of Texts in Tibetan and Oirat “Todo Bichig” (“Clear Script”): Development of Tools and Textual Studies” Available at: <https://rscf.ru/project/23-18-00978/>.

For citation: Muzraeva D. N., Tushinov B. L. On the Colophon to the “Mani-kambum” compiled by Zaya Pandita Namkhai Gyatso (to the problem of comparative textual analysis of the handwritten and printed texts of the Mongolian translation). *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(4): 716–727. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-716-727

1. Введение. О монгольском переводе «Мани-камбума», выполненном Зая-пандитой Намкай Джамцо

«Мани-камбум» (тиб. *ma ni bka' 'bum* «Сто тысяч наставлений о мани») — хорошо известный сборник текстов, отражающих культ бодхисаттвы сострадания Авалокитешвары, авторство которых приписывается тибетскому царю Сронцзан-Гампо (627–649 гг.) [Kar 2017: 256]. Известный тибетолог А. И. Востриков, давая характеристику «Мани-камбуму» как апокрифическому памятнику, относящемуся к «сокровенным книгам» (или «книгам из кладов», тиб. *gter chos*), отмечал, что он «пользуется исключительной популярностью и в самом Тибете, и за его пределами» [Востриков 1962: 42]. О популярности этого памятника среди монголов свидетельствует тот факт, что он трижды переводился на монгольский язык. Согласно сведениям, имеющимся в монголоведной литературе, первыми переводчиками «Мани-камбума» были чахарские переводчики Манджушри Дархан-лама и Цогту Мерген Убаши (вторая половина XVI – начало XVII в.) [Кантор 2013: 47–48]. Авторство второго перевода, датируемого 1607–1608 гг., принадлежит, согласно колофону, Ширегету (Ширээт) Гуши Цорджи и Сакья Дондуб гуши (вторая половина XVI – первая четверть XVII в.) [Damdinsurung 1959: 293]. Перевод Зая-пандиты Намкай Джамцо (1599–1662) рассматривается как третий, более поздний из монгольских переводов [Кантор 2013: 49]. Именно перевод Зая-пандиты послужил основой для ксилографического издания на монгольском языке (известно о трех пекинских и одном бурятском изданиях).

Цель статьи — рассмотреть аспекты сравнительного текстологического анализа рукописного и печатного текстов монгольского перевода крупного тибетского памятника буддийской литературы «Мани-камбума», выполненного известным ойратским буддийским деятелем Зая-пандитой Намкай-Джамцо. Материалом для анализа послужили ксилографическое издание и рукописный текст колофона к монгольскому переводу «Мани-камбума», выполненному Зая-пандитой в 1643–1644 гг., что позволяет отметить отличия в текстах. В работе применяются традиционные методы текстологического анализа.

2. О ксилографическом издании «Мани-камбума», включенном в сборник «Юм ченмо»

Текст «Мани-камбума» на монгольском языке, переведенный Зая-пандитой, был издан в составе пекинского ксилографического издания сборника под названием «Юм ченмо» (тиб. *yum chen mo* ‘Великая мать’ или ‘Прадж-

няпарамита в сто тысяч строф')¹. В хурумшинском комплекте «Юм ченмо» насчитывается 18 томов. Из них 12 томов содержат текст «Праджняпарамиты в сто тысяч строф» (тиб. *sher phyin stong phrag brgya pa*, санскр. *Śatasāhasrikā-prajñāpāramitā*), 4 тома, объединенные в 2 тома, включают текст «Праджняпарамиты в двадцать пять тысяч строф» (санскр. *Prajñāpāramitā-panca vimsatisahasrika*), 1 том состоит из текста «Праджняпарамиты в восемь тысяч строф» (тиб. *'phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa brgyad stong pa*, санскр. *Aṣṭa sāhasrikāprajñāpāramitā*) и 1 том «Мани-камбума». Последний из текстов, как хорошо известно из тибетологической литературы, относится к тибетской традиции сокрытых текстов-сокровищ «терма» (тиб. *gter ma*), не является каноническим [Востриков 1962: 42]. Однако включение этого текста в состав сборника канонических сочинений из разряда праджняпарамитской литературы в качестве дополнительного тома (формат текста, размеры листов, стиль резьбы и оформление аналогичны с остальными томами в этом комплекте) представляется не случайным. Возможно, тем самым подчеркивается важность сострадания бодхисаттвы Авалокитешвары наравне с постижением пустотности, о котором говорится в текстах праджняпарамиты. Примечательно, что известен другой комплект собрания текстов «Юм ченмо», который находится в Бичурском районе Бурятии (с. Средний Харлун). В него также дополнительно включены «Мани-камбум» и сборник «Сундуй».

«Праджняпарамита в двадцать пять тысяч строф», входящая в описываемое собрание «Юм ченмо», была переведена известным монгольским переводчиком Гуши-гавджей².

Интересным историческим совпадением является тот факт, что два перевода «Мани-камбума» на монгольский язык Гуши-гавджи и Зая-пандиты были осуществлены в годы овцы и в год обезьяны (т. е. в 1607–1608 и 1643–1644 гг. соответственно) с разницей в 36 лет.

3. О времени создания Зая-пандитой монгольского перевода «Мани-камбума»

Сведения о времени составления перевода «Мани-камбума» приводятся в биографии Зая-пандиты Намкай Джамцо, известной под кратким названием «Лунный свет», составленной Раднабхадрой [Biography 1967: 8]. В ней отмечено, что перевод «Мани-камбума» выполнялся в ойратских кочевьях после возвращения в 1642 г. из Монголии. Биограф также указывает, что зиму 1644 г. Зая-пандита провел в храме Дархан-цорджи, находившемся на берегу реки Иртыш. Дархан-цорджи оказывал ему всевозможные почести, сам же Зая-пандита, помимо перевода «Мани-камбума», занимался и другими делами во благо распространения учения Будды [Biography 1967: 5b; Лувсанбалдан 1975: 14–15, 140, 190; Норбо 1999: 45].

¹ Ксилограф «Юм ченмо» хранится в частной коллекции семьи Васильевых в селе Хурумша Иволгинского района Республики Бурятия. Мы использовали электронные копии текста «Мани-камбум», которые были предоставлены ламой Аяном Сотниковым из Хужирского дацана «Улзытэ Субарга», расположенного в селе Хужиры Тункинського района Бурятии. Это один из немногих дацанов Бурятии, службы в котором ведутся на бурятском языке (используются тексты на «худам бичиг»).

² Ширээт Гуши-цорджи (конец XVI – начало XVII в.) — известный монгольский переводчик, настоятель монастыря в Хухэ-Хото.

В колофоне килографического издания «Мани-камбума» на классической монгольской письменности «худам монгол бичиг» (монг. *qudum mongyol bičig*) также содержатся сведения о времени составления перевода. Согласно колофону, работа по переводу «Мани-камбума» осуществлялась Зая-пандитой в течение двух лет. Она была начата «в год женщины-воды-овцы (1643 г.) и завершена зимой года мужчины-железа-обезьяны (1644 г.) <...>, когда пребывал в монастыре Улзэйту хийд («Благословенный монастырь», монг. *öljei-tü keyed*) на реке Иртыш. Находясь в [нем], с благословения драгоценного Ламы и Высших Трех драгоценностей составил [перевод]» [МКМ: 9b–10a]. А. И. Востриков, опираясь на данные колофона монгольского перевода Зая-пандиты, также указывает дату начала перевода (1643 г.) и дату его завершения (1644 г.) [Востриков 1962: 45, 181]. Из биографии Зая-пандиты известно, что «ясное письмо» («тодо бичиг», ойр. *todo bičiq*) было составлено им зимой года мыши (т. е. в 1648 г.) [Biography 1967: 8]. Из сказанного следует, что оригинальный перевод «Мани-камбума» первоначально был выполнен Зая-пандитой на «худам бичиг».

Как отмечалось выше, в биографии Зая-пандиты также зафиксировано имя инициатора создания перевода «Мани-камбума» — Дархан-цорджи. Этому ойратскому буддийскому священнослужителю посвящены несколько стихотворных строф колофона к переводу «Мани-камбума». В них содержатся, по сути, биографические данные о Далай Дархан-цорджи. К примеру, в них говорится, что благодаря своей прошлой благой карме Дархан-цорджи обрел драгоценное человеческое рождение, наделенное восемью свободами. Тонкой мудростью, подобной глазу, распознал многие опасности 80 000 омрачений¹ и стал монахом. В поле его прозрачной веры, подобной осеннему небу, вззошли плоды пользы и счастья всех живых существ. Для открытия врат 84 000 учений он усердно сеял семена добродетели и отправился в Западный Деге (монг. *baraγun dege*). Встретившись с Далай-ламой, Панчен-хутухтой и другими Богдо, поднес им множество даров. Восприняв нектар наставлений, ведущих к обретению состояния будды, получил пророчество о постройке монастыря (монг. *sūme keyid*) в ‘тайном (сокрытом) месте’ (монг. *dalda yaǰar*). Собрав все необходимое для начала постройки монастыря, посоветовавшись с высокими учителями, постоянно размышляя о благе ойратского народа, построил монастырь на берегу Центрального Иртыша (монг. *örü erčis*) государства Юань [МКМ: 9b]. По сведениям историков храмовый комплекс, возведенный в самом начале XVII в. на среднем течении р. Иртыш, был назван «Дархан-Цорджин²-кит» по имени настоятеля — ламы Дархан-цорджи. Он включал семь построек, потому получил русское название Семь Палат, давшее название городу Семипалатинску [Бакаева 1994: 20–21], действительно расположенному в районе среднего течения Иртыша. В книге В. Н. Кашляка, посвященной храмам Семипалатинска, автор приводит второе название Семи палат — храм Эрхэ-Цорджи [Кашляк 2004: 5]. Ж. О. Артыкбаев отмечает, что среди ойратов наиболее общераспространенным названием этого храма стало

¹ Считается, что все омрачения, производные от неведения, сочетаясь между собой, могут достигать громадного числа — 80 000; в противовес им Будда преподавал такое же число наставлений.

² В литературе встречается написание Дархан-Зорджин-кит [Кашляк 2004: 6], но второе слово в этом случае написано неверно, так как происходит от звания «цорджи».

название «Эрчисын-сумэ» (до 1658 г.), и его месторасположение соответствует современным границам г. Семипалатинска [Артыкбаев 2002: 143].

Согласно колофону, Далай Дархан-цорджи ради блага живых существ обратился к Зая-пандите с просьбой о переводе «Мани-камбума»:

*erketü burqan-u jarliḡ onuquy-a masi berke kiged:
ene eke bičig aldas-i masi yeke bol-un:
erin onuqui öber-ün oyun masi muquday-un tula:
egün-i orčiḡulquy-a ayul masi yeke törübe čüi:
eyin üyiled kemen čorji-yin jarliḡ yekede kičiyegsen kiged:*

‘Постичь учение владыки Будды весьма трудно,

В этом исходном трактате очень много ошибок (упущений),

Поскольку собственный ум столь ничтожен, чтобы найти и постичь [их],

Хотя и зародились большие опасения переводить его,

Исполни это! — по такому наказу Цорджи проявил большое усердие’¹ [МК: л. 9b].

Далее в колофоне указывается, что рабдхамба Зая-пандита, думая о том, что это «принесет пользу всем тем в здешних краях, кто преисполнен совершенной судьбой, ради того, чтобы провозвестить о достоинствах драгоценного Далай-ламы, осуществил перевод» [МКМ: 9b].

4. К сравнительному анализу текстов колофонов ксилографического издания и рукописи

Работа по составлению реестра переводов Зая-пандиты, а также отбор текстов, выполнение их транслитераций для последующего включения в параллельный тибетско-ойратский корпус показали важность обращения к его переводам с тибетского языка на монгольский. Такие переводы выполнялись Зая-пандитой до создания им «ясного письма» в 1648 г. Как отмечалось в ряде наших предыдущих публикаций, для текстов на «тодо бичиг», дошедших до настоящего времени большей частью в списках и копиях, характерны «многочисленные отступления от классического „ясного письма“ („тодо бичиг“), для которых свойственны разного рода ошибки, начиная с неправильного написания графем, отход от классической грамматики письменного ойратского языка в пользу разговорной речи и проч.» [Музраева, Тушинов 2024: 387–388]. Одним из способов решения указанной проблемы стало обращение к текстам монгольских переводов тех же тибетских источников, которые переводил Зая-пандита. Это было показано на материале ойратского и монгольского переводов «Мани-камбума» [Музраева, Тушинов 2024: 388–392]. При этом монгольский перевод был представлен одним из пекинских ксилографических изданий [МКМ]. Характерным для пекинского ксилографа на монгольском языке является такой способ печати, который не предполагает отображения диакритических знаков в начертании ряда графем (š, ḡ), в котором наблюдается подмена отдельных графем (согласная *d* вместо *t*), нечеткое написание графем в финали, сложность различения начертаний гласных *e* и *i* в медиальной позиции и проч. По этим причинам потребовалось провести сопоставление текстов колофона Зая-пандиты к «Мани-камбуму» на материале ксилографического издания сборника «Юм-ченмо» [МКМ: 8a–10a] и рукопис-

¹ Здесь и далее перевод с монгольского языка Б. Л. Тушинова с уточнениями Д. Н. Музраевой.

ного варианта, который приводится в книге Х. Лувсанбалдана [Лувсанбалдан 1975: 283–290].

Сопоставление текстов колофона ксилографа и рукописного текста позволяет выделить в них ряд отличий и сходств. В целом можно отметить, что буддийские термины, имена собственные, элементы буддийской космологии, имена исторических персон и персонажей пантеона, а также географические названия переданы одинаково. В качестве примеров можно привести название райской области Будды Амтабхи — *sukavadi-yin oron* ('страна Сукхавади'), имя Будды Амитабхи — *abida* ('Амитабха'), эпитет Бодхисаттвы Авалокитешвары — *yeke nigülesüigči* ('Великий Милосердный'), географические названия и производные от них (*enedkeg* 'Индия', *töbed-iin* 'тибетский') и др. Однако следует признать, что графическое оформление отдельных слов и словосочетаний может отличаться. Примером может послужить оформление падежных окончаний, которые обычно пишутся раздельно. Это наблюдается как в печатном, так и в рукописном текстах. Но имеются случаи, когда в печатном тексте приводятся раздельные написания падежных аффиксов (*oron-i*, *nom-un*, *amitan-i*), а в рукописном они записаны слитно (*oroni*, *nomun*, *amitani*). Можно привести примеры слитного написания частей слова, падежного аффикса, частицы *ču* в печатном издании (*mani*, *adada*, *uduridbaču*) и раздельного в рукописном тексте (*ma-ni*, *ada-da*, *uduridba ču*). В рассматриваемых текстах в написании слова со значением «небо» наблюдаются различия в написании гласной второго слога (*oytarγui* / *oytorγui*). Как видно из этого примера, в рукописном варианте колофона наблюдается влияние правил орфографии «ясного письма».

Отличия печатного и рукописного колофонов проявляются и в использовании различных грамматических форм: например, в первом используется форма слитного деепричастия *sačuran* 'рассеяв', а во втором — форма деепричастия цели *sačur-a* 'чтобы рассеять'.

Особо следует указать на различия в написании имен собственных. Встречаются такие написания имени создателя тибетского письма Тхонми Самбхоты, как *ton-mi sambhoda*; *ton-mi sambhod-yi* [МКМ: 9a; 8b], чему в рукописном тексте соответствуют *töümi samboda*; *töümi samboda-i* [Лувсанбалдан 1975: 286]. Помимо этого, можно отметить различия в подборе лексики. Так, в ксилографе приводится слово *sides-i* в вин. пад. 'волшебство' [МКМ: 8b], а в рукописи ему соответствует *siditen-i* 'тех, кто обладает волшебством' [Лувсанбалдан 1975: 284].

Таким образом, приведенные примеры сопоставления текстов колофонов печатного издания «Мани-камбума» и рукописного варианта указывают на различия в написании отдельных слов, оформлении падежных аффиксов (слитном и раздельном), передаче отдельных грамматических форм, в написании имен, реже — в подборе лексики. Сопоставительный текстологический анализ печатного и рукописного текстов позволяет восстановить фрагменты текстов, опущенные в рукописном колофоне, и в то же время дает возможность установить правильное написание тех или иных слов в ксилографе, напечатанных с ошибками. На основе сказанного можно заключить, что привлечение текстов монгольских переводов Зая-пандиты, выполненных им до создания ойратской письменности, при составлении транслитераций ойратских переводов буддийских памятников представляется правильным подходом. В особенности это касается таких моментов, как установление правильного написания слов,

восстановления утраченных фрагментов текстов и проч. При этом важным представляется обращение не только к ксилографическим изданиям текстов, но и к их спискам и копиям.

5. О содержании колофонных стихов Зая-пандиты

Послесловие к монгольскому переводу «Мани-камбума» составлено Зая-пандитой в традиционном монгольском стиле стихосложения, для которого характерна начальная аллитерация и выделение четверостиший. Ниже приводятся первые четыре строфы, содержащие молитвенные обращения к Будде Шакьямуни, Майтрейе и Манджушри, мудрецам Индии — Нагарджуне и Асанге:

*erel qanγayčī čindamani erike-düi¹ šaky-a muni kiged:
eldeb qubilyan-iyar ekes-iyer² uduriduγči mayidari mañjusiri:
enedkeg-ün merged-ün oroi-yin čimeg nagaγuna türbel-ügei nuγud da [=ta]:
emgenin jalbarimui qoyar sidis-i edüge-de öggün soyurq-a::*

‘Драгоценность, исполняющая желания, — могущественный Шакьямуни, а также

Всевозможными воплощениями ведущие [за собой] матерей Майтрея и Манджушри,

Укращения в короне мудрецов Индии, Нагарджуна и Асанга, — к вам,

Опечаленный, обращаюсь с мольбой: соблаговолите даровать сейчас два [вида] совершенства’ [МКМ: 8a].

Следующая строфа содержит обращение к буддам Амитабхе и Амитаюсу, тибетскому царю Сронцзан-Гампо как воплощению Авалокитешвары:

*ariluγsan ükül ügei siddis-i öggügči abida ayusi kiged:
amitan-u γayča kü sadun ary-a yeke nigülesügči:
anduyuran endegüregsen oron-i ariγun sasin-iyar geyigülügči siduryu tölgen-
nügüd-ta:
aburida jalbarimui[:] ada dayisun-i amurliγul[-un] ariγun mör öggün
soyurq-a::*

‘Дарующие святое совершенство бессмертия Амитабха и Амитаюс,

Единственный друг живых существ — святой Великий Милосердный³, —

Осветивший святым учением страну, пребывающую в заблуждении — Сронцзан Гампо, — к вам

неизменно обращаюсь с мольбой. Сблаговолите умиротворить демонов и даровать чистый путь’ [МКМ: 8a–8b].

В своем послесловии Зая-пандита не обошел вниманием и Цонкапу, Панчен-ламу и Далай-ламу:

*ketürkey-e burqan-u sasin geygülügči nom-un qayan čongkaba kiged:
ken jalbaribasū ketürkei sides-i öggügči bančin qutuy-tu:*

¹ Здесь, вероятно, вкралась опечатка: вместо *erike-düi* ‘с четками’, скорее всего, должно быть *erketü* ‘могущественный’, что и представлено в рукописном тексте [Лувсанбалдан 1975: 283].

² Здесь вместо *ekes-iyer* ‘букв. матерями’ должно быть *ekes-iyen* ‘своих матерей’.

³ Эпитет Авалокитешвары — божества, представляющего аспект сострадания всех будд.

*kerčigei amitan-u erel qangγayči dalai lam-a-nurud da [=ta]:
kelkü erel egüiskejü jalbarimui[:] kejiy-e basa dayan barin soyurq-a::*

‘Царь дхармы, освещающий учение всемогущего Будды — Цонкапа, а также Дарующий превосходные совершенства тем, кто вознес молитву, Панчен-хутухта,

Исполняющий чаяния жестоких (свирых) живых существ Далай-лама, — к вам,

пробуждая чаяния (просьбу), обращаюсь с мольбой: соблаговолите неизменно призывать (проявлять заботу)!’ [МКМ: 8b].

В колофоне Зая-пандита сравнивает царя Сронцзан-Гампо с божеством мудрости Манджушри и грозным защитником Махакалой, устраняющим препятствия. Его высокая миссия передана в следующей строфе:

*qara nigül kiged qayiralan bi kemen bariqui adada bariγdaysan-iyar:
qarangγui orčilang-un gindan-u balyasun-a unaysad-ta enerin:
qayiralan nigülesčü qamuy-i medegči-yin qutuy-a getülgekü-yin tula:
qayan-u bey-e-ber üjgüligsen siduryu tölgen nom-un qayan tere::*

‘[По отношению] к захваченным демоном из-за черных грехов и привязанности к собственному «я»,

Низвергнувшимся в город-темницу темной сансары оказывая сострадание,

Проявляя любовь и милосердие, с целью их освобождения в состоянии всеведения,

Проявившийся в царском обличье¹ царь дхармы Сронцзан-Гампо’ [МКМ: 8b].

Для того чтобы пробудить тибетцев, не думающих об изменчивости и непостоянстве сансары, царь указывает им путь освобождения. В ответ на мольбы министров демонстрирует различные чудесные проявления, чем вызывает у всех великое удивление. Способствуя порождению бодхичитты — основы пути у зловредных живых существ, устанавливает Стяг Дхармы в Тибете во всех направлениях.

Воплощение Манджушри — Тхонми Самбхота, сановник царя Сронцзан-Гампо, на благо всех запомнил все его наставления и объединил в «Мани-камбуме». В следующих строках Зая-пандита перечисляет благие качества трактата «Мани-камбум»:

*esilen sonusuysan-u tedüyken-iyer eldeb küliyesün-eče getülgen:
enerin sitübesü erdeni goyar siddi öggügči:
egüride bisilyabasu ene nasun-a burqan-i öggügči:
endegürel ügei nom-un oki ma-ni kambu egün-i::*

‘Стоит только услышать (прослушать) [его], как освобождает от множества пут,

Если опираться, проявляя милосердие, одаривает двумя драгоценными видами сиддхи (совершенства).

Если постоянно обдумывать (медитировать), то уже в этой жизни дарующий состояние будды,

Высший из истинного (безошибочного) учения этот [трактат] «Мани-камбум»’ [МКМ: 9a–9b].

¹ Букв. «в теле» царя.

6. Выводы

Рассмотренный колофон Зая-пандиты, составленный к монгольскому переводу известного тибетского сочинения «Мани-камбум», представляет большую значимость для изучения творческого наследия создателя «ясного письма». Этот образец апокрифического памятника, включающий тексты культа бодхисаттвы Авалокитешвары, приписываемый царю Сронцзан-Гампо, пользовался популярностью не только в Тибете, но и за его пределами. О его популярности среди монголов свидетельствует тот факт, что «Мани-камбум» трижды переводился на монгольский язык. Подтверждением сказанному могут послужить также четыре ксилографических издания памятника. Примечательно, что за основу был взят перевод Зая-пандиты, самый поздний по времени составления (1643–1644 гг.).

Особо следует сказать, что монгольский перевод «Мани-камбума», выполненный Зая-пандитой, был отпечатан вместе со сборником праджняпарамитских текстов под названием «Юм-ченмо» в качестве дополнительного тома. Известен и другой комплект собрания текстов «Юм ченмо», в который дополнительно включены «Мани-камбум» и сборник «Сундуй». Оба издания сохранились в частных коллекциях Бурятии.

В колофоне монгольского перевода Зая-пандиты содержатся ценные сведения о заказчике (Дархан-цорджи) и времени и месте создания перевода (1643–1644 гг., монастырь Улзэйтү хийд на Иртыше). Эти факты подтверждаются данными биографии Зая-пандиты, составленной его учеником Раднабхадрой, что нашло отражение в трудах тибетологов и монголоведов.

Проведен сравнительный текстологический анализ содержания колофона Зая-пандиты по ксилографическому изданию на монгольском языке в составе сборника «Юм-ченмо» и рукописному варианту на монгольском языке, представленному в книге Х. Лувсанбаладана. Обращение к текстам монгольских переводов тибетских памятников, которые были переведены Зая-пандитой до составления им «ясного письма», оказалось одним из способов решения ряда проблем при составлении транслитераций текстов на «тодо бичиг» для последующего их включения в параллельный корпус на тибетском и ойратском языках. Обращение к 1-й части монгольского ксилографического издания «Мани-камбума» в сопоставлении с ойратским переводом позволило устранить сложности в прочтении и составлении транслитерации целого ряда слов и фрагментов ойратской рукописи. Особенности печати пекинского ксилографа на монгольском языке с характерным отсутствием некоторых диакритических знаков, подменой отдельных графем, их нечетким отображением потребовали привлечения для сопоставления текста рукописного варианта колофона на монгольском языке. Таким образом, восстановление фрагментов текста, опущенных в рукописном тексте или же записанных с ошибками, и в то же время установление правильного написания тех или иных слов в ксилографе, напечатанных с ошибками, подтверждает необходимость обращения при составлении транслитерации не только к ксилографическим изданиям текстов, но и к их спискам и копиям. Это один из ключевых моментов, которые необходимо учитывать при составлении тибетско-ойратского корпуса текстов.

Помимо этого, были рассмотрены несколько строф колофона, составленные Зая-пандитой в традиции монгольского стихосложения, что обогащает наши представления о нем не только как о переводчике буддийских текстов, но и как о талантливом литераторе.

Источники

- Biography 1967 — Biography of Caya Pandita in Oirat characters (Rabjamba Čay-a bandida-yin тууји saran-u gerel kemekü ene metü bolai). B. Rinchen (ed.) (= ред. Б. Ринчен). Corpus Scriptorum Mongolorum. T. V. Fasc. 2–3. Ulanbator: Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэл, 1967. 101 p.
- Damdinsuring 1959 — *Damdinsüring Če*. Mongyol uran jokiya-un degeji jayun bilig orušibai (= Сто образцов монгольской литературы). Corpus Scriptorum Mongolorum. T. XIV. Fasc. 2. Ulaanbaatur: [s. n.], 1959. 981 p.
- МКМ — Mani-kambum («Мани-камбум») // «Юм ченмо». Сб. текстов на монгольском языке. Пекинский ксилограф. Колофон. Л. 8а–10а. — Коллекция Васильевых (с. Хурамша Иволгинского района Республики Бурятия).
- Radnabhadra 1959 — *Radnabhadra*. Rabjamba Zay-a bandida-yin тууји saran-u gerel kemekü ene metü bolai. Corpus Scriptorum Mongolorum. T. V. Fasc. 2. Ulaanbaatur: [s. n.], 1959. 61 p.

Sources

- Biography of Zaya Pandita in Oirat Characters. B. Rinchen (ed.). Corpus Scriptorum Mongolorum. Vol. V. Fasc. 2–3. Ulanbator: Academy of Sciences, 1967. 101 p. (In Mong.)
- Damdinsuren Ts. One Hundred Samples of Mongolian Literature. Corpus Scriptorum Mongolorum. Vol. 14. Fasc. 2. Ulaanbaatur: [s. n.], 1959. 981 p. (In Mong.)
- Mani-kambum («Мани-камбум»). “Yum Chenmo”. Collection of Texts in the Mongolian Language. The Beijing Woodcutter. Colophon. L. 8a–10a. Vasiliev Collection (village of Khuramsha, Ivolginsky district of the Republic of Buryatia). (In Mong.)
- Radnabhadra. The Story of Rabjam Zaya Pandita called “Saran Gerel”. Corpus Scriptorum Mongolorum. T. V. Fasc. 2. Ulaanbaatur: [s. n.], 1959. 61 p. (In Mong.)

Литература

- Артыкбаев 2002 — *Артыкбаев Ж. О.* Кызыл-Кенчский дворец — малоизвестный памятник калмыцкой архитектуры в Центральном Казахстане // Монголоведение. 2002. № 1. С. 135–144.
- Бакаева 1994 — *Бакаева Э. П.* Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.
- Востриков 1962 — *Востриков А. И.* Тибетская историческая литература. М.: Вост. лит., 1962. 427 с.
- Кантор 2013 — *Кантор Е. А.* «Мани-кабум» в Тибете и Монголии // *Mongolica*—XI. СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. С. 45–51.
- Кашляк 2004 — *Кашляк В. Н.* Храмы Семипалатинска: прошлое и настоящее. Семипалатинск: [б. и.], 2004. 601 с.
- Лувсанбалдан 1975 — *Лувсанбалдан Х.* Тод үсэг, түүний дурсгалууд (= «Тодо бичиг» и памятники на нем). Ред. Ц. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх үйлдвэр, 1975. 356 х.
- Музраева, Тушинов 2024 — *Музраева Д. Н., Тушинов Б. Л.* Некоторые вопросы текстологии ойратского и монгольского переводов тибетского памятника «Мани-камбум» (к проблеме подготовки текстов для параллельного корпуса) // Новый филологический вестник. 2024. № 3 (70). С. 385–394. DOI: 10.54770/20729316-2024-3-385
- Норбо 1999 — *Норбо III.* Зая-Пандита (Материалы к биографии) / перевод со старописьменного монгольского Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова; науч. ред. В. П. Санчиров. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.
- Kar 2017 — *Kar Chiranjib*. Historical Background of Kagyur and Tanguyur // International Journal of Humanities & Social Science Studies (IJHSSS). Vol. III. Is. IV. January 2017. Pp. 254–262.

References

- Artykbaev J. O. Kyzyl-Kenchi Palace — a little-known Monument of Kalmyk Architecture in Central Kazakhstan. *Mongolian Studies (Elista)*. 2002. No. 1. Pp. 135–144. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Buddhism in Kalmykia. Historical and Ethnographic Essays. Elista: Kalmykia Book Publ., 1994. 128 p. (In Russ.)

- Kantor E. A. “Mani-kaboom” in Tibet and Mongolia. *Mongolica–XI*. St. Petersburg: Petersburgskoe Vostokovedenie, 2013. Pp. 45–51. (In Russ.)
- Kashlyak V. N. Temples of Semipalatinsk: Past and Present. Semipalatinsk: [s. n.], 2004. 601 p. (In Russ.)
- Luvsanbaldan H. Clear Writing Monuments. Ts. Damdinsuren (ed.). Ulaanbaatar: Academy of Sciences, 1975. 356 p. (In Mong.)
- Muzraeva D. N., Tushinov B. L. Some Issues of Textual Criticism of the Oirat and Mongolian Translations of the Tibetan Monument “Mani-kambum” (on the Problem of Preparing Texts for the Parallel Corpus). *New Philological Bulletin*. 2024. No. 3 (70). Pp. 385–394. DOI: 10.54770/20729316-2024-3-385 (In Russ.)
- Norbo S. Zaya Pandita (Materials for Biography). D. Muzraeva, K. Orlova, V. Sanchirov (transl.). V. Sanchirov (sc. ed.) Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 335 p. (In Russ.)
- Vostrikov A. I. Tibetan Historical Literature. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1962. 427 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 4, pp. 728–744, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-728-744

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 94

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-4-728-744

Ордынское отделение Астраханской Палаты государственных имуществ в свете изучения особенных прав зайсангов

*Лариса Бадмаевна Манджикова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Манджикова Л. Б., 2024

Аннотация. *Введение.* «Положением об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г. было создано Ордынское отделение Астраханской Палаты государственных имуществ, урегулированы вопросы управления калмыцким народом, в том числе определены особенные права нойонов, зайсангов и лам. В процессе деятельности Ордынского отделения были созданы документы, содержащие сведения об изменении правового статуса зайсангов, их места в государственном устройстве Калмыцкой степи в период проведения административной реформы. *Цель* исследования — изучить четыре архивных документа фонда И-6 «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ», содержащих сведения о зайсангах, провести анализ видового состава документов, выявить их функциональное назначение и источниковедческий потенциал в изучении процесса интеграции калмыцкого общества в общероссийскую государственную систему во второй половине XIX в. *Результаты.* Изучение состава и содержания архивных документов, созданных в период деятельности Ордынского отделения Астраханской Палаты государственных имуществ, позволило выявить и ввести в научный оборот новые виды документов, внедренных в делопроизводственный процесс органа управления калмыцким народом, проследить порядок утверждения в звании зайсанга так называемых родовых зайсангов и калмыков-простолудинов, достигших успехов, после принятия Положения 1847 г. **Ключевые слова:** Ордынское отделение Астраханской Палаты государственных имуществ, Положение 1847 г., зайсанг, делопроизводство, исторический источник, Калмыцкая степь, архивный фонд, документ

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6). **Для цитирования:** Манджикова Л. Б. Ордынское отделение Астраханской Палаты государственных имуществ в свете изучения особенных прав зайсангов // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 728–744. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-728-744

The Horde Branch of the Astrakhan Chamber of State Properties in the light of the Study of Special Rights of Zaisangs

Larisa B. Mandzhikova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation).
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate
 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Mandzhikova L.B., 2024

Abstract. *Introduction.* The “Regulation on the Administration of the Kalmyk People” dated April 23, 1847 established the Horde branch of the Astrakhan Chamber of State Properties, settled the issues of administrating the Kalmyk people, including special rights of Noyons, Zaisangs and Lamas. In the course of the activity of the Horde department, the documents containing the information on the change of the legal status of Zaisangs, their place in the state structure of the Kalmyk steppe during the period of administrative reform were created. The *purpose* of the study is to study the four archival documents of the I—6 “Horde Branch of the Astrakhan Chamber of State Properties” fund containing information about zaisangs, to analyze the specific composition of the documents, their functional purpose and to source potential in studying the integration of the Kalmyk society into the all-Russian state system in the second half of the 19th century. *Results.* The study of the composition and content of the archival documents created during the period of the Horde branch activity of the Astrakhan Chamber of State Properties made it possible to identify and introduce into scientific circulation the new types of documents introduced into the clerical process of the Kalmyk people’s governing body, to trace the order of approval in the rank of so called generic Zaisangs as well as Kalmyk commoners who achieved success in the period after the adoption of the Regulations of 1847.

Keywords: Horde department of the Astrakhan Chamber of State Properties, Regulation of 1847, zaisang, office management, historical source, Kalmyk steppe, archival fund, document.

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 “South-Eastern Belt of Russia: a study of the political and cultural history of social communities and groups”

For citation: Mandzhikova L. B. The Horde Branch of the Astrakhan Chamber of State Properties in the light of the Study of Special Rights of Zaisangs. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(4): 728–744. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-728-744

1. Введение

В калмыцкой исторической науке имеется ряд работ, посвященных изучению происхождения сословий калмыцкого общества. Особое внимание уделялось привилегированному положению калмыцкой аристократии — нойонам и зайсангам. В отношении нойонов, занимавших самое высокое положение в иерархической лестнице, не возникало особых вопросов о подтверждении их родословной. О происхождении зайсангов, их месте и роли в истории Калмыкии имелись разные версии. Так, например, Ф. И. Леонтович, юрист, изучавший русско-литовское право и права инородцев, в том числе и калмыцкое право, считал, что зайсанги относились к служилому сословию [[Леонтович 1880: 5](#)]. По мнению Ф. А. Бюлера, главы буддийских школ, Далай-ламы и гелюнги, ханы и нойоны могли назначить

зайсангом простолюдина за особые заслуги [Бюлер 1846: 59]. А. Г. Митиров, изучавший дореволюционные фонды Национального архива Республики Калмыкия, пришел к выводу, что по происхождению зайсангов можно разделить на 3 группы:

- 1) по праву рождения — так называемые «родовые» зайсанги, владевшие аймаком по наследству на протяжении многих лет;
- 2) зайсанги, получившие звание за заслуги;
- 3) нойоны, лишенные звания и перешедшие в зайсанги с целью получения прав по управлению аймаком [Митиров 2002: 66; История 2009: 574].

Вопросы происхождения зайсангов и их роли в калмыцком обществе в XIX в. рассматривались в работах В. В. Батырова и Е. А. Команджаева [Батыров и др. 2014; Батыров, Команджаев 2015]. Они отмечали, что зайсанги имели высокий социальный статус в обществе из-за выполняемых ими административных функций, а также ответственности за жизнь простолюдинов. В. В. Батыров и Е. А. Команджаев считают, что в результате проводимой в России административной реформы в жизни калмыцкого общества произошли изменения, так как появилось новые социальные группы:

- безулусных нойонов (например Ц. Буюнтуков) [Команджаев 2010: 153];
- аймачных зайсангов, владевших аймаком и получивших права потомственного почетного гражданина;
- безаймачных зайсангов, которые наделялись правом личного почетного гражданина [Батыров, Команджаев 2015: 6].

Это были очередные шаги к приведению калмыцкого общества в соответствие с общероссийской сословной системой.

В статье «Социальная структура калмыцкого общества в XIX – начале XX вв.» А. Н. Команджаев отмечает, что с принятием Положения 1847 г. завершилась попечительская система управления калмыцким народом, что привело к «низведению [зайсангов] до ранга управляющих аймаком», и их назначение на должность аймачных зайсангов, оформление состояния, т. е. утверждение их в правах находилось «в руках царской власти» [Команджаев 2010: 154].

О видоизменениях в системе управления калмыцкими улусами, связанных с «административной унификацией властных полномочий представителей калмыцкой знати», писали Н. П. Мацакова и О. Г. Эрдниев. Они подчеркивали, что «правительство ограничивало власть калмыцкой знати по отношению к подвластному зависимому населению» [Мацакова, Эрдниев 2018: 58]. В середине XIX в. основная роль в управлении калмыцким народом была отведена не владельцу, а попечителю улуса. Вся документация подписывалась попечителем и нойоном-владельцем [Мацакова, Эрдниев 2018: 57].

В соответствующем разделе фундаментального научного издания «История Калмыкия с древнейших времен до наших дней» представлены сведения о процессах интеграции калмыцкого общества в общероссийскую систему управления; приведены цитаты из архивных документов, подтверждающие те или иные исторические факты; мнения ведущих историков дореволюционной России, советских и российских ученых о влиянии политики российского государства на административное, социально-экономическое развитие Калмыкии XIX в. [История 2009: 572–582].

Для исследователей, изучающих темы социальных отношений в калмыцком обществе, гражданского права, особый интерес представляет раздел «Отд. II»

«Положения об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г. (далее — Положение 1847 г.), в котором урегулированы «Особенные права нойонов, зайсангов и лам». Данное положение опубликовано в Полном собрании законов Российской империи [Положение 1848: 349–372], в сборнике документов и материалов «Государственное строительство Калмыкии. XVII–XXI вв.» [Государственное строительство 2009: 193–228]. В Положении 1847 г. также регламентируется порядок взаимодействия между ведомствами и делопроизводства, который должен быть «тот же, какой поставлен в учреждении об управлении государственных имуществ» [Государственное строительство 2009: 209].

Согласно пункту 116 Положения 1847 г., в отделении по калмыцким делам должны были вестись 5 книг, в том числе 4 книги по финансовым вопросам (о сборе денежных средств, об общественном капитале, о содержании управления и училища, иных суммах) [Государственное строительство 2009: 209]. Появление новых видов финансовой документации объясняется тем, что в процессе реформы в области управления расширились права местных органов, также усилился контроль за состоянием сбора податей в пользу нойонов, зайсангов. Введение книги пятой «о свидетельствах и билетах, выданных калмыкам на отлучку из улусов, и о билетах для лиц постороннего ведомства на въезд в калмыцкие улусы» свидетельствовало о новшествах в социальном развитии Калмыкии, в частности в связи с отходничеством. Статистику выданных билетов и свидетельств можно узнать в сводных годовых отчетах. Дополнительным источником по данному вопросу являются списки калмыков-отходников, в которых указываются фамилия и имя покинувшего улус; наименование улуса, рода, аймака; мест проживания, дата, а также «где на момент составления списка он находился и работал по найму» [Государственное строительство 2009: 209; Бурчинова 1980: 50]. В Положении 1847 г. упоминаются и другие виды документов.

Изучению вопросов ведения делопроизводства в органах управления калмыцким народом, влияния центральных органов на порядок организации работы с документами в местных учреждениях, появления новых видов документов и их унификации, происходившей в оформлении внешних признаков документов, в способе изготовления документа (имеется в виду появление документов, изготовленных типографским способом «с элементами трафаретных текстов») посвящены работы М. П. Илюшенко [Илюшенко 1993], Н. П. Ерошкина [Ерошкин 1968; Ерошкин 2008], Л. Е. Шепелева [Шепелев 2007], В. С. Емельяновой [Емельянова 2012], Е. В. Шушуновой [Шушунова 2012], С. А. Глотовой [Глотова 2014], Ю. Н. Красниковой [Красникова 2022] и др.

О калмыцкой деловой письменности дореволюционной Калмыкии писали Л. С. Бурчинова [Бурчинова 1980], Д. Б. Гедеева [Гедеева 2004; Гедеева 2018; Гедеева 2019; Гедеева 2022], Д. А. Сусеева [Сусеева 2009], К. В. Орлова [Орлова 2019]. В совместной статье И. В. Лиджиевой и Б. В. Когдановой рассмотрена делопроизводственная практика в органах управления калмыцким народом [Лиджиева, Когданова 2018]. Вопросы делопроизводства и документооборота в органах управления калмыцким народом, порядок рассмотрения документов, выявление общих и отличительных черт в работе с документами рассмотрены Л. Б. Манджиковой [Манджикова 2022а; Манджикова 2022б; Манджикова 2023а; Манджикова 2023б; Манджикова 2023в; Манджикова 2023г].

Сведения о создании Ордынского отделения Астраханской палаты государственных имуществ (далее — АПГИ), его деятельности, а также о составе документов архивного фонда И-6 «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ» содержатся в справочном издании «Фонда Национального архива Республики Калмыкия. 1713–1993» [Фонды 2002: 27]. Цель нашей статьи — изучить четыре архивных документа фонда И-6 «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ», содержащих сведения о зайсангах, провести анализ видового состава документов, выявить их функциональное назначение и источниковедческий потенциал в изучении интеграции калмыцкого общества в общероссийскую государственную систему во второй половине XIX в.

2. Материалы и методы

Материалами для исследования стали четыре архивных дела из архивного фонда И-6 «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ» (1846–1881) Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК), содержащих сведения о зайсангах после принятия «Положения об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г. Изучение документов, их видового состава и содержания позволило детально рассмотреть порядок утверждения в звании зайсанга и решение вопроса об опекунстве. В фонде числится 189 ед. хр. за 1832–1881 гг., и в заголовках только четырех нижеперечисленных архивных дел присутствует слово «зайсанг»:

– дело 59 «Донесение Бага-Цохуровского улусного Зарго Астраханской палаты государственных имуществ и резолюция последней об утверждении в звании аймачного зайсанга П. Собокова», на 16 листах;

– дело 73 «Дело о предоставлении именных списков аймачных и безаймачных зайсангов и о правах пользования их в данном звании (имеется Зая-пандитский текст)», на 53 листах;

– дело 74 «Дело о представлении в Астраханскую палату государственных имуществ документов для утверждения в звании зайсанга», на 96 листах;

– дело 75 «Дело об утверждении Эркетеневским улусным безаймачным зайсангом Цүрюм Нусхаева в звании опекуна», на 251 листах.

При изучении данных дел применялись исторический, хронологический и сравнительный методы исследования, позволившие выявить и ввести в научный оборот новые данные о ведении делопроизводства, видах документов и их назначении, а также проследить порядок утверждения в звании зайсанга и об опекунстве.

3. О видовом составе и содержании архивных документов, созданных в период деятельности Ордынского отделения АПГИ (1847–1868)

3.1. О видах документов, подтверждающих права наследования, и на утверждение в звании зайсанга

В архивном фонде «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ» хранятся документы, присланные вышестоящими органами, переписка с другими организациями, также документы, созданные в процессе деятельности Ордынского отделения АПГИ, которые относятся к нормативным правовым документам (указы, законы, постановления), к официальным (циркуляры, журнал общего присутствия, донесение, рапорт, справка,

мнение, свидетельства, переписка), к учетным (регистры, журналы, книги), к отчетной документации (отчеты) и др.

Наибольший интерес для исследования делопроизводственных процессов представляют вышеперечисленные архивные дела, сформированные по одному вопросу — об утверждении в звании зайсанга.

Так, в деле № 73 заголовок в описи отличается от записи на обложке дела. Заголовок на обложке значительно расширен и более информативен: «О представлении списков зайсангов и о правах зайсангов. С № 183 помещено дело Харахусовского улусного Зарго о проверке прав лиц, пользующихся зайсангскими званиями. Часть дела относится к фонду УКН. В деле имеется Зая-пандитский текст. Харахусовский и Эрдниевский улусы». В деле подшито и пронумеровано 352 листа. Делопроизводственный процесс по рассмотрению данного вопроса начат 30 сентября 1854 г. и окончен 30 декабря 1856 г.

При проведении «расследования» выяснено, что 31 марта 1855 г. Первый Департамент Министерства государственных имуществ (далее — МГИ) направил в адрес Главного попечителя калмыцкого народа письмо о предоставлении «требуемых предписанием от 17 августа 1854 г. за № 21502 сведений относительно прав зайсангов на почетное гражданство» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 73. Л. 6]. В свою очередь Главный попечитель запросил вышестоящую организацию — Астраханскую палату государственных имуществ — предоставить следующие сведения: «1. Имеются ли в делах архивных списки зайсангов калмыцкого народа; 2. Кто из них по утверждении Положения об управлении калмыками 24 ноября 1834 года владел аймаками»; 3. Положено ли было до издания и после того учреждения калмыцкому ламе или подчиненному ему духовенству вести метрические сведения о родившихся» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 73. Л. 4–4об.].

8 октября 1854 г. запрос о предоставлении справок был направлен на исполнение архивариусу АПГИ Мухину¹, который написал в своем донесении, что в архиве в четырех архивных делах имеются следующие сведения: в трех архивных делах имеются списки всех калмыцких владельцев, зайсангов аймачных и безаймачных; в четвертом за № 18940 — «родопроисхождение» их под названием «Родословная книга». В отношении метрических книг архивариус Мухин пишет, что «сведений о родившихся в делах мною не открыто, и что было ли положено до издания Положения об управлении калмыцким народом [от] 24 ноября 1834 года и после оног учреждения калмыцкому ламе или подчиненному ему духовенству вести метрические сведения о родившихся, из дела Архива не видно» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 73. Л. 8–8об.].

Интересен ответ — представление, составленное Ламой калмыцкого народа 30 ноября 1855 г. Он пишет: «калмыцкий народ с самого образования онаго, метрических книг не имеет и народ этот о таковом никакого понятия не имеет» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 73. Л. 26]. Необходимо особо остановиться на оформлении данного документа. Лист бумаги имеет сгиб, который служил разделителем бумаги на 2 половины. В левой части сверху написаны реквизиты документа (адресат, дата и номер исходящего документа и его наименование) на русском языке, ниже текст написан на калмыцкой письменности («зая-пандитской» или

¹ Здесь и далее имя и отчество не указываются, так как в архивных документах они отсутствуют.

ойратской письменности), с правой стороны текст написан на русском языке. Текст подписан «Лама Гелинг». Внизу страницы имеется запись «Письмоводитель» и обозначена его фамилия [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 73. Л. 26–26об.].

В деле также имеется переписка между Главным попечителем калмыцкого народа с АПГИ, улусными попечителями, попечителями Мочагов.

Первый Департамент МГИ направил в адрес АПГИ документ под грифом «Секретно», в котором речь идет о прошении зайсангов Малодербетовского улуса к Главному попечителю калмыцкого народа «о желании обзавестись оседлостью, наделом землею по 30–60 дес[ятин] на душу, с наделом 200–400 дес[ятин] на каждое семейство, назначаемых для аймачных и безаймачных зайсангов» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 73. Л. 38–49об.]. Встали вопросы о том, что, во-первых, просили землю «на каждую душу» семейства; во-вторых, о том, что «на основании существующих законов потомственное почетное гражданство переходит от отца к сыну ко всем детям без различия, а между тем 1354 ст. Т. IX Закона о сост. указано, что у калмыков означенное звание переходит от отца к старшему его сыну, который вступает в управление аймаком» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 73. Л. 38–39]. Соответственно, другие дети просили о «распространении на них... потомственного почетного гражданства» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 73. Л. 39].

При выполнении предписаний Департамента появились и другие вопросы, требующие дополнительных сведений. В архивном деле представлена довольно обширная переписка между Главным попечителем с улусными попечителями о предоставлении документов, подтверждающих право на звание зайсанга. Кроме того, составлялись посемейные списки по улусам. Так, например, попечитель Мочагов направил два рапорта: один в МГИ, а второй в Ордынское отделение с приложением посемейных списков безаймачных зайсангов. Данный список составлен в табличной форме: в графе 1 указано «Число семейств»; во 2 графе — «Имена и Отчества»; в 3 графе — «Какие лета» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 73. Л. 33–36об.]. Для исследователей представляет интерес содержание 2-й графы, в которой указаны наименование улуса, рода, фамилии и имена, состав семьи.

Из письма Департамента общих дел отделения колоний МГИ от 20 ноября 1867 г. «О доставлении сведений» следует, что Департамент общих дел просил представить донесения «касательно сведений о калмыцких зайсангах», которые запросил «бывший Первый Департамент» 2 июня 1865 г. Данный документ имеет гриф секретности, как и ответ Главного попечителя калмыцким народом [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 73. Л. 51–52]. Посемейные списки зайсангов составлялись и представлялись в 1846, 1850, 1858 и 1868 гг. в вышестоящие органы для их рассмотрения и утверждения в звании зайсанга. Необходимо обратить внимание на то, что в оформлении документа стало обязательным составлять заголовок к тексту документа, который мог бы «служить готовой записью во входящий журнал» [Илюшенко 1993: 43].

В делопроизводстве появился новый вид документа — подтверждение по исполнению. На титульном листе указаны следующие данные: наименование документа, дата составления, дата получения, дата возвращения в Управление и дата получения в Управлении. Далее следует таблица на разворотах 2 листов: слева располагается 3 графы:

— «Год, месяц, число и номер предписаний, об исполнении которых подтверждается и по какому делу;

- который раз;
- год и № дела».

Справа графа именуется «Объяснение». Ниже — подпись, дата и номер документа. На обороте листа имеются оттиски штампов, имя адресанта, подпись исполнителя и номер, из чего следует, что в рассматриваемый период времени усилен контроль исполнения документов.

Еще один новый вид документа — вводный лист. В документе содержатся сведения, подтверждающие права наследования, управления аймаком сына Сангаджи Эрдениеву после смерти отца Эрдени Дамбинева. Документ подписан владельцем улуса (председателем), старшим заседателем, младшим заседателем, при этом заседатели «приложили печати». На последнем листе стоят три сургучные печати красного цвета. В деле встречаются два разных оформления вводного листа. В первом случае текст вводного листа написан на весь лист. Во втором — лист бумаги разделен на 2 части: слева текст написан на калмыцком языке, справа — на русском языке [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 73. Л. 185–186]; документ подписан председателем Зарго, владельцем улуса и старшим членом улусного Зарго. Документ также заверен красной сургучной печатью.

Право наследования также подтверждается и другим документом — свидетельством. Так, например, свидетельство, выданное Харахусо-Эрдниевским улусным Зарго, оформлено, как и предыдущий документ от Зарго, на двух языках, с подписями и печатью. Подписи также написаны на двух языках; печать круглая, черного цвета. На печати — изображение царской короны и двуглавого орла и надпись «Харахусов улуснаго суда» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 73. Л. 187].

3.2. Документы Харахусовского улусного Зарго о проверках прав лиц, «пользующихся зайсангскими званиями», и о составлении родословных

Необходимо акцентировать внимание на том, что в этом же деле № 73 подшиты документы Харахусовского улусного Зарго. Этот отдельный блок документов начинается с титульного листа, на котором имеется запись «О поверках права лиц, пользующихся зайсангскими званиями, и о составлении родословных» и указана дата начала дела — 30 декабря 1869 г. Блок начинается с внутренней «Описи бумаги с находящимися в них деле», в табличной форме состоящей из 3 граф: 1) номер по порядку; 2) название бумаг; 3) число листов [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 73. Л. 205–206]. В данном разделе имеются следующие виды документов, в том числе и новые: постановление, приказ, предписание, списки, отзыв, отношение, донесение, подтверждение, показания, вводный лист, свидетельство, отпуск, представление, мнение, жалоба, отклонение и т. д.

В деле представлен «Родословный список аймачных зайсангов», составленный в табличной форме и состоящий из 3 столбцов: 1) [номер по порядку]; 2) наименование улусов, имен и фамилий зайсангов; 3) [данные о смерти]. Список подписан председателем, владельцем улуса Дугаром и попечителем улуса Янченко. Ниже следует заверительная запись: «Список этот составлен со слов Зайсанга, в том Харахусовское улусное Зарго свидетельствует, с приложением печати. Июнь 28 дня 1866 года», далее следуют подписи на русском и калмыцком языках, сургучная печать, завершает страницу фамилия и должность письмоводителя [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 73. Л. 213–214].

В отличие от родословных списков аймачных зайсангов данные о безаймачных зайсангов выглядели иначе. Было нарисовано родословное древо, но в виде кругов и линий, указывающих степень родства. В кругах были записаны имена, указана степень родства, возраст зайсанга [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 73. Л. 221–228об.] (см. факсимиле 1).

В случае представления копии документа на ней сверху слева делалась запись: «Подлинная находится у зайсанга (далее имя и фамилия)», а справа отмечали — «Копия» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 73. Л. 215].

Необходимо отметить, что в документе указан вид документа. Впервые встречается понятие вида документа — отзыв. Чтобы понять его функциональное назначение в делопроизводстве, рассмотрим 22 отзыва зайсангов Харахусовского улуса и их родственников, представленные попечителю Харахусовского улуса. Все отзывы оформлены по шаблону, тексты документов написаны по одной схеме. Сверху по центру указан адресат, ниже слева — адресант, еще ниже указан вид документа, в данном случае написано слово «Отзыв». В тексте документа имеются сведения о владельце аймака, дате его смерти, о личности вступившего в права наследования звания зайсанга, документе-основании и дате его выдачи. Во второй части перечислены все ближайшие родственники и их возраст. Особенность документа в том, что он двуязычный: с одной стороны текст написан на калмыцкой письменности, с другой — на русском языке, а в правом верхнем углу имеется запись «Перевод». На самой нижней строчке указана должность и фамилия исполнителя: «Перевел переводчик (указана фамилия)».

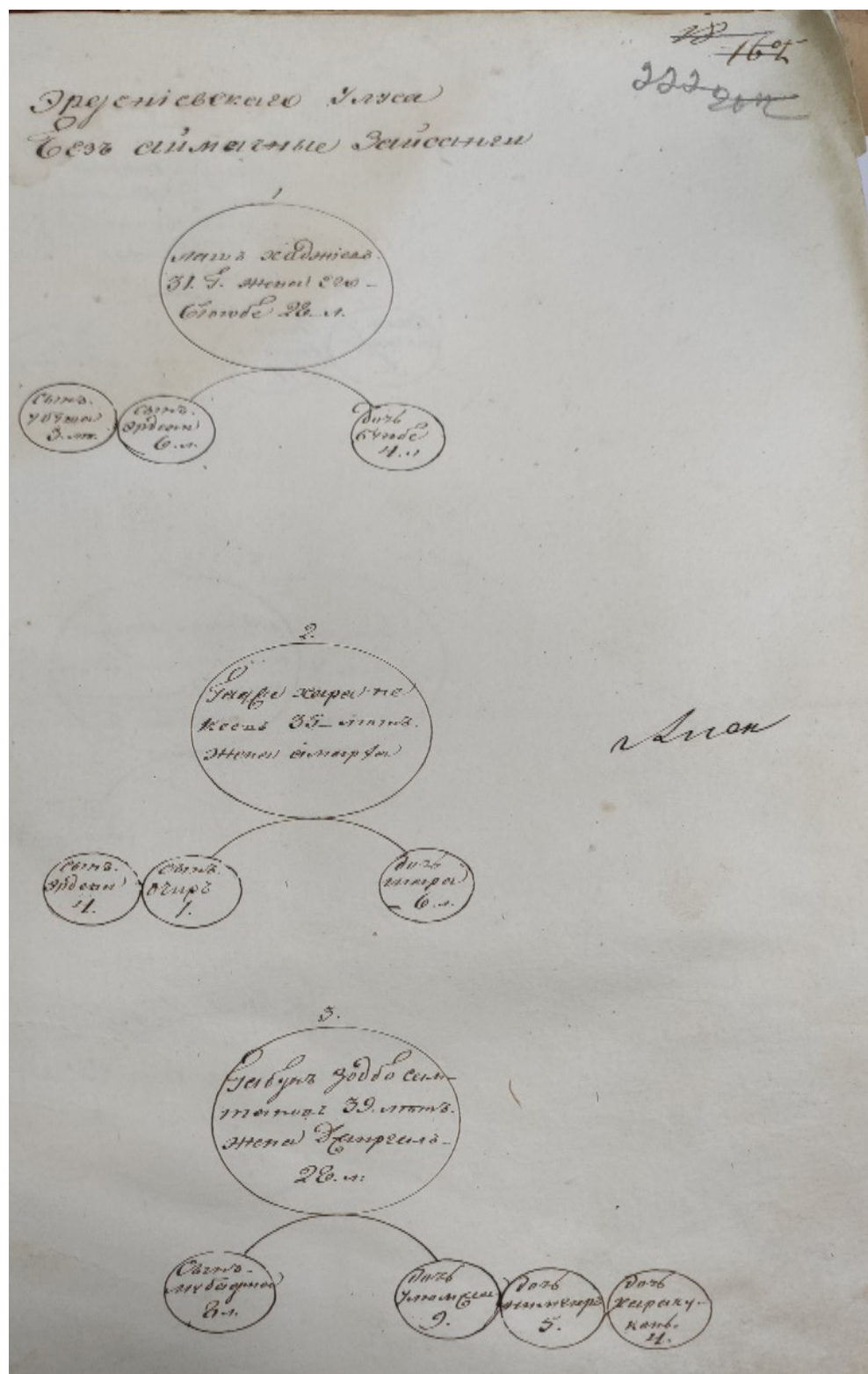
Аналогичные документы были составлены в Эркетеневском, Александровском, Малодербетовском, Яндыковском и других улусах.

3.3. О следственных делах по вопросу законности прав зайсангов Манцы Хурманова, Джапа Кутузова, Уту Насунова и Шонхора Дорджинова управлять аймаками

В деле № 74 представлена переписка по вопросам утверждения представителей знати Малодербетовского улуса в звании зайсангов, в частности в деле рассматриваются следственное дело «отыскивания зайсанга Молом Шарап Мукююкеневым аймак Абганер» и жалоба о «незаконном будто бы управлением зайсангом Джапом Кутузовым» аймаке [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 74. Л. 2].

Так, владелец Абганеровского улуса Менко Очир Тундутов направил 3 марта 1844 г. донесение в адрес Совета Астраханского калмыцкого управления (САКУ) и представил для утверждения в звании зайсангов («подвластных мне рода») «Именной список зайсангам Малодербетовского улуса Абганерова рода, владеющим аймаками, женам и детям их с означением времени вступления в брак». Данный Именной список зайсангов состоит из следующих граф: «1) номер; 2) имена отчества и фамилии зайсангов, жен и детей; 3) лет от роду; 4) когда получили чины или ордена и за что именно; 5) когда вступил в брак; 6) число аймачных кибиток и число душ мужеского пола». В Примечании владелец улусом М. О. Тундутов сообщает, что безаймачных зайсангов в Абганеровом роде не имеется [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 74. Л. 4].

М. О. Тундутов дает пояснения в отношении зайсангов Манцы Хурманова, Джапа Кутузова, Уту Насун и Шонхора Дорджинова. Он сообщает, что старшина

Факс. 1. Схема «Аймачные зайсанги Эрденіевскаго улуса»

[НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 73. Л. 222]

[Facsimile 1. The scheme "Aimak zaisangs of the Erdenievsky ulus"]

Манца Хурманов был возведен им в 1843 г. в звание зайсанга «за одобрительное управление... усердие» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 74. Л. 3].

Сведения, представленные Менко Очир Тундутовым в отношении вышеуказанных зайсангов, были проверены.

У архивариуса Мухина были запрошены архивные справки о службе Джапа Кутузова «по выбору Общества Ассессоров в Суде Зарго, Опекуном и Управляющим Харахусовским улусом, в каких годах и сколько времени состоял в означенных должностях» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 74. Л. 10–11]. В рапорте архивариус Мухин подтверждает сведения о том, что действительно малодербетовский зайсанг Джап Кутузов был определен ассессором в суд Зарго, также опекуном и управляющим Харахусо-Эрнениевским улусом. Кроме того, Мухин представил список всех зайсангов, подписанный бывшим владельцем Тундутовым [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 74. Л. 12–12об.].

Сведения о зайсанге Джапе Кутузове были направлены попечителю Малодербетовского улуса [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 74. Л. 16, Л. 18], далее по инстанции в АПГИ. В АПГИ представил также дело о происхождении зайсанга Кутузова и других Малодербетовский улусный Зарго [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 74. Л. 21]. Документ подписан старшим членом улусным попечителем и двумя лицами¹, заверен двумя восьмигранными печатями черного цвета, текст написан на калмыцком языке.

Принимая во внимание то, что звание зайсанга получили и другие лица, по рождению не принадлежавшие к высшему сословию, но имеющие заслуги, АПГИ направил отпуск в Большедербетовский, Хошеутовский, Харахусовский, Яндыковский и Малодербетовские улусы «Собрать о таковых зайсангах верные сведения и составя их именные списки с объяснением кем именно и когда возведены, или их предки в зайсангское звание», представить их в АПГИ [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 74. Л. 23–23об.].

Ответы на отпуск последовали в АПГИ. Так, от эрдениевского зайсанга Дорджи Самтанова поступило донесение о том, что ранее уже представил в Управление акт на право владения землей, выданный Далай-ламой его предку в пятом колене — зайсангу Баин Дархан Убуше, и перечислил всех своих предков, приложил акт (составленный на калмыцкой письменности, с переводом на русский язык). В конце текста говорится о том, что текст перевел ученик.

Но были случаи, когда документы, подтверждающие права на владения, были утеряны. Так, Хошеутовское улусное управление в своем представлении писало, что были обстоятельства, когда «бросали кибитки со всем содержимым имуществом, в последствии раздоров... когда бросали все драгоценности до последнего волоса и бродили как бы в потьмах, ошупью, не могли сберечь никаких бумаг», вследствие чего некоторые зайсанги не могли подтвердить свои права на аймаки [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 74. Л. 37об.]. Их имена и фамилии были перечислены в документе.

В деле подшиты жалобы «калмыков Малодербетовского улуса Абганер Асмадова рода, в числе 42 человек... жалуются, что назад тому 20 лет, как калмык Джап Катыхов (Кутузов) называя себя зайсангом управлял ими и делает им притеснения... довел до крайности. Хотя же он называет себя родовым зайсангом в чем утвердила его Палата, но представленный им для этого документ

¹ Должности не указаны, скорее всего, это сотрудники Малодербетовского улусно-го Зарго. — Л. М.

есть фальшивый, ибо печать Владельца Деджита хранилась у него Кутузова и как Опекун над именем Владельца». На основании изложенного они требовали «удаления от управления аймаком» Джапа Кутузова. По этому прошению попечитель улуса начал следствие [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 74. Л. 61].

Из Абганеровского аймака, только от 80-ти человек — старейшин Бакшинкинова рода поступило прошение о том, что зайсанг Джап Катыков собирал «сверх нормы албаны и казенные подати, с каждой кибитки по 16 руб. сер[ебряными] деньгами и скотом». Люди его боялись и отдавали требуемое им. И по этой жалобе управление приступило к производственному следствию [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 74. Л. 62–62об.].

Обе жалобы поступили на рассмотрение в канцелярию начальника Астраханской губернии 30 января 1861 г., после их рассмотрения было принято решение о направлении чиновника Курносова с особым поручением провести дознание с «последующим уведомлением», о чем 20 февраля 1861 г. Астраханская палата госимуществ была проинформирована [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 74. Л. 65–65об.]. Дознание показало, что в калмыки абганер-асматова рода «на Кутузова никаких претензий не имеют», а документ тот составили 19 человек, в том числе Доржи Далыков, Немке Джамцуев и Шарга Дагал Харакчинов. От своей жалобы калмыки Бакшинкинова рода также отказались и сообщили, что от их имени написал жалобу зайсангский сын Уту Насун Манцаев, а подписи фальшивые. Сам Уту Насун Манцаев от всего отказывался и винил других однородцев. Допрошен был и Джап Кутузов [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 74. Л. 68–69об.]. Следствие велось довольно продолжительное время. Были повторно запрошены документы о возведении Кутузова в звание зайсанга, объяснительные записки [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 74. Л. 76]. В конечном итоге калмыки-простолюдины Манца Хурманов, Джап Кутузов, Уту Насун и Шонхор Дорджинов были утверждены в звании зайсанга за заслуги и усердие.

Документы (донесение, докладная записка, решение, отпуск, предложение и др.) о праве наследования, оставшиеся после смерти зайсанга Багацохуровского улуса Собока Джамцуева, были рассмотрены Багацохуровским улусным Зарго, которое признало право на наследство за его сыном Пюрбе Собоковым [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 59. Л. 1–2].

АПГИ на основании представленных улусным Зарго подлинных документов и объяснений утвердил родовым зайсангом Пюрбю Собокова. Вся переписка по данному вопросу вошла в состав архивного дела № 59 «Об утверждении зайсангом сына Пюрбе Собокова в звании родового зайсанга». Дело рассматривалось в период с 6 сентября 1853 г. и по 17 сентября 1854 г. [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 59].

Значительно дольше рассматривались вопросы об опекунстве. Так, например, архивное дело № 75 «По рапорту Эркетеневского улусного Зарго об утверждении опеки над аймаком зайсанга Цюрюм Цюрюмова» проходило рассмотрение около 14 лет, с 1854 г. по 1868 г. Видовой состав документов примерно такой же, как в предыдущих рассмотренных архивных делах: донесение, записки, отчет, ведомости, отпуск, прошение, рапорт, журнал, предписания и т. д. Но есть документы, ранее встречавшиеся в делопроизводстве, как, например, донесение. Этот вид документа применялся как документ, содержащий важную информацию для вышестоящих органов или должностных лиц. В данном случае, хотя документ и называется донесением, исходя из его содержания можно сказать,

что он больше похож на справку, в настоящее время такой документ именуется справкой об отсутствии судимости [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 75. Л. 14–14об.].

Изучив состав и содержание анализируемых документов, их оформление, можно сделать вывод, что в калмыцком делопроизводстве, так же как в центральных органах управления, в практику составления документов вводилось применение трафаретных текстов писем-ответов, изменился видовой состав документов, и некоторые из них изменили свое функциональное назначение. Порядок движения документов в рассматриваемый период несколько упростился и сроки рассмотрения немного уменьшились.

4. Заключение

Изучение состава документов четырех архивных дел фонда И-6 «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ», содержащих сведения о зайсангах, об их статусе после принятия «Положения об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г. и проводимой российской администрацией политике «по приведению социальной структуры калмыцкого народа в соответствие с общероссийской сословной системой» [Батыров, Команджаев 2015: 31] позволило сделать следующие выводы. Ордынское отделение АПГИ, созданное в соответствии с Положением 1847 г., осуществляло управление калмыцким народом, и ее деятельность строго регламентировалась данным правовым актом.

Различные виды документов, представленные в делах, свидетельствуют об изменении правового статуса зайсангов, их места в государственном устройстве Калмыцкой степи в период проведения административной реформы. Необходимость выполнения директивных указаний вышестоящих органов в отношении подтверждения наследственных и иных прав на владение улусами и аймаками привело к многолетнему рассмотрению дел об утверждении в наследственном праве нойонов над улусами, а также в звании родовых, аймачных и безаймачных зайсангов. Анализ видов документов, их содержания дал возможность узнать их функциональное назначение, выявить особенности ведения делопроизводства в органе по управлению калмыцким народом. Особенность делопроизводства здесь заключалась в том, что оно велось на двух языках: на калмыцком языке с использованием калмыцкой письменности «тодо бичиг» и на русском языке. В остальном — в порядке регистрации, контроля исполнения, оформлении документа, расположении реквизитов, видового состава документов и т. д., ведение делопроизводства и документооборота — соответствовало нормативным требованиям того времени.

Изученные четыре архивных дела о зайсангах, сформированные в период деятельности Ордынского отделения АПГИ, являются уникальными письменными источниками по изучению вопросов интеграции калмыцкого общества в общероссийскую государственную систему, а также по развитию делопроизводственных процессов в местном органе власти по управлению Калмыцкой степью во второй половине XIX в.

Кроме того, эти архивные дела представляют интерес для исследователей, изучающих историю государственного и административного устройства Калмыкии, социальных отношений в калмыцком обществе, генеалогию (в частности родословную багутовского рода) и др.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Положение 1848 г. — Положение об управлении калмыцким народом. 23 апреля 1847 г. (№ 21144) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XXII. Ч. 1. СПб.: Тип. II. Отд. Собств. его Имп. Величества канцелярии, 1848. С. 349–372.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia

The Regulation on the Administration of the Kalmyk People. April 23, 1847 (No. 21144). The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 22. Part 1. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Department of the Chancery of His Imperial Majesty, 1848. Pp. 349–372. (In Russ.)

Литература

Батыров и др. 2014 — *Батыров В. В., Лиджиева И. В., Оконова Л. В.* Сословная структура калмыцкого общества в контексте государственной политики Российской империи XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4/2. С. 26–31.

Батыров, Команджаев 2015 — *Батыров В. В., Команджаев Е. А.* Роль зайсангов в калмыцком обществе в XIX в. // Приоритетные направления развития науки и образования: мат-лы VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 4 декабря 2015 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: Интерактив плюс, 2015. С. 31–34.

Бурчинова 1980 — *Бурчинова Л. С.* Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии (вторая половина XIX в.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 118 с.

Бюлер 1846 — *Бюлер Ф. А.* Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки. 1846. Отд. 2. Т. 47. 412 с.

Гедеева 2004 — *Гедеева Д. Б.* Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Факсимиле писем. Издание текстов, введение, транслитерация, перевод со старо-калмыцкого на современный калмыцкий язык, словарь Д. Б. Гедеевой. Элиста: Джангар, 2004. 196 с.

Гедеева 2018 — *Гедеева Д. Б.* О слове *bičiq* в языке калмыцкой деловой письменности XVIII–XIX вв. // Oriental Studies. 2018. Т. 39. № 5. С. 145–151. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-5-145-151

Гедеева 2019 — *Гедеева Д. Б.* Архивные письма XVIII в. как памятники калмыцкой деловой письменности // Башкирский язык и литература в условиях глобализации и полиэтнической среды: опыт и перспективы. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 22–25 октября 2019 г.). Уфа: Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, 2019. С. 107–109.

Гедеева 2022 — *Гедеева Д. Б.* О жанровом составе калмыцкой деловой письменности XVII–XIX вв. // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. № 3. С. 10–15.

Глотова 2014 — *Глотова С. А.* Возникновение и тенденции развития распорядительной документации в России в дореволюционный период // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер.: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2014. № 2(124). С. 70–77.

Государственное строительство 2009 — Государственное строительство Калмыкии. XVII–XXI вв. Сб. док. и мат-лов. Элиста: Джангар, 2009. 399 с.

Емельянова 2012 — *Емельянова В. С.* Делопроизводство в России как элемент системы государственного управления: историко-правовой анализ // Право и безопасность. 2012. № 3–4(43). С. 129–134.

Ерошкин 1968 — *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.

Ерошкин 2008 — *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: РГГУ, 2008. 710 с.

Илюшенко 1993 — *Илюшенко М. П.* История делопроизводства в дореволюционной России. М.: РГГУ, 1993. 79 с.

- История 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- Команджаев 2010 — *Команджаев А. Н.* Социальная структура калмыцкого общества в XIX – начале XX вв. // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2010. № 2. С. 153–165.
- Красникова 2022 — *Красникова Ю. Н.* Эволюция делопроизводства в государственных учреждениях Российской империи в первой половине XIX века (на примере Департамента уделов) // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 4. С. 451–469.
- Леонтович 1880 — *Леонтович Ф. И.* К истории права русских инородцев. Калмыцкое право. Ч. 1. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1880. 448 с.
- Лиджиева, Когданова 2018 — *Лиджиева И. В., Когданова Б. В.* Делопроизводственная практика управления калмыцким народом // Oriental Studies. 2018. № 2. С. 29–37. DOI: 10.22162/2075-7794-2018-36-2-29-37
- Манджикова 2022а — *Манджикова Л. Б.* Архивные документы фонда И-2 «Комиссия калмыцких дел. 1825–1836 гг.» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению истории государственных учреждений в дореволюционной Калмыкии (некоторые вопросы организации делопроизводства) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 70–87. DOI: 10.22162/2587-65032022-2-22-70-87
- Манджикова 2022б — *Манджикова Л. Б.* Документы Комиссии калмыцких дел как источник по изучению организации делопроизводства и документооборота в Калмыкии в XIX в. (на примере рассмотрения прошения калмыцкого владельца Э. Ц. Кичикова о дозволении носить бронзовую медаль) // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 5. С. 1126–1135. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1126-1135
- Манджикова 2023а — *Манджикова Л. Б.* О порядке рассмотрения наградных материалов за оспопрививание в дореволюционной Калмыкии XIX в. (на примере архивного дела № 141 фонда И-2 «Комиссии калмыцких дел» Национального архива Республики Калмыкия) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 3. С. 602–615. DOI: 10.22162/26190990-2023-67-3-602-615
- Манджикова 2023б — *Манджикова Л. Б.* Архивный фонд И-2 «Комиссия калмыцких дел» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению организации делопроизводства и документооборота в Калмыкии в первой половине XIX в. (на примере рассмотрения проекта об оспопрививании в калмыцких улусах, разработанного инспектором Соломоном в 1832 г.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10(3). С. 398–409.
- Манджикова 2023в — *Манджикова Л. Б.* Архивные документы фонда И-3 «Совет калмыцкого управления. 1836–1848 гг.» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению организации деятельности государственных учреждений в дореволюционной Калмыкии // Монголоведение. Т. 15. № 4. С. 683–699. DOI: 10.22162/25001523-2023-4-683-699
- Манджикова 2023г — *Манджикова Л. Б.* Документы секретного делопроизводства Совета Астраханского калмыцкого управления (1836–1848 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 3. С. 92–110. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-3-27-92-110
- Мацакова, Эрдниев 2018 — *Мацакова Н. П., Эрдниев О. Г.* Управленческие функции представителей калмыцкой знати в XIX веке // Наука через призму времени. 2018. № 6(15). С. 56–59.
- Митиров 2002 — *Митиров А. Г.* Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 272 с.
- Орлова 2019 — *Орлова К. В.* Национальный архив Республики Калмыкия: письма калмыцких ханов // История и архивы. 2019. № 3. С. 12–19.
- Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма Аюки-хана и его современников (1714–1724 гг.): Опыт лингвосociологического исследования. Элиста: Джангар, 2003. 456 с.
- Сусеева 2009 — *Сусеева Д. А.* Письма калмыцких ханов и их современников (1713–1771 гг.). Избранное / сост.: Л. Б. Шалданова, Г. С. Санджиева. Элиста: Джангар, 2009. 992 с.
- Фонды 2002 — Фонды Национального архива Республики Калмыкия, 1713–1993 / сост.: В. З. Агуева и др. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 205 с.

- Шепелев 2007 — Шепелев Л. Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб.: Искусство-СПб., 2007. 461 с. 43.
- Шушунова 2012 — Шушунова Е. В. Реформа министерского делопроизводства в первой половине XIX столетия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2012. № 2(18). С. 55–59.

References

- Batyrov V. V., Lidzhieva I. V., Okonova L. V. The Estate Structure of the Kalmyk Society in the Context of the State Policy of the Russian Empire of the 19th Century. *Izvestiya of Altai State University*. No. 4/2. 2014. Pp. 26–31. (In Russ.)
- Batyrov V. V., Komandzhaev E. A. The Role of Zaisangs in Kalmyk Society in the 19th Century. In: Priority Directions for the Development of Science and Education. Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference (Cheboksary, 4 December 2015) O. Shirokov et al. (eds.). Cheboksary: Interactive plus, 2015. Pp. 31–34. (In Russ.)
- Burchinova L. S. Exploring Kalmykia's History: Issues of Source Studies, Mid-to-Late Nineteenth Century. Elista: Kalmykia Book Publ., 1980. 118 p. (In Russ.)
- Buhler F. A. Nomadic and Sedentary Foreigners Living in Astrakhan Province. Their History and Real Everyday Life. *Domestic Notes*. 1846. Part 2. Vol. 47. 412 p. (In Russ.)
- Emel'yanova V. S. Clerical Work in Russia as an Element of the System of State Management: Historical and Legal Analysis. *Pravo i Bezopasnost*. 2012. № 3–4(43). Pp. 129–134. (In Russ.)
- Eroshkin N. P. History of State Institutions of Pre-Revolutionary Russia. Moscow: Vysshaya Shkola, 1968. 368 p. (In Russ.)
- Eroshkin N. P. History of State Institutions of pre-Revolutionary Russia. Moscow: RSUH, 2008. 710 p. (In Russ.)
- Funds of the National Archives of the Republic of Kalmykia, 1713–1993. V. Atueva et al. (comp.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 205 p. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. Ubashi Khan of the Kalmyks and his Letters (18th century). Facsimiles of the Letters. D. Gedeeva (transl., comp., etc.). Elista: Dzhangar, 2004. 196 p. (In Kalm. and In Russ.)
- Gedeeva D. B. The Word Bičiq in the Language of Official Kalmyk Writing: 18th–19th Centuries. *Oriental Studies*. 2018. Vol. 39. No. 5. Pp. 145–151. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-5-145-151
- Gedeeva D. B. The Archival Letters of the 18th Century as Monuments of Kalmyk Business Writing. In: Bashkir Language and Literature in the Context of Globalization and Multiethnic Environment: Experience and Prospects. Proceedings of the International Scientific-Practical Conference (Ufa, 22–25 October, 2019). Ufa: The Institute of History, Language and Literature of the Ufa Science Center of the RAS, 2019. Pp. 107–109. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. On the Genre Composition of the Kalmyk Business Writing of the 17th – 19th Centuries. *Bulletin of BSU. Philology*. 2022. N. 3. Pp. 10–15. (In Russ.)
- Glотова S. A. The Emergence and Trends in the Development of Administrative Documentation in Russia in the pre-Revolutionary Period. *RGGU Bulletin*. Series: Document Science and Archival Science. Computer Science. Information Protection and Information Security. 2014. No. 2(124). Pp. 70–77. (In Russ.)
- Ilyushenko M. P. History of Record Keeping in Pre-Revolutionary Russia. Moscow: RSUH, 1993. 79 p. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N. The Social Structure of Kalmyk Society in the 19th – early 20th Centuries. *Bulletin of the Caspian Region: archeology, history, ethnology*. 2010. No. 2. Pp. 153–165. (In Russ.)
- Krasnikova Yu. N. Evolution of Office Work in State Institutions of Russian Empire in the first half of the 19th Century (on Example of Department of Appanages). *Nauchnyi dialog*, 2022. No. 11(4). Pp. 451–469. (In Russ.)
- Leontovich F. I. On the History of the Law of Russian Foreigners. Kalmyk Law. Part 1. Odessa: G. Ulrich, 1880. 448 p. (In Russ.)
- Lidzhieva I. V., Kogdanova B. V. The Administrative Office of the Kalmyk People: Records

- Management Practices. *Oriental Studies*. 2018. No. 2. Pp. 29–37. DOI: 10.22162/2075-7794-2018-36-2-29-37 (In Russ.)
- Mandzhikova L. B. Collection I-2 ‘Kalmyk Affairs Commission, 1825–1836’ (National Archive, Elista) as a Source in the History of Government Agencies and Pre-Revolutionary Kalmykia: Some Issues of Records Management Revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022. No. 2. Pp. 70–87. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-70-87 (In Russ.)
- Mandzhikova L. B. Documents of the Kalmyk Affairs Commission as a Source for the Study of 19th Century Kalmykia’s Records Keeping and Management Procedures: One Petition by the Kalmyk Nobleman E. Ts. Kichikov Requesting a Permission to Wear the Bronze Medal Analyzed. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 5. Pp. 1126–1135. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1126-1135 (In Russ.)
- Mandzhikova L. B. Medal Awarding Procedures for Smallpox Vaccination in Nineteenth-Century Kalmykia: Analyzing File No. 141 of Collection II-2 ‘Kalmyk Affairs Commission’ at the National Archive of Kalmykia. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 3. Pp. 602–615. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-602-615 (In Russ.)
- Mandzhikova L. B. Archival Fund I-2 “Commission of Kalmyk Affairs” of the National Archive of the Republic of Kalmykia as a Source for Studying the Organization of Office Work and Document Flow in Kalmykia in the first Half of the 19th Century. (Using the Example of Consideration of the Project on Smallpox Vaccination in the Kalmyk Uluses, Developed by Inspector Solomon in 1832). *Humanities and Law Research*. 2023. Vol. 10(3). Pp. 398–409. (In Russ.)
- Mandzhikova L. B. Archival Documents of Fund I-3 “Council of Kalmyk Administration. 1836–1848”. The National Archive of the Republic of Kalmykia as a Source for Studying the Organization of Activities of State Institutions in pre-Revolutionary Kalmykia. *Mongolian Studies*. 2023. Vol. 15. No. 4. Pp. 683–699. DOI: 10.22162/25001523-2023-4-683-699 (In Russ.)
- Mandzhikova L. B. Documents of Secret Paperwork of the Council of the Astrakhan Kalmyk Administration (1836–1848). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023. No. 3. Pp. 92–110. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-3-27-92-110 (In Russ.)
- Matsakova N. P., Erdniev O. G. Managerial Functions of the Representatives of the Kalmyk Nobility in the 19th Century. *Science through the Prism of Time*. 2018. No. 6(15). Available at: <http://www.naupri.ru/journal/1044>. (In Russ.)
- Mitirov A. G. Sources. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 272 p. (In Russ.)
- Orlova K. V. National Archive of the Republic of Kalmykia: Letters of Kalmyk Khans. *History and Archives*. 2019. No. 3. Pp. 12–19 (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters of Ayuka Khan and his Contemporaries (1714–1724): the Experience of Linguistic and Sociological Research. Elista: Dzhangar, 2003. 456 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters of Kalmyk Khans and their Contemporaries (1713–1771). Selected. L. Shaldanova, G. Sandzhieva (comps.). Elista: Dzhangar, 2009. 992 p. (In Russ.)
- Shepelev L. E. The Apparatus of Power in Russia. The Era of Alexander I and Nicholas I. St. Petersburg: Art-SPB, 2007. 461 43 p. (In Russ.)
- Shushunova E. V. Reform of Ministerial Office Work in the first Half of the 19th Century. Legal Science and Practice: *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012. Vol. 2. No. 18. Pp. 55–59. (In Russ.)
- State Construction of Kalmykia. 17th – 21st Centuries. Collection of Documents and Materials. Elista: Dzhangar, 2009. 399 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 4, pp. 745–760, 2024
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-745-760

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДИЕ

УДК / UDC 811.512.3

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-745-760

Калмыцкие шрифты Петербурга

Владимир Леонидович Успенский¹, Наталия Сергеевна Яхонтова²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

 0009-0007-1539-6545. E-mail: [erdem108\[at\]gmail.com](mailto:erdem108@gmail.com)

² Институт восточных рукописей РАН (д. 18, Дворцовая наб., 191186 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-2397-9138. E-mail: [nyakhontova\[at\]mail.ru](mailto:nyakhontova@mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Успенский В. Л., Яхонтова Н. С., 2024

Аннотация. *Введение.* В XIX – начале XX вв. в России на калмыцком языке «ясным письмом» было напечатано наборным шрифтом значительное количество книг, статей, брошюр, торговых объявлений. Калмыцкое печатание осуществлялось в Петербурге, Казани и Астрахани. *Целью* статьи является выяснение истории создания калмыцкого наборного шрифта, его различных видов и модификаций. *Материалами*, на основе которых написана статья, являются все доступные печатные книги и документы на калмыцком языке, хранящиеся в различных научных библиотеках Санкт-Петербурга (Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета, библиотеке Института восточных рукописей РАН, Российской национальной библиотеке). *Результаты.* Впервые калмыцкий наборный шрифт был использован в 1814 г. Он был изготовлен в Петербурге для Российского библейского общества для издания христианской литературы. Всего для Библейского общества было изготовлено два вида шрифтов: «большой» и «малый», который в 1840-х гг. также использовался в Казани при публикации научных работ по калмыцкому языку. Впоследствии в Петербурге были изготовлены еще два вида калмыцких шрифтов.

Ключевые слова: книгопечатание, ойратское «ясное письмо», Российское Библейское общество, академик И. Я. Шмидт, калмыцкий язык

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФН в рамках проекта «Корпус старокалмыцких текстов на „ясном письме“ на платформе Lingvodoc: новые подходы к цифровизации письменного наследия» (№ 22-78-10152, https://rscf.ru/prjcard_int?22-78-10152).

Для цитирования: Успенский В. Л., Яхонтова Н. С. Калмыцкие шрифты Петербурга // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 745–760. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-745-760

Kalmyk Movable Types Made in Saint Petersburg

Vladimir L. Uspensky¹, Natalia S. Yakhontova²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor

 0009-0007-1539-6545. E-mail: erdem108[at]gmail.com

² Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (18, Dvortsovaya Emb., 191186 St. Petersburg, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0003-2397-9138. E-mail: nyakhontova[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Uspensky V. L., Yakhontova N. S., 2024

Abstract. Introduction. In the 19th and early 20th centuries a considerable number of books, articles, brochures and commercial advertisements in the Kalmyk language were printed in Russia using the movable type of the font known as the “clear script”. This printing in Kalmyk took place in St. Petersburg, Kazan and Astrakhan. The *aim* of this article is to figure out the history of the creation of the Kalmyk movable type and its different modifications and fonts types. The article is based on the available printed books and documents kept in different scientific libraries of St. Petersburg such as Gorky Scientific Library of St. Petersburg State University; the Library of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences and the National Library of Russia. **Conclusion.** The Kalmyk movable type was first used in 1814. It was made in St. Petersburg for printing Christian literature at the request of the Russian Bible Society. Two kinds of fonts types were produced for the Bible Society: the bigger and the smaller. The latter was used in the 1840s in Kazan for printing scholarly works on the Kalmyk language. Later two more kinds of Kalmyk font types were made in St. Petersburg bringing the total number of fonts to four.

Keywords: book-printing, Oirat “clear script”, Russian Bible Society, academician J. Schmidt, Kalmyk language

Acknowledgments. The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 22-78-10152 “Corpus of Old Kalmyk Clear Script Texts on the Lingvodoc Linguistic Platform: New Approaches to the Digitization of Written Heritage” (Available at: https://rscf.ru/prjcard_int?22-78-10152)

For citation: Uspensky V. L., Yakhontova N. S. Kalmyk Movable Types Made in St. Petersburg. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(4): 745–760. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-745-760

1. Введение

Благодаря стремительному развитию компьютерных технологий всего лишь за несколько последних десятилетий книгопечатание претерпело революционные изменения. Ушли в прошлое металлические литеры, наборные кассы и даже пишущие машинки. Сейчас даже трудно представить те технические трудности и финансовые затраты, которые в прежние века требовались для напечатания книги. Как сообщал Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 1898 г., «история книгопечатания в современном смысле этого слова начинается с того момента, когда стали изготавливать металлические *передвижные* выпуклые буквы, вырезанные в обратном виде, набирать из них строки и, с помощью пресса, оттискивать их на бумаге» [Брокгауз и Ефрон 1898: 522]. Настоящая статья посвящена истории именно этого — современного для своей эпохи — печатания книг на калмыцком языке с передвижных литер в Петербурге. История этого книгопечатания насчитывает ровно сто лет — с 1814 г. по 1914 г.

В Китае ксилографическое книгопечатание получило распространение начиная с VIII в., и завоевавшие Китай монголы познакомились с ним в XIII в. После того, как в XVI в. буддизм получил у монголов широкое распространение, буддийские книги на монгольском и тибетском языках печатались ксилографически в огромных количествах. Иероглифическое книгопечатание с подвижных литер существовало в средние века, хотя и в ограниченных масштабах, в Китае, Корее и Японии, но на монгольском языке его не было вообще.

2. Ойратский алфавит «тодо бичиг» в записях Г.-З. Байера

Петр I, основав Петербург, хотел сделать его не только административным центром огромной Российской империи, но также научным и культурным центром европейского уровня. Учредив в 1724 г. Петербургскую Академию наук, Петр I повелел привозить в столицу всякого рода находки и диковинки, а также пригласил ведущих иностранных специалистов, главным образом, из Германии.

В 1725 г. из Кёнигсберга в Петербург для службы в Академии наук прибыл Готлиб-Зигфрид Байер (1694–1738), который отличался разносторонними научными интересами. Особенно он стал известен тем, что выдвинул теорию «скандинавского» («варяжского») происхождения Руси. Г.-З. Байер много интересовался восточными языками и, получив доступ к материалам, привезенным в Петербург из Сибири, опубликовал несколько пионерских работ по тибетскому и монгольскому алфавитам. Часть рукописных материалов на тибетском, монгольском и ойратском языках была привезена из разрушенных ойратских монастырей: Аблай-хита и Семи Палат.

В 1740 г., т. е. уже после кончины Г.-З. Байера, была опубликована его заметка, содержащая таблицу с ойратским алфавитом «ясное письмо», который был воспроизведен по рукописи, приобретенной в Москве у калмыка-переводчика Лубсан Еше, в крещении Василия Тимофеева [Bayer 1740; Зорин 2022]. Алфавит «ясного письма», которым пользовались и калмыки, был воспроизведен как рукописная иллюстрация, специальный шрифт не изготавливался (см. илл. 1).

[illegible]

Илл. 1. Ойратский алфавит из заметок Г.-З. Байера
[Fig. 1. Oirat alphabet according to the records of G. S. Bayer]

В рукописной таблице представлены элементы ойратской письменности «ясное письмо». По горизонтали приведены (в современной транслитерации) гласные (а, е, і, о, и, ö, ü), по вертикали — согласные (п, х, к, γ, g, б, м, л, д, т, с, š, č, z, r, y, қ, v, р). Г.-З. Байер использует немецкие буквы или их сочетания для передачи калмыцких (ойратских) букв. Гласные даются в двух формах: написание в начале слова и в конце, срединное отсутствует, но это компенсируется тем, что согласные даются в сочетании с гласными, таким образом, можно сказать, что срединное написание гласных тоже представлено. В тех случаях, когда конечное написание гласных совпадает с их формой в других позициях, гласная пишется только в начальной форме (это буквы «е», «о», «ö»). Однако этот принцип не учитывает, что в начале слова у них пишется «коронка», которой нет в середине и конце. Распределение написания букв «и» и «ü» в таблице непоследовательное: у буквы «и» приведена только начальная форма, а у буквы «ü» — только конечная, эта странность присутствует как в строке гласных, так и во всех сочетаниях с согласными. Форма букв «о» и «и» (угловатая для первой и круглая для второй), т. е. то, что отличает «ясное письмо» от уйгуро-монгольской графики, соблюдается не очень строго. В таблице латинским словом *caret* (отсутствует) отмечена невозможность сочетания отдельных согласных с определенными гласными в силу закона сингармонизма, но для слогов *yo* и *yu*, а также *hi* пометка стоит не в той графе.

Несмотря на явные ошибки в таблице, она, несомненно, дает представление о письменности «ясное письмо» и ее отличиях от уйгуро-монгольской письменности. Благодаря публикации Г.-З. Байера европейская наука была впервые подробно ознакомлена с этим вариантом монгольского письма.

3. Калмыцкие шрифты в изданиях Российского Библейского общества

Поскольку калмыки были активно вовлечены в события российской истории, русским властям необходимо было осуществлять делопроизводство на калмыцком языке. Некоторые важные документы печатались на русском языке типографским способом, а их параллельные калмыцкие варианты — в связи с отсутствием шрифта — вписывались от руки. Образец подобного документа хранится в Институте восточных рукописей РАН. Это — указ императрицы Анны Иоанновны от 1735 г. «О назначении главным управителем калмыцкого народа Дондук Омбо» [Кульганек 2009: 358–364].

Типография Академии наук была создана в 1727 г. Книги на арабской графике печатались в ней уже в конце XVIII в. Однако начало книгопечатания на калмыцком и монгольском языках связано с деятельностью Российского Библейского общества, которое было создано в 1813 г. Своим возникновением оно обязано инициативе прежде уже существовавшего Британского Библейского общества (British and Foreign Bible Society), которое ставило своей задачей сделать Священное Писание доступным для всех народов на их родном языке и по доступной цене. Британское Библейское общество оказывало финансовую поддержку аналогичным обществам в других странах. В 1806 г. немецкая колония протестантского братства гернгутеров в Сарепте получила воззвание Британского библейского общества о необходимости перевода книг Нового Завета на калмыцкий язык [Гурий 1915: 394–398]. Этим переводом и занялся будущий академик Я. И. Шмидт, который уехал в Петербург для подготовки

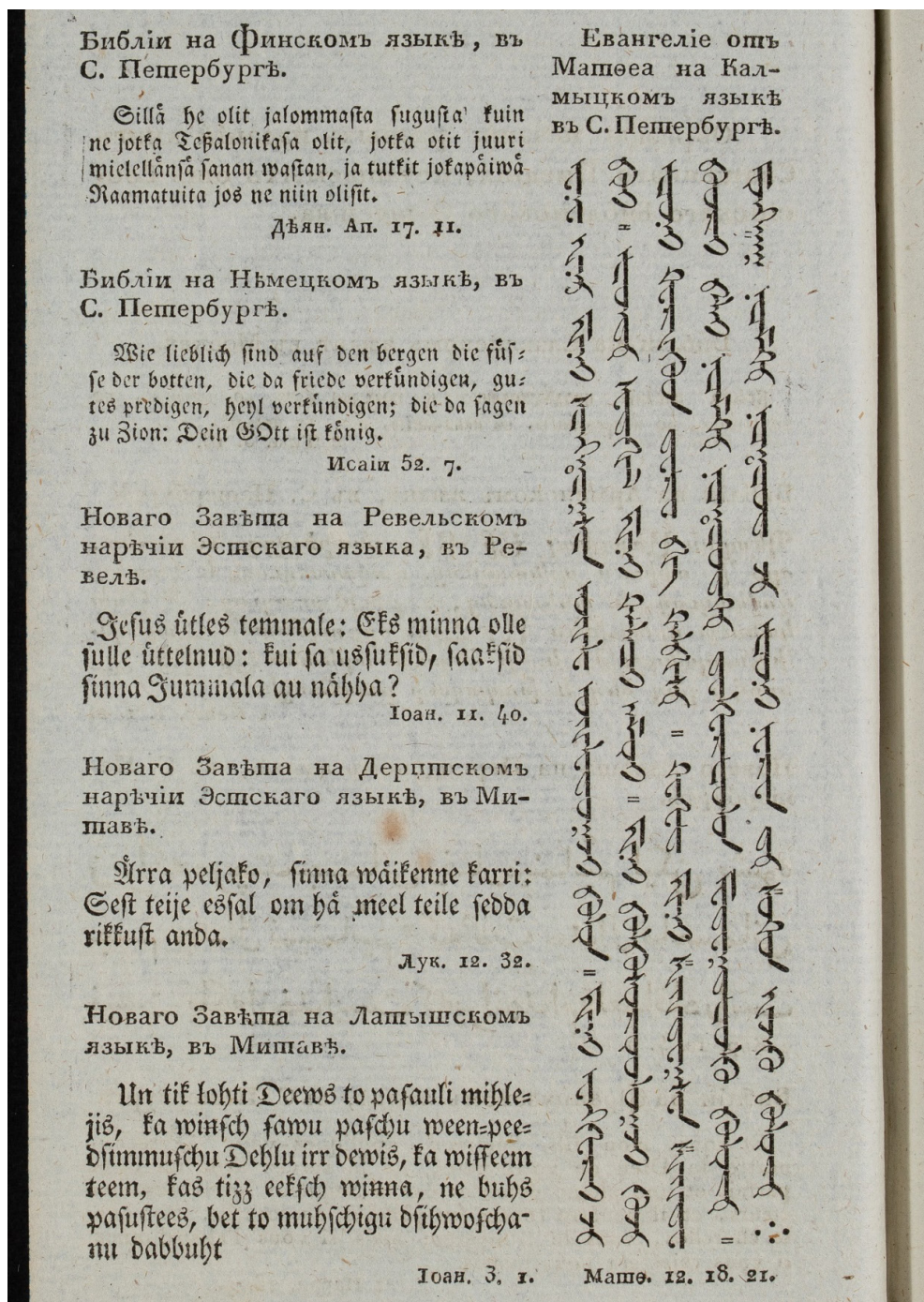
этого издания. Вот что об этом говорится в отчете Российского Библейского общества о работе за 1813 г. — первый год его существования: «Прежде еще учреждения Санкт-Петербургского Библейского Общества, Великобританское и иностранное вошло в сношение с Сарептским Евангелическим братским обществом о переводе Нового Завета на книжный или ученый язык калмыков, иначе называемый монгольский. Член Сарептского общества Я. И. Шмит, который ныне есть членом Санкт-Петербургского Библейского общества и казначеем, взялся за сей перевод, ибо он, живя несколько лет между калмыками, выучился их языку совершенно. Таким образом перевел уже он Евангелие Св. Матфея. Издание Нового Завета на калмыцком языке по принадлежности перешло на попечение здешнего Библейского общества, и Комитет оного с удовольствием воспринял на себя толь важную обязанность. Снабжение сею священной книгою одного из многочисленных в России азиатских племен может соделаться основанием к будущему образованию оного и обращению к христианству. Как доселе нигде еще не было печатаемо ничего на калмыцком языке, то и надлежало для отлития литер составлять пунсоны¹ и матрицы². Нынешнее пребывание Г. Шмита в Петербурге весьма много способствует произведения в действо сего предприятия. Немедленно по отлитии всех литер приступлено будет к печатанию Евангелия Св. Матфея, между тем как Г. Шмидт переводит уже следующее Евангелие Св. Марка, посвящая на сей труд свободное от прочих своих занятий время. Доставленная от Лондонского комитета Сарептскому обществу сумма, на наши деньги 525 рублей 50 копеек, препровождена из Сарепты также сюда, для употребления оной по назначению» [Отчет РБО за 1813 год 1814: 41–42].

Изготовление шрифта было большой технической проблемой. Однако он был изготовлен довольно быстро петербургским немцем-гравером Ф. Гассом и английским мастером Дж. Патерсоном. Фридрих (Федор Иванович) Гасс прошел обучение в Академии художеств в Петербурге и служил в Монетном дворе [Walravens 2015b: 194].

В отчете Комитета Библейского общества за следующий 1814 г. не только сообщалось об изготовлении шрифта, но был приложен образец его использования — маленький отрывок (пять строк) из Евангелия от Матфея (см. илл. 2). «Еще одно издание положено было на мере в течение 1813 года, а именно Новый Завет на *калмыцком* или *монгольском* языке. Затруднительность почерка в письменах сего языка, начертываемых столбцами с верху страницы в низ, в непрерывной связи между собою, и каковых в печати еще никогда не было, требовало для вырезания пунсонов особенной точности и долгого времени. Наконец, все сие благополучно окончено. Литеры калмыцкие отлиты, и первая печатная книга на сем языке в целом свете будет *благовестие Евангельское* (так у автора. — В. У., Н. Я.). Во избежание долговременного ожидания иметь в переводе целый Новый Завет, предпринято напечатать предварительно одно *Евангелие Св. Матфея* (курсив автора. — В. У., Н. Я.), яко готовое уже. Издание печатается в четверть листа, в числе 1 000 экземпляров, и оное скоро кончится. Корректуру занимается Г. Шмит, член и казначей сего Общества, тот же самый, который трудился и над переводом Нового Завета на язык калмыцкий.

¹ Пунсон (пуансон) — вырезанное на стали выпуклое изображение, которым выжимают матрицу для отливки шрифта.

² Матрица — углубленная форма для отливки наборных литер.

Илл. 2. Отрывок из Евангелия от Матфея с использованием шрифта
Ф. Гасса и Дж. Патерсона

[Fig. 2. An excerpt from the Gospel of Matthew using the font of F. Gass and J. Patterson]

Общество весьма много обязано сему почтенному сочлену своему; ибо кроме его не имеет в виду никого, знающего основательно сей язык. Сверх настоящих калмыков, для коих сей язык есть природный, оный известен и употребителен и у других народов, обитающих в разных местах России и в соседстве с нею в Азии. [...] Комитет Великобританского и иностранного Библейского Общества,

не удовольствовавшись первоначальным своим пособием к производству сего издания, в 525 руб. 50 к. состоящим, [...] доставило еще и Комитету здешнему 211 фун[тов]. ст[ерлингов] на напечатание оногo» [Отчет РБО за 1814 год 1815: 42–43].

В 1814 г. на отдельном листе был отпечатан калмыцкий перевод молитвы «Отче наш». Он хранится в Российской национальной библиотеке (бывш. Императорская, позже Государственная публичная библиотека). В сопроводительном документе, подписанном директором библиотеки А. Н. Олениным (1763–1843), этот перевод назван «первым опытом книгопечатания на Калмыцком языке» [Walravens, Turanskaya 2023: 187–189].

В 1815 г. новым шрифтом было напечатано Евангелие от Матфея на калмыцком языке тиражом 1 000 экземпляров, причем 511 было «роздано здесь даром и разослано» [Отчет РБО за 1816 год 1817: 54]. Один лист из Евангелия был отправлен в Восточную Сибирь. «Через доставленный к живущему в Сибири Тайше Хоринских Братских 11 родов один лист из Евангелия Св. Матфея на калмыцком языке, найдено учеными из бурят, что употребляемый ими язык, (который по корню своему есть одно из наречий монгольского) довольно сходствует с калмыцким, на каковом напечатано то Евангелие, а разнствует с ним только письменами своими. Основываясь на сем, Главный Тайша писал, что желательно бы для них иметь то самое Евангелие, написанное токмо монгольскими буквами, дабы каждый ученый из бурят мог свободно оно читать и понимать. Не удовольствовавшись сим, буряты составили вскоре за тем добровольную между собою складку 11 480 рублей, именно для способствования к напечатанию такого Евангелия на *Монголо-Бурятском языке*» [Отчет РБО за 1816 год 1817: 75–76]. Сообщается также, что главный тайша Дынбел Галцанов обязался жертвовать Библейскому обществу 150 рублей ежегодно, начиная с 1815 г. [Отчет РБО за 1816 год 1817: 46–47].

Не позднее 1816 г. были напечатаны еще два сочинения на калмыцком языке. Первое — «О сотворении мира, о греховном падении человека, и об искуплении чрез Иисуса Христа» (ойр. «dēdu onco burxan yēzūs kiristusiyn ibēlēr: nūlēse bolōd nūliyin nekelgen-ēse yaḡajı yarxu üzūlūqči nom»). Возможно, автором этого сочинения был сам Я. И. Шмидт. Книга на калмыцком языке с приложенным русским переводом была преподнесена лично Александру I, который, одобрив, передал ее в Публичную библиотеку [Walravens, Turanskaya 2023: 190–192]. Второе — «род Евангельского предисловия» [Отчет РБО за 1819 год 1820: 51], небольшое сочинение христианского содержания [Walravens 2015a: 222; Uspensky 1999: 529 (№ 959)].

Таким образом, 1814 г. стал первым годом книгопечатания на «ясном письме» с помощью передвижных литер, изготовленных на основе европейских технологий.

В 1818 г. на калмыцком языке были напечатаны 500 экземпляров Евангелия от Иоанна и 2 000 экземпляров Евангелий от Матфея и от Иоанна в одной книге [Отчет РБО за 1818 год 1819: 24].

В 1820 г. были напечатаны Деяния апостолов, которые распространялись как «особливо», так и будучи переплетены в одну книгу с Евангелиями от Матфея и от Иоанна (или с одним из двух) [Отчет РБО за 1820 год 1821: 35; Uspensky 1999: 529 (№ 956, 957)]. Необходимо отметить, что деятельность Российского

Библейского общества шла с большим размахом. Как сообщалось в 1821 г., «всего вообще изготовлено и готовится 129 изданий на 29^{ти} языках в числе 675 600 экземпляров» [Отчет РБО за 1820 год 1821: 48]. В 1822 г. планировалось напечатать Евангелие на калмыцком языке тиражом 2 000 экземпляров [Отчет РБО за 1821 год 1822: 48]. Как следует из Отчетов Библейского общества, было «роздано и разослано безденежно» более 1 000 экземпляров книг на калмыцком языке [Отчет РБО за 1820 год 1821: 35].

Наконец, в 1822 г. на калмыцком языке был полностью напечатан Новый Завет¹. Для этого издания был изготовлен иной, более мелкий шрифт. Этот шрифт, кроме размера, отличали еще и более «геометричные» формы букв вместо «волнистых» «большого» библейского шрифта. Видимо, это было вызвано необходимостью уменьшить толщину книги. Так, напечатанное крупным шрифтом Евангелие от Матфея насчитывает 96 страниц, в то время как все 27 книг Нового Завета, напечатанные мелким шрифтом, насчитывают 382 страницы.

Однако «большой» шрифт тоже продолжал использоваться в Петербурге. Им было напечатано на калмыцком языке популярное в России медицинское сочинение «Краткое наставление о лечении болезней простыми средствами» О. К. Каменецкого. Оно было переведено Н. А. Лебедевым², служащим Азиатского департамента Министерства иностранных дел (МИД). Хотя датой издания указан 1811 г., этого не могло быть в действительности, так как калмыцкий шрифт был изготовлен лишь в 1814 г. Как следует из рукописной приписки на калмыцком языке к одному из сохранившихся экземпляров этой книги, она была напечатана в 1823 г. [Walravens 2015b: 198]. Поскольку книга О. К. Каменецкого неоднократно переиздавалась, то эта дата, безусловно, относится к изданию русского оригинала перевода. Издавалась она и в 1811 г.³

4. Калмыцкие шрифты в академических изданиях

Указом Николая I в 1826 г. деятельность Российского Библейского общества была прекращена. Однако изготовленные по его инициативе калмыцкие шрифты продолжали использоваться. Так, в Библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета имеется переведенная на калмыцкий язык Н. А. Лебеде-

¹ Эта дата приводится А. М. Позднеевым [Позднеев 1895: 72] и В. Л. Котвичем [Котвич 1914: 524]. Современные западные ученые Ч. Боуден [Bawden 1985: 281, 282, 284, 285, 316, 317], Х. Вальравенс [Walravens 2015a: 217] и С. Розен [Rosén 2009: 23] считают, что Новый Завет был полностью напечатан в 1827 г., т. е. после упразднения Российского Библейского общества. Поскольку Новый Завет на калмыцком языке не содержит даты издания, а лишь только упоминает Я. И. Шмидта как переводчика, то до обнаружения новых документов вопрос остается открытым.

² Николай Алексеевич Лебедев (годы жизни не известны) был переводчиком Азиатского департамента российского МИД, дослужился до чина коллежского советника — 6-го по Табели о рангах. Азиатский департамент российского МИД был создан в 1819 г., в нем служили 15 переводчиков с 11 языков. До 1825 г. Калмыцкими делами занимался МИД, затем — Министерство внутренних дел. В Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ хранится большое количество рукописных переводов Н. А. Лебедева на калмыцкий язык.

³ Каменецкий О. К., Саполович Я. О. Краткое наставление о лечении болезней простыми средствами [электронный ресурс] // URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_2111024 (дата обращения: 15.08.2024 г.).

вым листовка о борьбе с оспой. Она была напечатана в Петербурге «большим» калмыцким шрифтом в 1827 г. [НБ СПбГУ. Инв. № 1877/10].

В 1833 г. в Казанском университете была создана первая в Европе кафедра монгольской словесности. Ее возглавил О. М. Ковалевский, а экстраординарным профессором стал А. В. Попов. Оба они составили хрестоматии для изучения монгольского языка, а О. М. Ковалевский впоследствии составил и опубликовал большой трехтомный «Монгольско-русско-французский словарь» [Ковалевский 1844–1849]. В июле 1833 г. министр народного просвещения граф С. С. Уваров распорядился приобрести в академической типографии «литеры монгольского шрифта» для типографии Казанского университета для напечатания обеих хрестоматий [Куликова 1993: 226 (№ 261)]. «Хрестоматии» О. М. Ковалевского и А. В. Попова обе были напечатаны в Казани в 1836 г.

175

Кал. Монг.

[illegible]

Илл. 3. Образец калмыцкого шрифта из статьи Н. Навроцкого
[Fig. 3. Sample of Kalmyk font from the publication by N. Navrotsky]

Впервые калмыцкий шрифт был использован в Казани в 1840 г. в статье Н. Навроцкого «Краткие замечания о различии между калмыцким и монгольским языками» [Навроцкий 1840]. Это был тот самый «мелкий» шрифт Библейского общества, который был использован для издания всего Нового Завета в одной книге. В нашем распоряжении нет документов, объясняющих тот факт, каким образом этот шрифт попал в Казань. Можно предположить, что он был изготовлен для Казанского университета вместе с монгольским и привезен одновременно с ним.

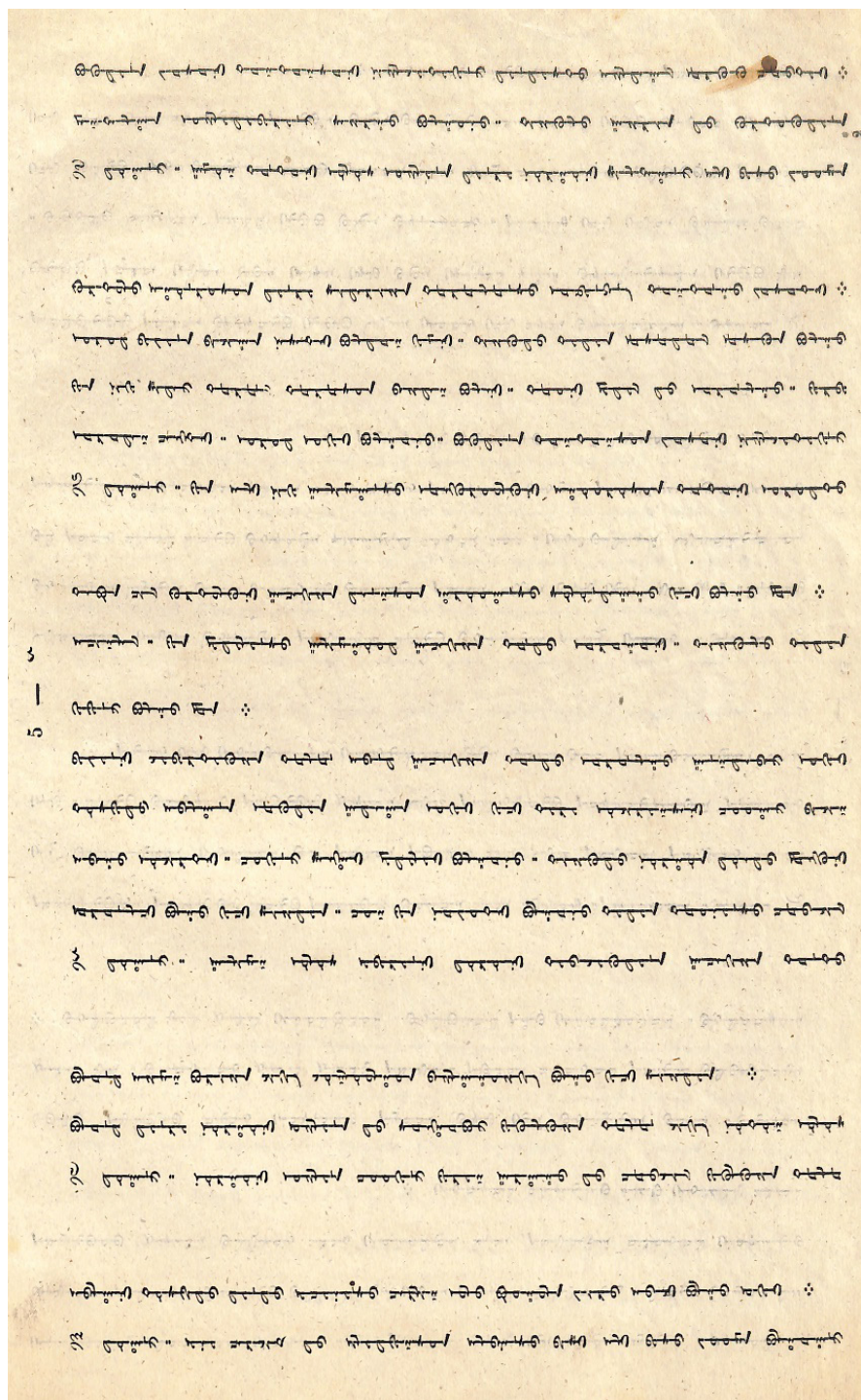
27 июля 1846 г. Николай I подписал указ об учреждении в Казанском Императорском университете кафедры калмыцкого языка и о замещении ее ординарным профессором А. В. Поповым [Куликова 1993: 221 (№ 206)]. Еще ранее в 1844 г. Святейший Синод распорядился назначить А. В. Попова на должность преподавателя монгольского и калмыцкого языков в Казанской Духовной академии [Куликова 1993: 340 (№ 201)]. Для преподавания и изучения калмыцкого языка были необходимы учебные пособия, и вскоре в Казани были опубликованы такие выдающиеся труды, как «Калмыцкая грамматика» (1847) А. В. Попова и «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» (1849) А. А. Бобровникова. В них был использован тот же самый шрифт, что и в статье Н. Навроцкого.

В 1847 г. модифицированным («вытянутым») «мелким» шрифтом в Петербурге было напечатано «Положение об управлении калмыцким народом» (ойр. «Халимаг тангүаѳір закăралхууин зүү зарчим») в переводе Н. В. Лебедева [НБ СПбГУ. Инв. № 1877/12].

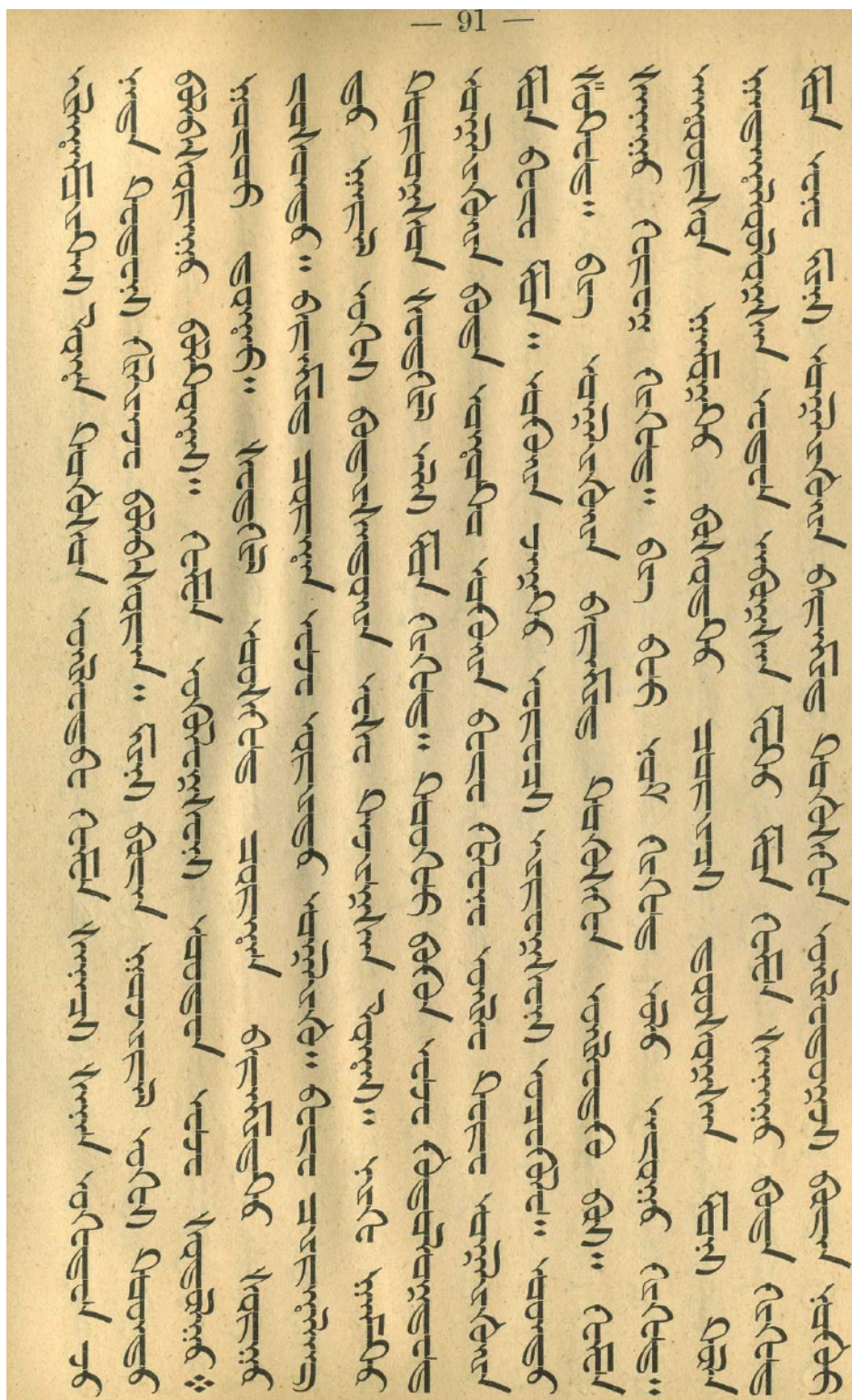
«Модификация» шрифта заключалась в искусственном увеличении расстояния между буквами за счет добавления лишних вертикальных участков строки, в некоторых местах видны маленькие пробелы — нестыковки букв. Можно предположить, что это было сделано в целях зрительного увеличения количества текста в важном документе. Вертикальные вставки особенно длинные — в названии на обложке. Напечатать название прописными буквами или другим шрифтом технической возможности не было.

В 1855 г. Восточный факультет вместе с библиотекой был переведен из Казанского университета в Петербургский университет. В то же время в Казанской Духовной академии продолжало существовать миссионерское отделение, и монгольский и калмыцкий языки там преподавались, хотя и с разной интенсивностью. Печатались в Казани и книги на калмыцком языке религиозного и просветительского содержания. Интересно, что со 2-й половины XIX в. в типографии Академии наук в Петербурге начинает широко использоваться именно этот «мелкий» шрифт, которым были напечатаны Новый Завет и вышеупомянутые работы казанских монголоведов. Он использован в таких известных публикациях, как «Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ» (1892) и «Калмыцко-русский словарь» (1910) А. М. Позднеева, «Калмыцкие загадки и пословицы» (1905) В. Л. Котвича и др.

Но в типографии Академии наук был еще один шрифт калмыцкого «ясного письма». Он очень похож на «большой» шрифт, которым было напечатано Евангелие от Матфея. С использованием этого шрифта был напечатан небольшой фрагмент калмыцкого текста в книге А. М. Позднеева [Позднеев 1887: 203], а также — перевод А. М. Позднеева «Нового завета», вышедший в двух томах [Новый завет 1887, 1894]. Этот же шрифт использовался для набора заголовков в

Илл. 4. Образец «вытянутого» шрифта
[Fig. 4. Sample of "stretched" font]

Илл. 5. Образец калмыцкого шрифта

в «Руководстве к познанию ламайского вероучения...» Д. Сетенова
 [Fig. 5. "Sample of Kalmyk font from the "Guide to the Teaching of Lamaism..." by
 D. Setenov]

работах, изданных на рубеже веков «мелким» шрифтом, например, в книге «Калмыцкие загадки и пословицы» [Котвич 1905]. Именно этим шрифтом уже в 1914 г. в Петрограде было напечатано «Руководство к познанию ламайского вероучения. С тибетского на калмыцкий перевел Дордже Сетенов, старший бакша хурулов Больше-Дербетовского улуса ставропольских калмыков». По-видимому, это была последняя книга, напечатанная в Петербурге наборным шрифтом на «ясном письме». Хотя имевшиеся в типографии Академии наук монгольский и даже тибетский шрифты использовались вплоть до 1960-х гг., ни одного случая использования калмыцких шрифтов в послереволюционных изданиях нам неизвестно.

Остается также невыясненным вопрос: имелся ли калмыцкий шрифт в Синодальной типографии в Петербурге. Монгольский шрифт в ней имелся, и богослужебные книги печатались как на кириллице, так и монгольским вертикальным шрифтом. В бумагах Н. А. Лебедева, хранящихся в Библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета, имеется рукописный «макет» книги с параллельными текстами на русском и калмыцком языках под названием «Начатки христианского учения или краткая священная история и краткий Катихизис» [НБ СПбГУ. Без шифра], в которой приведены следующие выходные данные: «Санктпетербург в Синодальной типографии 1854 года». Очевидно, что такое издание не могло планироваться без наличия в типографии калмыцкого шрифта. Однако обнаружить это или иные издания Синодальной типографии на «ясном письме» авторам пока не удалось. Следует отметить, что это сочинение митрополита Филарета (В. М. Дроздов, 1783–1867) использовалось в миссионерских целях и было переведено на несколько «инородческих» языков.

5. Заключение

На основе имеющихся довольно многочисленных, но зачастую разрозненных, материалов, можно сделать следующие выводы.

1. Калмыцкий шрифт («ясное письмо») был впервые изготовлен в Петербурге в 1814 г. по инициативе и на средства Российского Библейского общества. Тогда же были отпечатаны его первые образцы. Первая книга (Евангелие от Матфея) на «ясном письме» была напечатана в 1815 г.

2. В 1822 г. Библейским обществом был напечатан полный Новый Завет более мелким калмыцким шрифтом, который был изготовлен к этому времени. С 1840 г. этот «мелкий» калмыцкий шрифт начинает также использоваться в Казани.

3. Со 2-й половины XIX в. «мелкий» шрифт Библейского общества начинает широко использоваться в работах петербургских монголоведов.

4. В типографии Академии наук имелся еще один калмыцкий шрифт, похожий на первый, «большой», шрифт Библейского общества. Он использовался в научных публикациях 2-й половины XIX в. и в последней книге Д. Сетенова.

Таким образом, Санкт-Петербург являлся крупным центром книгопечатания на монгольских языках, где печатались книги на четырех алфавитах: стандартном монгольском, калмыцком «ясном письме», «алфавите Вагиндры» Агвана Доржиева и кириллице. Столица Российской империи заняла уникальное место в истории монгольской книжности¹.

¹ Кроме того, на калмыцком языке в Петербурге в больших количествах печатались и литографированные книги различного содержания, но они не являются предметом настоящей статьи.

Источники

НБ СПбГУ — Научная библиотека им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Sources

St. Petersburg State University, Gorky Scientific Library.

Литература

- Брокгауз и Ефрон 1898 — *Брокгауз и Ефрон*: Энциклопедический словарь. Т. 23а. СПб.: Семеновская Типолитография, 1898. 513 с.
- Гурий 1915 — *Гурий (Степанов)*. Очерки распространения христианства среди монгольских племен. Т. 1: Калмыки. Ч. 1–2. Казань: Центральная тип., 1915. 254 с.
- Зорин 2022 — *Зорин А. В.* Тибето-монгольские штудии академика Т. 3. Байера // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 4(114) [электронный ресурс] // URL: <https://history.jes.su/s207987840021195-3-1/> (дата обращения: 03.05.2024).
- Ковалевский 1844–1849 — Монгольско-русско-французский словарь / сост. О. Ковалевский. Т. 3. Казань: Универ. тип., 1849. 1546–2690 с.
- Котвич 1905 — *Котвич В. Л.* Калмыцкие загадки и пословицы. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1905. 110 с.
- Котвич 1914 — *Котвич В. Л.* Калмыцкие язык и литература // Новый энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Т. 20. СПб.: Тип. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1914. С. 523–525.
- Куликова 1993 — *Куликова А. М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). СПб.: Петербургское востоковедение, 1993. 448 с.
- Кульганек 2009 — *Кульганек И. В.* Указ Анны Иоанновны 1735 г. о назначении «главным управителем калмыцкого народа» Дондук Омбо как памятник двуязычной письменности документного жанра XVIII в. // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Ч. 1. Элиста: Джангар, 2009. С. 358–364.
- Навроцкий 1840 — *Навроцкий Н.* Краткие замечания о различии между калмыцким и монгольским языками // Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. Кн. 3. Казань: Университет. тип., 1840. С. 160–176.
- Новый завет 1887 — Новый завет Господа и Спаса Нашего Иисуса Христа / с греч. подлинника на калм. яз. перевел Алексей Позднеев, издано иждивением Великобританского и Иностранного Библейского Общества. Т. 1. СПб.: Депо Великобританского и Иностранного Библейского Общ-ва, 1887. 587 с.
- Новый завет 1894 — Новый завет Господа и Спаса Нашего Иисуса Христа / с греч. подлинника на калм. яз. перевел Алексей Позднеев, издано иждивением Великобританского и Иностранного Библейского Общества. Т. 2. СПб.: Депо Великобританского и Иностранного Библейского Общества, 1894. 688 с.
- Отчет РБО за 1813 год 1814 — Первый отчет Комитета Российского Библейского общества за 1813 год. СПб.: Морск. тип., 1814. [4], IX, [1], 127, [1], 161, [1] с
- Отчет РБО за 1814 год 1815 — Второй отчет Комитета Российского Библейского общества за 1814 год. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1815. [2], X, 88, [4], 96, 98–157, 233, [1] с.
- Отчет РБО за 1816 год 1817 — Четвертый отчет Комитета Российского Библейского общества за 1816 год. СПб.: Тип. Греча, 1817. 223, 165, [2], 22 с
- Отчет РБО за 1818 год 1819 — Шестый отчет Комитета Российского Библейского общества за 1818 год. СПб.: Тип. Греча, 1819. VI, 138, 92, [8], 12 с
- Отчет РБО за 1819 год 1820 — Седьмой отчет Комитета Российского Библейского общества за 1819 год. СПб.: Тип. Греча, 1820. [2], XX, 3–160, 123, [1], VI с.
- Отчет РБО за 1820 год 1821 — Осьмьмой отчет Комитета Российского Библейского общества за 1820 год. СПб.: Тип. Греча, 1821. 247 с.
- Отчет РБО за 1821 год 1822 — Девятый отчет Комитета Российского Библейского общества за 1821 год. СПб.: Тип. Греча, 1822. 324 с.

- Позднеев 1887 — Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1887. 492 с.
- Позднеев 1895 — Позднеев А. М. Калмыцкие язык и литература // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Т. 14. СПб.: Тип. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1895. С. 71–72.
- Bayer 1740 — Bayer G. S. Elementa calmuica // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. VII. Petropoli: [s. n.], 1740. P. 345.
- Bawden 1985 — Bawden Ch. Shamans, Lamas and Evangelicals: The English Missionaries in Siberia. London: Routledge & Paul Kegan, 1985. 382 p.
- Rosén 2009 — Rosén S. The Translation History of the Mongolian Bible // Mongolian Studies. 2008/2009. Vol. 30/31. Pp. 19–41.
- Uspensky 1999 — Uspensky V. L. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Collection / comp. by V. L. Uspensky with assistance from O. Inoue, edited and foreword by T. Nakami. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. 530 p.
- Walravens 2015a — Walravens H. The St. Petersburg Mongolian Type // Rocznik orientalistyczny. 2015. T. 68. Z. 2. Pp. 213–224.
- Walravens 2015b — Walravens H. A Note on Early Kalmuck Printing in St. Petersburg // Zentralasiatische Studien. 2015. Bd. 44. S. 193–200.
- Walravens, Turanskaya 2023 — Walravens H., Turanskaya A. The St. Petersburg Mongolian Type Revisited // Central Asiatic Journal. 2023. Vol. 66. Iss. 1–2. Pp. 185–193.

References

- Bawden Ch. Shamans, Lamas and Evangelicals: The English Missionaries in Siberia. London: Routledge & Paul Kegan, 1985. 382 p. (In Eng.)
- Bayer G. S. Elementa Calmuica. In: Comments of St. Petersburg Imperial Academy of Sciences. Vol. 7. St. Petersburg, 1740. 345 p. (In Germ.)
- Brockhaus and Efron: Encyclopedic Dictionary. Vol. 23A. St. Petersburg: Semenovskaya Typolithografiya, 1898. 513 p. (In Russ.)
- Eighth Annual Report of the Committee of the Russian Bible Society for the Year 1820. St. Petersburg: Grech, 1821. (In Russ.)
- First Annual Report of the Committee of the Russian Bible Society for the Year of 1813. St. Petersburg: Morskaya Typografiya, 1814. (In Russ.)
- Fourth Annual Report of the Committee of the Russian Bible Society for the Year 1816. St. Petersburg: Grech, 1817. (In Russ.)
- Gurias (Stepanov), Archimandrite. Essays on the History of Propagation of Christianity Among Mongolian Peoples. Vol. 1: Kalmyks. Parts 1–2. Kazan: Czentral' naya Typografiya, 1915. 254 p. (In Russ.)
- Kotvich V. L. Kalmyk Riddles and Proverbs. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1905. 110 p. (In Russ.)
- Kotvich V. L. Kalmyk Language and Literature. In: New Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. Vol. 20. St. Petersburg: F. A. Brockhaus and I. A. Efron, 1914. Pp. 523–525. (In Russ.)
- Kovalevsky O. (comp.). Mongolian-Russian-French Dictionary. Vol. 1–3. Kazan: Universitetskaya Tipografiya, 1844–1849. 2690 p. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Kulganek I. V. The Decree of 1735 by the Empress Anna Ioannovna, Appointing Donduk Ombo “the Ruler-in-Chief of the Kalmyk People”, as a Bilingual Sample of the Eighteenth-Century Document Genre. In: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 400th Anniversary of the Voluntary Entry of the Kalmyk People into the Russian State “Unified Kalmykia in Unified Russia: through the Centuries into the Future” (Elista, September 13–18, 2009). Part 1. Elista: Dzhangar, 2009. Pp. 358–364. (In Russ.)
- Kulikova A. M. Oriental Studies in Russian Legislative Acts (end of the 17th Century – 1917). St. Petersburg: Petersburgskoe Vostokovedenie, 1993. 448 p. (In Russ.)
- Navrotsky N. Brief Remarks Concerning the Differences between Kalmyk and Mongolian. In: Scientific Remarks Published by the Imperial Kazan University. Vol. 3. Kazan: Universitetskaya Tipografiya, 1840. Pp. 160–176. (In Russ.)

- Ninth Annual Report of the Committee of the Russian Bible Society for the Year 1821. St. Petersburg: Grech, 1822. (In Russ.)
- Pozdneev A. M. Essays on the Life of Buddhist Monasteries and Buddhist Clergy in Mongolia in Connection to their Relation to the People. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1887. 492 p. (In Russ.)
- Pozdneev A. M. Kalmyk Language and Literature. In: Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. Vol. 14. St. Petersburg: F. A. Brockhaus and I. A. Efron, 1895. Pp. 71–72. (In Russ.)
- Rosén S. The Translation History of the Mongolian Bible. *Mongolian Studies*. 2008/2009. Vol. 30-31. Pp. 19–41. (In Eng.)
- Second Annual Report of the Committee of the Russian Bible Society for the Year 1814. St. Petersburg: Governing Senate, 1815. (In Russ.)
- Seventh Annual Report of the Committee of the Russian Bible Society for the Year 1819. St. Petersburg: Grech, 1820. (In Russ.)
- Sixth Annual Report of the Committee of the Russian Bible Society for the Year 1818. St. Petersburg: Grech, 1819. (In Russ.)
- The New Testament of Our Lord and Savior Jesus Christ. A. Pozdneev (transl. from the Greek original into Kalmyk), published at the expense of the British and Foreign Bible Society. Vol. 1. St. Petersburg: British and Foreign Bible Society Depot, 1887. 587 p. (In Kalm.)
- The New Testament of Our Lord and Savior Jesus Christ. A. Pozdneev (transl. from the Greek original into Kalmyk), published at the expense of the British and Foreign Bible Society. Vol. 2. St. Petersburg: British and Foreign Bible Society Depot, 1894. 688 p. (In Kalm.)
- Uspensky V. L. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in St. Petersburg State University Collection. V. Uspensky, O. Inoue (comps.), T. Nakami (ed.) Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. 530 p. (In Eng.)
- Walravens H. The St. Petersburg Mongolian Type. *Rocznik Orientalistyczny*. 2015a. Vol. 68. Z. 2. Pp. 213–224. (In Eng.)
- Walravens H. A Note on Early Kalmyk Printing in St. Petersburg. *Zentralasiatische Studien*. 2015b. Vol. 44. Pp. 193–200. (In Eng.)
- Walravens H., Turanskaya A. The St. Petersburg Mongolian Type Revisited. *Central Asiatic Journal*. 2023. Vol. 66. No. 1–2. Pp. 185–193. (In Eng.)
- Zorin A. V. Tibetan and Mongolian Studies by Academician T. Z. Bayer. *The Journal of Education and Science “ISTORIYA” (“History”)*. 2022. Vol. 13. No. 4(114). Available at: <https://history.jes.su/s207987840021195-3-1/> (accessed: 3 May 2024). (In Russ.)

Has been issued since 2002 https://mongoloved.kigiran.com/jour	МОНГОЛОВЕДЕНИЕ (Монгол судлал) (Mongolian Studies) ISSN 2500-1523 (Print) ISSN 2712-8059 (Online)
Vol. 16, Is. 4, pp. 761–772, 2024 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-761-772	

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 930

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-761-772

Исторические работы Соло Ванданова в параллельном корпусе бурятских письменных источников

Марина Васильевна Аюшеева¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-3760-9867. E-mail: ayagma[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Аюшеева М. В., 2024

Аннотация. *Введение.* Внедрение цифровых технологий в изучение текстов на старомонгольской письменности и востребованность машинного перевода актуализируют создание параллельного корпуса бурятских письменных источников на монгольской письменности. В рамках проекта Российского научного фонда «Параллельный корпус бурятских письменных источников на монгольской письменности: на пути к машинному переводу» проведены жанровый отбор источников, их транслитерация и перевод на русский язык. *Целью* статьи является анализ и ввод в научный оборот письменного наследия Соло Ванданова, рассмотрение проблем перевода и метаразметки текста на примере его сочинений. *Материалы и методы.* В основу проводимых работ легли разработки авторов диахронического корпуса бурятского языка, Национального корпуса бурятского языка, при помощи которых были представлены материалы из фондов Центра восточных рукописей и ксилографов, в частности историческое повествование Соло Ванданова «Поездка в Пекин». *Результаты.* Дана источниковедческая характеристика творческого наследия Соло Ванданова, приведены его биографические данные. Отмечено, что авторское сочинение «Поездка в Пекин» является ценным источником, написанным в жанре хождений. По описательному стилю и организации текста оно отличается от компилятивной истории буддизма в Индии, Тибете и Монголии. Анализ путевых заметок Соло Ванданова позволил выявить особенности построения предложений, наличие сложно-сочиненных конструкций. *Выводы.* Сочинения Соло Ванданова транслируют региональные черты письменной культуры бурят, а его путевые заметки являются оригинальным памятником жанра хождений на старописьменном монгольском языке. Материалы Соло Ванданова имеют большую научную значимость для характеристики письменного наследия бурят, стилистических и языковых особенностей.

Ключевые слова: параллельный корпус, источник, Соло Ванданов, бурятские летописи, старомонгольская письменность, путевые заметки, метаразметка

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в

рамках проекта «Параллельный корпус бурятских письменных источников на монгольской письменности: на пути к машинному переводу» (№ 24-28-00942, <https://rscf.ru/project/24-28-00942/>).

Для цитирования: Аюшеева М. В. Исторические работы Соло Ванданова в параллельном корпусе бурятских письменных источников // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 761–772. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-761-772

Solo Vandanov's Historical Works in the Buryat Written Sources Parallel Corpus

Marina V. Ayusheeva¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0003-3760-9867. E-mail: ayagma[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Ayusheeva M. V., 2024

Abstract. *Introduction.* The introduction of digital technologies in the presentation of texts in the Old Mongolian script and the demand for machine translation actualize the creation of a parallel corpus of Buryat written sources in the Mongolian script. Within the framework of the Russian Science Foundation project “Parallel Corpus of Buryat Written Sources in the Mongolian Script: Towards Machine Translation”, a genre selection of sources, their transliteration and translation into Russian, meta-marking was carried out. *The purpose* of the article is to analyze and introduce into scientific circulation the written heritage of Solo Vandanov and to consider the problems of translation and meta-marking of the text using his works as an example. *Materials and methods.* The work is based on the developments of the authors of the diachronic corpus of the Buryat language, the National Corpus of the Buryat Language, with the help of which materials from the collections of the Center for Oriental Manuscripts and Xylographs were presented, in particular, the historical narrative of Solo Vandanov “Journey to Beijing”. *Results.* The article provides a source study characteristic of the creative heritage of Solo Vandanov and provides his biographical data. It is noted that the author’s essay “A Trip to Beijing” is a valuable source, written in the genre of walking. In its descriptive style and organization of the text, it differs from the compiled history of Buddhism in India, Tibet and Mongolia. The analysis of Solo Vandanov’s travel notes made it possible to identify the features of sentence construction, the presence of complex-compound constructions. *Conclusions.* The works of Solo Vandanov convey the regional features of the written culture of the Buryats, and his travel notes are an original monument of the genre of travels in the old written Mongolian language. It is noted that the compilation nature of the presentation influenced the organization of the text and the construction of sentences. The materials of Solo Vandanov are of great scientific significance for characterizing the written heritage of the Buryats, stylistic and linguistic features.

Keywords: parallel corpus, source, Solo Vandanov, Buryat chronicles, Old Mongolian script, travel notes, meta-marking

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 24-28-00942 “Parallel corpus of Buryat written sources in Mongolian script: towards machine Translation”. Available at: <https://rscf.ru/project/24-28-00942/>.

For citation: Ayusheeva M. V. Solo Vandanov's Historical Works in the Buryat Written Sources Parallel Corpus. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(4): 761–772. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-761-772

1. Введение

Разработка параллельных, диахронических корпусов монголоязычных текстов насчитывает уже более 10 лет истории, в 2012 г. адреса в сети Интернет получили первые версии корпуса: Национальный корпус калмыцкого языка [Куканова 2015] и Национальный корпус бурятского языка. В настоящее время Национальный корпус бурятского языка, составленный на основе разноплановых текстов, различающихся: по жанру (художественные, исторические, научные, детская литература и др.), по времени создания, авторству и т. д., содержит примерно 2,8 млн словоупотреблений¹. В дополнение и развитие корпуса бурятского языка создаются подкорпуса, как, например, в 2018–2020 гг. при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований под руководством Л. Б. Бадмаевой был реализован проект по созданию диахронического корпуса текстов на старописьменном монгольском языке. Данный корпус охватил бурятские летописи: В. Юмсунова, Д.-Ж. Ломбоцыренова, Т. Тобоева и др. [Бадмаева, Бадмаева 2018: 16–19; Ринчинов 2020].

В 2012–2015 гг. проведена работа по созданию Национального корпуса калмыцкого языка² при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда: в рамках проекта № 12-04-12047/в «Национальный корпус калмыцкого языка: создание и разработка», в котором имеются параллельный, диалектный, старокалмыцкий подкорпусы [Куканова 2015].

Учеными проводятся и другие исследования, связанные с машинной обработкой текстов. Так, наряду с вводом источников на старомонгольской письменности проводится работа над созданием параллельного корпуса текстов на ойратской письменности («тодо бичиг») и тибетском языке [Музраева 2023: 326–338; Мирзаева, Долеева 2024; и др.], продолжают работы по развитию корпуса старокалмыцких текстов на «ясном письме» (проект РНФ № 22-78-10152 [Мирзаева 2023: 42–56; и др.]).

Морфологическая разметка слов, разработанная в процессе создания корпусов бурятского языка [Бадмаева, Ринчинов 2020], с некоторыми дополнениями для более точной передачи текста, применена и в создаваемом параллельном корпусе памятников на старомонгольской письменности и русском языке, написанных бурятскими авторами и отражающих региональные особенности языка и стиля.

Одной из трудоемких задач при выполнении проекта остаются перевод и вычленение фрагментов текста для параллельного представления. Помимо построчной сегментации старомонгольского текста, необходимой для задач машинного распознавания текста, за единицу представления членения текста наравне с предложением, обозначенным знаками препинания и финитными формами сказуемых, были взяты отдельные логические, завершенные смысловые группы. Исследователи старомонгольских текстов отмечали, что «характерной особенностью синтаксиса бурятских летописей является наличие в них, как указывают монголисты, сверхдлинных конструкций, больших, чем сложное предложение» [Бадмаева 2012: 198]. Л. Б. Бадмаева, рассматривая языковое пространство бурят-

¹ Бурятский корпус [электронный ресурс] // URL: <https://buriat.web-corpora.net/> (дата обращения: 10.08.2024).

² Национальный корпус калмыцкого языка [электронный ресурс] // URL: <http://www.kalmcorpora.ru/> (дата обращения: 20.08.2024)

ского летописного текста, сверхдлинные синтаксические конструкции называет сложными синтаксическими комплексами (ССК) [Бадмаева 2012: 212–219].

Проблемы перевода и асимметрии при выравнивании параллельных бурятско-русских текстов обозначены в статье Л. Д. Бадмаевой, при этом отмечена важность составления параллельного корпуса для решений широкого круга лингвистических задач [Бадмаева 2018: 28]. Проблема соотнесенности текстов и вольности перевода также обозначены в статье Д. Сичинавы, освещающей состояние и перспективы развития Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [Сичинава 2019: 44].

Для подготовки параллельных текстов на старописьменном монгольском и русском языках были отобраны как рукописные, так и ксилографические издания, хранящиеся, главным образом, в Центре восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК) Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (ИМБТ СО РАН). Среди них представлены работы бурятских ученых лам — Галсан-Жинбы Дылгырова, Галсан-Жинбы Тугулдунова, краеведов и просветителей, знатоков и любителей старины — Соло Ванданова, Даши Бубеева, Дондуба Ендонова, а также юридические памятники. Хронологические рамки сочинений охватывают середину XIX – середину XX вв. Разнообразный жанровый и тематический состав позволит более полно рассмотреть развитие языка, проанализировать структуру предложений и лексический состав. Выбор печатных и рукописных источников, с широким представлением гарнитур и почерков, важен для последующей разработки моделей оптического распознавания символов монгольской письменности.

Со стилистической точки зрения интерес представляют письменные источники разных жанров, принадлежащих одному автору. В этой связи нами рассмотрено рукописное наследие Соло Ванданова из монгольского фонда ЦВРК, включающее авторское повествование, компилятивные выписки из разных источников и список с сочинения Лудупа Рабжаева. О Соло Ванданове сохранилось мало биографических сведений. В этом плане наиболее информативна рукописная тетрадь МП-34, из которой следует, что: 1) его духовным именем было Лубсан-Шагдуржаб Цэдэндоржиев; 2) происходил он из цаганского рода хоринских бурят; 3) обучался в дацанской школе; 4) избирался выборным от своего рода; 5) являлся почетным шуленгой; 6) на протяжении долгого времени занимался сбором информации от знатоков старины. Помимо этого, известно, что он был приемным сыном Вандана Юмсунова¹ [Чимитдоржиев 2001: 157–158], бурятского летописца, автора «Истории происхождения одиннадцати родов хоринцев» [ЛХБ 1935; ЛХБ 1940; Бадмаева 2007].

2. Сочинения Соло Ванданова в ЦВРК ИМБТ СО РАН

В ЦВРК ИМБТ СО РАН представлено несколько единиц хранения, отнесенных нами к творчеству Соло Ванданова [Annotated catalogue 2004: 11, 28]. Прежде всего, это историческое повествование по истории 11 хоринских родов. Данное сочинение имеется в двух списках: первый не имеет титульного листа и заглавия, начинается со слов «Angqan erte balar čay-ača ekilen ...» («Начиная с ранних темных времен ...»), включает 42 листа [ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. МП-29]; второй список озаглавлен как «Qori-yin 11 ečige-yin jon-u uy-un teüke

¹ Духовное имя Вандана Юмсунова — Цэдэн-Доржи.

beşeg amui» («История 11 хоринских родов»), включает 86 листа [ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. МІ-39]. В целом данные рукописи повторяют сведения из хроники Ш.-Н. Хобитуева [БТБ 1992; Бадмаева, Очирова 2018], а новый материал охватывает период после 1887 г. (времени завершения летописи Ш.-Н. Хобитуева) и до начала 1913 г.

Следующая единица хранения [ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. МІ-34], принадлежащая творчеству Соло Ванданова, по форме представляет собой продолговатую тетрадь, сшитую нитками по длинной стороне листа и напоминающую формат потхи, традиционный для восточной книги. Размер бумаги 35,5 x 11 см. По архивному учету 39 листов. Обложка отсутствует. Текст начинается со слов: «Uduriduıad, soıtangki kemekü em=e sirui / taulai jıl-ün...» ('Предшествуя, называемый согтанги, года «женщины-земли /зайчихи» ...').

Данная тетрадь была выбрана на первом этапе работ для ввода в параллельный корпус старописьменных монгольских текстов. В результате выполнены латинизированная транслитерация с маркировкой особенностей написания чисел, вставок, исправлений, уровней организации текста и пр., выровненный перевод на русский язык, метаразметка словоформ.

2.1. Характеристика МІ-34

В данной единице хранения по содержанию можно выделить три части [Аюшеева 2019 : 175–176]. При этом часть первая и третья — это списки с разных исторических и религиозных текстов, а часть вторая — собственное сочинение Соло Ванданова. В первой части на 11 листах¹ излагается история распространения буддийской религии и преемственность правителей Тибета, Монголии и Цинского Китая. Следует заметить, что история буддизма на монгольском языке распространялась как в составе монгольских летописей, религиозных текстов, так и отдельными сочинениями, в том числе бурятских авторов. Например, сочинение Г.-Ж. Дылгырова «Кратко составленная история религии» («tobčilan jokiıaısan šasin-u jıruqai orusiba»), или его же «Предание о святом Чингис-хагане, ниспосланном Небом» («tngri-ece jıayataı boyda činggis qaıan-u domıu oruşı=baı»), а также сочинения Р. Номтоева, А. Доржиева. В изложении С. Ванданова история распространения буддизма приведена в сокращении, но при этом описанию всей деятельности того или иного правителя посвящено одно объемное предложение. Например: ögedei qaıan-u köbegün govadan qaıan-bar šaski-a bavadıda-yin adistid ba aldar-i sonusıyad, töbed orun dotura, joriuta ulus-i yabıyulju, mongyol ıajara jalaraqu-yi ayıladqaıulqui-dur, tere blam=a-yin gegen anu, tegün-dür urida-i blam=a bsovad nams rjimova-ber, erege edüi čay-tu, qaračayı sibayun-u sayıısan metü malayı-tai qaıai-yin qangsiyar metü ıutal-tai, öglige-yin ejen-ü jalaju ireküi-dür, sayad ügei tegün-lüge odubasu, šasin amitan-u tusa yeke bütükü kemegdegsen boıuy jarlıı-yi sanayad, šabi-nar-lıuy=a mongyol-un ıajara jalaraıju, qaıan-lıuy=a uıırayad, bügüde-dür kii [kye]² včir-un abişıg ögdügseger —

¹ Пагинация проставлена с левого края листа монгольскими цифрами (листы 2, 3, 4, 5 также пронумерованы по-монгольски прописью). Она охватывает первую и вторую части, в третьей имеется собственная нумерация листов монгольскими цифрами, начинающаяся с 2 (первый лист с заголовком не пронумерован).

² В сочинении присутствует тибетское написание некоторых терминов, имен. Тибетские слоги расположены справа или слева от монгольского написания для уточнения чтения.

659 jil bolbai 'Прошло 659 лет с тех пор, как сын Угэдэй-хана Годан-хан, услышав о святости и славе Сакья-пандиты, специально послал людей в Тибет, и когда обратился с приглашением прибыть в Монголию, тот лама-гэгэн, вспомнив о предсказании, сказанном Соднам Жамсо о том, что когда в будущем придут люди в шапках в виде сидящего ястреба и обуви как нос у свиньи, если немедленно с ними отправится, тем будет большая польза религии и живым существам, вместе с учениками прибыл в Монголию, встретился с ханом, всем проповедовал посвящение Хеваджры' [ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. MI-34. Л. 3v].

Вторая часть кратко озаглавлена «Поездка в Пекин» и имеет подзаголовок «Записи о положении людей в населенных пунктах по пути из Агши до Пекина, а также увиденное в самом Пекине». Это достаточно подробное описание маршрута из Забайкальской области по восточно-халхаским и китайским землям до Пекина. Поездка группы в составе П. А. Бадмаева, служащих его торгового дома в Чите, представителей хоринских и агинских бурят и других состоялась зимой 1895–1896 гг. [Аюшеева 2019: 173–186].

Третья часть на восьми листах содержит выписки из описания путешествия по святым местам Тибета Лудупа Рабжаева, подданного Агинской степной думы в 1884 г. Сквозная нумерация листов по архивному учету — л. 32–39. Название третьей части выделено на отдельный лист¹, в то время как все остальные заголовки и подзаголовки в рукописи следуют по тексту с небольшим отступом, иногда выделены подчеркиванием.

Вторая и третья часть относятся к жанру хождений. Как отмечал Ц.-А. Дугарнимаев, маршрут следования организует повествование [Дугар-Нимаев 1987: 96–97]. Авторы скрупулезно указывали время, проведенное в пути от одного места до другого, описывали примечательные исторические факты и увиденные ими святыни. Соло Ванданов в своем сочинении уделял внимание погодным явлениям, отмечал пригодность пастбищ, рельеф местности, преодолеваемые реки, горные перевалы, характеризовал быт лам и простых монголов, приводил исторические сведения, легенды. В описании Пекина им зафиксированы данные о торговле, стоимости буддийских книг, состоянии храмов и пр.

В конце тетради имеется двойной колофон, содержащий сведения о цели написания и дату составления — 25 марта 1906 г., а также владельческие подписи, свидетельствующие о снятии копии.

3. Метаразметка текста и проблемы перевода на примере путевых записей Соло Ванданова

Из рассмотренных единиц хранения и сочинений был выбран текст «Поездка в Пекин» как авторский. Данное повествование насчитывает 236 предложений с финитными глагольными формами или именными сказуемыми.

¹ В тетради Соло Ванданова путешествие Лудуба Рабжаева озаглавлено как «mongyol kiged töbed ba kitad bolun jiqar balbu-yin orun-a bayiyluluydaysan süm-e kiid-ner ba boyda blam-a-nar bolun burqan sitügen terigüten-ü бүгүдө-йи тобчилан темдеглегсен беңилге апиу» («Кратко записанные сведения о монастырях и храмах в Монголии, Тибете, Китае, и Индии, Непале, а также и святых ламах и почитаемых бурханах»), а в хранящемся в монгольском фонде ЦВРК другом списке с описания путешествия Л. Рабжаева дано название «ayu-yin düm-e-yin medel-ün lüdüb rabj-a-yin gegçi 1884 on-du töbed-ün orun-iyar ayangčilaју yabuqu-dayan bičigsen temdeglel» («Заметки Лудупа Рабжаева, подданного Агинской думы, сделанные во время путешествия в Тибет в 1884 г.») [ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. MI-718 10 л]

3.1. Особенности пунктуации и синтаксиса

В рукописи присутствуют следующие знаки препинания: запятая (одна точка, čeg), точка (две точки, dabqur čeg) и четыре точки (dörbeljin čeg). Четыре точки указывают на конец смысловой части или раздела, и их употребление в тексте логично. Конец предложения может отмечаться как одной точкой, так и двумя. При этом в тексте запятые (одна точка) внутри предложений в некоторых случаях могут быть опущены, или, наоборот, проставлены излишне, что затрудняет прочтение текста.

В рассматриваемом сочинении предложения наблюдаются как простые, имеющие один субъект действия и одно сказуемое, так и в виде сложных конструкций, состоящие из нескольких деепричастных оборотов с одной конечной финитной формой глагола, т. е. «зависимых предикативных единиц (ЗПЕ) неполного оформления и лишь с одним финитным сказуемым, которое придает высказыванию в целом формальную завершенность» [Бадмаева 2009: 148]. Подобные ССК в записях Соло Ванданова достигают 150–190 слов, тогда как самые краткие предложения имеют, как правило, утвердительное значение и состоят из 4–10 слов. Примеры кратких предложений: dörben yeke dačang bui ‘Имеются четыре больших дацана’ [ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. MI-34. Л. 27v] или же kerem-ün dörben-e öñčeg ugluu-nud degere 3 4 dabqur-nud songqu olan-tai ger-nüd bayınam bile ‘На стене на 4 углах построены 3–4-хэтажные дома со многими окнами’ [ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. MI-34. Л. 30v].

Следует заметить, что в изложении преемственности царей-покровителей учения и истории буддизма, носящем компилятивный характер, Соло Ванданов допускал сверхдлинные конструкции до 190 слов, состоящие из 5–8 логических частей (ЗПЕ). В то время как в изложении собственного путешествия в Пекин автор мало использует длинные конструкции, максимальная длина их не превышает 140 слов, и 4–7 ЗПЕ.

3.2. Примеры членения текста на ЗПЕ

Сложный синтаксический комплекс в сочинении Соло Ванданова выглядит следующим образом:

- (1) 1895 on-u diqabri-yin 24-ü edüre, noyan doytur, piitr aliysandroviiči badmayeb-un čitayın yoorod-tu bayiūuluysan mayımayan-u ger-ün gereyeten, barayū-yin orun-u 1 sibirang blam=a sambuu qori-yin čayān obuū-un viibornoi aysan küngdütü siülingge čolu vandan-u kemegčid, öber-ün noyan badmayeb, selte-ner-tei manju-yin orun dotura, mayımayan-u keregıyer bolun, degereki orun-u yekes blam=a-nar noyad-lüge tanılčaqu-yin kiged yajar orun-u yangja bayidal-i sayuri jon-u aji bayidal-luγ=a singjilen üjekü-yin tulada odulčaqu boluyad, (2) noyan piitr badmayeb selte-ner-če uridčilna ayciu=a yoorod-ača baryū-yin sibrang blam=a bidi qoyayula mön edüre yaraču (3) 30 siqam modun-u yajara, učiraqu-yin qarayul-un čiliini kürejü, (4) qačay miqayilu batuurin-u-du qonuyad, (5) 25-u öglügögür činaysi morduju yabutala, (6) sačun yeke oruji, (7) yabuqu-yin arγ=a ügei bolqu-yin čay-tu arayigeju 15–6 modun-u tuqai yabuji, (8) qamniyan-u qariy=a-tu tabqai gečül kemekü ebüged blam=a-yin-dü qonubai

‘(1) 24 декабря 1895 г. служащие торгового дома, основанного в городе Чита господином доктором Петром Александровичем Бадмаевым, вместе с баргутским шаврон-ламой Самбу, хоринским цаганского рода выборным, почетным шуленгой Соло Вандановым, и сам господин Бадмаев отправились в маньчжурскую сторону по торговым делам и для знакомства с большими ламами и нойонами той страны, изучения

местности и быта людей; (2) мы вдвоем вместе с баргутским шаврон-ламой выехали из города Акши ранее, чем господин Петр Бадмаев со спутниками, (3) достигли в тот день места встречи в тридцати модонах на караульном селении, (4) переночевали у казака Михаила Батурина, (5) когда 25-го с утра выехали далее, (6) то пошел сильный снег, (7) стало невозможно ехать, едва прошли 15–16 модонов, (8) заночевали у хамниганского старика-ламы Табхай-гецула' [ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. MI-34. Л. 12r–12v];

– (1) qonin jil-ün ebül-ün segül sara-yin 22-run öglügegüür ginvari 25-u edür noyan badmayeb-tai qamtu yabulčayči baraγu-yin sibrong šabi-tai=a qori-yin anu čolu vangdan-u duγar küübüi-yin, aγu-yin anu түдүб čeren-ü, čeren jinba-yin, γarm-a бүкү-yin, badm-a vačir jab-un, lhasrang čevang-u, sambu dorji tom=a-giin, duγar vangčün-u, ayusi sanjin-u bolun busuču 34 nüküs-lüge qamtu noyan-u-ban buyan-u kiged jögüris-ün küčüber nige jayun lang mönggü busuču eldeb jüil-ün ergül-nüdi ergüjü, (2) yeke mandal-iyar gangjirba-yin gegen-ten-dü mörgüjü (3) mutur-un adistid-tu kürteji (4) šabi-nar-tu baytayad (5) tede gegen-ten-ü dergede saγuju (6) čai bolun 9 tasuly=a-tai tabay metü saba dotura kigdegsen 9 jüil-un boubu šiger busud-tai-bar küngdülügülüged, (7) γadaγ=a teyiši γaruqu-yin üy=e-de tede gegen-ten anu öberün dergede bayiγsan nige yeke tabay-tai öngge büri-yin joγuγ-iyar qayiralaysan-i bedi бүгүдегер-e qubiyaju kürtegsen bölüge

‘(1) 22 числа последнего зимнего месяца года овцы, 25 января утром, прибывшие вместе с нойоном Бадмаевым и шабинарами Баргу-шабрана хоринцы Соло Ванданов, Дугар Хубийн, агинцы Тудуб Цэрэнов, Цэрэн Жимбаев, Гарма Бухуев, Бадма Очиржапов, Лхасурун Цэбанов, Самбу-Доржи Томаев, Дугар Ванчинов, Аюши Санжинов и другие 34 спутника вместе при благодеянии и на средства нойона поднесли сто ланов серебра и другие пожертвования, (2) поклонились большой мандалой Ганжурбе-гэгэну, (3) получили благословление рукой, (4) стали его учениками, (5) сидели рядом с гэгэном, (6) [нас] угощали чаем с 9 видами печенья-боовы из посуды, похожей на тарелку с 9 отделениями; (7) пожалованные гэгэном, когда уходили, из стоящего рядом с ним блюда разные яства мы разделили между собой’ [ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. MI-34. Л. 20v].

3.3. Стилистика сочинения Соло Ванданова

В приведенных примерах можно выделить несколько смысловых частей, которые могут трансформироваться в отдельные предложения. Описательный стиль С. Ванданова характеризуется развернутыми определениями и дополнениями. В создаваемом параллельном корпусе подобные ССК в некоторых случаях были разделены на смысловые части для более корректного написания алгоритма машинного перевода и дальнейших задач распознавания старомонгольского текста при помощи искусственного интеллекта. При переводе приоритетной была дословная передача смысла исходного предложения, по возможности сохранение его структуры. Что не всегда возможно, учитывая различия в синтаксисе русского и бурятского языков и сложносочиненную структуру предложения на старомонгольской письменности, где, например, в развернутом дополнении присутствуют развернутые дополнения, подлежащее со сказуемым, наряду с другими также развернутыми членами предложения.

В сочинении «Поездка в Пекин» описательный стиль широко применен при изложении порядка действий, событий, но для фиксации и отражения конкретного явления, предмета преобладают простые предложения, без витиеватой структуры определений, дополнений и деепричастных оборотов. Например, следующий фрагмент, повествующий о посещении одного из монастырей и о его внутреннем

убранстве, состоит из нескольких кратких предложений: *mön ende nayan toqoi mayidari burqan adis-tu kürtebei. dörben yeke dačang bui. edeger-tü oružu mörgül üiledün adis-tu kürtebei. nige yeke süm=e dotura geser qaγan-u dürü bey=e bayinam. öndür anu 2 sajin-un tuqai bui. oyira-i dörben yeke-nüd bayatur-nud-un dürü bey=e bayinam* ‘Здесь получили благословение у 80-локтевого Майдари. Есть 4 больших дацана. В них зашли, помолились, получили благословение. В одном из больших дацанов находится скульптура Гэсэр-хана. Высота — около 2-х саженьей. Возле стоят фигуры 4-х богатырей’ [ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. MI-34. Л. 27v].

Предложения часто завершаются словами-связками типа *bölüge, bile, amui, bui, bayina*. Встречаются финитные формы глаголов в прошедшем и настоящем времени на *-mui / - müi* и *-bai / -bei*, менее употребляемо многократное причастие на *-day/-deg*. Иногда субъект действия вынесен в конец предложения. Например: *teyin fibrali-yin 5-du begejin qotu oruγad marta-yin 19-ü edür gedürge morduyсан bede* ‘Так, 5 февраля заехали в Пекин, 19 марта поехали обратно мы’ [ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. MI-34. Л. 30v–31r].

4. Заключение

Сочинения Соло Ванданова демонстрируют особенности организации текста на старомонгольской письменности, сложносочиненную структуру предложений, включение нескольких логических взаимосвязанных фрагментов в одно ССК, что представляет определенные трудности при переводе и членения текста для целей машинного перевода. Параллельный корпус бурятских сочинений на старомонгольской письменности открывает широкие возможности для дальнейших лингвистических, исторических исследований. Частотный анализ словоформ и синтаксиса позволит выделить отличительные черты бурятских сочинений, особенности написания ряда диалектных слов, использования галика для заимствований из русского и тибетского языков, употребления аффиксов.

Проводимая членами научного коллектива работа, направленная на решение, помимо составления параллельного старописьменно-монгольского-русского корпуса с морфологической метаразметкой, задачи применения материалов для реализации оптического распознавания текстов на старописьменно-монгольском языке, находится на стадии выработки алгоритмов и оптимальных моделей не только машинного перевода, но и текстовой разметки и романизированного представления старописьменных монгольских текстов с учетом орфографических ошибок источников. Особое внимание уделено редакторской работе по унификации написания слов, например, *čongyol* — *čongyul*.

Источники

ЦВРК ИМБТ СО РАН — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Sources

Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS.

Литература

Аюшеева 2019 — Аюшеева М. В. Путевые заметки Соло Ванданова // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 12. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2019. С. 173–186.

- Бадмаева 2007 — *Бадмаева Л. Б.* Летопись Вандана Юмсунова — памятник письменной культуры бурят XIX в. (исследование, текст, транслитерация, перевод, комментарии). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2007. 396 с.
- Бадмаева 2009 — *Бадмаева Л. Б.* О синтаксических особенностях летописи Ц. Сахарова // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 144–151.
- Бадмаева 2012 — *Бадмаева Л. Б.* Языковое пространство летописного текста. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. 296 с.
- Бадмаева 2018 — *Бадмаева Л. Д.* Бурятско-русские параллельные тексты: проблемы асимметрии // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 3(21). С. 19–30. DOI: 10.23951/2307-6119-2018-3-19-30
- Бадмаева, Бадмаева 2018 — *Бадмаева Л. Б., Бадмаева Л. Д.* Старописьменные памятники бурят и диахронический корпус: предпосылки и перспективы разработки // Найдаковские чтения-4. Тюрко-монгольский мир. Гуманитарные исследования: сб. науч. ст. (г. Улан-Удэ, 14 июня 2018 г.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2018. С. 16–19. DOI: 10.30792/2222-7547.2018.016-019
- Бадмаева, Очирова 2018 — *Бадмаева Л. Б., Очирова Г. Н.* Летопись Ш.-Н. Хобитуева как памятник письменной культуры бурят. Улан-Удэ: Бэлиг, 2018. 288 с.
- Бадмаева, Ринчинов 2020 — *Бадмаева Л. Д., Ринчинов О. С.* Метаразметка старописьменных текстов бурят и «модернизация» их транслитерации для диахронического корпуса бурятского языка // Языки и литературы монгольских народов: теория и практика: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф., д-ра филол. наук Ц.-Ж. Ц. Цыдыпова (г. Улан-Удэ, 24–25 октября 2019 г.). Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т им. Доржи Банзарова, 2020. С. 9–16.
- БТБ 1992 — *Бурядайд түүхэ бэшэгүүд.* Улаан-Үдэ: Бурядайд номой хэблэл, 1992. 240 н.
- Дугар-Нимаев 1987 — *Дугар-Нимаев Ц.-А.* Описание Монголии в бурятских хождениях XIX – начала XX веков // Актуальные проблемы истории Бурятии. Улан-Удэ: Бурятский институт общественных наук, 1987. С. 94–100.
- Куканова 2015 — *Куканова В. В.* Национальный корпус калмыцкого языка: итоги работы и перспективы // Новые исследования Тувы. 2015. №1. С. 35–44.
- ЛХБ 1935 — Летописи хоринских бурят. Вып. 1. Хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова / текст издал Н. Н. Поппе // Труды Института востоковедения. IX. М.; Л.: АН СССР, 1935. 172 с.
- ЛХБ 1940 — Летописи хоринских бурят. Хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова / пер. Н. Н. Поппе // Труды Института востоковедения. XXXIII. М.; Л.: АН СССР, 1940. 108 с.
- Мирзаева 2023 — *Мирзаева С. В.* О тибетской графеме *bu* в ойратском «ясном письме» // Урало-алтайские исследования. 2023. № 3 (50). С. 42–55. DOI: 10.37892/2500-2902-2023-50-3-42-55
- Мирзаева, Долеева 2024 — *Мирзаева С. В., Долеева А. О.* Ойратский перевод «Сутры о восьми светоносных неба и земли»: текстологическое исследование в рамках создания параллельного корпуса текстов // Новый филологический вестник. 2024. № 3 (70). С. 395–408. DOI: 10.54770/20729316-2024-3-395
- Музраева 2020 — *Музраева Д. Н.* Проблемы изучения ойратских и монгольских переводов тибетских буддийских текстов и перспективы их использования в составлении параллельных корпусов // Новый филологический вестник. 2023. № 3 (66). С. 326–338.
- Ринчинов 2020 — *Ринчинов О. С.* Диахронический корпус бурятского языка как цифровой инструмент исторических исследований: подходы, решения, экспериментальные исследования // Историческая информатика. 2020. № 2 (32). С. 26–34. DOI: 10.7256/2585-7797.2020.2.33446
- Сичинава 2019 — *Сичинава Д. В.* Параллельные тексты в составе Национального корпуса русского языка: новые языки и новые задачи // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. № 3 (21). С. 41–61.
- Чимитдоржиев 2001 — *Чимитдоржиев Ш. Б.* Бурятские летописцы // Выдающиеся бурятские деятели (XVII – нач. XX в.). Ч. I. Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т, 2001. С. 157–158.

Annotated catalogue 2004 — Annotated catalogue of the collection of Mongolian manuscripts and xylographs M I of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences / N. Tsyrempilov; ed. Ts Vanchikova. Sendai, 2004. 310 p.: il.

References

- Annotated Catalogue of the Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs M I of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. N. Tsyrempilov, T. Vanchikova (eds.) Sendai: 2004. 310 p. (In Eng.)
- Ayusheeva M. V. Solo Vandanov's Travel Notes. In: Culture of Central Asia: Written Sources. No. 12. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2019. Pp. 173–186. (In Russ.)
- Badmaeva L. B. On the Syntactical Peculiarities of Ts. Sakharov's Cronicle. *Siberian Journal of Philology*. 2009. No. 2. Pp. 144–151. (In Russ.)
- Badmaeva L. B. The Chronicle of Vandan Yumsunov is a Monument to the Written Culture of the Buryats of the 19th Century (research, text, transliteration, translation, comments). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2007. 396 p. (In Russ.)
- Badmaeva L. B. The Linguistic Space of the Chronicle Text. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. 296 p. (In Russ.)
- Badmaeva L. B., Badmaeva L. D. Buryat's Old Written Monuments and Diachronic Corpus: Background and Prospects of Development. In: Naidakov Readings 4. The Turkic-Mongolian World. Humanitarian Research. L. Dampilova (ed.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2018. Pp. 16–19. (In Russ.)
- Badmaeva L. B., Ochirova G. N. Chronicle of Sh.-N. Khobituev as a Monument of Written Culture of the Buryats. Ulan-Ude: Belig, 2018. 288 p. (In Russ.)
- Badmaeva L. D. Buryat-Russian Parallel Texts: Asymmetry Problems. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2018. No. 3(21). Pp. 19–30. (In Russ.)
- Badmaeva L. D., Rinchinov O. S. Metarization of Old Written Texts of Buryat and “Modernization” of their Transliteration for the Diachronic Case of the Buryat Language. In: Languages and Literatures of Mongolian Peoples: Theory and Practice. Proceedings of the International Scientific Conference. Ulan-Ude: Banzarov Buryat State University, 2020. Pp. 9–16. (In Russ.)
- Buryat Historical Records. Ulan-Ude: Buryadai Nomoj Heblel, 1992. 240 p. (In Buryat)
- Chimitdorzhiev Sh. B. Buryat Chroniclers. In: Outstanding Buryat Figures (17th – early 20th Centuries). Part I. Ulan-Ude: Buryat State University, 2001. Pp. 157–158. (In Russ.)
- Chronicles of the Khorī Buryats. Chronicles of Tuguldur Toboev and Vandan Yumsunov. N. Poppe (trans.) In: Proceedings of the Institute of Oriental Studies. XXXIII. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1940. 108 p. (In Russ.)
- Chronicles of the Khorī Buryats. No. 1. Chronicles of Tuguldur Toboev and Vandan Yumsunov. N. Poppe (publ.). In: Proceedings of the Institute of Oriental Studies. IX. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1935. 172 p. (In Old Mong. Script)
- Dugar-Nimaev Ts.-A. Description of Mongolia in the Buryat Travel Notes of the 19th – early 20th Centuries. In: Current Problems of the History of Buryatia. Ulan-Ude: Buryat Institute of Social Sciences, 1987. Pp. 94–100. (In Russ.)
- Kukanova V. V. National Corpora of the Kalmyk Language: Results and Prospects. *The New Research of Tuva*. 2015. No.1. Pp.35–44. (In Russ.)
- Mirzaeva S.V. Tibetan Syllable *bya* in Oirat “Clear Script”. *Ural-Altaic Studies*. 2023. No. 3(50). Pp. 42–55. DOI: 10.37892/2500-2902-2023-50-3-42-55
- Mirzaeva S.V., Doleeva A.O. Oirat Translation of the “Sutra of Eight Luminous of Heaven and Earth”: Textual Analysis within the Framework of Creating a Parallel Text Corpora. *New Philological Bulletin*. 2024. No. 3(70). Pp. 395–408. DOI: 10.54770/20729316-2024-3-395
- Muzraeva D. N. Problems of Studying Oirat and Mongolian Translations of Tibetan Buddhist Texts and Prospects for their Use in Compiling Parallel Corpora. *New Philological Bulletin*. 2023. No. 3 (66). Pp. 326–338. (In Russ.)
- Rinchinov O. S. The Diachronic Corpus of the Buryat Language as a Digital Tool for Historical Research: Approaches, Solutions and Experiments. *Historical Information Science*. 2020. No. 2 (32). Pp. 26–34. DOI: 10.7256/2585-7797.2020.2.33446 (In Russ.)

Sitchinava D. On Parallel Texts within the Russian National Corpus: New Languages and New Challenges. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2019. No. 21. Pp. 41–61. (In Russ.)

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 16, Is. 4, pp. 773–783, 2024
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-773-783

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 93 / 94

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-773-783

Описание донских калмыков первыми донскими казачьими авторами: опыт критической характеристики

Арте́м Ю́рьевич Пе́ретья́тко¹

¹ Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, заведующий лабораторией

 0000-0003-2779-2223. E-mail: artperetatko[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Перетьятко А. Ю., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена комплексной реконструкции синкретического образа донских калмыков, сформированного в синхронных нарративах казачьих историков и публицистов. Системный анализ предшествующей историографической традиции свидетельствует о том, что рассматриваемый круг региональных источников не был в достаточной мере использован в рамках научного анализа, что определяет благоприятные перспективы современной исследовательской практики, дополняющей ранее полученные эпистемологические результаты. *Материалы и методы.* Эмпирический материал, вводимый в научный оборот, реконструирован из опубликованных работ Е. Н. Кательникова и В. Д. Сухорукова, являющихся классическими региональными нарративами, характерными для донской историописательной традиции XIX в. Методологической основой авторского анализа стала рационалистическая критика, интегрирующая субъективные оценки предложенных этнографических концепций и текстологическую деконструкцию конкретной информации рассматриваемых источников. В отдельных случаях использовались элементы микроисторической компаративистики, опирающейся на внеисточниковое знание. *Результаты и выводы.* В рассмотренных казачьих нарративах отсутствует единое представление о региональном этнографическом пространстве, а терминологическая система конструируется в контексте индивидуальных исследовательских задач. Е. Н. Кательников и В. Д. Сухоруков формируют оригинальные образы донских калмыков, среди которых и «соседственные неприятели», и низшая социальная прослойка. Казачьи авторы однозначно видят в соседних калмыках чуждый народ, наделяемый негативными чертами. Подобный подход определяет как особое значение представленных нарративов как синхронных источников, характеризующих системное отношение донских казаков к ближайшим соседям, так и полную непригодность авторских повествований для этнографической характеристики рассматриваемого этноса. Ксенофобские тексты казачьих авторов существенно влияли на социокультурную презентацию донских калмыков в имперском мировоззрении, создавая искаженную картину регио-

нального взаимодействия. В контексте указанного обстоятельства современный исследователь избранной проблемы должен системно рассматривать синхронные нарративные традиции, формируя объективный образ этнического диалога.

Ключевые слова: нарратив, казаки, калмыки, текст, публицистика, образ, сосед, ксенофобия, империя, войско, враг, сосед, другой

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»)

Для цитирования: Перетятко А. Ю. Описание донских калмыков первыми донскими казачьими авторами: опыт критической характеристики // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 773–783. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-773-783

Description of the Don Kalmyks by the First Don Cossack Authors: an Experiment in Critical Characterization

Artem Yu. Peretyatko¹

¹ Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Head of the Laboratory

 0000-0003-2779-2223. E-mail: artperetatko[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Peretyatko A. Yu., 2024

Abstract. Introduction. The presented article is devoted to the complex reconstruction of the syncretic image of the Don Kalmyks formed in the synchronous narratives of Cossack historians and publicists. A systematic analysis of the previous historiographic tradition indicates that the considered range of regional sources has not been sufficiently used in the framework of scientific analysis, which determines favorable prospects for modern research practice that complements the previously obtained epistemological results. *Materials and methods.* The empirical material introduced into scientific circulation is reconstructed from the published works of E. N. Katelnikov and V. D. Sukhorukov, which are classical regional narratives, characterising the Don historical writing tradition of the 19th century. The methodological basis of the author's analysis was rationalistic criticism, integrating subjective assessments of the proposed ethnographic concepts and textual deconstruction of specific information from the sources under consideration. In some cases, elements of microhistorical comparative studies were used, based on extra-source knowledge. *Results and conclusions.* The considered Cossack narratives lack a unified idea of the regional ethnographic space, and the terminological system is constructed in the context of individual research tasks. E. N. Katelnikov and V. D. Sukhorukov form original images of the Don Kalmyks, among whom there are both «neighboring enemies» as well as the lowest social stratum representatives. The Cossack authors clearly see the neighboring Kalmyks as an alien people, endowed with negative traits. This approach determines both the special significance of the presented narratives as synchronous sources characterizing the systemic attitude of the Don Cossacks to their closest neighbors, and the complete unsuitability of the author's narratives for the ethnographic characterization of the ethnic group in question. The xenophobic texts by Cossack authors significantly influenced the socio-cultural presentation of the Don Kalmyks in the imperial worldview, creating a distorted picture of regional interaction. In the context of this circumstance, a modern researcher of the chosen problem should systematically consider synchronous narrative traditions, forming an objective image of the ethnic dialogue.

Keywords: narrative, Cossacks, Kalmyks, text, journalism, image, neighbor, xenophobia, empire, army, enemy, neighbor

Acknowledgements. The research was supported by the Strategic Academic Leadership Program of the Southern Federal University ("Priority 2030").

For citation: Peretyatko A. Yu. Description of the Don Kalmyks by the First Don Cossack Authors: an Experiment in Critical Characterization. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(4): 773–783. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-773-783

1. Введение

История донских калмыков до настоящего времени остается изученной недостаточно. Важным шагом к ее действительно научному изучению стало издание монографии К. Н. Максимова «Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.)» [Максимов 2016]. В этой книге впервые была сделана попытка проследить историю донских калмыков или калмыков-казаков начиная от первых контактов ойратов с казаками Ермака до депортации калмыков с территории Ростовской области во время Великой Отечественной войны. К. Н. Максимов один из крупнейших специалистов в области истории Калмыкии, скрупулезно осветил многие страницы истории донских калмыков. Однако он специально не занимался историей донского казачества, и поэтому его интересовали в большей степени судьбы калмыков на донской земле, и он не ставил задачу исследовать то, каким был их образ у донских казаков. К. Н. Максимов опирается на официальные издания и правительственные документы, поэтому приходит к выводу о том, что уже в начале XIX в. донские калмыки «по праву считались коренными жителями области Войска Донского», а донские власти в их отношении проводили «гибкую этническую политику» [Максимов 2016: 560]. На наш взгляд, этот вывод о месте донских калмыков в структуре Войска Донского, в этом числе этнической, получился несколько идеализированным. Если принять во внимание описательные тексты современников (книги и статьи донских казаков XIX в.), картина будет другой: калмыки в них часто критикуются, а в конструировании их образов можно найти черты ксенофобии.

«Говоря о другом, описывая другого, наблюдатель гораздо больше сообщает о себе, чем о нем. <...>. Независимо от того, осознанно или нет, эмоционально или рационально происходит создание образа другого народа и его отдельных представителей, оно всегда осуществляется в сравнении», — утверждает М. В. Лескинен, авторитетная исследовательница этнографического дискурса Российской империи XIX в. [Болтунова, Лескинен 2022: 199]. Более того, с точки зрения М. В. Лескинен, этнографическая наука Российской империи XIX в. в свою очередь сильно влияла на складывающийся национальный дискурс [Лескинен 2010: 322]. «Самоописание и представления о „других“ позволяют индивиду и группе утвердить способы самосохранения, защиты и воспроизводства традиции, типизировать явления и объекты окружающей среды, определить границы собственного пространства (в семиотическом смысле) и выработать стратегию поведения во взаимодействии с другими социальными группами», — пишет исследовательница [Лескинен 2010: 9]. Эти идеи очень важны для понимания большинства текстов донских казаков о донских калмыках XIX в. Калмыки стали первой значимой группой неславянского населения, бесспорными «другими», которые оказались не ассимилированы донским казачеством, но инкорпорированы в его состав указами сверху. И поэтому именно при их описании донские казаки впервые столкнулись с проблемой описания «другого» как части этнографического пространства Войска Донского. Вполне естественно, что созданные в итоге тексты описывают не только (а порой и не столько) донских калмыков, сколько отношение к ним донских казаков. При

этом подробный анализ специфического казачьего дискурса XIX в. о донских калмыках предполагает обязательное наличие знания местной общественной мысли, без которого подобные тексты очень трудно деконструировать, понять скрытые мотивы их авторов и причины явной негативизации образа донских калмыков.

Таким образом, тексты донских казаков о донских калмыках представляют собой объект для исследования, абсолютно необходимый для понимания того, какую функцию калмыки исполняли внутри Войска Донского и каким был их образ у донских казаков. Кроме того, эти тексты важны для понимания представлений донского казачества о себе и специфике этнографических описаний дискурса донского казачества. Поэтому в своей статье мы бы хотели впервые проанализировать их именно с подобных позиций, как явление определенного дискурса, а не совокупность описаний фактов.

Однако подобная постановка цели исследования накладывает на нас и определенные ограничения. Нам будет необходимо предельно подробно анализировать не только высказывания конкретного донского автора о калмыках, но и создаваемую этим автором общую картину этнографического пространства Войска Донского. Поэтому в рамках небольшой статьи мы решили обратиться только к текстам Е. Н. Кательников и В. Д. Сухорукова. Дело в том, что они, особенно последний — самые ранние значимые авторы донской казачьей традиции историо- и народоописания. По свидетельству Н. И. Краснова о В. Д. Сухорукове, «ни раньше, ни позднее его ни один из донских писателей, публицистов или общественных деятелей никогда не пользовался на своей родине популярностью Сухорукова» [Королев 1991: 241–242]. Соответственно, обращение к их трудам позволяет понять, с чего начиналось описание донскими казаками их соседей, донских калмыков.

2. Материалы и методы

Эмпирический материал, использованный в рамках представленной статьи, был реконструирован из дифференцированных нарративов донских авторов XIX в., прежде всего Е. Н. Кательникова [Кательников 1886] и В. Д. Сухорукова [Сухоруков 1891], посвященных частично или полностью этнографическому описанию калмыцкого народа. Выявленные публикации являлись самостоятельными объектами текстологического анализа, направленного на последовательное выявление значимых содержательных фрагментов, характеризующих избранную проблему. Авторская методология предполагает качественную интеграцию рационалистической критики, опирающейся на предшествующие результаты познавательной деятельности, и субъективной интерпретации, предполагающей системное включение исследовательского мышления в социокультурный контекст изучаемой эпохи. Значимым элементом используемой эпистемологической парадигмы следует признать микроисторическую компаративистику, ориентированную на качественный анализ содержательно близких фрагментов дифференцированных текстов. Кроме того, отдельное внимание было уделено методологическому тренду новой персональной истории, обращенному к комплексной оценке авторских образов в меняющемся социально-экономическом, политическом и культурном контексте.

3. Результаты

3.1. Е. Н. Кательников

В качестве одного из первых значимых текстов донских казаков следует рассматривать «Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожилов и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня» Е. Н. Кательникова (встречается также написание его фамилии «Котельников») [Кательников 1886]. Уже сама фигура автора этого текста выглядит достаточно загадочно. Е. Н. Кательников родился примерно в 1775 г., был сыном станичного писаря, не получившим никакого официального образования, но каким-то образом выучившим французский и немецкий языки [Мининков 2011: 17–18]. Согласно послужному списку, он также имел знания в «богословии, географии, физике и поэзии» [Кательников 1886: 6]. Е. Н. Кательников участвовал в наполеоновских войнах, в 1814 г. ненадолго даже попал во французский плен и закончил свою военную карьеру есаулом и дежурным штаб-офицером при М. И. Платове [Мининков 2011: 23]. По возвращении на Дон он написал свой главный труд, вышеупомянутое «Историческое сведение», а затем создал собственную секту, якобы рассматривал Александра I как новое воплощение Христа и в итоге был сослан за ересь в Соловки [Мининков 2011: 107–110]. Сохранились также сведения о богатой, но совершенно бессистемной библиотеке есаула, включавшей книги на иностранных языках [Мининков 2012: 221–223].

Таким образом, в случае с Е. Н. Кательниковым мы сталкиваемся с казаком из низов, который сумел войти в войсковую элиту благодаря знаниям, сделав штабную карьеру, однако знания его были приобретенными самостоятельно. По каким-то причинам он решил написать историю своей родной станицы: к сожалению, мы почти ничего не знаем о истории его рукописи, сохранившейся только потому, что ее купил у автора В. Д. Сухоруков [Кательников 1886: 2]. Однако именно благодаря специфике личности Е. Н. Кательникова мы обладаем уникальным историографическим артефактом: на наш взгляд, его книга в большей степени порождена устной культурой донских казаков, чем влиянием письменной науки.

Вопрос о положении казаков в ряду других этнических групп фактически является одним из центральных для труда Е. Н. Кательникова, однако сам автор его нигде не формулирует. Более того, текст Е. Н. Кательникова предсказуемо лишен какого-либо вступления и заключения, он состоит исключительно из описательных глав, что затрудняет формализацию логики построения его книги и реконструкции терминологического аппарата. Но уже первая глава главного труда Е. Н. Кательникова посвящена происхождению донских казаков, и по ее итогам есаул приходит к такому выводу: «Весь вообще казачий род есть российский природный; даже вшедшие в него некоторые калмыцкие, татарские, греческие и турецкие племена чрез смешение изменились совсем в русский род» [Кательников 1886: 5]. Таким образом, для Е. Н. Кательникова донские казаки есть безусловно часть русских, однако совокупность русских презентуется через понятие род, а не народ, и определения «роду» не дается. Из контекста также следует, что к «русскому роду» относятся и выходцы из «России Малыя», как предки части казаков [Кательников 1886: 4–5].

Все же остальные народы (впрочем, этого понятия Е. Н. Кательников и здесь не использует), с представителями которых регулярно сталкивались жители станицы Верхне-Курмоярской, были объединены в категорию «соседственные неприятели», которой посвящалась одноименная глава. Внутри этой категории классификация была чисто географической: неприятели с низовьев Дона (турки), с правого берега Дона (крымские татары) и с левого берега Дона (ногайские татары, черкесы, калмыки) [Кательников 1886: 26]. Сколько-либо индивидуализированной характеристики выделенных групп неприятелей Е. Н. Кательников не давал: в интересующей нас главе он строил здесь свой нарратив исключительно как сборник историй о сражающихся с врагом казаках, причем эти истории могли быть как регулярно повторяющимися (например, описывалось, как в прежние времена на полевые и сенокосные работы казаки выходили с оружием и под прикрытием конных разъездов), так и единичными (например, во время набега черкес в 1769 г. некая старуха заявила, что опасность прошла, ибо враг, «взявши Романовскую станицу, удалился», и в тот день, когда она это говорила, действительно была взята лежащая в 100 верстах Романовская станица) [Кательников 1886: 27]. Иными словами, соседи казаков, не принадлежащие к «русскому роду», интересовали Е. Н. Кательникова исключительно как второстепенные персонажи в историях про казаков, чья история, этнографические особенности и т. п. не заслуживают отдельного изучения.

Однако именно калмыки являются в нарративе есаула самым частым врагом. Если о других «соседственных неприятелях» обычно говорится более или менее обобщенно (например, «с задонской стороны черкесы и татары прихаживали несколько раз на Дон» [Кательников 1886: 26]), то с калмыками дело обстоит совсем иначе. Е. Н. Кательников приводил целых три подробные истории, демонстрирующие славные победы казаков над калмыками, причем калмыки изображались в них достаточно легким противником. Так, приводится история, согласно которой якобы в 1730 г. казаки после ловли рыбы в отдалении от станицы заночевали в камышах, рядом с ними проходил калмыцкий разведчик, который сел греться к не погашенному казачьему костру, где его и застрелил казачий часовой, после чего калмыки ушли прочь [Кательников 1886: 28]. Несколько позже некий старик Фолимон Киреевич с пятью товарищами пошел на охоту, на него напали больше ста калмыков, но Фолимон Киреевич приказал стрелять, и били казаки так метко, что «сказывают, ни одна пуля мимо не прошла», и калмыки отступили [Кательников 1886: 29]. В другой раз на Фолимона Киреевича, ехавшего с малолетним сыном и двумя падчерицами, напали шесть калмыков, но сколько они не стреляли, попасть из луков не могли, а Фолимон Киреевич каждой пулей убивал по калмыку, пока те не обратились в бегство, а казак погнался за ними и перебил всех, кроме одного, которого нарочно отпустил, крикнув ему вслед: «Поезжай, парень, скажи там, чтоб еще добываться приезжали» [Кательников 1886: 29–30]. Нужно отметить, что в тексте Е. Н. Кательникова Фолимон Киреевич упоминается неоднократно и предстает легендарно-мифическим персонажем: так, ему приписывается умение на расстоянии предсказывать, нападали ли «соседственные неприятели» на ушедших в степь казаков, и, если да, то кто победил, а потом его предсказания подтверждаются [Кательников 1886: 28].

Хронологической привязки историй про Фолимона Киреевича нет, но сообщается, что он умер до 1775 г. [Кательников 1886: 30]. Таким образом, все три подробно описанные славные истории о победах казаков над калмыками, которые приводит Е. Н. Кательников, были одержаны до его рождения, и, как нам представляется, если и считать их и основанными на неких реальных событиях, то, во всяком случае, за долгие годы бытования в устных рассказах они явно приобрели фольклорно-сказочный характер (об этом можно судить уже по одним магическим способностям Фолимона Киреевича). Почему же Е. Н. Кательников приводит подобные истории именно про калмыков, но не про других «соседственных неприятелей»?

Здесь нам представляется важным следующее. В тех случаях, где Е. Н. Кательников (куда менее подробно!) описывает поражения казаков, эти поражения почти всегда нанесены калмыками. Например, он описывает, как при атамане Даниле Ефремове калмыки ограбили казенные барки на Дону и ушли не наказанными, поскольку преследовавшие их казаки Верхне-Курмоярской станицы наткнулись на лагерь крымских татар, мирно путешествовавших в Астрахань, решили, что грабителями были те и перерезали «сих татар и с ними трех татарок» [Кательников 1886: 30]. Более того, Е. Н. Кательников только для калмыков приводит списки казаков старшего поколения, как взятых ими в плен, так и убитых, например: «Убили калмыки Осипа Григорьевича Беляевского в урочище Грачах, Пашку скололи в Малой Луке, в плен поймали Афанасия Ильича Землянухина, коего приваживали на яр против станицы и секали плетьюми, требуя чрез Дон из станицы хлеба, который им и вывозим был» [Кательников 1886: 31]. Последний такой случай был в 1772 г., когда в плен попал некий Лазарь Рамадин [Кательников 1886: 31]. Таким образом, в нарративе Е. Н. Кательникова именно постоянно жившие на Дону калмыки предстают как главный из «соседственных неприятелей» казаков, причем их образ конструируется по двум линиям: легендарные истории о неких древних победах, когда калмыки показали себя очень слабым врагом, и конкретные случаи убийств и разбоев калмыков, которым казаки противостоят не слишком успешно. Соответственно, легенды о славных победах над калмыками в далеком прошлом могли быть своеобразным способом компенсации исторической травмы, порожденной поражениями казаков Верхне-Курмоярской станицы от реальных калмыков (в этом отношении нам представляется наиболее травматичной описанная выше история Афанасия Землянухина).

Подведем итог отношению Е. Н. Кательникова к донским калмыкам. Его невозможно понять, не учитывая очень архаичной картины мира донского есаула, с четким делением на «своих» и «чужих». В центре его мира было донское казачество, трактуемое как часть «русского рода» на основе происхождения от русских. Все не относящиеся к русскому роду соседи донских казаков воспринимались как единая совокупность врагов, «соседственные неприятели», причем вопроса о причинах их враждебности не ставилось: вместо этого рассказывалось много частных историй об этой вражде, трактовавшейся как априорный факт. Калмыкам было посвящено больше историй, чем любой другой группе «соседственных неприятелей», причем они одновременно подавались как враг слабый (в фольклорных историях о давних победах) и сильный (упоминались

многочисленные убийства и захваты казаков калмыками). Хотя последние прямые столкновения с калмыками в тексте Е. Н. Кательникова датируются 1772 г., никакой инкорпорации донских калмыков в состав Войска Донского к началу XIX в. этот автор не заметил: для него внутри Войска Донского функция калмыков все еще сводилась к самым опасным врагам казаков.

3.2. В. Д. Сухоруков

Купивший у Е. Н. Кательникова его рукопись В. Д. Сухоруков был человеком совершенно иного круга. Он родился в конце XVIII в., в Отечественной войне 1812 г. лично поучаствовать не успел, зато получил хорошее образование, окончив недавно основанный Харьковский императорский университет [Коршиков, Королев 2001: 7]. В 1820 г. ему было поручено подготовить работу по истории Войска Донского, причем по ходу работ молодой офицер познакомился и сблизился и с Н. М. Карамзиным, и с декабристами [Коршиков, Королев 2001: 7–8]. В 1827 г. В. Д. Сухоруков попал в опалу, его рукописи были конфискованы, исправлялись властями и дошли до нас только в исправленном виде [Коршиков, Королев 2001: 12–14]. Получившееся в результате этих исправлений «Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–1832 годах» является первым полноценным статистическим описанием Донского Войска, включающим и этнографическую часть.

В. Д. Сухоруков разделял население Войска Донского на три «племена»: казаков, калмыков и крестьян [Сухоруков 1891: 91]. Определения термину «племя» он не давал, однако следующей после главы «Населенность» своего труда он поставил главу «Жилые места», в которой сразу заявил, что «на всем пространстве войсковых земель различаются, и по образу жизни, и по названиям, три рода жилищ: 1) казачьи, 2) чиновникам принадлежащих крестьян и 3) калмыцкие» [Сухоруков 1891: 129]. При этом разницу между домами казаков, крестьян и калмыков донской автор видел не столько этнографическую, сколько социально-экономическую: «Не говоря уже о больших строениях зажиточных казаков, даже двор самого беднейшего из них устроен лучше, нежели у богатого мужика» (далее шло разъяснение, что богатые казаки обычно имеют каменные дома, а бедные — деревянные с полами, в то время как богатые крестьяне имеют деревянные дома, а бедные — глиняные, и обычно без полов) [Сухоруков 1891: 132]. Таким образом, классификация по «племенам» в целом плохо подходила для этнографического описания Донского Войска, в котором, например, малороссийский элемент был характерен как для крестьян, так и для как минимум части казаков [Сухоруков 1891: 90, 107–108]. Зато она хорошо отражала социально-экономическую ситуацию, выстраивая четкую иерархию населения по социально-экономическому признаку, где высший уровень занимали казаки, затем шли крестьяне, а внизу оказывались калмыки. Показательно, что полноценная этнографическая часть, описание нравов, наружности, образа жизни и одежды давалась В. Д. Сухоруковым только для казаков, причем изолированно, без сравнения как с другими местными «племенами», так и с этническими группами за пределами Войска Донского [Сухоруков 1891: 90, 107–123]. При этом донской историк, в отличие от Е. Н. Кательникова, в своем нарративе упомянул, что донские калмыки «входят в состав войска Донского» и даже в число людей, «образующих сословие казаков» [Сухоруков 1891: 97]. Таким образом,

выстраивалась довольно сложная схема: в ее рамках в казачье сословие калмыки были инкорпорированы, но в «племя» казаков не входили.

Поясним, почему в рамках нарратива В. Д. Сухорукова калмыки оказались низшим из донских «племен». Он уже не удостаивал их статуса полноценного врага, но начинал описание калмыцких жилищ со сведений, наглядно показывающих неспособность калмыков инкорпорироваться в «племя» казаков. Как писал донской офицер, ранее калмыки кочевали свободно, но «воровством своим подавали казакам повод почти к непрерывным жалобам», вследствие чего им выделили особые земли для кочевий за пределами донских станиц [Сухоруков 1891: 183–184]. Переходя к описанию калмыцких жилищ (кибиток), В. Д. Сухоруков сразу давал им общую оценку, заявляя, что кибитки калмыков «столь же простые, как и весь образ их жизни» [Сухоруков 1891: 185]. Зато исследователь не преминул указать тут, что калмыцкие «князьки» бежали с Дона в 1804 г. и 1808 г., и теперь общее управление калмыками осуществляет «чиновник, назначаемый донским атаманом, который называется приставом над калмыками» [Сухоруков 1891: 185].

Помимо предельно краткого обвинения донских калмыков в воровстве и описания их кибиток, В. Д. Сухоруков в своем тексте сообщал про их особую религию, которую называл «исповеданием далай-ламским» [Сухоруков 1891: 106]. Но сколько-либо внятной характеристики эта религия не удостаивалась: исследователь только сообщал наименования буддийских священников (лама, бакша-гелюн, гелюн и гицуль) и упоминал, что богослужение проводится в хурах (описание которых сводилось к тому, что это группа кибиток для богослужения) [Сухоруков 1891: 106]. Вообще, большая часть предлагаемой В. Д. Сухоруковым информации о религии на Дону опять относилась к казачеству и состояла в куда более внятной и содержательном описании раскольничьих сект (например, о «скитниках» не только указывалось, что они изолируют себя от общества, но и подчеркивалось, что в своем уединении они «предаются необузданному разврату») [Сухоруков 1891: 107].

Итак, с точки зрения В. Д. Сухорукова, на территории Земли Войска Донского жило всего три «племени»: казаки, крестьяне и калмыки. «Племена» эти были не столько этнографическим, сколько социально-экономическим явлением: казаки жили богаче крестьян, а беднее всего жили калмыки, чьи жилища и образ жизни В. Д. Сухоруков высокомерно характеризовал как «простые». Подобная иерархия отражала превосходство казаков, которые единственные в нарративе В. Д. Сухорукова были удостоены полноценной этнографической характеристики. Вопросы же калмыцкой этнографии, например, о том, какое место занимают донские калмыки в калмыцком народе в целом, донским автором не поднимались. И в итоге единственной внятно прописанной чертой донских калмыков, кроме их простоты, становилась вороватость. Остается констатировать, что образ донских калмыков-воинов у Е. Н. Кательникова и донских калмыков — примитивных и вороватых кочевников у В. Д. Сухорукова не имеют почти ничего общего. Единственное, что их роднит — это негативные образы, не имеющие в себе почти ничего привлекательного, и донские калмыки не включаются этими авторами в состав полноценных донских казаков, несмотря на формальное включение в казачье сословие.

3. Выводы

Мы рассмотрели важнейшие тексты двух самых ранних признанных классиков донской казачьей традиции историко- и народоописания, в которых рассматривается тема донских калмыков. На первый взгляд между ними мало общего, и все же мы можем сделать ряд достаточно любопытных и значимых, на наш взгляд, выводов.

1. Е. Н. Кательников и В. Д. Сухоруков создали совершенно разные образы донских калмыков, причем эти образы тесно связаны с их представлениями о этнографическом пространстве Земли Войска Донского. У Е. Н. Кательникова данное пространство четко разделено на «своих» и «чужих», казакам противостоят «соседственные неприятели», и калмыки оказываются отнесены именно в эту категорию, как самый частый враг, одновременно опасный и высмеиваемый в станичных легендах. У В. Д. Сухорукова пространство иерархично, и в иерархии «племен» Дона калмыкам отводится последнее место, поскольку их жилища в глазах исследователя наиболее примитивны.

2. Есть только один фактор, объединяющий описания донских калмыков у разобранных нами авторов. И этот фактор — чуждость калмыков донским казакам, их однозначная презентация как другого, причем другого негативизируемого. У Е. Н. Кательникова калмыки одновременно слабы и опасны, а у В. Д. Сухорукова они вороваты и примитивны («просты»). И это, на наш взгляд, лучше всего отражает реальное отношение даже образованных казаков к калмыкам. Калмыки в начале XIX в., как можно судить по проанализированным нарративам, в среде простых казаков воспринимались в образе другого, что противоречило официальной политике, направленной на инкорпорирование калмыков в донское казачество, которую рассматривает в своей монографии К. Н. Максимов [Максимов 2016]. Процесс их включения в донское общество отражен в рассмотренных текстах, где они сперва рассматривались как враги, а потом как особые жители, проживавшие в иных жилищах и наделенных негативными чертами.

3. Поэтому казачьи нарративы о донских калмыках до 1870-х гг. очень важны как источник об отношении казаков к калмыкам, но бесполезны при этнографическом описании собственно калмыков. У Е. Н. Кательникова полезных сведений на этот счет нет вообще; у В. Д. Сухорукова, кроме статистических данных, можно найти только описание калмыцких кибиток.

Ксенофобские тексты казачьих авторов существенно влияли на социокультурную презентацию донских калмыков в имперском мировоззрении, создавая искаженную картину регионального взаимодействия. В контексте указанного обстоятельства современный исследователь избранной проблемы должен системно рассматривать синхронные нарративные традиции, формируя объективный образ этнического диалога.

Источники

- Кательников 1886 — Кательников Е. Н. Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожил и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография, 1886. 63 с.
- Сухоруков 1891 — Сухоруков В. Д. Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография, 1891. 302 с.

Sources

- Katelnikov E. N. Historical Information of the Don Army about the Verhne-Kurmoyarsk Village, Compiled from the Tales of old -timers and their own notes of December 31, 1818. Novocherkassk: Oblastnaya Voiska Donskogo Tipographiya, 1886. 63 p. (In Russ.)
- Sukhorukov V. D. Statistical Description of the Land of the Don Cossacks, Compiled in 1822–1832. Novocherkassk: Oblastnaya Voiska Donskogo Tipographiya, 1891. 302 p. (In Russ.)

Литература

- Болтунова, Лескинен 2022 — Болтунова Е. М., Лескинен М. В. «Говоря о другом, описывая другого, наблюдатель гораздо больше сообщает о себе, чем о нем». Интервью с Марией Войттовной Лескинен // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 197–212.
- Королев 1991 — Королев В. Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов н/Д: Ростовск. кн. изд-во, 1991. 461 с.
- Коршиков, Королев 2001 — Коршиков Н. С., Королев В. Н. Историк Дона В. Д. Сухоруков и его «Историческое описание Земли Войска Донского» // Сухоруков В. Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов н/Д: ГинГо, 2001. С. 7–18.
- Лескинен 2010 — Лескинен М. В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2010. 368 с.
- Максимов 2016 — Максимов К. Н. Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2016. 576 с.
- Мининков 2011 — Мининков Н. А. Донской историк есаул Евлампий Никифорович Кательников. Ростов н/Д: ЮФУ, 2011. 170 с.
- Мининков 2012 — Мининков Н. А. Библиотека Евлампия Кательникова // Донской вестник. 2012. Вып. 21. С. 221–223.

References

- Boltunova E. M., Leskinen M. V. “Speaking about another, Describing another, the Observer Reports Much More about himself than about him.” Interview with Maria Voyttovna Leskinen. *Slavic World in the Third Millennium*. 2022. Vol. 17. No. 1–2. Pp. 197–212. (In Russ.)
- Korolev V. N. Stary'e Veshki. The Story of the Cossacks. Rostov-on-Don: Rostov Book Publ., 1991. 461 p. (In Russ.)
- Korshikov N. S., Korolev V. N. Historian of the Don V. D. Sukhorukov and his “Historical Description of the Land of the Don Army”. In: Sukhorukov V. D. Historical Description of the Land of the Don Army. Rostov-on-Don: GinGo, 2001. Pp. 7–18. (In Russ.)
- Leskinen M. V. Poles and Finns in Russian Science of the second Half of the 19th Century: “the other” through the Prism of Identity. M.: Indrik, 2010. 368 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmyks as Part of the Don Cossacks (17th – mid-20th Century). Rostov-on-Don: South Scientific Center (RAS), 2016. 576 p. (In Russ.)
- Mininkov N. A. Library of Evlampy Katelnikov. *Donskoy Vremennik*. 2012. Is. 21. Pp. 221–223. (In Russ.)
- Mininkov N. A. The Don Historian, Esaul Evlampy Nikiforovich Katelnikov. Rostov-on-Don: South Federal University, 2011. 170 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002 https://mongoloved.kigiran.com/jour	МОНГОЛОВЕДЕНИЕ (Монгол судлал) (Mongolian Studies) ISSN 2500-1523 (Print) ISSN 2712-8059 (Online)
Vol. 16, Iss. 4, pp. 784–801, 2024 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-784-801	

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 353(47):5(091)
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-784-801

Отечественные и японские ретроспективные карты:
маньчжуро-монгольское приграничье в зоне событий
на р. Халхин-Гол 1939 г.

Павел Николаевич Дудин¹, Кирилл Юрьевич Базаров²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор исторических наук, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-9407-8436. E-mail: [dudin2pavel\[at\]gmail.com](mailto:dudin2pavel[at]gmail.com)

² Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения РАН (д. 7, ул. Радио, 690041 Владивосток, Российская Федерация)
научный сотрудник
 0000-0001-7308-7096. E-mail: [kbazarov\[at\]mail.ru](mailto:kbazarov[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024
© Дудин П. Н., Базаров К. Ю., 2024

Аннотация. *Введение.* Представленная статья раскрывает визуальную подоплеку причин военного конфликта на р. Халхин-Гол в 1939 г. в канун 85-летнего юбилея этих событий, а авторы акцентируют внимание читателя на важности своевременной демаркации и делимитации границ между участниками международных отношений и ставят своей *целью* проанализировать русскоязычные и японские ретроспективные карты 1900–1930-х гг., визуализирующие халха-маньчжурское приграничье в зоне р. Халхин-Гол и оз. Буйр-Нур, дав описание пограничной линии между Халхой и Баргой в зоне конфликта. *Материалы и методы.* Исследование основано на анализе двенадцати картографических источников, включая входящие в секретные донесения офицеров Заамурского округа схемы, карты известных исследователей и картографов имперской и советской эпохи, схемы из журнала «Вестник Маньчжурии» и японские карты 1930-х гг. Применен междисциплинарный подход, сочетающий методы исторической и географической наук, а именно историко-типологический, историко-системный, сравнительно-исторический и историко-генетический методы, ретроспективный подход, источниковедческий анализ, картографический подход с элементами геоинформационного анализа. *Результаты.* Выявлены различия в изображении халха-баргинской границы, оз. Буйр-Нур и р. Халхин-Гол на картах разных периодов и различного происхождения. Определены хошуны (княжества), затронутые военными действиями 1939 г. Установлено, что японские карты 1930-х гг. отличаются высоким картографическим качеством и степенью информационной нагрузки, но требуют дополнительного изучения с привлечением переводчика. *Выводы.* Анализ ретроспективных карт демонстрирует эволюцию представлений о халха-маньчжурском приграничье и

подчеркивает важность картографических источников в изучении исторических территориальных споров. Исследование вносит вклад в понимание предпосылок конфликта на р. Халхин-Гол и открывает перспективы для дальнейшего изучения картографических материалов данного периода.

Ключевые слова: бои на р. Халхин-Гол, граница, МНР, Маньчжоу-Го, Барга, военный конфликт, ретроспективные карты, ГИС

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.» (№ 22-68-00054, https://rscf.ru/prjcard_int?22-68-00054).

Для цитирования: Дудин П. Н., Базаров К. Ю. Отечественные и японские ретроспективные карты: маньчжуро-монгольское приграничье в зоне событий на р. Халхин-Гол 1939 г. // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 784–801. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-784-801

Domestic and Japanese Retrospective Maps: Manchurian-Mongolian Border Area in the Zone of Events on the Khalkhin Gol River in 1939

Pavel N. Dudin¹, Kirill Yu. Bazarov²

¹Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Dr. Sc. (Politics), Leading Research Associate

 000-0002-9407-8436. E-mail: [dudin2pavel\[at\]gmail.com](mailto:dudin2pavel[at]gmail.com)

²Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the RAS (7, Radio St., 690041 Vladivostok, Russian Federation)

Research Associate

 0000-0001-7308-7096. E-mail: [kbazarov\[at\]mail.ru](mailto:kbazarov[at]mail.ru)

© KalmSC RAS, 2024

© Dudin P. N., Bazarov K. Yu., 2024

Abstract. Introduction. The presented article reveals the visual background of the causes of the military conflict on the Khalkhin Gol river in 1939 on the eve of the 85th anniversary of these events, and the authors focus the reader's attention on the importance of timely demarcation and delimitation of the borders between participants in international relations and *aim* to analyze Russian-language and Japanese retrospective maps of the 1900s-1930s visualizing the Khalkha-Manchurian border area in the zone of the Khalkhin Gol river and Lake Buir-Nur, giving a description of the border line between Khalkha and Barga in the conflict zone. **Materials and methods.** The study is based on the analysis of twelve cartographic sources with diagrams included into the secret reports of the Trans-Amur district officers, the maps of famous researchers and cartographers of the imperial and Soviet periods, the diagrams from the journal "Bulletin of Manchuria" and the Japanese maps of the 1930s. An interdisciplinary approach has been applied, combining methods of historical and geographical sciences, namely historical-typological, historical-systemic, comparative-historical and historical-genetic methods, a retrospective approach, source analysis, cartographic method, as well as geoinformation analysis. **Results.** The differences in the depiction of the Khalkha-Barga border, the Lake Buir-Nur and the Khalkhin-Gol river on the maps of different periods and origin were revealed. The Khoshuns (principalities) affected by the military actions of 1939 have been identified. It has been established that the Japanese maps of the 1930s are of high cartographic quality and the degree of information load requires additional study with the involvement of an interpreter. The analysis of retrospective maps demonstrates the evolution of the

ideas about the Khalkha-Manchurian border area and emphasizes the importance of the cartographic sources in the study of historical territorial disputes. *Conclusions.* The study contributes to the understanding of the preconditions of the conflict on the Khalkhin Gol river and opens up prospects for further study of cartographic materials of this period.

Keywords: battles on the Khalkhin Gol river, border, Mongolian People's Republic, Manchukuo, Barga, military conflict, retrospective maps, GIS.

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 22-68-00054 “The Manchurian-Mongolian Border Area in the Zone of Events on the Khalkhin Gol River in 1939 on Domestic and Japanese Retrospective Maps”. Available at: <https://rscf.ru/project/22-68-00054>.

For citation: Dudin P. N., Bazarov K. Yu. Domestic and Japanese Retrospective Maps: Manchurian-Mongolian Border Area in the Zone of Events on the Khalkhin Gol River in 1939. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(4): 784–801. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-784-801

1. Введение

В годовщину событий на р. Халхин-Гол летом 1939 г. необходимо еще раз обратить внимание на важность своевременной демаркации и делимитации границ между вновь возникающими на международной арене политиями, вне зависимости от того, становятся ли они сразу государствами и получают международную правосубъектность или приобретают этот статус спустя какое-то время.

Как пишет С. Л. Кузьмин, «...непосредственным предлогом для войны были разногласия в трактовке границы: японская и маньчжурская стороны считали, что граница государства Маньчжурия проходит по р. Халхин-гол, советская и монгольская — что более чем на 20 км восточнее» [Кузьмин 2020: 191]. В подобном восприятии причин военного столкновения, угрожавшего перерасти в крупномасштабную войну, сходится большинство современных историков. Однако нам в рамках междисциплинарного подхода представляется полезным взглянуть на ретроспективные карты той эпохи и предшествующего ей периода, чтобы понять, а как данные источники визуализировали объект нашего исследования — маньчжуро-монгольское приграничье в зоне событий на р. Халхин-Гол.

Поскольку ключевым аргументом японской стороны было нарушение со стороны Внешней Монголии / Халхи / МНР границы Маньчжоу-Го, а именно в той ее части, которая пролегла по югу Барги, представлявшей собой на тот момент Северное губернаторство провинции Хинган (Синъань), то мы обратимся лишь к тем картам, которые воспроизводят с той или иной степенью точности административно-территориальное деление Маньчжурии в разные периоды развития ее государственности.

Таким образом, цель нашего исследования — провести комплексный анализ русскоязычных и японских ретроспективных карт 1900–1930 гг., которые визуализировали халха-маньчжурское приграничье в зоне р. Халхин-Гол, и выявить особенности картографического отображения пограничной линии между Халхой и Баргой в зоне конфликта 1939 г.

2. Материалы и методы

Материалами к настоящей работе послужили двенадцать картографических источников, в значительной мере разнящихся по времени издания, размерам отображаемой территории, системе координат, содержанию и масштабу. Их выбор обусловлен тем, что в них находила свое отражение халха-баргинская граница в интересующей нас зоне военного противостояния на р. Халхин-Гол в 1939 г.

Для проведения корректного сравнения необходимо было привести их к «единому знаменателю» — провести процедуру пространственной привязки. Пространственная привязка — это присвоение известных координат серии опорных точек в наборе растровых данных (в нашем случае — это электронные скан-копии карт), в качестве опорных точек могут выступать узлы координатной сетки (при наличии), пересечения дорожной или гидрографической сети, местоположения населенных пунктов и т. д. Опорные точки используются вместе с преобразованием, чтобы сдвинуть набор растровых данных и изменить его геометрию в соответствии с географически верным местоположением. В результате были получены двенадцать растровых слоев в геоинформационном формате, что позволило как соотнести их между собой, так и сравнить с современными данными. ГИС-варианты карт можно увидеть на рис. 1–5.

При проведении исследования мы применяли историко-типологический метод, позволивший классифицировать карты по хронологии и типам, что дало нам возможность составить представление у исследователей о подходах в картографировании; историко-системный метод, позволивший воспринимать и рассматривать приведенные нами карты как часть целостной системы картографических представлений об исследуемом пространстве и местности; сравнительно-исторический метод, позволивший сопоставить карты, отображающие интересующий нас участок границы, различных периодов и государств происхождения; историко-генетический метод, позволивший проследить динамику изменений представлений о халха-баргинской границе в точке военного конфликта 1939 г. и их причины.

Кроме того, мы опирались на ретроспективный подход, использовавшийся при анализе карт от более ранних к более поздним, а также провели источниковедческий анализ, позволивший оценить степень достоверности данных каждой из карт и содержащихся в легендах к ним информации, а также в основу нашего исследования был положен междисциплинарный принцип работы, в связи с чем при написании статьи были использованы метод пространственной привязки — с целью приведения разнородных картографических материалов к единой системе координат, картографический метод — при анализе пространственных данных, представленных на картах, и картографический анализ — при изучении содержания карт и их атрибутов, а также геоинформационный анализ, позволивший оценить расхождения в отображении границ и других элементов на исследованных нами картах.

3. Характеристика картографических источников о событиях на р. Халхин-Гол в 1939 г.

Научная историография богата материалом о событиях на р. Халхин-Гол в 1939 г., однако мы приведем только те немногочисленные работы, помимо упомянутой выше статьи С. Л. Кузьмина, которые в той или иной степени касались причин конфликта и, таким образом, коррелировали с нашим исследованием. В их числе, прежде всего, труды известных востоковедов В. В. Грайворонского [Грайворонский, Ганин 2009], В. Г. Дацышена [Дацышен 2019], Л. В. Кураса [Курас 2014], Ю. В. Кузьмина [Кузьмин 2019], В. В. Дятлова [Дятлов 2012] и др. [Коротаев 2010; Катин и др. 2017].

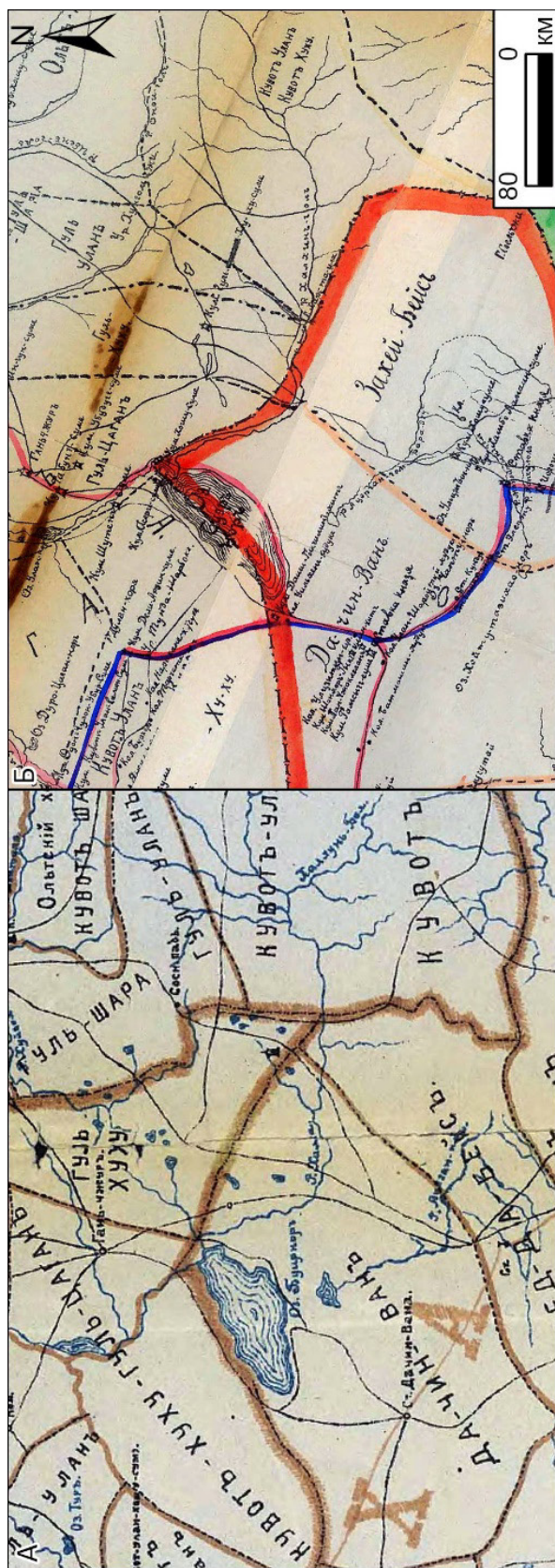

Рис. 1. А — фрагмент карты А. М. Баранова 1906 года издания; *Б* — фрагмент карты А. М. Баранова 1907 года издания [Fig. 1. *А* — a fragment of the map of A.M. Baranov published in 1906; *Б* — a fragment of the map of A.M. Baranov published in 1907]

Что касается характеристики источников, то их можно разделить на 5 групп. Первую группу составили карты из серии секретных донесений, подготовленных в 1906–1909 гг. в более чем трех десятках выпусков сборников различного объема с грифом секретности офицерами Заамурского округа Отдельного корпуса Пограничной стражи Главного Штаба под названием «Материалы по Маньчжурии и Монголии» / «Материалы по Маньчжурии, Монголии и Китаю» / «Материалы по Маньчжурии, Монголии, Китаю и Японии». Во-первых, это «Схема хошунов Монголии, обследованных Заамурским округом», размещенная на последней странице выпуска 4 [[Монголия 1906: 15](#)] (рис. 1а), на которой оз. Буйр-Нур отнесено к территории Халхи, а р. Халхин-Гол (р. Халха на карте) прорисована значительно южнее халха-баргинской границы, обозначенной пунктирной линией с точкой на коричневой линии. Во-вторых, это «Схема Маньчжурии и Монголии. Издание Главного Штаба исправлено и дополнено экспедициями Заамурского округа Отдельного корпуса Пограничной стражи ротмистра А. Баранова и поручика Преображенского», размещенная на развороте второго приложения выпуска 16 [[Северо-Восточные... 1907: 151](#)] (рис. 1б). Озеро Буйр-Нур на этой карте разделено прямой линией по центру, а р. Халхин-Гол имеет используемое нами привычное название и проходит южнее халха-баргинской границы, обозначенной пунктирной линией с точкой на красной линии.

Уникальность этих карт заключается в том, что они — первые среди подобных источников, которые содержали относительно достоверные сведения о большинстве сеймов и хошунов как восточной части Халхи, так и о восточной части Внутренней Монголии и почти всей Барги. Названия баргинских хошунов Гуль-Хуху и Гуль-цаган (на картах А. М. Баранова 1906 и 1907 гг.), на которых разворачивались военные действия, в целом совпадают по звучанию с названиями, использованными на картах И. Я. Коростовца и В. И. Сурина (о них — ниже), однако названия халхасских хошунов разнятся. Так, хошун Унен-Сучжикту-Ильден-вана / Халха-голен № 92 на карте В. И. Сурина на картах А. М. Баранова 1906 и 1907 гг. указан как Да-Чин-ван, а хошун Эрхимсэк-бейсе / Хан-чандамани-ула'ин № 93 — как Дед-Да-бейс на карте А. М. Баранова 1906 г. и Захей-бейс — на карте А. М. Баранова 1907 г.

Вторую группу источников составляют русскоязычные карты известных исследователей региона и картографов имперской и постимперской (советской) эпохи. Во-первых, это карта И. Я. Коростовца [[Карта Монголии 1914](#)] (рис. 2а), на которой река Халхин-Гол не обозначена, но интересующий нас участок границы менее ровный, очевидно, пытающийся повторить рельеф местности. Во-вторых, это две карты В. И. Сурина — Монголии и Маньчжурии 1925 г. [[Карта Маньчжурии 1925](#); [Карта Монголии 1925](#)] — выполненные в «едином ключе» и имеющие большую зону взаимопересечения между 111-м и 127-м меридианами, где и располагается исследуемая территория, что позволяет рассматривать их в контексте данной работы как один источник. Для удобства мы подсветим (ниже по тексту) интересующий нас участок границы на карте Маньчжурии В. И. Сурина 1925 г. (масштаб 1:1 680 000, рис. 2б). На них оз. Буйр-Нур разделено пунктирной линией с точкой по центру, р. Халхин-Гол отнесена к территории Внешней Монголии, граница проходит по реке. Отметим, что карта И. Я. Коростовца и коллекция карт В. И. Сурина уже описывались нами в ряде предыдущих работ [[Дудин, Базаров 2022](#); [Дудин 2023](#); [Дудин и др. 2023](#)],

Рис. 2. А — фрагмент карты И. Я. Коростовца 1914 года издания; В — фрагмент «Карты путей сообщения Маньчжурии» 1933 года издания
 [Fig.2 . A — a fragment of the map by I. Ya. Korostovets published in 1914; B — a fragment of the “Map of Manchuria’s communication routes” published in 1933]

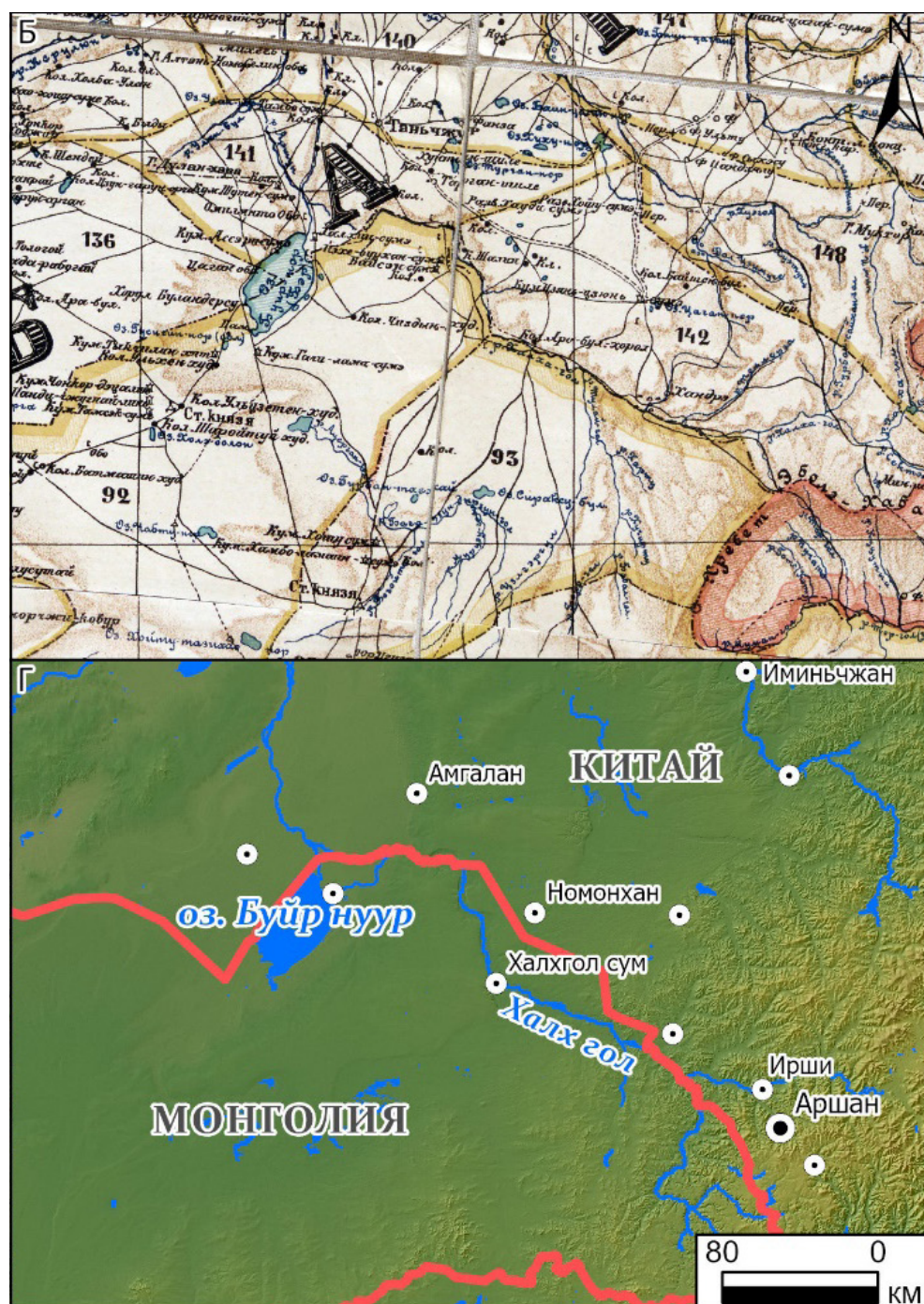

Рис. 2. Б — фрагмент карты В. И. Сурина 1925 года издания;

Г — современная ситуация

[Fig. 2. Б — a fragment of the map by V. I. Surin published in 1925;

Г — the current situation]

а в рамках данной работы использованы, поскольку наиболее наглядно среди прочих выбранных источников демонстрируют сеймово-хошунное деление этой части монгольских земель и в ракурсе этого деления дают представление о халха-баргинской границе. В-третьих, это «Карта Путей Сообщения Маньчжурии» 1933 г. [[Карта Путей... 1933](#)] (рис. 2в), изданная Экономическим Бюро Китайско-Восточной железной дороги, на которой отчетливо видны как сама провинция Хинган и четыре ее губернаторства, так и халха-баргинская граница, обозначенная пунктирной линией с точкой. Оз. Буйр-Нур разделено по центру, р. Халхин-Гол обозначена как пограничная, в местах боевых действий граница не прочерчена. На рис. 2г отображена современная ситуация в рассматриваемом районе; красным обозначена государственная граница Монголии и КНР.

К третьей группе источников следует отнести черно-белые схемы, размещенные в журнале «Вестник Маньчжурии». Во-первых, это размещенная между страницами 56 и 57 статьи В. А. Кормазова [[Кормазов 1928б](#)] схема распределения населения Барги (рис. 3а), на которой оз. Буйр-Нур разделено посередине границей, обозначенной пунктирной линией с точкой, а р. Халхин-Гол имеет приграничный статус, при этом граница в местах проведения боев 1939 г. и юго-восточнее не прорисована. Во-вторых, это размещенная между страницами 39 и 40 статьи В. А. Кормазова [[Кормазов 1934](#)] карта «Хинганская провинция (Син-Ань)» (рис. 3б), на которой оз. Буйр-Нур и р. Халхин-Гол обозначены, как в предыдущем источнике. Учитывая схематичный характер данных карт, призванных в более общих чертах показать описываемое в статьях соответствующих выпусков маньчжуро-монгольское пространство, опираться на них как на верифицированный источник нельзя. Добавим лишь, что В. А. Кормазов, известный исследователь Барги, в одной из своих работ дает названия баргинских хошунов, и интересующее нас пространство также без труда поддается идентификации: хошун № 142 на карте В. И. Сурина обозначен как Гули-хухэ / Гул-хуху знамени чисто-синего, а хошун № 141 — как Гули / Гул-цаган знамени чисто-белого [[Кормазов 1928а](#)].

Четвертая группа источников — японские карты 1930-х гг., хранящиеся в отделе картографических изданий Российской государственной библиотеки. Во-первых, это «[[Современная карта Маньчжурии](#).] — 1:2 000 000, 20 км в 1 см. — Токио, 1933. — 1 л.: цв.» со следующим описанием: «Отмечены месторождения полезных ископаемых. Общегеографическая карта». Шифр хранения: KGR Ки 49/IX-28 (рис. 4а). Название на китайском языке: «Новая карта Великого государства Маньчжурия». Территория Северной области (губернаторствами области станут в 1934 г. после провозглашения Маньчжурии империей) (Барги) окрашена в темно-розовый цвет, территория МНР — в серый, граница между ними обозначена пунктирной линией с точкой. Оз. Буйр-Нур не разделено, расположение р. Халхин-Гол — на территории Барги, граница повторяет русло реки, не накладываясь на него, а проходя южнее. Во-вторых, это «Map of fourteen provinces of Manchoukuo. — [Б. м.]: Christmas, 1934. — 1 л.: цв. Прил. к «Manchuria Daily News», 1934» со следующим описанием: «Административная карта». Шифр хранения: KGR Ки 43/VIII-37 (рис. 4б). Под английским названием на китайском языке размещена надпись: «Карта административных единиц новой Маньчжурской империи». В правом верхнем углу располагается флаг Маньчжоу-Го. Каждая из провинций окрашена своим цветом. Провинция

Рис. 3. А — фрагмент «Схемы распределения населения Барги» 1928 года издания;

Б — фрагмент карты «Хинганская провинция (Син-Ань)» 1934 года издания

[Fig. 3. A — a fragment of the “Barga Population Distribution Scheme” published in 1928;

Б — a fragment of the map “Xinggan province (Xing An)” published in 1934]

Рис. 4. А - фрагмент «Современной карты Маньчжурии» 1933 года издания;
 В — фрагмент карты «Маньчжурия» 1934 года издания
 [Fig. 4. A — a fragment of the “Modern Map of Manchuria” published in 1933; B — a
 fragment of the map “Manchuria” published in 1934]

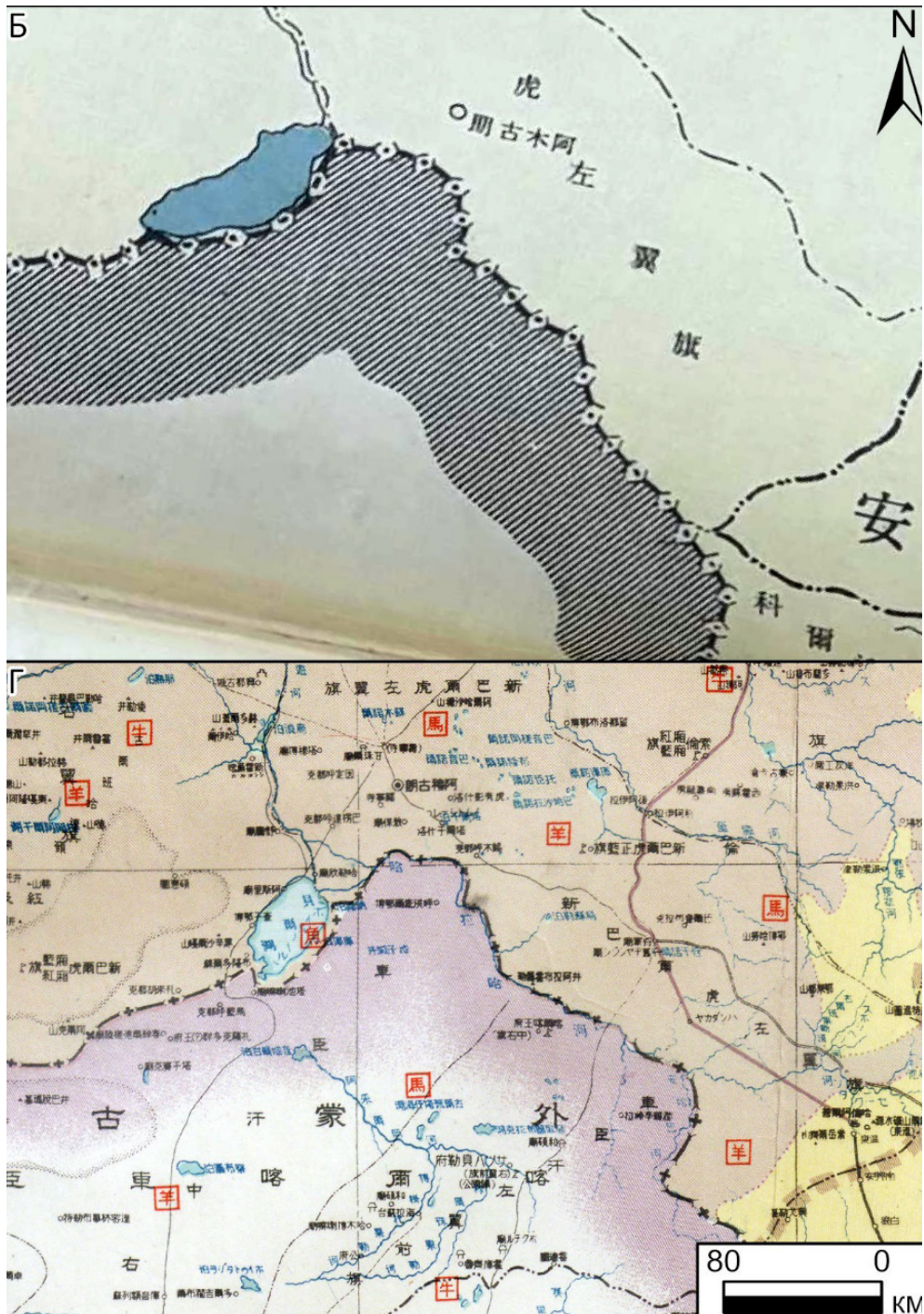

Рис. 4. Б — фрагмент «Map of fourteen provinces of Manchoukuo» 1934 года издания;
Г — фрагмент «Экономической карты Маньчжурии» 1938 года издания
[Fig. 4. Б — a fragment of the “Map of fourteen provinces of Manchoukuo” published in
1934; Г — a fragment of the “Economic Map of Manchuria” published in 1938]

Хинган окрашена в желтый, внутри разделена пунктиром на 4 губернаторства. Северное губернаторство (Барга) имеет отграничение от МНР пунктиром с полосой и точкой, по контуру границы проложена жирная штрихованная линия. Оз. Буйр-Нур отнесено к Барге, р. Халхин-Гол не прорисована. В-третьих, это «[Маньчжурия]. — Токио, 1934. — 1 л.: цв.; 108 × 78 см» со следующим описанием «Политико-административная карта». Шифр хранения: KGR Ки 31/VII-132 (рис. 4в). Название на китайском языке «Экономическая карта Маньчжурии». Территория Северного губернаторства (Барги) окрашена преимущественно в оранжевый цвет, территория МНР — в лиловый, граница между ними обозначена пунктирной линией с крестом. Оз. Буйр-Нур разделено посередине, расположение р. Халхин-Гол — на территории МНР, граница повторяет русло реки, не накладываясь на него, а проходя севернее. В-четвертых, это «Экономическая карта Маньчжурии. — 1:2 000 000, 20 км в 1 см. — Токио: Мансю дзидзё аннайсе, 1938. — 1 л.: цв.» со следующим описанием: «Стат. сведения — о площади, населении глав. городов и провинций, добычи полезн. ископаемых, торговли, импорте и экспорте; список обществ и компаний. Доп. карты: Температура и осадки; Связь и денежное обращение. Экономическая карта. Шифр хранения: KGR Ки 14/VIII-3 (рис. 4г). Название на китайском языке «Экономическая карта Маньчжурии». Территория Северного губернаторства (Барги) окрашена преимущественно в кремовый цвет, территория МНР — в лиловый, граница между ними обозначена пунктирной линией с крестом. Оз. Буйр-Нур отнесено к Барге со значительным смещением границы на юг, расположение р. Халхин-Гол — пограничное, граница повторяет русло реки, фактически накладываясь на него.

В-пятых, это «Географическая карта Маньчжурии. — 1:1 000 000, 10 км в 1 см. — [Б. м.], 1939. — 1 л.: цв.» со следующим описанием: «Рельеф — горизонталями с послойной окраской. Даны отд. отметки высот. шкала высот — 6 ступеней, глубин — 4 ступени. Выделены столицы государств, центры адм. единиц, города и деревни. Показ.: почт. и телегр. агентства, таможни, рудники, яп. консульства, часовни, пагоды, кумирни, буддийские храмы, молельни и проч. объекты. Границы — гос. с СССР, провинций, авт. обл., Великая Китайская стена, укрепления. Пути сообщения: жел. дор. действующие и строящиеся, шоссейные дороги, средние и мелкие дороги, мор. рейды, жел.-дор. и деревянные мосты, пристани, подводные кабели, маяки. Общегеографическая карта». Шифр хранения: KGR Ки 56/IX-16, KGR Ки 56/IX-17 (рис. 5). Территория Северного губернаторства (Барги) окрашена преимущественно в серый цвет, территория МНР — в лиловый, граница между ними обозначена пунктирной линией с крестом. Оз. Буйр-Нур не разделено, граница к западу и востоку от него не прорисована, расположение р. Халхин-Гол — пограничное, граница в основном повторяет русло реки, фактически накладываясь на него и придавая реке пограничный статус, однако в местах ведения боев в 1939 г. не прорисована.

4. Описание пространства, отраженного на картографических источниках о событиях на р. Халхин-Гол в 1939 г.

Военные столкновения летом 1939 г. протекали на территории баргинского хошуна Гули-хуху (нового названия) или Гуль-хуху (старого названия) (№ 142 на карте В. И. Сурина 1925 г.) [[Карта Маньчжурии 1925](#)], при этом на карте И. Я. Коростовца данный хошун как административная единица отсутствует, а

Рис. 5. Фрагмент «Географической карты Маньчжурии» 1939 года издания
[Fig. 5. A fragment of the “Geographical Map of Manchuria” published in 1939]

на его территории расположены два хошуна с названиями «Гуль-Уланъ» и «Ку-вотъ-хуху». Отчасти военные действия коснулись восточной части баргинского хошуна Гули-цаган (нового названия) или Гуль-цаган (старого названия) (№ 141 на карте В. И. Сурина 1925 г.) / Гуль Цаган (на карте И. Я. Коростовца 1914 г.). Данные хошуны относились к Ново-баргутскому роду восточного крыла (*Шинэ баргуц зэгун гар*), к моменту исследуемых событий входили в состав Северного губернаторства провинции Ханган (Синъань) в Маньчжоу-Ди-Го и примыкали к Восточному аймаку / аймаку Дорнод (образован в 1931 г., в 1941–1963 гг. — Чойбалсановский аймак) Монгольской Народной Республики. На его территории существовали упраздненные к моменту описываемых событий упоминаемые выше хошуны Внешней Монголии / Халхи: Унен-Сучжикту-Ильден-вана / Халха-голен (№ 92 на карте В. И. Сурина 1925 г.) / Ван Чжамъян Чойжил Сурун (на карте И. Я. Коростовца 1914 г.) и Эрхимсэк-бейсе / Хан-чандамани-ула'ин (№ 93 на карте В. И. Сурина 1925 г.) / Бейлэ Цырен Нима (на карте И. Я. Коростовца 1914 г.).

Рассмотренные в статье источники представлены в широком диапазоне масштабов — от 1:1 000 000 («Географическая карта Маньчжурии» (яп.)) до 1:5 000 000 («Хинганская провинция (Син-Ань)»). Все они демонстрируют административное устройство для различных отрезков времени и различных по размеру территорий. Большинство из них (источников) предоставляют, с той или иной степенью детальности, и дополнительную информацию — расположение дорожной (в том числе железнодорожной) и гидрографической сети, водных объектов, населенных пунктов, национальный состав. Рельеф представлен в редких случаях (карты В. И. Сурина (1925); «Карта путей сообщения Маньчжурии» (1933); «Современная карта Маньчжурии» (1933) (яп.); «Географическая карта Маньчжурии» (1939) (яп.)) в виде отмывки, данных о высотных отметках нет.

Важным моментом нам видится форма озера Буйр-Нур на разных картах — все рассмотренные источники сходятся в «диагональной» ориентации озера с юго-запада на северо-восток, но лишь часть отображают форму, сопоставимую с современными данными (карты В. И. Сурина (1925); «Схема распределения населения Барги» (1928); «Карта путей сообщения Маньчжурии» (1933) и японские карты 1934, 1938 и 1939 гг.), что, скорее всего, вызвано либо слабой изученностью, либо позицией составителей.

Отдельно стоит отметить четвертую группу источников — японские карты 1930-х гг. — в плане крайне высокого картографического и полиграфического качества. Содержание карт и зарамочное оформление на японском и китайском языках представляют значительную сложность при работе с ними, но объем представленной на них информации заставляет задуматься об отдельном исследовании с привлечением переводчика.

5. Выводы

Анализ приведенных в нашем исследовании карт показывает значительную вариативность в отображении халха-баргинской границы в зоне р. Халхин-Гол, что подтверждает сложность и неоднозначность территориального разграничения в данном регионе накануне военного конфликта 1939 г. Исследованные источники также демонстрируют эволюцию в точности и детализации карто-

графического материала от начала XX в. к концу 1930-х гг., в связи с чем более поздние карты имеют более точные и достоверные данные. Это, в свою очередь, говорит о важности картографических источников в изучении не только пространства маньчжуро-монгольского мира, но в целом малоизученных районов восточной части Евразийского континента, которые издавна являются объектами стратегических интересов нашей страны. Более того, при верном прочтении и толковании ретроспективные карты способны наглядно продемонстрировать особенности межгосударственных отношений и территориальных противоречий, как это и произошло с имеющимся в распоряжении авторов материалом.

При этом выявленные различия в картографическом отображении халха-баргинской границы диктуют исследователям значимость критического подхода к историческим картам как источникам информации, которые, безусловно, так же, как и другие наглядные материалы, выступали в качестве не только носителей и передатчиков информации, но и инструмента пропаганды.

В целом же можно утверждать, что, во-первых, в востоковедных исследованиях имеется потребность дальнейшего углубленного изучения японских и китайских картографических источников, отражающих ситуацию в Маньчжурии и Монголии в первой половине XX в.; во-вторых, подобную работу возможно осуществлять только с привлечением как специалистов-географов, так и специалистов-лингвистов, что открывает новые возможности для междисциплинарного взаимодействия. И, наконец, результаты подобных исследований важны не только для академической общественности, — они могут быть использованы для лучшего понимания предпосылок и причин пограничных конфликтов, а также для разработки более эффективных подходов к разрешению территориальных споров в современном мире.

Литература

- Грайворонский, Ганин 2009 — *Грайворонский В. В., Ганин Н. И.* И летели наземь самураи... // *Азия и Африка сегодня*. 2009. № 8 (625). С. 67–71.
- Дацышен 2019 — *Дацышен В. Г.* Монголо-маньчжурское противостояние на границе накануне войны на Халхин-Голе // *Народы России, Сибири и стран Востока: история и современность*. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию войны на Халхин-Голе (1939–2019 гг.). Иркутск: Оттиск, 2019. С. 8–17.
- Дудин 2023 — *Дудин П. Н.* Институты публичной власти у маньчжуро-монгольских народов Восточной Азии в первой половине XX в. (часть 2: постимперский политический порядок) // *Политэкс: Политическая экспертиза (альманах)*. 2023. Т. 19. № 3. С. 475–489.
- Дудин, Базаров 2022 — *Дудин П. Н., Базаров К. Ю.* Маньчжуро-монгольский мир на страницах изданий, хранящихся в фондах академических учреждений г. Владивостока // *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. 2022. № 4(48). С. 87–92.
- Дудин и др. 2023 — *Дудин П. Н., Бешенцев А. Н., Базаров К. Ю.* Традиционные институты публичной власти на монгольских землях имперского и республиканского Китая на сломе эпох (первая четверть XX в.): пространная локализация и визуализация // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 293–312. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-293-312
- Дятлов 2012 — *Дятлов В. В.* К вопросу о предыстории вооруженного конфликта на реке Халхин-Гол // *Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук*. 2012. № 4 (74). С. 114–118.
- Карта Маньчжурии 1925 — Карта Маньчжурии. Издана Коммерческой частью и Экономическим Бюро К.В.Ж.Д. под общим руков. В. И. Сурина; сост. по новейшим материалам М. П. Андриевский, Н. Ю. Станкович и Л. А. Блашкевич. [Б. м.]: Типо-лито-цинкогр. Л. М. Абрамович, 1925. 1 л. скл. из 4 л.

- Карта Монголии 1914 — Карта Монголии. Издание Картографического заведения А. Ильина в С.-Петербурге; сост. по данным бывшего уполномоченного в Монголии И. Я. Коростовца, при участии В. Л. Котвича, 1914. 1 л.
- Карта Монголии 1925 — Карта Монголии / изд. коммерческой частью и экономическим бюро КВЖД под общ. рук-вом В. И. Сурина; сост. по новейшим материалам М. П. Андриевский, Н. Ю. Станкович и Л. А. Блашкевич. [Б. м].: Типо-лито-цинкогр. Л. М. Абрамович, 1925. 1 л. скл. из 4 л.
- Карта Путей ... 1933 — Карта Путей Сообщения Маньчжурии. Масштаб 1:1 500 000. Издание Экономического Бюро К.В.Ж.Д. 1933 г. Типо-литография Кит. Вост. Жел. Дор. [электронный ресурс] // URL: https://retromap.ru/show_pid.php?pid=g6582 (дата обращения: 10.07.2024).
- Катин и др. 2017 — Катин И. В., Голев М. А., Машина Е. В., Хоршиева Е. С. Причины и предпосылки советско-японского вооруженного конфликта на реке Халхин-Гол в 1939 году // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки. Электрон. сб. ст. по мат-лам LX студенч. Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск: БГПУ, 2017. С. 30–32.
- Кормазов 1928a — Кормазов В. А. Барга: Экономический очерк. Харбин: Тип. Китайской Восточной железной дороги, 1928. VII, [5], 281 с., [33] л. ил., 1 развернутый л. карт.: табл., ил., карт. С. 62.
- Кормазов 1928b — Кормазов В. А. Кочевая Барга // Вестник Маньчжурии. 1928. № 8. С. 50–59.
- Кормазов 1934 — Кормазов В. А. Хинганская провинция // Вестник Маньчжурии. 1934. № 1. С. 31–74.
- Коротаев 2010 — Коротаев В. И. Особенности и причины возникновения вооруженного конфликта на реке Халхин-Гол. 1939 г. // Вестник архивиста. 2010. № 4. С. 150–160.
- Кузьмин 2019 — Кузьмин Ю. В. Новая трактовка истории войны на Халхин-Голе в 1939 г. или субъективный взгляд исследователя? // Историко-экономические исследования. 2019. Т. 20. № 1. С. 109–123.
- Кузьмин 2020 — Кузьмин С. Л. Халхин-гол как линия конфликтов в начале XX века // Монгол тоно баримт судалгаа Mongoru to Tōhoku Ajia kenkyū (= Mongolian and Northeast Asian Studies). 2020. Vol. 5. Pp. 191–204.
- Курас 2014 — Курас Л. В. Японская военная миссия в Маньчжоу-Го: подготовка к агрессии (к 75-летию событий на Халхин-Голе) // Власть. 2014. № 9. С. 143–147.
- Монголия 2006 — Монголия. Краткие сведения о политическом состоянии Монголии / добыты экспедицией Заамурского округа под начальством ротмистра Баранова. Харбин: Типо-Литогр. Штаба Заамурского округа Отдельного корпуса Пограничной стражи, 1906. 13 с., [1] л. карты.
- Северо-Восточные... 1907 — Северо-Восточные сеймы Монголии / сост. Заамурского округа ротмистр Баранов А. Харбин: Типо-Литогр. Штаба Заамурского округа Отдельного корпуса Пограничной стражи, [1907]. V, 138, [1] с., [8] л. карт., сх.

References

- Datsyshen V. G. The Mongol-Manchurian Confrontation on the Border on the Eve of the War on Khalkhin Gol. In: Peoples of Russia, Siberia and the Countries of the East: History and Modernity. Proceedings of the International Scientific Conference, dedicated to the 80th Anniversary of the War on Khalkhin Gol (1939–2019). Irkutsk: Ottisk, 2019. Pp. 8–17. (In Russ.)
- Dudin P. N. Institutions of Public Power among the Manchzhurian-Mongolian Peoples of East Asia in the first Half of the 20th Century. Part 2: post-imperial political order. *Political Expertise: POLITEX*. 2023. Vol. 19. No. 3. Pp. 475–489. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-293-312 (In Russ.)
- Dudin P. N., Bazarov K. Yu. The Manchurian-Mongolian World on the Pages of Publications Stored in the Funds of Academic Institutions in Vladivostok. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS*. 2022. No. 4(48). Pp. 87–92. (In Russ.)
- Dudin P.N., Beshentsev A.N., Bazarov K.Yu. Traditional Institutions of Public Authority in Mongol-Inhabited Lands of Imperial and Republican China, 1900s–1920s: Spatial Lo-

- calization and Visualization. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 2. Pp. 293–312. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-293-312 (In Russ.)
- Dyatlov V. V. On the Question of the Prehistory of the Armed Conflict on the Khalkhin-Gol River. *Izvestiya RARAN*. 2012/ No.4(74). Pp. 114–118. (In Russ.)
- Grayvoronsky V. V., Ganin N. I. And the Samurai Flew to the Ground ... *Asia and Africa Today*. 2009. No. 8 (625). Pp. 67–71. (In Russ.)
- Katin I. V., Golev M. A., Mashinina E. V., Khorsheva E. S. The Causes and Prerequisites of the Soviet-Japanese Armed Conflict on the Khalkhin-Gol River in 1939. In: Scientific Community of Students of the 21st Century. Social Sciences. Proceedings of the International Student's Scientific and Practical Conference. Blagoveshchensk: BSPU, 2017. Pp. 30–32. (In Russ.)
- Kormazov V. A. Barga: An Economic Essay. Vol. 7. No. 5. Harbin: Chinese Eastern Railway, 1928. 281 p. (In Russ.)
- Kormazov V. A. Khingan Province. *Bulletin of Manchuria*. 1934. No. 1. Pp. 31–74. (In Russ.)
- Kormazov V. A. Nomadic Barga. *Bulletin of Manchuria*. 1928. No. 8 Pp. 50–59. (In Russ.)
- Korotaev V. I. Features and Causes of the Armed Conflict on the Khalkhin-Gol River. 1939. *Herald of an Archivist*. 2010. No. 4. Pp. 150–160. (In Russ.)
- Kuras L. V. The Japanese Military Mission in Manchukuo: Preparation for Aggression (to the 75th Anniversary of the Events on Khalkhin Gol). *Vlast'*. 2014. No. 9. Pp. 143–147. (In Russ.)
- Kuzmin S. L. Khalkhin-Gol River as the Line of Conflicts in the Early 20th Century. *Mongolian and Northeast Asian Studies*. 2020. Vol. 5. Pp. 191–204. (In Russ.)
- Kuzmin Yu. V. A New Interpretation of the History of the War on Khalkhin Gol in 1939 or a Subjective View of the Researcher? *Historical and Economic Research*. 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 109–123. (In Russ.)
- Map of Manchuria. Published by the Commercial Part and the Economic Bureau of the China Eastern Railway under the General Direction of V. Surin (ed.); M. Andrievsky, N. Stankovich and L. Blashkevich (comps.). Typo-lito-zinc. L. M. Abramovich, 1925. 4 p. (In Russ.)
- Map of Mongolia. Published by the Commercial Part and the Economic Bureau of the China Eastern Railway under the General Direction of V. Surin (ed.); M. Andrievsky, N. Stankovich and L. Blashkevich (comps.). L. Abramovich (typo-lito-zinc.), 1925. 4 p. (In Russ.)
- Map of Mongolia. Publication of the Cartographic Institution of A. Ilyin in St. Petersburg; I. Korostovets, V. Kotvich (data), 1914. 1 p. (In Russ.)
- Map of the Ways of Communication of Manchuria. Scale 1:1 500 000. Edition of the Economic Bureau of the China Eastern Railway. 1933. Available at: https://retromap.ru/show_pid.php?pid=g6582 (accessed: 10 July 2024).
- Mongolia. Brief Information about the Political State of Mongolia. Proceedings of the Expedition of the Zaimursky District under the Command of Captain Baranov. Harbin: Typo-Lithogr. The Headquarters of the Zaimursky District of the Separate Corps of the Border Guard, 1906. 13 p. (In Russ.)
- North-Eastern Sejms of Mongolia. Zaimursky District Captain A. Baranov (comp.) Harbin: Typo-Lithogr. The Headquarters of the Zaimursky District of the Separate Corps of the Border Guard, 1907. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 4, pp. 802–811, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-802-811

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 94(47).084.8

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-802-811

Книга «Списки призванных Малодербетовским РВК в 1941, 1942, 1943 годах» как источник по истории участия жителей Калмыкии в Великой Отечественной войне

Валентина Николаевна Очир-Горяева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0003-1527-7021. E-mail: valenti9708[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Очир-Горяева В. Н., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена рассмотрению книги «Списки призванных Малодербетовским РВК в 1941, 1942, 1943 годах» как источника по истории участия жителей Калмыкии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. *Целью* настоящей статьи является подробный обзор и анализ данной книги. *Материалы и методы.* Основным источником для исследования стала книга «Списки призванных Малодербетовским РВК в 1941, 1942, 1943 годах», опубликованная в 2023 г. Т. Ц. Киштеевой. В процессе анализа использовались методы сравнительного и описательного анализа, что позволило получить ценные сведения о роли жителей Калмыкии в годы войны. *Результаты.* Книга призванных содержит сведения о 3 429 военнослужащих, призванных Малодербетовским районным военкоматом. В процессе анализа выявлено, что в некоторых случаях информация повторяется, а также встречаются ошибки и неточности в сведениях. Тем не менее книга охватывает значительное количество участников войны и служит важным источником для увековечивания памяти о призванных из Калмыцкой АССР военнослужащих, которые сражались за Родину в 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, ветераны, Красная армия, Калмыцкая АССР, призыв

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Очир-Горяева В. Н. Книга «Списки призванных Малодербетовским РВК в 1941, 1942, 1943 годах» как источник по истории участия жителей Калмыкии в Великой Отечественной войне // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 802–811. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-802-811

The Book “Lists of Conscripts by Maloderbetovsky Regional Military Commissariat in 1941, 1942, 1943” as a Source on the History of Participation of Kalmykia Residents in the Great Patriotic War

Valentina N. Ochir-Goryaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0003-1527-7021. E-mail: valenti9708[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Ochir-Goryaeva V. N., 2024

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the analysis of the book “Lists of Conscripts by Maloderbetovsky Regional Military Commissariat in 1941, 1942, 1943” as a source on the history of participation of Kalmykia residents in the Great Patriotic War of 1941–1945. *The purpose* of this article is a detailed review of this book. *Materials and methods.* The main source for the study was the book “Lists of Conscripts by Maloderbetovsky Regional Military Commissariat in 1941, 1942, 1943” published in 2023 by T. Ts. Kishteeva. In the process of analysis the methods of comparative and descriptive analysis were used, which allowed us to obtain valuable information about the role of the inhabitants of Kalmykia during the war. *Results.* The book of conscripts contains information about 3 429 servicemen called up by the Maloderbetovsky Regional Military Commissariat. In the process of the analysis it was found out that in some cases the information is repeated, as well as there are errors and inaccuracies in the information. Nevertheless, the book covers a significant number of war participants and serves as an important source to immortalize the memory of our fellow countrymen who fought for the Motherland in 1941–1945.

Keywords: Great Patriotic War, veterans, Red Army, Kalmyk ASSR, conscription

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 “The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups”.

For citation: Ochir-Goryaeva V. N. The Book “Lists of Conscripts by Maloderbetovsky Regional Military Commissariat in 1941, 1942, 1943” as a Source on the History of Participation of Kalmykia Residents in the Great Patriotic War. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(4): 802–811. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-802-811

1. Введение

Победа в Великой Отечественной войне далась нашему народу дорогой ценой. Она затронула каждую семью, и сохранение памяти о тех событиях является одной из важнейших задач отечественной исторической науки. В настоящее время продолжается работа по поиску и восстановлению имен участников войны, и судьбы многих из них остаются неизвестными. Свой вклад в эту работу внесли и наши земляки. В 2023 г. вышла в свет книга «Списки призванных Малоербетовским РВК в 1941, 1942, 1943 годах», которая представляет собой ценный источник по истории участия жителей Малоербетовского улуса Калмыцкой АССР (далее — КАССР) в Великой Отечественной войне [Киштеева 2023]. В книге собрана информация о людях, призванных на фронт из Малоербетовского районного военного комиссариата (далее — РВК) в годы войны.

Автор-составитель работы обнаружила списки призванных на сайте «Память народа» [ГИС «Память народа»] и объединила их в этой книге. Цель данной статьи — представить подробный обзор и провести анализ книги «Списки призванных Малодербетовским РВК в 1941, 1942, 1943 годах».

2. Материалы и методы

Источником в работе послужила вышеуказанная книга «Списки призванных Малодербетовским РВК в 1941, 1942, 1943 годах» [Киштеева 2023]. В ходе исследования применялись методы сравнительного и описательного анализа. Это позволило сопоставить данные из книги с другими источниками информации, такими как республиканскими и районными книгами памяти Республики Калмыкия [Память 1995а; Память 1995б; Память 2005, Память 2010; Книга памяти 2017; Книга памяти 2018; Книга памяти 2019; Книга памяти 2020], проверить достоверность и полноту сведений, содержащейся в книге, а также выявить уникальные особенности этой книги. Кроме того, удалось выявить основные тенденции и особенности мобилизации в Малодербетовском улусе, а также оценить вклад его жителей в общую победу над нацизмом.

3. Общая характеристика книги и ее анализ

С 1990-х гг. в Калмыкии был опубликован ряд изданий, посвященных памяти жителей Калмыкии — участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Эти работы в зависимости от охвата территории можно условно разделить на три категории: общереспубликанские (включают информацию обо всех жителях Калмыкии, воевавших на полях сражений), районные (охватывают определенный район и содержат информацию о его жителях, принимавших участие в войне) и сельские (сосредоточены на конкретном селе и включают данные о его жителях).

В данной статье мы рассматриваем вид работы, который включает в себя списки призванных из определенного района. Книга «Списки призванных Малодербетовским РВК в 1941, 1942, 1943 годах» была составлена Т. Ц. КишTEEвой к 80-летию памятной даты — дня депортации калмыцкого народа, когда одним указом была ликвидирована КАССР, а ее коренное население по огульным обвинениям подверглось насильственному выселению. Данный источник — одно из свидетельств героического участия жителей Калмыкии в защите Родины в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — содержит уникальные сведения о 3 403 военнослужащих, призванных в ряды Красной армии из Малодербетовского улуса КАССР в период с 1941 г. по 1943 г. [Киштеева 2023: 167].

В книге собраны списки призывников из Малодербетовского улуса, обнаруженные автором-составителем на портале «Память народа» [ГИС «Память народа»]. Информация о военнослужащих сгруппирована по годам призыва и направлениям службы. В списках содержатся краткие биографические данные о каждом военнослужащем. В них указаны год и место рождения, дата и место призыва, места направления на службу, а также в некоторых случаях информация о партийной принадлежности, военной учебной специальности и воинском звании. Кроме того, в книге представлены фотографии военнослужащих, их семей,

военные билеты и другие документы. Эти материалы помогают восстановить отдельные моменты в жизни многих участников Великой Отечественной войны.

Оценивая работу составителя книги, можно с уверенностью сказать, что автор-составитель подошел к работе достаточно ответственно. Данный труд выгодно выделяется на фоне других изданий, посвященных истории участия в Великой Отечественной войне жителей этого района. Так, в период с 2017 г. по 2020 г. было выпущено четыре тома «Книги памяти Малодербетовского района» [[Книга памяти 2017](#); [Книга памяти 2018](#); [Книга памяти 2019](#); [Книга памяти 2020](#)]. В этих томах содержится аннотированный список 131 ветерана, который включает как погибших, так и вернувшихся с фронта. «Книга памяти Малодербетовского района» является электронной. Стоит упомянуть четырехтомную книгу «Память. Санл» [[Память 1995а](#); [Память 1995б](#); [Память 2005](#); [Память 2010](#)], в которой содержится информация о 2 120 военнослужащих, призванных из Малодербетовского РВК [[Воробьева 2022: 690](#)]. Важно отметить, что последние цифры отражают безвозвратные потери. Однако даже с учетом этого факта количество погибших и пропавших без вести военнослужащих примерно на треть меньше, чем число призванных, указанных в книге «Списки призванных Малодербетовским РВК в 1941, 1942, 1943 годах», в которой содержится информация о 3 403 воинах, что отражает значительную разницу. Таким образом, автор-составитель «Списков призванных Малодербетовским РВК в 1941, 1942, 1943 годах» включила в книгу больше участников войны.

Если говорить о недостатках книги как источника, то в первую очередь следует отметить искажения калмыцких имен, которые часто встречаются в книгах, в которых упоминаются калмыки. Как отмечалось исследователями, такие искажения нередки в подобных работах [[Очилов 2016: 19](#); [Очилов, Воробьева 2023: 96](#)]. В анализируемой книге приводится написание имен, фамилий и отчества так, как они записаны на сайте «Память народа» [[Киштеева 2023: 3](#); [ГИС «Память народа»](#)]. Автор-составитель отмечает, что списки призывников написаны от руки, некоторые из них сохранились лишь частично, а многие были написаны карандашом. Начиная с 1943 г. бумага, на которой были записаны списки, постепенно темнела, что затруднило разбор записей [[Киштеева 2023: 3](#)]. Кроме того, в некоторых списках встречаются повторы имен призывников. К примеру, в одном из списков, содержащем данные о 346 военнослужащих, призванных в декабре 1941 г., встречается Потолдыков Боля Дорджиевич, 1909 г. рождения, уроженец Бага-Бухусовского сельсовета [[Киштеева 2023: 36](#)]. В этом же списке есть упоминание об имевшем военную учебную специальность № 27 Потолдыкове Боле Дорджиевиче, который также родился в 1909 г., уроженце Бага-Бухусовского сельсовета [[Киштеева 2023: 43](#)]. Очевидно, что речь идет об одном и том же человеке. Кроме того, Потолдыков Боля Дорджиевич, 1909 г. р., уроженец села Ики-Бухус, упоминается в списке призывников от 24 ноября 1942 г. [[Киштеева 2023: 94](#)]. Поскольку в декабре 1941 г. этот военнослужащий был призван в кавалерийский полк 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии (далее — кд), которая была разбита на Дону, он мог вернуться домой, хотя в этот период Малодербетовский улус уже был частично оккупирован немцами. Его позже, вероятно, могли повторно призвать после освобождения этого улуса (20 ноября 1942 г.). Ясность в этот вопросе могли бы внести интервью его родственников или односельчан, при условии, если они знали его и дожили до наших

дней. Анализируемую книгу условно можно разделить на три основных раздела, включающих аннотированные списки призванных в 1941 г., в 1942 г., в 1943 г.

По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., общая численность населения КАССР составляла 220 684 человека, из которых 50,4 % (111 386 чел.) приходились на мужчин [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 357. Л. 225об., 227об.].

В Малодербетовском улусе КАССР, по данным той же переписи, проживало 19 336 человек, из которых 9 452 были мужчинами [Республика 2019: 280].

В Калмыкии мобилизация началась сразу после того, как Германия напала на Советский Союз. Согласно мобилизационным планам, первыми на службу должны были отправиться военнообязанные первой категории — резервисты, которые уже служили в Красной Армии [Очиров, Заярный 2018: 78]. Это были молодые люди в возрасте до 35 лет, родившиеся с 1905 г. по 1918 г. В августе был объявлен призыв военнообязанных второго разряда первой категории, в возрасте до 45 лет, родившиеся с 1895 г. по 1904 г. [Очиров 2019: 1074].

В книге содержится 21 именной список команд, призванных в 1941 г. Малодербетовским РВК. Общее количество призванных в тот год составило 1 142 чел. Наибольшее число призывников в 1941 г. было направлено в кавалерийский полк — 346 человек. Хотя автор-составитель не указал номер полка, можно предположить, что если призыв состоялся в декабре 1941 г., то речь идет о кавалерийском полку, входившем в состав 110-й кд.

Следующим по численности призванных стал 100-й запасной стрелковый полк, который находился на станции Крымская в Краснодарском крае. В этот полк было отправлено 208 человек. Кроме того, выделяется 311-й кавалерийский полк 110-й кд, куда направили 88 человек.

Стоит также упомянуть, что в Малых Дербетах проходило формирование 110-й кд [В боях за Дон 1969: 27]. Приказом начальника штаба Сталинградского военного округа № ом/004631 от 15 декабря 1941 г. Малые Дербеты были определены как место дислокации формируемой 110-й кд [ЦАМО. Ф. 143. Оп. 13049. Д. 6. Л. 54]. В связи с этим многие новобранцы были направлены именно в 110-ю дивизию. По данным на февраль 1942 г. Малодербетовским РВК было призвано 705 человек для службы в кавалерийских частях [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 85. Л. 32].

Кроме того, выделяется 44-й батальон ВНОС (войска воздушного оповещения, наблюдения и связи), который был направлен в г. Элисту. В этот батальон отправили 61 чел.

Следует отметить, что к 1 октября 1941 г. на учете в Малодербетовском РВК состояло 1 215 военнообязанных, родившихся в период с 1901 г. до 1921 г., в возрасте от 20 до 40 лет (1 и 2-й категории) и 486 человек, родившихся в период с 1922 г. до 1924 г., в возрасте от 17 до 19 лет [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1018. Л. 5–6]. Общее количество военнообязанных составляло 1 701 человек. Таким образом, можно сделать вывод, что 1 142 призывника, о которых пишет автор-составитель, представляют значительную часть от общего числа военнообязанных, состоявших на учете в Малодербетовском РВК.

В 1942 г. Малодербетовским РВК было направлено 75 команд, в составе которых числилось 1 373 человека [Киштеева 2023: 46].

Среди призывников наибольшее число было направлено в 110-ю кд — 325 человек. Следует отметить, что в книге также содержатся отдельные списки, в

которых указано направление призванных в отдельные полки, части и дивизионы, входившие в состав 110-й кд. Если объединить все эти данные, то общее количество призванных за 1942 г. в 110-ю кд составит 398 человек.

Среди воинских частей, в которые был осуществлен призыв, особо выделяется 194-й армейский запасной стрелковый полк 51-й армии. В этот полк было призвано 285 человек. Это не случайно, ведь в тот период данное соединение принимало активное участие в боевых действиях на территории Калмыкии, где активные бои проходили в непосредственной близости от места призыва. Именно поэтому такое значительное количество военнослужащих было направлено в эти части.

Следующим по количеству призывников, направленных на службу, выделяется 16-я запасная стрелковая бригада, которая находилась в городе Котельниково Сталинградской области. Туда было отправлено 145 человек.

Стоит отметить, что в марте 1942 г. началось расформирование 111-й кд, примерно тысяча ее бойцов были направлены в 16-ю запасную стрелковую бригаду. В эту бригаду было зачислено около тысячи человек из состава 110-й кд [Очиров, Заярный 2018: 148–149]. В результате этих действий в составе 110-й кд остался лишь самый опытный и подготовленный личный состав.

В 1943 г. Малодербетовским РВК было направлено 72 команды в количестве 914 чел. В списках призывников появились новые графы, в которых указывались такие сведения, как место рождения, место работы до оккупации и во время оккупации, а также информация о том, где человек состоял на учете до начала боевых действий. Кроме того, были зафиксированы места жительства на момент мобилизации и постоянное место жительства, указаны адреса ближайших родственников и сведения об участии в партизанском движении. Отдельно отмечались военнопленные, большинство из которых находились в румынском лагере.

В 1943 г. большинство новобранцев были направлены в распоряжение начальника пересыльного пункта, который располагался в г. Красноармейске Сталинградской области. Их количество достигло 140 человек. Следующим по численности выделяется команда призывников 1926 г. р., направленных в 6-ю запасную кавалерийскую бригаду в г. Камышин Сталинградской области — 120 человек.

Третьим по численности выделяется 270-е управление оборонительного строительства в с. Садовом, с 97 военнослужащими. Большинство из них были направлены на укомплектование военно-полевого строительства № 100.

Стоит также упомянуть 178-й запасной стрелковый полк, который базировался в с. Капустин Яр Владимировского района Сталинградской области. В этот полк было направлено 85 призывников. Как отмечает автор-составитель, военнообязанные призывники находились на территории, занятой войсками противника [Киштеева 2023: 125].

Следующим по количеству отправленных призывников стоит отметить 25 стрелковую бригаду, расположенную на станции Селикса Куйбышевской железной дороги. В эту бригаду было направлено 84 новобранца 1925 г. р. Интересно, что ни один из этих солдат не принимал участия в партизанском движении.

Следует отметить, что в списках также присутствуют военнопленные, призванные из различных уголков страны: Орловским, Дмитровским, Зимовниковским, Березовским, Ярешурбодинским¹, Сарпинским, Чистопольским,

¹ Здесь, скорее всего, речь идет о Якшур-Бодьинском РВК Удмуртской АССР.

Октябрьским, Еланским, Молотовским, Губаглыным, Енотаевским, Малодербетовским и Буденновским районными военными комиссариатами (в данном перечислении мы сохранили написание автора-составителя книги).

Кроме того, упоминается один военнообязанный, который был распределен в распоряжение 476-й польской дивизии имени Тадеуша Костюшко. Однако, к сожалению, в сведениях допущена ошибка, и речь идет о 1-й Варшавской польской пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко.

Таким образом, в период с 1941 г. по 1943 г. Малодербетовским РВК было отправлено 168 команд общей численностью 3 429 человек. К сожалению, в расчетах в книге допущена ошибка в общем количестве призванных. Согласно сведениям, предоставленным автором-составителем, который приводит данные о количестве призывников за каждый год, общее число человек составляет 3 429. Однако в итоговой части своей работы указывается цифра 3 403 чел.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. «О ликвидации Калмыцкой АССР и образования Астраханской области в составе РСФСР» Калмыцкая АССР была ликвидирована, а Малодербетовский улус передан в состав Сталинградской области.

4. Заключение

Автор-составитель книги «Списки призванных Малодербетовским РВК в 1941, 1942, 1943 годах» проделала колоссальную работу по поиску и публикации аннотированных списков воинов, призванных в Красную армию Малодербетовским РВК в период с 1941 г. по 1943 г.

На портале «Память народа» были найдены и объединены списки призывников Малодербетовского РВК, что позволило достичь значительной степени охвата и увековечить память о каждом воине. При этом автор-составитель не ограничилась только списками военкоматов, а также включила исторические сведения о мобилизации в Калмыкии и большое количество фотографий военнослужащих.

Эти данные дают исследователям возможность понять, кто был призван на фронт из Малодербетовского улуса КАССР, а также выявить некоторые подробности их военной службы. Однако стоит отметить, что книга не является исчерпывающим источником по данной теме. В ней присутствуют искажения в именах и фамилиях, которые оставлены в том виде, как указано в документах на сайте ГИС «Память народа». Кроме того, в книге можно найти множество повторов персоналий, а также некоторые неточности в сведениях. Поэтому при использовании книги в качестве источника необходимо критически оценивать представленные в ней данные и сравнивать их с другими источниками.

Несмотря на указанные недостатки, стоит признать, что в целом книга «Списки призванных Малодербетовским РВК в 1941, 1942, 1943 годах» серьезно отличается от аналогичных изданий, в которых упоминаются жители Калмыкии.

Источники

ГИС «Память народа» — ГИС «Память народа» [электронный ресурс] // Государственная информационная система «Память народа». Управление по увековечению памяти погибших при защите Отечества; корпорация «ЭЛАР». URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 14.11.2024).

- Киштеева 2023 — *Киштеева Т. Ц.* Списки призванных Малодербетовским РВК в 1941, 1942, 1943 годах. Малые Дербеты: Броско, 2023. 167 с.
- Книга памяти 2017 — Книга памяти. Фронтовики Малодербетовского района. Т. I. [электронный ресурс] // Администрация Малодербетовского РМО РК. Виртуальная выставка архивных документов. URL: <http://malderadm.ru/tinybrowser/files/virtualnaya-vystavka/kniga-pamyati.-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona.-pervyy-tom.pdf> (дата обращения: 15.11.2024).
- Книга памяти 2018 — Книга памяти. Фронтовики Малодербетовского района. Т. II. [электронный ресурс] // Администрация Малодербетовского РМО РК. Виртуальная выставка архивных документов. URL: <http://malderadm.ru/kniga-pamyati-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-vtoroy-tom.html> (дата обращения: 15.11.2024).
- Книга памяти 2019 — Книга памяти. Фронтовики Малодербетовского района. Т. III. [электронный ресурс] // Администрация Малодербетовского РМО РК. Виртуальная выставка архивных документов. URL: <http://malderadm.ru/kniga-pamyati-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-tom-iii.html> (дата обращения: 15.11.2024).
- Книга памяти 2020 — Книга памяти. Фронтовики Малодербетовского района. Т. IV. [электронный ресурс] // Администрация Малодербетовского РМО РК. Виртуальная выставка архивных документов. 26.05.2020. URL: <http://malderadm.ru/arkhivom-administratsii-k-75-letiyu-pobedy-v-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg-podgotovlen-buklet-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-tom-iv.html> (дата обращения: 15.11.2024).
- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкии.
- Память 1995а — Память. Санл: в 2 т. / сост.: С. С. Васькин и др.; редкол.: К. Н. Максимов (пред.) и др. Т. I. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 416 с.
- Память 1995б — Память. Санл: в 2 т. / сост.: С. С. Васькин и др.; редкол.: К. Н. Максимов (пред.) и др. Т. II. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 442 с.
- Память 2005 — Память. Санл / редкол.: К. Н. Илюмжинов (пред.) и др. Т. III. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 156 с.
- Память 2010 — Память. Санл / сост.: А. В. Цюрюмов и др.; редкол.: К. Н. Илюмжинов (пред.) и др. Т. IV. Элиста: Герел, 2010. 492 с.
- Республика Калмыкия... 2019 — Республика Калмыкия. Административно-территориальное деление. 1918–2017: справочник / сост.: А. О. Тапкина [и др.]; редкол.: К. Н. Максимов (отв. ред.) [и др.]. Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. 908 с.
- ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны.

Sources

- Central Archive of the Ministry of Defense.
- Ilyumzhinov K. N. et al. (eds.) *The Memory*. Sanl. Vol. 3. Elista: Kalmykia Book Publ., 2005. 156 p. (In Russ.)
- Kishteeva T. Ts. *Lists of Conscripts by the Maloderbetovsky Regional Military Commissariat in 1941, 1942, 1943*. Malye Derbety: Brosco, 2023. 167 p.
- National Archive of the Republic of Kalmykia.
- OBD Pamyat Naroda (online database). Available at: <https://pamyat-naroda.ru> (accessed: 21 September 2024).
- The Memorial Book: [WWII] Combat Veterans of Maloderbetovsky District [Republic of Kalmykia, Russia]. Vol. 1. On: Administrative Oàce of Maloderbetovsky District Municipality (website). Online exhibition of archival documents. Available at: <http://malderadm.ru/tinybrowser/files/virtual-naya-vystavka/kniga-pamyati.-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona.-pervyy-tom.pdf> (accessed: 11 November 2024). (In Russ.)
- The Memorial Book: [WWII] Combat Veterans of Maloderbetovsky District [Republic of Kalmykia, Russia]. Vol. 2. On: Administrative Oàce of Maloderbetovsky District Municipality (website). Online exhibition of archival documents. Available at: <http://malderadm.ru>

- ru/kniga-pamyati-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-vtoroy-tom.html (accessed: 11 November 2024). (In Russ.)
- The Memorial Book: [WWII] Combat Veterans of Maloderbetovsky District [Republic of Kalmykia, Russia]. Vol. 3. On: Administrative Oàce of Maloderbetovsky District Municipality (website). Online exhibition of archival documents. Available at: <http://malderadm.ru/kniga-pamyati-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-tom-iii.html> (accessed: 11 November 2024). (In Russ.)
- The Memorial Book: [WWII] Combat Veterans of Maloderbetovsky District [Republic of Kalmykia, Russia]. On: Administrative Oàce of Maloderbetovsky District Municipality (website). Online exhibition of archival documents. Posted on 26 May 2020. Available at: <http://malderadm.ru/arkhivom-administratscii-k-75-letiyu-pobedy-v-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg-podgotovlen-buklet-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-tom-iv.html> (accessed: 11 November 2024). (In Russ.)
- Tapkina A. O. et al. (comps.) Republic of Kalmykia. Territories and Municipalities, 1918–2017: A Reference Book. K. Maksimov et al. (eds.). Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2019. 908 p.
- Tsuryumov A. V. et al. (comps.) The Memory. Sanl. K. Ilyumzhinov et al. (eds.). Vol. 4. Elista: Gerel, 2010. 492 p. (In Russ.)
- Vaskin S. S. et al. (comps.) The Memory. Sanl. In 2 vols. K. Maksimov et al. (eds.). Vol. 1. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 416 p. (In Russ.)
- Vaskin S. S. et al. (comps.) The Memory. Sanl. In 2 vols. K. Maksimov et al. (eds.). Vol. 2. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 442 p. (In Russ.)

Литература

- В боях за Дон 1969 — В боях за Дон: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. и науч. ред. М.Л. Кичиков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 180 с.
- Воробьева 2022 — Воробьева В. Н. Сравнительно-сопоставительный анализ сводной базы всех томов книги «Память. Санл»: время, место рождения и призыва // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 4. С. 684–697. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-684-697
- Максимов 2015 — Максимов К. Н. Калмыкия и калмыки на защите Отечества (первая половина XX века). Элиста: Джангар, 2015. 348 с.
- Очиров 2016 — Очиров У. Б. Книги памяти Астраханской области как источник по истории участия калмыков в Великой Отечественной войне // Magna adsurgit: historia studiorum. 2016. № 1. С. 16–24
- Очиров, Заярный 2018 — Очиров У. Б., Заярный С. А. Клятве остались верны: история формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Т. I. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 519 с.
- Очиров 2019 — Очиров У. Б. Военный комиссариат Калмыкии и его роль в формировании национальных воинских частей и соединений Красной армии // Oriental Studies. 2019. № 6. 1062–1081. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1062-1081
- Очиров, Воробьева 2023 — Очиров У. Б., Воробьева В. Н. Опыт составления базы данных для просопографического портрета безвозвратных потерь в 1941–1945 гг. военно-служащих, призванных из одного региона (на примере Калмыцкой АССР) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 1. С. 85–108. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-85-108

References

- Kichikov M. L. (comp. and ed.). In the Battles for the Don: Memoirs of Soldiers of the 110th Kalmyk Cavalry Division. Elista: Kalmykia Book Publ., 1969. 180 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia and Kalmyks in Defense of the Fatherland (first half of the 20th century). Elista: Dzhangar, 2015. 348 p. (In Russ.)

- Ochirov U. B. Memory Books of the Astrakhan Region as a Source on the History of the Participation of the Kalmyks in the Great Patriotic War. *Magna Adsurgit: historia studiorum*. 2016. № 1. Pp. 16–24. (In Russ.)
- Ochirov U. B., Zayarny S. A. They Stayed Faithful to the Oath: The Formation and Campaign Record of the 110th Kalmyk Cavalry Division. Vol. 1. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 519 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Military Commissariat of Kalmykia and its Role in the Development of National Military Units and Formations of the Red Army. *Oriental Studies*. 2019. Vol. 12. No. 6. Pp. 1062–1081. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1062-1081
- Ochirov U. B., Vorobyova V. N. Compiling a Prosopography Database of 1941–1945 Fatal Casualties among Military Servicemen Conscripted in One Region: the Case of the Kalmyk ASSR. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 1. Pp. 85–108. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-85-108
- Vorobyova V. N. The Memory. Sanl: A Quantitative Analysis of the Consolidated Database by Time and Place of Birth and Conscription. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022. Vol. 14. No. 4. Pp. 684–697. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-684-697

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 4, pp. 812–825, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-812-825

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 930.253

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-812-825

Об одном из документальных источников по изучению исторической демографии калмыцкого народа в период депортации (на примере Алтайского края)

Маргарита Даниловна Каруева¹, Анжелика Юрьевна Васькина²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 главный хранитель

 0000-0002-4680-3031. E-mail: karuevamd[at]yandex.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 35800 Элиста, Российская Федерация).
 младший научный сотрудник

 0009-0003-6641-875X. E-mail: ulan-1389[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Каруева М. Д., Васькина А. Ю., 2024

Аннотация. *Введение.* Книги записей актов гражданского состояния являются первичным статистическим документом учета, важным источником для демографической истории того или иного народа, субъекта России. Демографическая история калмыцкого народа в период ссылки трудно восстановима в связи с отсутствием доступа к источникам, позволяющим изучить этот процесс комплексно. *Целью* данной работы является исследование как исторического источника книг записей актов гражданского состояния («актовые записи») и возможности их использования для демографической истории калмыцкого народа в период депортации на примере Алтайского края. *Материалы и методы.* Материалом для исследования послужили отдельные записи книг записей актов гражданского состояния («актовые записи») в обезличенном виде (с купюрами), а также ответы на запросы и полевые материалы, полученные в ходе экспедиции по Алтайскому краю. В процессе исследования проводился источниковедческий анализ, позволивший выявить особенности и установить ценность архивных документов — книг записей государственной регистрации как источников исторической демографии спецпереселенцев-калмыков. *Результаты.* В данной статье рассмотрены книги записей актов гражданского состояния, регистрирующие факт смерти, как документальный источник для анализа демографической истории калмыцкого народа в период ссылки в Алтайском крае. Выявлено, что как первичный доку-

мент для учета естественного движения населения невозможно использовать как основной источник, кроме того, такие документы не следует использовать как материал для выявления тех или иных закономерностей или тенденций. Данный тип документов можно использовать только в качестве дополнительного источника по изучению конкретных фактов, например, для исследования особенностей учета спецпоселенцев.

Ключевые слова: книги записей актов гражданского состояния, Алтайский край, историческая демография, калмыцкое население, спецпоселение, НКВД, комендатура

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-Восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Каруева М. Д., Васькина А. Ю. Об одном из документальных источников по изучению исторической демографии калмыцкого народа в период депортации (на примере Алтайского края) // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 812–825. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-812-825

Civil Status Record Books of the 1940s and 1950s the Important Historical and Demographic Source (based on the materials of the Altai Territory)

Margarita D. Karueva¹, Angelika Yu. Vaskina²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Curator of the Museum Fund

 0000-0002-4680-3031. E-mail: karuevamd[at]yandex.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0009-0003-6641-875X. E-mail: ulan-1389[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Karueva M. D., Vaskina A. Yu., 2024

Abstract. Introduction. The books of civil status records are the primary statistical accounting documents, an important source for the demographic history of a particular nation, subject to the Russian Federation. The demographic history of the Kalmyk people during the exile period is difficult to reconstruct due to the lack of the access to the sources that allow us to study this process comprehensively. The *purpose* of this work is to study the historical source of the books of civil status records (“assembly records”) and the possibility of their use for the demographic history of the Kalmyk people during the deportation period using the example of the Altai Territory. *Materials and methods.* The material for the study were the individual records of the books of civil status records (“assembly records”) in an impersonal form (with certain omitted data), as well as the responses to the inquiries and field materials received during the expedition in the Altai Territory. In the course of the research, a source analysis was carried out, which made it possible to identify the features and establish the value of the archival documents — books of state registration records as sources of historical demography of Kalmyks special settlers. *Results.* This article examines the books of the civil status records that register the fact of death as a documentary source for analyzing the demographic history of the Kalmyk people during their exile in the Altai Territory. It has been revealed that the primary document for accounting the natural movement of the population cannot be used as the main source, in addition, such documents should

not be used as material for identifying certain patterns or trends. This type of document can only be used as an additional source for studying specific facts, for example, to study the accounting features of special settlers.

Keywords: books of civil status records, Altai Territory, historical demography, Kalmyk population, special settlement, NKVD, commandant's office

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 “The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups”

For citation: Karueva M. D., Vaskina A. Yu. On one of the Documentary Sources on the Study of the Historical Demography of the Kalmyk People during the Deportation Period (using the example of the Altai Territory). *Mongolian Studies* (Elista). 2024; 16(4): 812–825. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-812-825

1. Введение

Исследование демографической истории общества имеет большое значение для изучения истории государства, так как позволяет проследить «исторические предпосылки, закономерности и характер развития народонаселения, взаимосвязи способа производства и демографических процессов» [Мотревич 2020: 6]. При этом считается, что отличительной чертой отечественной школы исторической демографии является ее регионализация, возможной причиной которой называется хранение первичных массовых источников демографического учета в региональных архивах [Владимиров и др. 2019: 102].

В отличие от других народов проследить демографические процессы среди калмыков даже в XX в. остается сложной задачей¹. Так, в дореволюционное время калмыки не вели метрические книги: «калмыцкий народ с самого образования онаго, метрических книг не имеет и народ этот о таковом никакого понятия не имеет» [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 73. Л. 26], указывал Лама калмыцкого народа в 1855 г. Следовательно, их использование невозможно ввиду их отсутствия.

По данным Л. В. Оконовой, в волжских кочевьях калмыков стали проводиться переписи, которые получили название «домашние», при этом они носили сугубо локально-местный характер. Всего осуществлено три переписи: в 1862 г., 1868 г. и 1876/1877 г. [Оконова 2008: 17]. В. И. Колесник утверждает, что среди калмыков было проведено было пять ревизий, и приводит количественные данные по ним [Колесник 1997: 37–38].

Перепись же 1897 г. зафиксировала на момент переписи количественные сведения об астраханских, ставропольских, донских калмыках и других локальных группах, при этом достаточно подробно исследованы только данные о калмыках, расселившихся в Калмыцкой степи Астраханской губернии, которые включены в соответствующее издание результатов переписи [Оконова 2023; Оконова 2017; Оконова 2014; и др.]. Надо отметить, что учеными предпринимались только попытки свести данные всех томов, где содержатся сведения о калмыках, в один реестр [Борисенко 1982], однако комплексные исследования не проводились. В то же время данные переписи о калмыках как источник для исследования демографических процессов не имеют особенного значения для сравнительных

¹ В. И. Колесник рассмотрел демографическую ситуацию в XVII–XIX вв. в своей монографии [Колесник 1997]. Демографическая история калмыков в указанный период рассмотрена детально с привлечением большого количества разнообразных источников.

исследований, так как нет в ретроспективе других сравнительных документов по всем калмыцким кочевьям хотя бы в один временной период¹. Напротив, для изучения последующих тенденций данные этой переписи могут быть использованы. При этом перепись 1937 г. была признана дефектной и ее результаты стали сразу недоступными, но и к итогам переписи 1939 г. ученые относятся с осторожностью, так как она вызывает множество вопросов, в них содержатся преувеличения и приписки [Назаренко, Башкин; Тольц 2020].

28 декабря 1943 г. калмыцкий народ по несправедливым обвинениям был депортирован в восточные регионы страны, причем население было расселено дисперсно. Список регионов, где проживали калмыки в период депортации, в исследованиях уточняется. Вначале калмыки должны были быть расселены в 4 регионах, но в последний момент один из эшелонов был направлен в Казахстан. Впоследствии их переселяли и в другие регионы, к тому же в период ссылки менялись административные границы, так калмыки оказались расселены на территории от Сахалина до Урала, от Заполярья до Средней Азии. Так, известно, что калмыки проживали в следующие субъектах: 1) Алтайский край; 2) Красноярский край, в него входила Хакасская автономная область, 3) Томская область, 4) Новосибирская область, 5) Тюменская область, 6) Омская область, 7) Кемеровская область, 8) Молотовская область; 9) Свердловская область; 10) Иркутская область, 11) Бурятская АССР, 12) Сахалинская область; 13) Приморская область; 14) Казахская АССР, 15) Узбекская АССР; 16) Киргизская АССР; 17) Туркменская область; 18) Башкирская АССР; 19) Коми АССР.

Архивные данные рассеяны по всем этим регионам, и практически задача исследования демографической истории калмыцкого народа в период ссылки становится трудно осуществимой. Кроме того, поскольку калмыки находились на специальном учете, основная часть статистических документов не доступна для исследователей (так как они хранятся в Информационных центрах МВД субъектов, а те, что имеются в Государственном архиве РФ и доступны для исследователей, носят обобщающий характер сведений по субъекту, к сожалению, подходят для исследований общего характера²). По этой причине нами предприняты поиски других документов, которые могут служить источником для изучения демографической истории, но при этом в рамках определенного региона, так как получить общую картину в настоящее время не представляется возможным. Ранее нами рассматривался такой вид документа, как лично-учетное дело калмыка-спецпереселенца, выявлено, что данный вид документа

¹ Хотя при этом существуют отдельные работы, которые можно использовать в качестве сравнительного материала: [Горлов 1840; Мечников 1873; и др.].

² Тем не менее отдельные количественные данные, факты, события и сведения, относящиеся к жизни и деятельности калмыцкого населения в период вынужденной ссылки народа, содержатся в ряде работ ученых (см., например: [Бакаев 2003; Бугай 1991; Земсков 1990; Земсков 1991а; Земсков 1991б; Земсков 2003; Иванов 2014; Куканова, Очиров 2021; Куканова, Очиров 2022; Ссылка калмыков 1993; Убушаев 1991; Убушаев, Убушаев 2007; и др.]). Однако в этих работах не приводятся основные демографические сведения о родившихся, умерших, в частности о численности детей, браков, касающихся непосредственно спецпереселенцев-калмыков. Такое положение затрудняет воссоздание картины социально-демографических процессов калмыцкого населения в целом в период после насильственной депортации народы в восточные районы страны.

можно использовать для исследования исторической демографии, но только в совокупности с другими документами [Васькина, Куканова 2023: 113–114].

Целью данной работы является исследование как исторического источника книг записей актов гражданского состояния («актовые записи») и возможности их использования для демографической истории калмыцкого народа в период депортации на примере Алтайского края. Вместе с тем до настоящего времени нет полноценного источниковедческого анализа статистики, представленной в книгах записей актов гражданского состояния, или так называемой «загс-ской» статистики, включая вопрос о погрешностях сведений (о регистрации рождений, смертей, браков в органах ЗАГС), от которого зависит точность расчетов всех показателей естественного движения населения [Исупов 2015: 86]. В связи с этим ставится и проблема развития региональной исторической демографии калмыцкого народа, так как в регионе не хранятся разрозненные отчеты, материалы, которые необходимо сначала собрать по регионам проживания калмыков в период ссылки, а потом уже сводить в единую базу данных. В этой связи региональная, по сути, история калмыцкого народа превращается в историю далеко не локальную, а поскольку калмыки проживали на разных, порой отдаленных, территориях и в дореволюционное, и в советское время.

2. Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили отдельные записи книг записей актов гражданского состояния («актовые записи») в обезличенном виде (с купюрами), а также ответы на запросы и полевые материалы, полученные в ходе экспедиции по Алтайскому краю. В процессе исследования проводился источниковедческий анализ, позволивший выявить особенности и установить ценность архивных документов — книг записей государственной регистрации как источников исторической демографии спецпереселенцев-калмыков.

3. Система учреждений регистрации актов гражданского состояния в СССР

В дореволюционный период текущий учет естественного движения населения осуществлялся Русской православной церковью [Русина 1991: 114], однако, как мы уже писали выше, калмыки не вели метрические книги, что было обусловлено тем, что, во-первых, они были последователями другой веры, во-вторых, вели кочевой образ жизни, в условиях которого было просто невозможно осуществить учет. В калмыцкой степи, как и в любом обществе, в связи с определенными задачами осуществлялся учет населения, но он имел свои особенности: учет шел не по душевому принципу, а по кибиточному, причем расчет по количеству членов семьи одной кибитки был разный [Колесник 1997: 23, 26, 35], хотя позже был подушевой учет.

18 декабря 1917 г. Председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Ульяновым (Лениным) совместно с Председателем ЦИК Я. М. Свердловым был подписан «Декрет о гражданском браке, о детях, и ведении книг актов состояния» [Сборник 1918]. Общее руководство органами ЗАГС РСФСР стал осуществлять Центральный отдел ЗАГС при НКВД РСФСР. В 1934 г. ЗАГС были переданы в состав НКВД [Исупов 2017: 13]. В период хрущевской «от-

тепели» на основании постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 25.10.1956 «О мерах по улучшению работы Министерства внутренних дел СССР» органы ЗАГС были выведены из подчинения МВД и переданы в ведение исполнительных органов государственной власти [Алейникова 2018: 37].

В первые десятилетия было разработано несколько инструкций ведения и заполнения актовых книг и свидетельств [Инструкция 1918; Инструкция 1927; Инструкция 1934]. Инструкция 1937 г. действовала вплоть до конца ссылки калмыков, лишь в 1951 г. актовая запись о заключении брака дополнилась новой графой «Место рождения» [Русина 1991: 117].

В эти годы регистрацию (запись) актов гражданского состояния (рождений, смертей, браков и др.) производили в городах — бюро ЗАГС, а в сельских местностях — районные отделы ЗАГС, исполкомы сельских (поселковых) советов.

Для каждого вида актов существовала строго определенная форма актовых записей регистрации гражданского состояния. Наряду с этим все акты о гражданском состоянии оформлялись на русском языке.

К примеру, актовые записи о рождении содержали: «сведения о ребенке (фамилия, имя, дата рождения, пол), сведения о родителях (фамилия, имя и отчество, национальность, возраст, имеет ли он (она) средства существования или живет на средства другого лица, занятие, место работы, место постоянного жительства, сколько времени живут родители в данном месте, особые отметки, фамилия, имя и адрес заявителя, подпись заявителя)» [Инструкция 1937].

Формы актов записей гражданского состояния неоднократно подвергались изменениям. Например, акты о регистрации рождения образца 1946 г. включали в себя дополнительные сведения: «Какие предъявлены документы о рождении или фамилия и адрес свидетелей», «Который по счету ребенок у матери (считая умерших и не считая мертворожденных), из них осталось в живых», «Номер выданного свидетельства о рождении, а также номер и дата выдачи повторных свидетельств» [Инструкция 1937].

В бланке акта регистрации о смерти указывались: «фамилия, имя, отчество, пол, национальность, дата смерти, возраст, род занятий, место работы, место постоянного жительства, причина смерти, какие предъявлены медицинские документы о смерти, кем и когда выданы, свидетели» [Инструкция 1937].

Актовая запись о заключении брака имела в своем составе: «фамилию после и до брака, имя и отчество вступающих в брак, национальность, возраст, семейное состояние, наличие детей, какой по счету брак, род занятий, место работы, адрес вступающих в брак после брака и подписи брачующихся».

Таким образом, осуществляя регистрацию актов гражданского состояния, учреждения ЗАГС формируют первичную статистическую информацию [Русина 1991: 118], которая отражает социально-демографическую ситуацию в каждом конкретном регионе и социально-экономические процессы, происходящие в обществе на определенном этапе своего исторического развития. Эта информация государственной важности и является основой для работы исследователей в анализе исторической демографии страны в целом.

4. Проблемы качества книг записей актов гражданского состояния

В 1940-е гг. функционирование органов ЗАГС в целом по стране осуществлялось некачественно. Так, Н. М. Игнатова в своих историко-демографиче-

ских исследованиях на материалах Сибири в годы Великой Отечественной войны приводит, ссылаясь на архивные документы, следующие факты: «органами ЗАГС не уделяется должного внимания надлежащей постановке учета естественного движения спецпереселенцев, регистрационные карточки не заполняются и органы ЗАГС их не требуют. Ни в одном из спецпоселений не было проведено обследование работы органов ЗАГС. Регистрация производится несвоевременно и со стороны райисполкомов мер к устранению этих ненормальностей никаких не принимается» (цит. по: [Игнатова 2008: 46]).

Полевые материалы, собранные в ходе экспедиции в Алтайский край в 2022–2023 гг., свидетельствуют об этих нарушениях. Работники отделов ЗАГС утверждают, что практически часто не регистрировались факты ни рождения, ни смерти, ни брака в первые годы пребывания [ПМА 2022: ЗАГС]. Об этом говорят и сами информанты-калмыки. В первые годы ссылки, в особенности в первые месяцы 1944 г., обычно не регистрировали факты смерти, а также и рождения. У большинства депортированных, потерявших в 1943 г. документы, они были восстановлены примерно. В целом ряде случаев возраст определялся приблизительно, что приводило к ошибкам в годах рождения, не говоря уже о датах [ПМА 2023: Инф. 1].

Так, у некоторых информантов дата рождения определялась со слов свидетелей, которые приходили в суд или подавали документы спецкомендатуре НКВД, где последние сообщали о примерной или точной дате рождения. Среди лично-учетных дел ИЦ МВД по Алтайскому краю был обнаружен документ-расписка, где земляк утверждал, что его знакомый родился 15 января 1938 г. Орфография и пунктуация в документе полностью сохранены.

Коменданту Некрасовской комендатуры № 16
Славгородской РОМВД
ст. лейтенанту т. Анипко И.Г.
от спецпоселенца Болданова Хара Бюруховича
проживающего с. Отрадное Славгородского р-на

Объяснительная записка

Я Вам поясняю что Санджеев Борис Оконович действительно родился 15/1 1938 году в Калмыцкой АССР Кочиневского района село Элиста. Родители у него нету, свидетельство о рождении у него тоже нету. Я как его знаю, проживал вместе с ним в одном селе, хорошо знал его отца, его матери, так как они доводились мне родственниками что я и могу вам объяснить.

16/1 54 г. Подпись: [подпись]

[Архив ИЦ].

Когда был известен или установлен год рождения, то, по совету работников ЗАГС, дату определяли по середине года, т. е. 1 июля [ПМА 2023: Инф. 1].

5. Смертность

Согласно ответам на запросы, общее количество записей смерти в 1944 г., зафиксированной в книгах записей актов гражданского состояния, составляет

479 фактов по Алтайскому краю, причем в это количество входят случаи, зафиксированные в 1945 г. По словам работников ЗАГС, некоторые свидетельства о смерти выдавались Управлением НКВД по Алтайскому краю, которому подчинялись отделы ЗАГС. Количество таких выданных свидетельств не известно. На первый взгляд, кажется, что отделы ЗАГС в этот период не в полной мере исполняли возложенные государством на них функции относительно спецпоселенцев, хотя книги записей актов гражданского состояния являются первичным источником для учета народонаселения.

В Государственном архиве Российской Федерации хранятся отчеты отделов спецпоселений региональных управлений НКВД (МВД) по субъектам, где находились спецпоселенцы, в том числе и представители калмыцкого народа. К данным документам обращался К. Н. Максимов в ходе своих исследований по депортации калмыцкого народа, он приводит совершенно другие цифры по смертности калмыков в Алтайском крае. По обнаруженным данным в архиве, на начало 1944 г. в Алтайский край прибыло 22 213 чел., а в конце 1944 г. было уже 19 706 чел. Получается, что убыль составила 2 507 чел. [Максимов 2013: 319, 338, 344, 350, 352, 354, 357, 358, 361, 374].

По словам информантов, отсутствие учета имело место вследствие непонимания работниками действий в отношении спецпереселенцев. Некоторые из работников ЗАГС считали, что это происходило, потому что отсутствовало прямое указание об учете спецпереселенцев, которое было возложено на спецкомендатуры [ПМА 2023: ЗАГС].

Что касается проблемы малограмотности, некомпетентности среди работников районных ЗАГС, секретарей сельских (поселковых) советов, то факты, подтверждающие эту проблему, находят свое отражение во многих демографических исследованиях у таких авторов, как В. А. Исупов [Исупов 2011а; Исупов 2011б; Исупов 2011в; Исупов 2015], В. Г. Шнайдер [Шнайдер 2015], Е. В. Фадеева [Фадеева 2011], К. В. Григоричев [Григоричев 2000] и др. В. А. Исупов доказывает неграмотность и некомпетентность указанных работников на основе архивных материалов. «Малограмотный, слабограмотный, еле справляется со своим делом» — вот обычные отзывы о сельских писарях, в руках которых находятся первичные записи данных по статистике естественного движения населения» [Исупов 2015: 86–94]. В работах Е. В. Фадеевой подчеркивается следующее: «Самый большой недочет демографических событий формировался не вследствие слабой работы сельсоветов отдаленных районов, а в результате неорганизованности и недисциплинированности сотрудников сельсоветов и органов ЗАГСа» [Фадеева 2011: 80–82].

Известно, что в основном за документами, регистрирующими рождение, смерть, брак, приходили образованные люди, знавшие о необходимости фиксации указанных фактов [ПМА 2023: ЗАГС]. Необходимо учитывать безграмотность и слабое владение русским языком многих спецпереселенцев-калмыков, обращавшихся в сельсоветы, районные ЗАГС. В свою очередь это также приводило к появлению погрешности текущего учета калмыцкого населения (сведений о рождении, смерти и др.).

Кроме того, на своевременность регистрации фактов рождения и смерти влияли еще сезонные явления и отсутствие дорог, не позволявшие сразу же оформить документ, хотя спецпоселенец обязан был сообщить об изменениях

в семейном составе в течение пяти дней в спецкомендатуру, на учете которой он находился [ПМА 2023: Инф. 1].

Ряд информантов указывал, что руководство сельсоветов не имело полных сведений о спецпоселенцах, так как они подчинялись спецкомендатуре, а не сельсовету. По приезду людей заселяли в более или менее подходящее сооружение, которое не всегда относилось к типу жилых помещений, а иногда в такие, которые были совсем не приспособлены для жилья и в которых в первые же дни погибали целыми семьями. Например, несколько семей калмыков заселили в подвальное овощехранилище, у которого ночью обрушилась крыша, на следующее утро обнаружилось, что никто не выжил. Поскольку это произошло в январе 1944 г., было невозможно похоронить погибших. Имена этих людей остались известными только спецкомендатуре, которая не подала никаких запросов на выдачу свидетельств о смерти [ПМА 2023: Инф. 2]. Такие случаи, скорее всего, не единичны.

Приведем другой пример. По сведениям информантов Третьяковского района, в первые месяцы 1944 г. была очень высокая смертность среди калмыков — умирали в большинстве случаев дети и старики: «Никто не знает, сколько именно, потому что калмыки жили в землянках на заимке, т. е. за селом, умирали они целыми семьями» [ПМА 2023: Инф. 2].

Была распространена практика получения свидетельств как рождения, так и смерти уже в Калмыкии после возвращения. Человек, дабы доказать, что его, например, родители скончались в местах ссылки, обращался в суд для получения документа, регистрирующего их смерть, привлекал 2–3 свидетелей, которые подтверждали данный факт. Затем по решению суда подобный документ выдавался уже в Калмыкии.

Следует также принять во внимание, что при отсутствии медицинских свидетельств причины смерти записывались с многочисленными искажениями, так как эти актовые записи велись со слов родственников или свидетелей. К примеру, в графе «причина смерти» актовой записи встречались слова «от старости, старческой слабости, рвоты, жару, паралича сердца, детской болезни, скоропостижно» и т. п., а в редких случаях — от голода, истощения, что соответствовало действительности.

6. Заключение

В данной статье рассмотрены книги записей актов гражданского состояния, регистрирующие факт смерти, как документальный источник для анализа демографической истории калмыцкого народа в период ссылки в Алтайском крае. Выявлено, что данный первичный документ для учета естественного движения населения невозможно использовать как основной источник, кроме того, такие документы не следует использовать как материал для выявления тех или иных закономерностей или тенденций. Данный тип документов можно использовать только в качестве дополнительного источника по изучению конкретных фактов, например, для исследования особенностей учета спецпоселенцев.

Полевые материалы авторов

ПМА 2022: ЗАГС — работники отделов ЗАГС, Алтайский край, запись 2022 г.

ПМА 2023: ЗАГС — работники отделов ЗАГС, Алтайский край, запись 2023 г.

ПМА 2023: Инф. 1 — Б. В. В., г. Элиста, запись 2023 г.

ПМА 2023: Инф. 2 — Б. А. Т., г. Элиста, запись 2023 г.

Authors' field materials

PMA 2023: Inf. 1 — B. V. V., Elista, Entry 2023

PMA 2023: Inf. 2 — B. A. T., Elista, Entry 2023

PMA 2022: Registry Office — Employees of the Registry Offices, Altai Territory, Entry 2022

PMA 2023: Registry office — Employees of the Registry Offices, Altai Territory, Entry 2023

Источники

Архив ИЦ — Архив ИЦ МВД по Алтайскому краю.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

The Archive of the Information Center of the Ministry of Internal Affairs of the Altai Territory.

The National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

Алейникова 2018 — *Алейникова И. А.* История создания и развития государственной службы органов ЗАГС в России // Форум молодых ученых. 2018. № 10(25). С. 35–38.

Бакаев 2003 — *Бакаев П. Д.* О трагедии в истории калмыцкого народа. Элиста: Джангар, 2003. 176 с.

Борисенко 1982 — *Борисенко И. В.* Численный состав калмыков в основных ареалах их расселения (XVIII в. – начало XX в.) // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста: Республиканская типография Государственного Комитета Калмыцкой АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 1982. С. 42–80.

Бугай 1991 — *Бугай Н. Ф.* Операция «Улусы». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 87 с.

Васькина, Куканова 2022 — *Васькина А. Ю., Куканова В. В.* Личное учетное дело спецпереселенца (выселенца) как исторический источник по изучению депортации калмыцкого народа // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 4. С. 93–118. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-4-28-93-118

Владимиров и др. 2019 — *Владимиров В. Н., Сарафанов Д. Е., Щетинина А. С.* Традиционная и новая историческая демография: взгляд специалистов // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 99–105. DOI: 10.17223/15617793/443/13

Горлов 1840 — *Горлов И. Я.* Калмыцкое народонаселение в России // Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. Кн. 1. Казань, 1840. С. 163–165.

Григоричев 2000 — *Григоричев К. В.* Динамика населения и миграционные процессы в Алтайском крае: середина 1940-х – конец 1980-х годов: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 22 с.

Земсков 1990 — *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы (по документам НКВД – МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 1. С. 3–17.

Земсков 1991a — *Земсков В. Н.* Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический анализ) // Социологические исследования. 1991. № 5. С. 151–165.

Земсков 1991b — *Земсков В. Н.* Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954–1960) // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 5–26.

Земсков 2003 — *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2003. 306 с.

Иванов 2014 — *Иванов А. С.* «Изъять, как антисоветский элемент...»: Калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.). М.: [б. и.], 2014. 294 с.

- Игнатова 2008 — *Игнатова Н. М.* Особенности учета численности спецпереселенцев в Коми АССР в 1930–1950-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 35. С. 42–52.
- Инструкция 1918 — От народных комиссариатов юстиции и по местному самоуправлению. Об организации отделов записей браков и рождений // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М.: [б. и.], 1942. С. 220–221.
- Инструкция 1927 — Инструкция о ведении и заполнении актовых книг и свидетельств по новым формам, утвержденная НКВД СССР 31 декабря 1927 г. // Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 5. Л. 31–43.
- Инструкция 1934 — Инструкция о порядке регистрации (записи) актов гражданского состояния, утвержденная Народным комиссариатом внутренних дел СССР 9 декабря 1934 года. М.: ОАГС НКВД СССР, 1935. 4 с.
- Инструкция 1937 — Инструкция о порядке записи (регистрации) актов гражданского состояния, утвержденная НКВД СССР. М.: Тип.-лит. им. Воровского, 1937. 96 с.
- Исупов 2011а — *Исупов В. А.* Демографическое развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны // Историческая демография. 2011. № 2 (8). С. 19–23.
- Исупов 2011б — *Исупов В. А.* Проблемы и перспективы историко-демографических исследований в Сибири // Историческая демография. 2011. № 1 (7). С. 51–55.
- Исупов 2011в — *Исупов В. А.* Статистические источники по демографической истории России периода Великой Отечественной войны // Достоинство историка. К 90-летию со дня рождения академика РАН Юрия Александровича Полякова / отв. редактор В. А. Тишков. М.: Росспэн, 2011. С. 277–294.
- Исупов 2015 — *Исупов В. А.* Текущая статистика населения как источник по демографической истории Западной Сибири: проблемы становления // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 86–94.
- Исупов 2017 — Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX вв.) / отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2017. 347 с.
- Колесник 1997 — *Колесник В. И.* Демографическая история калмыков в XVII–XIX вв. Элиста: Калм. гос. ун-т, 1997. 135 с.
- Куканова, Очиров 2021 — *Куканова В. В., Очиров У. Б.* Исчезающая история «13 лет и 13 дней»: проблемы поиска и сохранения архивных материалов о калмыках на спецпоселении в Сибири. Ч. 1 // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 4. С. 744–763. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-744-763
- Куканова, Очиров 2022 — *Куканова В. В., Очиров У. Б.* Исчезающая история «13 лет и 13 дней»: проблемы поиска и сохранения архивных материалов о калмыках на спецпоселении в Сибири. Ч. 2 // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 293–312. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-293-312
- Максимов 2013 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: АУ РК «Издательский Дом «Герел», 2013. 464 с.
- Мечников 1873 — *Мечников И. И.* Заметки о населении Калмыцкой степи Астраханской губернии // Известия Русского географического общества. 1873. Т. IX. № 10. С. 335–351.
- Мотревич 2020 — *Мотревич В. П.* Историческая демография: учебное пособие. Екатеринбург: Уральск. ун-т, 2020. 264 с.
- Назаренко, Башкин — *Назаренко Н. Н., Башкин А. В.* Перепись населения 1937 года в СССР — новое старое прочтение [электронный ресурс] // URL: <https://istmat.org/node/65735> (дата обращения: 15.06.2024).
- Оконова 2008 — *Оконова Л. В.* Материалы по демографическому учету калмыков волжских кочевий последний трети XVIII–XIX вв. как исторические источники: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2008. 23 с.

- Оконова 2014 — Оконова Л. В. Демографический учет волжских калмыков в дореволюционной историографии (последняя треть XVIII в. – начало XX в.) // Монголоведение. 2014. № 7. С. 115–125.
- Оконова 2017 — Оконова Л. В. Сословная структура населения Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX веке по материалам сводных годовых отчетов // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. № 1. С. 56–63.
- Оконова 2023 — Оконова Л. В. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. как источник по изучению населения Калмыцкой степи Астраханской губернии // Вестник Калмыцкого университета. 2023. № 4(60). С. 52–60.
- Русина 1991 — Русина Ю. А. О методике исследования актов гражданского состояния как источника о демографических процессах на Урале (1946–1985 гг.) // Количественные методы в исследованиях по истории советского рабочего класса и крестьянства. Сборник научных трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 114–133.
- Сборник 1918 — Сборник узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. Вып. 1. Декреты о гражданском браке, о детях, о ведении книг актов состояния и о расторжении брака. Пермь: Гос. тип. 1918. 12 с.
- Справочник 1987 — Справочник административно-территориальных изменений на Алтае. 1917–1980. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1987. 360 с.
- Ссылка калмыков 1993 — Ссылка калмыков: как это было. Сборник документов и материалов. Т. I. Кн. 1 / сост.: П. Д. Бакаев, Н. Ф. Бугай, Л. С. Бурчинова и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 264 с.
- Тольц 2020 — Тольц М. Итоги переписи населения СССР 1939 г.: две проблемы адекватности // Демографическое обозрение. 2020. Т. 17. № 1. С. 100–117.
- Убушаев 1991 — Убушаев В. Б. Калмыки: Выселение и возвращение 1943–1957 гг. Элиста: Санан, 1991. 96 с.
- Убушаев, Убушаев 2007 — Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. 496 с.
- Фадеева 2011 — Фадеева Е. В. Похозяйственные книги и актовые записи как источники по современной этнографии негидальцев // Историческая демография. 2011. № 1 (7). С. 80–82.
- Шнайдер 2015 — Шнайдер В. Г. Книги записей гражданского состояния 1920–1930-х годов как исторический источник // Концепт. 2015. Спецвыпуск № 26. ART 75357. [электронный ресурс] // URL: <http://e-koncept.ru/2015/75357.htm>. - ISSN 2304-120X. ART 75357 УДК 930 (дата обращения: 18.09.2024).

References

- Aleinikova I. A. History of Creation and Development of Public Service of Bodies the Registry. Office in Russia. *Forum molody`x ucheny`x*. 2018. No. 10(25). Pp. 35–38. (In Russ.)
- Bakaev P. D. About the Tragedy in the History of the Kalmyk People. Elista: Dzhangar, 2003. 176 p. (In Russ.)
- Bakaev P. D., Bugay N. F., Burchinova L. S. et al. (comps.) Kalmyk Deportation: How It Was. Collected documents and materials. Vol. 1. Book 1. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 264p. (In Russ.)
- Borisenko I. V. The Numerical Composition of the Kalmyks in the Main Areas of their Settlement (18th century – early 20th century). In: Problems of the Agrarian History of pre-Revolutionary Kalmykia. Elista: Resp. Tip. of the Kalmyk ASSR State Committee for Publishing, Printing and Book, 1982. Pp. 42–80. (In Russ.)
- Bugai N. F. Operation “Uluses”. Elista: Kalmykia Publ. House, 1991. 88 p. (In Russ.)
- Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government. No. 1. Decrees on Civil Marriage, on Children, on the Maintenance of Books of Deeds and on the Dissolution of Marriage. Perm: Gos. Tipografiya. 1918. 12 p. (In Russ.)
- Directory of Administrative and Territorial Changes in Altai. 1917–1980. Barnaul: Altai Book Publ., 1987. 360 p. (In Russ.)

- Fadeeva E. V. Household Books and Assembly Records as Sources on Modern Ethnography of Negidals. *Historical Demography*. 2011. No. 1 (7). Pp. 80–82. (In Russ.)
- From the People's Commissariats of Justice and Local Government. About the Organization of Marriage and Birth Records Departments Collection of Laws and Government Orders for 1917–1918. Management of Affairs of the Council of People's Commissars of the USSR, Moscow: [s. n.], 1942. Pp. 220–221. (In Russ.)
- Gorlov I. Ya. Kalmyk Population in Russia. In: Scientific Notes Published by Imperial Kazan University. Part 1. Kazan, 1840. Pp. 163–165. (In Russ.)
- Grigoriev K. V. Population Dynamics and Migration Processes in the Altai Territory: mid-1940s – late 1980s. Cans. Sc. (Pedagogics) thesis abstract. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. 2000. 22 p. (In Russ.)
- Ignatova N. M. Peculiarities of Accounting for the Number of Special Settlers in the Komi ASSR in the 1930s and 1950s. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2008. No. 35. Pp. 42–52. (In Russ.)
- Instruction from the People's Commissariats of Justice and Local Government on the Organization of Marriage and Birth Records Departments. In: Collection of Laws and Government Orders for 1917–1918. Management of Affairs of the Council of People's Commissars of the USSR, 1918. Moscow: [s. n.], 1942. Pp. 220–221. (In Russ.)
- Instruction on Maintaining and Filling out Registration Books and Certificates According to New Forms, Approved by the NKVD of the USSR on December 31, 1927 Russian State Archive of Economics. F. 1562. Re. 20. D. 5. Pp. 31–43.
- Instructions on the Procedure for Recording (registration) Acts of Civil Status, Approved by the NKVD of the USSR. Moscow: Vorovsky Typografiya, 1937. 96 p. (In Russ.)
- Instructions on the Procedure for Registration (recording) Acts of Civil Status, Approved by the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR on December 9, 1934. Moscow: NKVD of the USSR, 1935. 4 p. (In Russ.)
- Isupov V. A. Current Population Statistics as a Source on the Demographic History of Western Siberia: Problems of Formation. *Ural Historical Bulletin*. 2015. No. 4 (49). Pp. 86–94. (In Russ.)
- Isupov V. A. Demographic Development of Siberia during the Great Patriotic War. *Historical Demography*. 2011. No. 2 (8). Pp. 19–23. (In Russ.)
- Isupov V. A. Problems and Prospects of Historical and Demographic Research in Siberia. *Historical Demography*. 2011. No. 1 (7). Pp. 51–55. (In Russ.)
- Isupov V. A. Statistical Sources on the Demographic History of Russia during the Great Patriotic War. In: The Dignity of a Historian. To the 90th Anniversary of the Birth of Academician of the Russian Academy of Sciences Yuri Alexandrovich Polyakov. V. Tishkov (ed.). M.: Rosspen, 2011. Pp. 277–294. (In Russ.)
- Ivanov A. S. “To Withdraw as an anti-Soviet Element...” Kalmyks in State Politics (1943–1959). Moscow, 2014. 294 p. (In Russ.)
- Kolesnik V. I. Demographic History of the Kalmyks in the 17th–19th Centuries. Elista: Kalm. State University, 1997. 135 p. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Ochirov U. B. The Vanishing History “13 years and 13 days”: Problems of Searching and Preserving Archival Materials about Kalmyks in a Special Settlement in Siberia. Part 1. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13. No. 4. Pp. 744–763. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-744-763. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Ochirov U. B. The Vanishing History of “Thirteen Years and Thirteen Days”: Problems of Searching and Preserving Archival Materials on Repressed Kalmyks in Siberia. Part 2. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022. 14(2). Pp. 293–312. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-293-312
- Maksimov K. N. Kalmykia in the Soviet Era: Politics and Realities. Elista: Gerel Publishing House, 2013. 464 p. (In Russ.)
- Mechnikov I. I. Notes on the Population of the Kalmyk Steppe of Astrakhan Province. *Iz-*

- vestiya Russkogo Geograficheskogo Obschestva*. 1873. Vol. 9. No. 10. Pp. 335–351. (In Russ.)
- Motrevich V. P. Historical Demography. Ekaterinburg: Ural State . University., 2020. 264 p. (In Russ.)
- Nazarenko N. N., Bashkin A.V. The 1937 Population Census in the USSR — a New Old Reading. Available at: URL: <https://istmat.org/node/65735> (access date: 15 June 2024). (In Russ.)
- Okonova L. V. Demographic Accounting of the Volga Kalmyks in pre-Revolutionary Historiography (the last third of the 18th Century – the Beginning of the 20th Century). *Mongolian Studies*. 2014. No. 7. Pp. 115–125. (In Russ.)
- Okonova L. V. Estate Structure of the Population of the Kalmyk Steppe of the Astrakhan Province in the 19th Century Based on the Materials of Consolidated Annual Reports. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. № 1. Pp. 56–63. (In Russ.)
- Okonova L. V. Materials on Demographic Accounting of Kalmyks of the Volga Nomads of the last third of the 18th–19th Centuries. as Historical Sources. Cand. Sc. (History) thesis abstract. Volgograd, 2008. 23 p. (In Russ.)
- Okonova L. V. The first General Population Census of the Russian Empire in 1897 as a Source for Studying the Population of the Kalmyk Steppe of Astrakhan Province. *Bulletin of the Kalmyk University*. 2023. No. 4(60). Pp. 52–60. (In Russ.)
- Rusina Yu. A. On the Methodology of Studying Acts of Civil Status as a Source on Demographic Processes in the Urals (1946–1985). In: Quantitative Methods in Research on the History of the Soviet Working Class and the Peasantry. Sverdlovsk: Ural Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1991. Pp. 114–133. (In Russ.)
- Schneider V.G. Books of Civil Status Records of the 1920s-1930s as a Historical Source. *Concept*. 2015. No. 26 Available at: <http://e-koncept.ru/2015/75357.htm> (Accessed: 18 September 2024). (In Russ.)
- Tolts M. The Results of the 1939 USSR Population Census: two Problems of Adequacy. *Demographic Review*. 2020. Vol. 17. No. 1. Pp. 100–117. (In Russ.)
- Ubushaev V. B. Kalmyks: Exile and Return. Elista: Sanan, 1991. 92 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B., Ubushaev K. V. Kalmyks: Exile, Return, Rebirth. 1943–1959. Elista: Kalmyk University, 2007. 496 p. (In Russ.)
- Vaskina A. Yu., Kukanova V. V. Personal Record of a Special Settler (Evictee) as a Historical Source for the Study of the Deportation of the Kalmyk People. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023. No. 4. Pp. 93–118. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-4-28-93-118
- Vladimirov V. N., Sarafanov D. E., Tchetinina A. S. Traditional and New Historical Demography: the View of Experts. *Tomsk State University Journal*. 2019. No. 443. Pp. 99–105. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/443/13
- Zemskov V. N. Mass Release of Special Settlers and Exiles (1954-1960). *Sociological Research*. 1991. No. 1. Pp. 5-26. (In Russ.)
- Zemskov V. N. Prisoners, Special Settlers, Exiled Settlers, Exiles and Deportees (Statistical and Geographical Analysis). *Sociological Research*. 1991. No. 5. Pp. 151-165. (In Russ.)
- Zemskov V. N. Special Settlers (According to the Documents of the NKVD — the Ministry of Internal Affairs of the USSR). *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 1990. No. 1. Pp. 3–17. (In Russ.)
- Zemskov V. N. Special Settlers in the USSR. 1930–1960. Moscow: Nauka, 2003. 306 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002 https://mongoloved.kigiran.com/jour	МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ (Монгол судлал) (Mongolian Studies) ISSN 2500-1523 (Print) ISSN 2712-8059 (Online)
Vol. 16, Is. 4, pp. 826–837, 2024 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-826-837	

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК / UDC 398.21+294.321
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-826-837

Будда в мифологической традиции ойратов

Баазр Александрович Бичеев¹, Урнэхдэлгэр Дашзэвэг²

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор философских наук, главный научный сотрудник
 0000-0002-9352-7367. E-mail: baazr[at]mail.ru

² Ховдский филиал Монгольского государственного университета (Р. О. Вох 16/4300, 213500 Ховд, Монголия)
PhD, профессор, заведующий кафедрой
 0000-0002-3099-5710. E-mail: urnukhdelger.d[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2024
© Бичеев Б. А., Урнэхдэлгэр Дашзэвэг, 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию религиозно-мифологической традиции ойратов, которая лежит в основе их этнической картины мира. *Цель* исследования заключена в выявлении соотношения разностадийных пластов в структуре архаических мифов, появившихся после принятия буддизма ойратами. *Материалы и методы.* Основным материалом исследования послужили образцы мифов ойратов Синыцзяна, опубликованные в фольклорных сборниках и периодических изданиях на «ясном письме» во второй половине прошлого столетия. Анализ такого рода образцов устного творчества вызывает необходимость применения не только традиционных методов исследования устной словесности, но и междисциплинарного подхода, позволяющего выявить закономерные процессы, обеспечивавшие отбор и сохранение определенных сюжетов и устойчивость религиозно-мифологической традиции. *Результаты.* Исторические и культурные связи ойратов уходят в глубину древней истории тюрко-монгольских народов Центральной Азии. Вследствие этого в их мифологии и сказочном фольклоре наблюдаются разные пласты архаических мифов, древних религиозных воззрений и буддийской мифологии. В содержании ряда мифологических и сказочных сюжетов, в которых наблюдается пересечение моральных и религиозных установок буддизма с устной традицией, персонажами выступают как сам Будда, так и другие божества буддийского пантеона. Анализ текстов ойратских мифов показывает, что сосуществование устной художественной системы с буддийской литературой повлекло естественное внедрение буддийского взгляда на мир во все аспекты духовной жизни ойратов, в том числе в структуру и содержание архаических мифов.

Ключевые слова: ойраты, мифологическая традиция, Будда, буддизм, буддийская литература, устная традиция

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации («Буддизм и глобальные вызовы современного мира», № 075-03-2023-121/2).

Для цитирования: Бичеев Б. А., Урнэхдэлгэр Дашзэвэг. Будда в мифологической традиции ойратов // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 826–837. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-826-837

Buddha in the Mythological Tradition of the Oirats

Baazr A. Bicheev¹, Urnukhdelger Dashzeveg²

¹ B. B. Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Chief Research Associate

 0000-0002-9352-7367. E-mail: baazr[at]mail.ru

² Khovd branch of the Mongolian National University (P. O. Box 16/4300, 213500, Hovd, Mongolia)

Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of the Department

 0000-0002-3099-5710. E-mail: urnukhdelger.d[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Bicheev B. A., Urnukhdelger Dashzeveg, 2024

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the study of the religious and mythological tradition of the Oirats, which underlies their ethnic worldview. *The purpose* of the study is to identify the relationship of different stages in the structure of archaic myths that appeared after the Oirats adopted the Buddhism. *Materials and methods.* The main material of the study are samples of the Oirats' myths of Xinjiang, published in folklore collections and periodicals in "clear writing" in the second half of the last century. The analysis of such samples of oral creativity necessitates the use of not only traditional methods of studying oral literature, but also an interdisciplinary approach that allows us to identify the regular processes that ensures the selection and preservation of certain plots and the stability of the religious and mythological tradition. *Results.* Historical and cultural ties of the Oirats go deep into the ancient history of the Turco-Mongol peoples of Central Asia. As a result, in their mythology and fairy-tale folklore we can see different layers of archaic myths, ancient religious views and Buddhist mythology. In the content of a number of mythological and fairy-tale plots, in which the intersection of moral and religious principles of Buddhism with oral tradition is observed, the characters are both Buddha himself and other deities of the Buddhist pantheon. Analysis of the texts of Oirat myths shows that the coexistence of the oral artistic system with Buddhist literature led to the natural introduction of the Buddhist view of the world into all aspects of the spiritual life of the Oirat ethnic group, including the structure and content of archaic myths.

Keywords: Oirats, mythological tradition, Buddha, Buddhism, Buddhist literature, oral tradition

Acknowledgements. The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation project no. 075-03-2024-113 "Buddhism and global challenges of the modern world".

For citation: Bicheev B. A., Urnukhdelger Dashzeveg. Buddha in the Mythological Tradition of the Oirats. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(4): 826–837. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-826-837

1. Введение

Традиционный для кочевников Центральной Азии тип мифологической системы был присущ всем тюрко-монгольским народам [Неклюдов 2019: 14]. Согласно распространенному положению, ее разделяют на степную (скотоводческую) и лесную (охотничью) мифологию, однако с учетом подвижности их границ [Неклюдов 2019: 14]. Древние истоки религиозно-мифологической традиции, по мнению исследователей, в большей неизменности сохранилась у таежных жителей, нежели у степных кочевников. У последних под влиянием проходивших у них исторических процессов консолидации в государственные образования перенастраивалась архаическая картина мира, а древние родовые культы почитания возводились в ранг государственных [Неклюдов 2019: 14].

Одним из носителей этой древней религиозно-мифологической традиции являются ойраты, которые в настоящее время в силу сложившихся обстоятельств исторически проживают на территории трех государств — Монголии, Китая и России. При этом ойраты относятся как к степной, так и лесной религиозно-мифологической традиции [Мифы народов мира 1994: 247–248]. Изменения, вызванные эпическим мышлением, затем принятием буддизма, повлияли на структуру и содержание мифов. Мифологические и эпические представления ассимилировались с буддийской картиной мира. К началу XVII в. буддизм уже стал неотъемлемой частью духовной жизни ойратов, что подтверждают законы «Великого Уложения», принятого на монголо-ойратском съезде 1640 г. [Их цааз 1981: 16].

Вслед за созданием в 1648 г. ойратского национального «ясного письма» начался период активной деятельности по переводу с тибетского языка буддийских текстов. За сравнительно короткий период времени было переведено более двухсот сочинений канонического содержания и произведений буддийской литературы [Раднабхадра 1999: 62–67]. Рукописные книги на «ясном письме» получили массовое распространение на огромном пространстве ойратских кочевий, простиравшихся от озера Кукунор на юге и до озера Балхаш на севере, от берегов Волги на западе до рек Иртыш и Ховд на востоке.

Устная художественная система ойратов, в которой еще сохранялись мифологические представления, стала сосуществовать с региональной буддийской литературой, возникшей на пересечении письменных и устных традиций [Топоров 2003: 13]. Широкую популярность получили повествования, в которых Будда был главным персонажем. Среди ойратских переводов известны два сборника буддийских джатак¹, повествующих о многочисленных рождениях Будды [Будда 2001; Джатаки 2003]. Наиболее популярные из них под влиянием устной системы лишались своего традиционного обрамления и превращались в буддийские притчи [Эрман, Парибок 2003: 14]. В силу текучести их структуры они обретали параллельное существование в двух художественных системах — устной и письменной.

2. Материалы и методы исследования

Опираясь на немногочисленные труды отечественных и зарубежных фольклористов, посвященных этой проблеме, и на основе собственных поле-

¹ Один из них представляет труд Арья Шуры «Гирлянда джатак» [Арья Шура 2000], другой — известный сборник джатак «Сутра о мудрости и глупости (Дзанлун-до)» [Сутра 2002].

вых материалов, собранных во время многолетних экспедиций в Монголии, С. Ю. Неклюдов поднимает широкий круг вопросов, связанных с ритуально-мифологической традицией монгольских народов. Анализ ритуально-мифологической составляющей этнической культуры монгольских народов выполнен на основе нескольких важных ее составляющих: картины мира как концепта реальной действительности, трансформации мифологического сюжета, системы демонологических представлений, соотношения религиозной и народной традиции, парадигмы отношений мифа и обряда [Неклюдов 2019: 12].

Исходя из обоснованных в данной работе подходов к анализу соотношения разностадияльных вкраплений в структуру мифа, основное внимание в нашем исследовании уделено анализу лишь некоторых мифологических сюжетов, в которых основным персонажем выступает Будда Шакьямуни. Основной принцип исследования заключен в том, что анализ мифологических сюжетов требует комплексного подхода, поскольку линия разграничения религиозно-мифологических традиций монгольских народов до принятия ими буддизма, тюркских народов до их вступления в ислам, а также оставшихся приверженцами традиционных верований народов Сибири, как уже было отмечено исследователями, достаточно подвижна [Неклюдов 2019: 14].

Основным материалом исследования послужили тексты мифов ойратов Синьцзяна, опубликованные в периодических изданиях и фольклорных сборниках, издававшихся на «ясном письме» после культурной революции в Китае. Уникальный фольклорный материал опубликован в журнале «Хан Тенгер» («Xān Tengger»), который издавался с 1981 г. по 1993 г. в Синьцзяне (г. Урумчи). Опубликованные фольклорные материалы частью были собраны местными исследователями, частью присланы в адрес редакции самими сказителями либо записаны энтузиастами у знатоков и носителей фольклора.

Среди большого количества опубликованных сказок, эпических текстов, исторических и религиозных преданий, занимательных притч и других видов фольклорных текстов опубликовано определенное количество мифов. К сожалению, эти образцы мифов не стали объектом научного исследования и, по сути, не введены в научный оборот. Фольклористы Китая в последние два десятилетия в силу поставленных государством задач занимаются сбором и публикацией песен эпосов «Джангар» и «Гесер». Для монгольских и российских исследователей материал остается практически недоступным. Номера журнала «Хан Тенгер» стали библиографической редкостью, и полного его комплекта нет ни в одной из университетских библиотек монголоведческого направления Синьцзяна, Внутренней Монголии, провинций Ганьсу и Цинхай КНР. К тому же среди фольклористов Монголии и России мало специалистов, имеющих опыт работы с текстами на «ясном письме».

Таким образом, анализ такого вида устного творчества вызывает необходимость применения не только традиционных методов исследования фольклора, но и междисциплинарного подхода, позволяющего выявить процессы, обеспечивавшие сохранность и устойчивость тех или иных сюжетов религиозно-мифологической традиции ойратов.

3. Результаты и обсуждение

В содержании ойратских мифов присутствует своеобразный сплав элементов сакрального акта творения и привнесенных буддийских страт, свидетельствующие

щих о замещении традиционных представлений новым буддийским взглядом на окружающий мир. При этом, как известно, сюжет архаического мифа не содержит какой-либо моральной оценки, поскольку представляет модель первоначального значения, которое не является образцом хорошего или плохого действия [Элиаде 2001: 161].

Все, о чем сообщается в мифе, имеет прямое отношение к существованию человека в этом мире и касается его самым непосредственным способом. Коллективный характер мифологического воображения свидетельствует о том, что по своей природе миф социален и существует благодаря обществу и во благо общества [Кайуа 2003: 83–84].

3.1. Буддийские элементы в мифе о творении первых людей

Исследователи высказывали разные точки зрения относительно буддийской мифологии в духовной культуре монгольских народов. Одни определяли ее как чуждую, другие — как ее органичную часть [Lörincz 1973: 104; Неклюдов 2019: 8]. Мы уже отмечали, что в XVII в. буддизм у ойратов трансформировал картину мира. Пожалуй, не осталось ни одного аспекта духовной культуры, куда бы ни внедрились элементы буддийского мировоззрения.

Имеющиеся в структуре мифа буддийские элементы органично вплетены в его содержание и не выглядят как искусственные вкрапления, которые можно было бы легко вычлени из канвы древнего мифологического сюжета. Более того, вполне естественным в ойратском мифе становится тот факт, что действия в нем разворачиваются не в мифологическое начальное время, а в одну из циклических кальп буддизма, и содержательно он наполнен основополагающими буддийскими представлениями. Кажущиеся не очень существенными буддийские элементы наполняют миф не присущим для него понятием судьбы, страдания и конечности жизни. Однако при этом буддийские элементы лишь дополняют содержание мифа, но не изменяют его традиционной структуры. Для примера обратимся к тексту ойратского мифа «Отчего собака покрыта шерстью, а человек нет»¹ («Kümün nüčüken noxoi üsütei boluqsan-ni») [ХТ 1988: 63–64]:

Давно это было. После того, как установилась кальпа этого мира, Бурхан-Тенгер решил создать человека и вылепил из глины мужчину и женщину. Для того чтобы оживить их, ему нужно было отправиться за аршаном (живой водой). Позвал он кошку с собакой, поручил им глиняных людей и сказал: «Будьте бдительны, черт непременно придет, чтобы навредить им». Бурхана долго не было и, действительно, явился черт, чтобы навредить глиняным людям. Но собака и кошка, сменяя друг друга, несли охрану и не давали ему приблизиться к ним. Тогда черт нашел хитрую уловку. Он бросил собаке кусок мяса, а кошке дал чашку молока. Пока собака ела мясо, а кошка лакала молоко, черт помочился на двух глиняных людей и удалился.

Когда Бурхан-Тенгер вернулся с аршаном, то оказалось, что два глиняных человека загрязнены мочой черта. Бурхан рассердился и велел кошке вылизать загрязненные волосы на теле глиняного человека. Затем вылизанные кошкой волосы он наклеил на собаку. Поскольку моча черта не попала на голову человека, то на голове и в тех местах, куда кошки не смогла достать языком, волосы на теле человека остались. Говорят, поэтому у человека на теле нет волос, а собака оказалась покрыта шер-

¹ Здесь и далее перевод наш. — Б. Б., У. Д.

стью. Отсюда пошла поговорка: «У кошки язык грязный, а у собаки — шерсть». Человек, оживленный аршаном, должен был жить вечно. Но из-за того, что черт загрязнил его своей мочой, срок его жизни оказался определенным.

В структуре этого мифа сверхъестественное существо Бурхан-Тенгри — это еще не Будда (ойр. *Бурхан Багши*), но уже и не Тенгри (ойр. *Теңгер*), главный объект почитания древней религиозной системы тенгрианства. Попытка свети два стадильно разных объекта почитания в единый образ и наречение его *Бурхан-Тенгери* свидетельствует о незавершенном процессе замещения одного сверхъестественного существа другим объектом почитания.

Несмотря на появление в мифе буддийских элементов, в целом изначальная структура мифа сохранилась в прежнем виде. Миф повествует не просто об акте творения или происхождении человека в начальные времена, а о важнейшем событии, свершение которого сделало человека таким, каким он есть в настоящем мире. Первый значимый элемент мифа, о котором не говорится прямо, но который является основой данного повествования — несовершенство мира, созданного сверхъестественным существом. Мир и населившие его живые существа уже созданы, но он беден, не полон и не гармоничен, поскольку в нем нет человека.

Второй значимый элемент — отсутствие у Бурхан-Тенгри чудодейственных способностей. Он лепит из глины фигурки мужчины и женщины, но вдохнуть в них жизнь не в силах, поэтому вынужден отправиться за живой водой (аршаном). Так судьба двух первых людей оказалась зависимой от поведения двух животных, оставленных для их охраны, — кошки и собаки.

Третий и основной элемент структуры мифа — смертность человека как следствие произошедшего. Дело даже не в абсурдности того, что срок жизни человека стал ограниченным из-за животных, которые не исполнили надлежащим образом порученные им обязательства. И даже не в том, что если бы этого не произошло, человек мог бы существовать бесконечно долго. Дело в том, что демонологический Черт (*чуткур*) предстает неким существом, обладающим способностями наносить вред окружающему миру и населяющим его существам. Например, сокращать срок жизни человека, помочившись на еще не оживленные глиняные фигурки первых людей.

Этот мифологический сюжет находит свое соответствие в мифологии тюркоязычных алтайцев, которые в свое время входили в состав Джунгарского ханства и фольклор которых также был подвержен определенному влиянию буддизма [НПА 2011: 22]. Однако алтайский миф заметно отличается своей структурой. В нем *Кудай*, так же как и в ойратском мифе *Бурхан-Тенгри*, отправляется на поиски чего-нибудь, поскольку «для души-тын человека что-нибудь идти искать надо было». В это время *Эрлик*, как и *чуткур* в ойратском мифе, обманывает собаку и, вставив тростинку в анус человека, вдыхает в него душу-тын [НПА 2011: 74–75].

В алтайском сюжете, в отличие от ойратского, выпадает этиологическое содержание повествования, он представляет осколок мифа творения. В свою очередь ойратский миф, который, казалось бы, своим названием указывает на присущий ему этиологический характер повествования, является своего рода дополнением к мифам творения.

3.2. Буддийская притча или этимологический миф

Среди ойратских мифов есть сюжеты, которые воспринимаются как буддийские притчи, несмотря на то, что в них содержатся структурные элементы мифа. Показателен в этом отношении миф под названием «Как появился еж» («Zaḡa yaḡaḡi bui boloqsan bui»), опубликованный в первом томе свода фольклора ойратов Синьцзяна [СФОС 2006: 144]:

Когда-то давно жил один бедный старик. Он существовал тем, что каждый день рубил сухую карагану и носил ее на продажу. В один из дней Будда решил обойти мир людей и животных, дабы убедиться, что все находятся в благополучии, не подвержены болезням и страданиям. Когда он обходил землю, ему встретился бедный старик, одетый в дырявое дэли (халат) и тащивший на себе тяжелую связку караганы. Будда почувствовал к нему сострадание, вынул из-за пазухи кусок золота, протянул старику и сказал: «Это обеспечит тебе безбедное существование до конца твоих дней. Больше не носи карагану, не подвергай себя страданиям». Будда отдал старику драгоценный камень и ушел осматривать мир далее.

Прошло три года. Будда в очередной раз совершал обход земли, дабы убедиться в спокойствии и благополучии всех живых существ. Когда он обходил землю, то ему опять встретился тот же старик в том же дырявом халате, тащивший на себе большую связку караганы. Старик, увидев Будду, смутился и не нашелся что сказать. Тогда Будда сказал: «Ты все также продолжаешь носить карагану? Больше не надо носить ее, подвергая себя страданиям». Он протянул старику драгоценный камень, который невозможно было растратить за одну жизнь. Затем попрощался со стариком и ушел.

Прошло еще три года. Будда, как и прежде, обходил землю и ему опять встретился все тот же старик в дырявом халате, тащивший на себе огромную связку караганы. Когда Будда направился к нему навстречу, старик лег на землю и спрятался под связкой караганы. Тогда Будда молвил: «Ты, существо с несчастной судьбой, большими страданиями, малыми благодеяниями и множеством грехов. Получив золото, ты так и не сумел изменить своего положения. Взяв драгоценность, так и не сумел разбогатеть. Так будь же ты ежом!».

Когда Будда сказал так, старик в тот же миг превратился в ежа. Говорят, поэтому еж, увидев человека, сворачивается в клубок. Его колючки напоминают большую связку сухой караганы.

В добуддийском веровании ойратов одним из почитаемых культов был культ Белого старца, образ который был ассимилирован буддизмом. Согласно традиции, Белый старец второго и шестнадцатого числа каждого месяца по лунному календарю совершает обход земного мира и записывает все благие и греховные деяния людей [Сутра 2023: 62]. В содержании данного мифа древний добуддийский культ Белого старца замещен образом Будды, получившим в мифологической традиции ойратов несвойственную для него роль владыки земной тверди и вершителя судеб живых существ.

В содержательном аспекте миф как бы наполнен основополагающим в буддийском мировоззрении понятием кармы и не присущим для мифа значением несчастной судьбы и страдания, как следствие человеческого невежества. Напомним, что миф не может быть подвержен моральной оценке и он не являет образцы

хорошего или плохого действия. Миф повествует о первых событиях, результатом которого что-то или кто-то является таким, каким оно есть в настоящем.

В этом мифе Будда дает бедному старику золото и драгоценный камень, чтобы тот смог, не подвергая себя страданиям, прожить оставшиеся годы жизни. Однако старик вопреки всему продолжает вести прежний образ жизни, несмотря на возможность изменить ее к лучшему. Будда называет его несчастным существом, которое вследствие малых благодеяний и множества грехов не может воспользоваться представленной ему возможностью, и превращает его в ежа. Так естественная для Белого старца функция наказания тех или иных живых существ за их греховные деяния переносится на Будду.

Столь несвойственная для Будды функция подспудно как бы оправдывается понятием буддийской кармы, индивидуальной судьбы. Как видно из содержания мифа, в нем нет явно выраженной дидактики, а этиологическая концовка объясняет, как появился в этом мире еж. Сюжет этого мифа близок произведениям комментаторской литературы буддизма.

3.3. Образ Будды в этиологических мифах

Этиологические мифы, согласно мнению исследователей, относятся к архаической мифологии, которая объясняет происхождение и характерные особенности птиц, животных, растений и др. [Мифы 2017: 17]. Мифы подобного рода также подверглись заметному влиянию буддизма. Среди действующих персонажей появляются Будда и другие божества буддийского пантеона.

Среди рассматриваемых мифов есть два сюжета этиологического содержания, в которых главным персонажем выступает Будда. Один из мифов известен под названием «Отчего сосна, можжевельник и эфедра вечнозеленые» («Хагуā арса зѣргене мѳнгкүдү көкү болуqсан-ни»). Он является пятым из семнадцати рассказов устного цикла обрамленных повестей «Волшебный мертвец» («Sıdtüküür-yin üligер»), записанного у синицзянского сказителя О. Байака¹ [ХТ 1989: 35–37]:

Будда наделил совершенным умом рожденных людьми и подчинил им судьбы всех животных. После того он дал вечную воду (аршан) двум своим слугам — ворону и вороне, он отправил их с наказом разбрызгать ее над рожденными людьми. Когда они, набрав вечной воды в клювы, летели над сосновым лесом, то ворона увидела на краю леса тушу мертвого оленя. Едва она успела раскрыть клюв, чтобы сказать ворону: «Давай выключем оба глаза этого мертвого оленя», как в тот же миг вечная вода пролилась над сосновым лесом. Рассерженный ворон ответил: «Разве здесь тебе велели разбрызгать вечную воду, разве нас с тобой не отправили разбрызгать ее над рожденными людьми». В тот же миг вечная вода из его клюва пролилась над можжевельником и эфедрой.

Ворону и вороне пришлось ни с чем вернуться восвояси. Поскольку живая вода, дарованная Буддой, пролилась над соснами, можжевельниками и эфедрой, то с тех пор они все четыре времени года остаются вечнозелеными. Будда рассердился на ворона и ворону и прогнал их прочь. С той поры ворон, говорят, не каркает подобно вороне. Не раскрывая клюва, он лишь произносит через нос: «хунг, хунг», словно бы вина себя в случившемся.

¹ В пяти номерах журнала «Хан Тенгер» (1989–1990 гг.) было опубликовано семнадцать сюжетов из сборника обрамленных повестей «Волшебный мудрец». Публикация сборника оказалась незавершенной, поскольку журнал прекратил свое существование.

Как видно из вступительной части сюжета, после завершения мироустройства Будда наделяет людей совершенным умом и вверяет им судьбы остальных живых существ мира. В этой вступительной части подспудно присутствует скрытый акцент на несовершенство созданного мира, несмотря на то, что он уже населен людьми и животными. Верховному божеству, в данном случае Будде, нужно некоторое время, чтобы осознать это. Этот элемент структуры архаического мифа, возможно, как-то связан с представлением об «отдыхающем боге». После некоторой паузы Будда решает, что людям, наделенным совершенным умом, не хватает бессмертия. Он отправляет двух своих слуг-воронов разбрызгать над людьми вечную воду.

Далее происходит «классическое» для мифа событие, когда смертность человека становится результатом произошедших событий. В данном случае ворон и ворона допускают досадную оплошность, в результате которой человек лишается бессмертия. Вечная вода, случайно выпавшая на лес, делает вечнозелеными сосну, можжевельник и эфедру.

В другом сюжете мифа Будда выступает устроителем законности и защитником всех живых существ, избавляющим их от различных невзгод и несчастий. Сюжет мифа «Отчего у грифа ноги обожженного цвета» («Tas-yin tabuq уауād түлengkei болuqsan bui») построен на сказочном мотиве выполнения трудного задания. Текст этого мифа записан в Синьцзяне школьным учителем Б. Байн-кишик [ХТ 1982: 156–157]:

В прежние времена хищный гриф был невероятно жестоким и питался только мясом человека. Каждый день он хватал кого-нибудь из тех людей, кто попался ему на глаза, и съедал. Узнав об этом, Будда наполнился состраданием к людям. Чтобы избавить их от опасности, он позвал грифа и сказал: «Твоя сила действительно велика! Давай померимся силой. Если выиграешь ты, то я отдам свою власть тебе, если выиграю я, ты должен будешь следовать моим приказам». Гриф обрадовался, услышав, что Будда обещает в награду свою власть, и ответил: «Хорошо, если я не смогу выиграть, то последую вашей воле».

Тогда Будда сказал: «Сейчас я выставлю одного человека. Если ты сможешь схватить его и улететь, выигрыш будет за тобой. Если не унесешь, то выигрыш будет мой». Будда завязал глаза грифу, сотворил силой волшебства каменного человека и раскалил его волшебным пламенем докрасна. Затем снял повязку с глаз грифа и сказал: «Лети и схвати этого человека!». Гриф полетел, схватил каменного человека, но не только не смог его сдвинуть с места, но и обжег себе ноги.

Тогда Будда спросил: «Кто из нас выиграл?». Грифу ничего не оставалось, кроме как сказать: «Вы выиграли, поступайте, как сочтете нужным». «Отныне ты не только перестанешь убивать людей, но даже не прольешь крови из носа мышки. Станешь питаться трупами диких и домашних животных, павших в горах и долинах», — повелел Будда и отпустил грифа. С тех самых пор ноги у грифа обожженного цвета и он стал бояться людей.

Сюжеты, в которых главными персонажами выступают Будда и мифический царь птиц Гаруди, широко известны в фольклоре монгольских народов. В них, как правило, Будда подчиняет себе царя птиц, который проигрывает ему в споре. В данном мифе мифического царя птиц замещает хищный гриф, который, согласно содержанию мифа, со времени своего появления в этом мире питается плотью

живых существ, в том числе и людей. Будда решает исправить существующее положение вещей и вызывает грифа на состязание в силе.

Таким образом, в этом мифологическом сюжете Будда выступает своеобразным преобразователем уже существующего порядка. Он с помощью искусного средства добивается победы над грифом и подчиняет его себе. Объясняющая функция заключена не только в том, что у грифа ноги обожженного цвета, из-за того, что он схватил раскаленную каменную фигуру человека, но и в том, что с тех пор он стал бояться человека.

4. Заключение

В мифологической традиции ойратов сохранились как архаические элементы, так и более поздние напластования, которые были связаны с процессом трансформации этнической картины мира под влиянием буддийской картины мироздания. Буддизм стал органичной частью духовной культуры ойратов, и его невозможно вычленивать из религиозно-мифологической традиции ойратов.

Анализ структуры и содержания ойратских мифов позволяет выделить в их ядре как архаические, так и более поздние буддийские напластования. При этом буддийский взгляд на мир доминирует над архаичным содержанием мифа. Более того, действие в них начинает разворачиваться не в мифологическое время первотворения, а в одну из циклических кальп буддизма. В содержании проанализированных ойратских мифов образы Белого старца и Тенгри замещаются образом Будды, на которого переносятся функции, присущие этим божествам древней религиозной традиции кочевников Центральной Азии.

Будда выступает в мифах ойратов как творец первых людей, как устроитель миропорядка и защитник людей и животных. Столь несвойственная для основателя мировой религии функция как бы оправдана подспудным наличием в содержании тех или иных мифологических сюжетов буддийского понятия кармы. Мифу как таковому не присуща моральная установка. Он лишь объясняет результат того, что произошло в первоначальное время.

Таким образом, структура и содержание ойратских мифов хотя и значительно трансформировались под влиянием буддизма, но при этом миф в целом не утратил своей универсальной функциональной значимости.

Источники

- Мифы 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков. Подготовка текстов, пер., вступит. ст., примеч., комментарии, указатели, словарь Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой. М.: Наука, Вост. лит., 2017. 367 с.
- Мифы народов мира 1994 — Мифы народов мира: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. Т. 2: К–Я. М.: Рос. энцикл., 1994. 719 с.
- НПА 2011 — Несказочная проза алтайцев / сост. Н. Р. Ойроткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).
- СФОС 2006 — Свод фольклора ойратов Синьцзяна КНР. Сказки [Dumdu ulusiyin Šinjiyang-giyin mongyol aradiyin aman üliger-yin emkidkel. Üliger.] / гл. ред. Ч. Эренце. Урумчи: Народное издательство Синьцзяна, 2006. 866 с.
- ХТ 1982 — Tas-yin tabuq uyād tülengkei boluqsan bui (= Отчего у грифа ноги обожженного цвета) // Xān Tengger. 1982. № 2. С. 156–157.
- ХТ 1988 — Kümün nüüken noxoi üsütei boluqsan-ni (= Отчего собака покрыта шерстью, а человек нет) // Xān Tengger. 1988. № 1. С. 63–64.

ХТ 1989 — Хаяγа агаа зэргене мөнгкүдү көкү болуqсан-ни (= Отчего сосна, можжевельник и эфедра вечнозеленые) // *Xān Tengger*. 1989. № 3. С. 35–37.

Sources

- The Fabulous Prose of the Altaians. N. Oynotkinova, I. Shinzhin, K. Yadanova, E. Yamaeva (comps). In: *Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East*; Vol. 30. Novosibirsk: Nauka, 2011. 576 p. (In Alt. and Russ.)
- The Code of Kalmyk Folklore. Myths, Legends and Traditions of the Kalmyks. T. Basangova, T. Mikhaleva (comps., trans., intro. art., notes, comments, indexes, dictionary). M.: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2017. 367 p. (In Kalm. and In Russ.)
- Myths of the Peoples of the World: in 2 vols. S. A. Tokarev (ed.-in-chief). 2nd ed. Vol. . Moscow: Russian encyclopedia., 1994. 719 p.
- The Set of Folklore of the Oirats of Xinjiang, China. Fairy Tales. C. Erentse (comp.). Urumqi: Xinjiang People's Publishing House, 2006. 866 p. (In Oirat.)
- Why do vulture's legs have a burnt color? In: *Khan Tengger*. 1982. № 2. С. 156–157. (In Oirat.)
- Why is a dog covered with hair, but a man is not In: *Khan Tengger*. 1988. № 1. С. 63–64. (In Oirat.)
- Why are pine, juniper and ephedra evergreen In: *Khan Tengger*. 1989. № 3. С. 35–37. (In Oirat.)

Литература

- Арья Шура 2000 — Арья Шура. Гирлянда джатак, или сказания о подвигах Бодхисаттвы / пер. с санскрита А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой, предисл. и примеч. О. Ф. Волковой. 2-е изд., доп. М.: Вост. лит., 2000. 367 с.
- Бичеев 2023 — Бичеев Б. А. Иконография буддизма: традиция изображения Белого старца // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2023. № 3. С. 576–597.
- Будда 2001 — Будда. Истории прошлых рождений. Гирлянда джатак. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 544 с.
- Джатаки 2003 — Джатаки: избранные рассказы о прошлых жизнях Будды / пер. с пали А. Парибка и В. Эрмана. СПб.: Возрождение, 2003. 416 с.
- Ёндон 2013 — Ёндон Д. Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литературы. 2-е изд. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2013. 201 с.
- Их цааз 1981 — Их Цааз («Великое Уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст. Транслит. сводн. ойратск. текста, реконстр. монгольский текст и его транслит., пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1981. 148 с.
- Кайуа 2003 — Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. 296 с.
- Мифы 2012 — Мифы Алтайских гор / сост. С. К. Петешева. Горно-Алтайск: ИП Кыдыев С. В., 2012. 96 с.
- Неклюдов 2019 — Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 520 с.
- Рабнабхадра 1999 — Раднабхадра. «Лунный свет»: История рабдхам Зая-пандиты. Факсимиле рукописи; пер. с ойратск. Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина; транслит. текста, предисл., прим. и указатели А. Г. Сазыкина. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 176 с.
- Сутра 2023 — «Сутра Белого старца» на «ясном письме»: исследование, перевод, транслитерация, комментарии, факсимиле / под ред. Н. В. Ямпольской, Н. С. Яхонтовой. М.: Наука – Вост. лит., 2023. 335 с.
- Сутра 2002 — Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо) / пер. с тиб., введ. и коммент. Ю. М. Парфионовича. 2-е изд. М.: Вост. лит., 2002. 320 с.
- Топоров 2003 — Топоров В. Н. «Дхаммапада» и буддийская литература // Дхаммапада / пер. с пали. Новосибирск: Согласие, 2003. С. 5–60.
- Элиаде 2001 — Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический Проект, 2001. 240 с.
- Эрман, Парибок 2003 — Эрман В., Парибок А. Предисловие // Джатаки: избранные рассказы о прошлых жизнях Будды. СПб.: Возрождение, 2003. С. 3–20.
- Lörincz 1973 — Lörincz L. Die mongolische Mythologie // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1973. Vol. 27. No. 1. S. 103–126.

References

- Arya Shura. Garland of Jatak, or Tales of the Bodhisattva's Exploits. A. Barannikov and O. Volkova (transl.). O. Volkova (pref. and notes). 2nd ed. M.: Vostochnaya Literatura, 2000. 367 p. (In Russ.)
- Badmaev A. V. Zaya Pandita. Lists of the Kalmyk Manuscript "Biographies of Zaya-pandita". Elista: Kalmykian Book Publ., 1968. 77 p. (In Russ.)
- Bicheev B. A. Iconography of Buddhism: The Tradition of Depicting the Old White Man. *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts.* 2023. No. 3. Pp. 576–596. (In Russ.)
- Eliade M. Aspects of Myth. M.: Academic Project, 2001. 240 p. (In Russ.)
- Erman V., Paribok A. Preface. Jatakas: Selected Stories about the Buddha's Past Lives. St. Petersburg: Vozrozhdenie, 2003. Pp. 3–20. (In Russ.)
- Endon D. Fairy Tales in the Monuments of Tibetan and Mongolian Literature. 2nd ed. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2013. 201 p. (In Russ.)
- Ihe Tsaaz ("The Great Code"). Monument of the Mongolian Feudal Law of the 17th Century. The Oirat Text. Transliteration of the Consolidated Oirat Text, the Reconstructed Mongolian Text and its Transliteration. S. Dylykov (trans., intro and comm.) M.: Nauka, Vostochnaya Literatura, 1981. 148 p. (In Russ.)
- Jatakas: Selected Stories about the Buddha's Past Lives. A. Paribok and V. Erman (transl.) St. Petersburg: Vozrozhdenie, 2003. 416 p. (In Russ.)
- Kayua R. Myth and Man. Man and the Sacred. M.: OGI, 2003. 296 p. (In Russ.)
- Lőrincz L. Die Mongolische Mythologie. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1973. Vol. 27. No. 1. Pp. 103–126. (In Germ.)
- Myths of the Altai Mountains. S. Peteshev (comp.). Gorno-Altaysk: Kydiev S. V., 2012. 96 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Folklore Landscape of Mongolia. Myth and Ritual. M.: Indrik, 2019. 520 p. (In Russ.)
- Radnabhadra. "Moonlight": The Story of Rabjam Zaya Pandita. Facsimile of the Manuscript; G. Rumyantsev and A. Sazykin (transl.) A. Sazykin (translit., pref., notes and indexes). St. Petersburg: Petersburgskoe Vostokovedenie, 1999 (In Russ.)
- Sutra on Wisdom and Stupidity (Zanlundo). Yu. Parfionovich (trans., intro, comm.). 2nd ed. Moscow: Vostochnaya Literatura , 2002. 320 p. (In Russ.)
- The Buddha. Stories of Past Births. Garland of Jatak. Moscow: EKSMO-Press, 2001. 544 p. (In Russ.)
- "The Sutra of the White Elder" in "Clear Letter": Research, Translation, Transliteration, Comments, Facsimile. N. Yampolskaya, N. Yakhontova (eds.). M.: Nauka. Vostochnaya Literatura, 2023. 335 p. (In Russ.)
- Toporov V. N. "Dhammapada" and Buddhist Literature. In: Dhammapada. Translated from Pali. Novosibirsk: Soglasie Publ., 2003. Pp. 5–60. (In Russ.)

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 16, Is. 4, pp. 838–848, 2024
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-838-848

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ЛИНГВИСТИКА

УДК / UDK 294.321+930.253+821.51
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-838-848

Приемы воздействия на адресата в деловых письмах хана Аюки на «тодо бичиг» («ясном письме») и их отражение в синхронических русских переводах XVII–XVIII вв. Часть 1

Галина Михайловна Ярмаркина¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь
 0000-0002-3701-9157. E-mail: dzalina8[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Ярмаркина Г. М., 2024

Аннотация. *Введение.* Деловые письма, адресантом которых выступает калмыцкий хан (до 1690 г. тайша) Аюка (1642–1724 гг.), написанные на «тодо бичиг» («ясном письме»), представляют собой политематичные полифункциональные тексты, реализующие в том числе информативную и воздействующую функции. Поскольку воздействующая функция реализуется прежде всего в побуждениях разной степени категоричности (просьба, приказ и др.) и тактиках, сопровождающих императивные субжанры, целью настоящей работы является выявление в деловых письмах на «тодо бичиг» императивных субжанров и других тактик речевого воздействия на адресата, анализ способов и средств выражения выявленных воздействующих приемов, а также их сопоставление с синхроническими переводами писем на русский язык. *Материалы и методы.* Источником материала послужили письма тайши (хана) Аюки, направленные в адрес представителей центральной и региональной российской власти с 1665 г. по 1714 г., и их синхронические переводы на русский язык, хранящиеся в фондах Российского государственного архива древних актов и Национального архива Республики Калмыкия. Для настоящей работы из писем указанного периода были отобраны только те, которые имеют сохранившийся синхронический перевод на русский язык. *Результаты.* Тактики объяснения причин просьбы, предварительного описания ситуации и напоминания о взаимных обязательствах являются характерными для деловых писем тайши (хана) Аюки. Эти тактики сохраняются в синхронических русских переводах, хотя собственно просьба или иной вид побуждения может передаваться не императивными конструкциями, а синонимичными, характерными для оформления косвенной речи. Важным оказывается фактор адресата, а также процесс становления норм русского делопроизводства. Выбор языковых средств в синхроническом переводе мог зависеть и от устной беседы с посланником хана Аюки, поскольку в некоторых случаях синхронические переводы писем содержат дополнения в правом контексте просьбы, представляющие собой дополнительные средства воздействия на адресата.

Ключевые слова: Аюка-хан, письма, XVIII в., «тодо бичиг» («ясное письмо»), синхронический перевод, побуждение, просьба, императив, тактики речевого воздействия, сравнительный анализ

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Ярмаркина Г. М. Приемы воздействия на адресата в деловых письмах хана Аюки на «тодо бичиг» («ясном письме») и их отражение в синхронических русских переводах XVII–XVIII вв. Часть 1 // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 838–848. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-838-848

The Techniques of Influencing the Addressee in the Business Letters of Khan Ayuka on “Todo Bichig” (“Clear Letter”) and their Reflection in the Synchronized Russian Translations of the 17th–18th Centuries. Part 1

Galina M. Yarmarkina¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation) Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate, Scientific Secretary

 0000-0002-3701-9157. E-mail: dzalina8[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Yarmarkina G. M., 2024

Abstract. *Introduction.* Business letters addressed by the Kalmyk Khan (before 1690, Taisha) Ayuka (1642–1724), written in todo bichig (“clear letter”), are polythematic multifunctional texts that implement, among other things, informative and influencing functions. Since the influencing function is realized primarily in motives of varying degrees of categoricity (request, order, etc.) and tactics accompanying imperative subgenres, the purpose of this work is to identify imperative subgenres and other tactics of speech influence on the addressee in business letters to todo bichig, to analyze the ways and means of expressing the identified influencing techniques, as well as their comparison with simultaneous translations of letters into Russian. *Materials and methods.* The source of the material was the letters of Taisha (Khan) Ayuka, sent to representatives of the central and regional Russian authorities from 1665 to 1714, and their simultaneous translations into Russian, stored in the collections of the Russian State Archive of Ancient Acts and the National Archive of the Republic of Kalmykia. For this work, only those letters from the specified period have been selected that have preserved a synchronized translation into Russian. *Results.* The tactics of explaining the reasons for the request, providing a preliminary description of the situation, and reminding of mutual obligations are typical of Ayuka’s business letters. These tactics are preserved in synchronized Russian translations, although the actual request or other type of motivation may be conveyed not by imperative constructions, but by synonymous ones characteristic of the design of indirect speech. The addressee factor is important, as well as the process of establishing the norms of Russian office work. The choice of language means in synchronized translation could also depend on an oral conversation with the envoy of Khan Ayuka, since in some cases synchronized translations of letters contain additions in the legal context of the request, representing additional means of influencing the addressee.

Keywords: Ayuka Khan, letters, 18th century, “todo bichig” (“clear writing”), simultaneous translation, motivation, request, imperative, tactics of speech influence, comparative analysis

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198 “Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China”

For citation: Yarmarkina G. M. The Techniques of Influencing the Addressee in the Business Letters of Khan Ayuka on “Todo Bichig” (“Clear Letter”) and their Reflection in the Synchronized Russian Translations of the 17th–18th Centuries. Part 1. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(4): 838–848. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-838-848

1. Введение

Деловые письма, адресантом которых выступает калмыцкий хан (до 1690 г. тайша) Аюка (1642–1724 гг.), написанные на «тодо бичиг» («ясном письме»), представляют собой политематичные полифункциональные тексты, реализующие в том числе информативную и воздействующую функции. Д. Б. Гедеева среди отличительных черт стиля писем хана Аюки отмечает краткость, лаконичность и, в некоторых случаях, категоричность [Гедеева 1999: 8]. Д. А. Сусеева, обращаясь к прагматическому аспекту писем хана Аюки, предлагает классификацию писем хана Аюки по времени написания, цели высказывания, выбору речевой тактики, тематике, адресату, форме подачи информации и др. [Сусеева 2003: 178–215]. По мнению Д. А. Сусеевой, в классификации писем хана Аюки по цели высказывания возможно выделить такие, в которых имеются императивные субжанры совета, требования и просьбы [Сусеева 2003: 195], однако специального лингвистического исследования приемов воздействия на адресата в деловых письмах хана Аюки до настоящего времени еще не было предпринято. Не рассматривался и вопрос об особенностях передачи на русский язык воздействующих тактик, характерных для калмыцких деловых писем, в синхронических переводах, хотя исследования русских деловых текстов XVII–XVIII вв. в отечественной лингвистике касаются разнообразных вопросов — от истории формирования делового стиля русского языка до анализа отдельных жанров русской деловой письменности и языковых средств, функционирующих в деловых текстах разных периодов (см. например: [Благова 1998; Виноградов 1982; Волков 1974; Гейгер, Валуевич 1986; Иванова 2014; Иванова 2023; Комарова 1997; Осипов и др. 1993; Садова, Руднев 2020; Трофимова 2002; и др.]).

Поскольку воздействующая функция реализуется прежде всего в побуждениях разной степени категоричности (просьба, приказ и др.) и тактиках, сопровождающих императивные субжанры, целью настоящей работы является выявление в деловых письмах на «тодо бичиг» императивных субжанров и других тактик речевого воздействия на адресата, анализ способов и средств выражения выявленных воздействующих приемов, а также их сопоставление с синхроническими переводами писем на русский язык.

2. Материалы и методы

Источником материала для исследования послужили письма тайши (хана) Аюки, направленные в адрес представителей центральной и региональной российской власти с 1665 г. по 1714 г., и их синхронические переводы на русский язык. Письма отложились в фондах Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА) и Национального архива Республики Калмыкия

(далее — НА РК). Для настоящей работы из писем указанного периода были отобраны только те, которые имеют сохранившийся синхронический перевод на русский язык. Таких писем в нашем материале 35. Адресат всех выбранных писем персонализирован: великие князья Иван Алексеевич и Петр Алексеевич Романовы (3 письма), царь Петр I (2 письма), Б. А. Голицын (2 письма), М. И. Чириков (24 письма), А. Н. Бекович-Черкасский (1 письмо). Практически в каждом письме обнаруживаются побудительные конструкции и дополнительные воздействующие тактики.

В первой части статьи рассматриваются приемы воздействия в письмах тайши / хана Аюки, адресованных первым лицам российского государства. Анализ приемов речевого воздействия в письмах, адресованных российским чиновникам (М. И. Чирикову, Б. А. Голицыну и А. Н. Бекову-Черкасскому и др.), будет представлен во второй части статьи.

Транслитерация, перевод оригинальных текстов на русский язык, примечания к переводу, оформленные в сносках, выполнены ведущим научным сотрудником Калмыцкого научного центра РАН, доктором исторических наук Д. Н. Музраевой. В ходе анализа материала используются описательный, сравнительно-сопоставительный методы и метод контекстуального анализа.

3. Приемы речевого воздействия в письмах, адресованных русским царям

Корреспондентами тайши / хана Аюки являлись первые лица российского государства. В настоящей работе рассматриваются письма, адресованные великим князьям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу Романовым, полученные в 1685 г., 1688 г., 1694 г., и письма царю Петру I, полученные адресатом в 1714 г. Рассматриваемые деловые письма не имеют самоназваний жанров и не содержат перформативных глаголов, способствующих конкретизации императивных субжанров, использованных в письмах.

3.1. Императивные субжанры, сопутствующие им тактики воздействия на адресата и их передача в синхронических переводах на русский язык

В одном из ранних писем тайши Аюки государям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу (1685 г.) содержится 5 императивных конструкций, которым в большинстве случаев предшествует левый контекст, усиливающий воздействующий эффект императива. Тактика напоминания о значимых фактах прошлого (в письме упоминается о шерти, наличии взаимных обязательств, в том числе ежегодного предоставления денежного жалованья) предваряет просьбу-требование: *urda küüneldüküdēn ögüdeq nige jiliyin tenggei mani öqüqtüi*: ‘Как и прежде, по договору¹ выдаваемое за один год наше денежное жалованье выдайте [нам]’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 4].

Вторая просьба в рассматриваемом деловом письме связана с предыдущим фрагментом: анафорическое местоимение отсылает к предшествующему контексту. *ene ügei mani zöb geküne xabur Enöüši-dü² mordonoi bida*: ‘Если эти наши слова посчитаете справедливыми, то весной мы выступим на Амударью’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 4]. И лишь после использования тактики

¹ Здесь букв. ‘как обсуждали (как обговаривали)’.

² *Enöüši* (Эноуши) — название реки; здесь речь идет, скорее всего, о реке Амударье.

условия — сообщения о намерении выступить в случае признания правоты в написанных выше словах — следует просьба: *yurban mingyan kümü yučin tob-toi-gi dari xoryolji ögüqtüi*: ‘Три тысячи человек, а также порох и свинец с тридцатью пушками выделите нам’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 4].

Следующая просьба предваряется тактикой вопроса — уточнением наличия взаимных обещаний. Вопрос занимает промежуточную позицию, и, с одной стороны, вопрос можно отнести к предыдущему фрагменту, с другой — к следующей теме письма. После вопроса следует информация о строительстве яицкими казаками городка и затем — просьба прекратить строительство: *andayārtān kelel-ceqsen üge mani bei bişü[:]* *Zai xazaq Zayigiyin doro bal/yasu barinai[:]* *töüni uurluqtui*: ‘В нашей присяге есть взаимные обещания¹, не так ли? Яицкие казаки в низовьях Яика строят городок, прикажите прекратить это’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 4]. Указанными тактиками воздействие на адресата не ограничивается, так как после просьбы следует веский для адресанта аргумент: *nutuγān bulāji abuqsan xoyino: xamtu bayiji čidaxu mani ügei*: ‘После того, как наши кочевья будут отняты силой, проживать вместе мы уже не сможем’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 4].

Просьбе вернуть калмыков предшествует информация о выполнении адресантом своих обязательств (вернули Астрахани 500 пленных) и об отсутствии ответных шагов: *el bolōd Ayidarxan-du tabun / zoun xaryuuli xariulji öqbö bida[:]* *orus amiy-gi ciq: / xariulji öqbö bida: manai nigečigi kümü xariulji ögüqsen/ten ügei[:]* *xalimaq amiy mani xariulji ögüqtüi*: ‘Поскольку установился мир, мы вернули Астрахани пятьсот пленных. Всех русских людей мы вернули. А из наших же ни одного человека не вернули вы. Верните наших калмыков²’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 4].

Сопоставление с синхроническими переводами калмыцких деловых писем на русский язык показывает наличие разных стратегий перевода императивных конструкций: императив может опускаться без замены другой конструкцией; императивная конструкция может быть заменена иной конструкцией, косвенно передающей интенцию побуждения к действию; императивной конструкции в оригинале соответствует императивная конструкция в синхроническом переводе.

Так, в синхроническом переводе рассмотренного выше письма просьба выдать жалованье за второй год отсутствует, хотя вся информация, предшествующая просьбе в оригинале, передается: *И после де того договору и шерти послал он трех посланцов к великим государем, чтоб с теми посланцы прислать к нему пушек, зелья, свинцу, и служилых людей, и о годовом жалованье. И по их де великих государей указу велено то все дать в Астарахани: порох и свинец, и за два года жалованья. И по той де грамоте жалованье на один год дано, а на другой год не выдано* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 16–17].

Для передачи просьбы о подкреплении переводчиком выбрана инфинитивная конструкция, характерная для стиля пересказа сообщения. Количество пушек (30) и войска (3 000 чел.) в переводе указано, однако фраза, связывающая текст с предыдущей частью письма, в синхронический русский перевод не включена: *А он де, Аюкай тайши, хочет идти на Дарью реку, под Хиву и под Бухары на весну. И чтоб к нему прислать 30 пушек с порохом и свинцом, да 3 000 слу-*

¹ Букв. ‘слова, которые были обговорены (обсуждены)’.

² Здесь букв. ‘калмыцкие души, калмыцких людей’.

жилых людей. А он де, Аюкай тайшии, шерти и договору своего не нарушит. Правый контекст, который в оригинале мог относиться как к предыдущей части письма, так и к последующей, таким образом, относится к просьбе о пушках и подкреплении и выглядит как тактика-обещание соблюдать договоренности и выполнять взятые на себя обязательства [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 17].

Просьба прекратить строительство яицкими казаками городка передана также без использования императива, конструкцией косвенной речи, характерной для пересказа. Эта конструкция включает в себя и обоснование причины просьбы (для того, что у них на том месте бывает кочевье): *Да и яицкие казаки строят городок на Яике реке промеж Гурьева у Казачья городка. И чтоб великие государи тем казаком того городку строить не велели для того, что у них на том месте бывает кочевье* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 17].

Стратегия перевода просьбы вернуть подвластных Аюке калмыков аналогична: к инфинитивной конструкции добавляется частица *бы*, которая значительно смягчает побуждение и приближает просьбу к субжанру пожелания: *А как де от Астарахани юртовские татаровя отошли к нему в улусы кочевать, и он тех татар и русских людей, полонеников, отослал в Астарахань 500 человек. А которые де калмыки ево улусу под низовыми городами взяты, и тех бы калмыков отдать ему, Аюкаю* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 17].

Таким образом, в письме, адресованном высшим лицам государства, адресант оформляет императивные субжанры, используя императивные конструкции и предваряя их информацией, так или иначе объясняющей причины и обоснованность обращения с просьбой. В русском синхроническом переводе императивные конструкции регулярно заменяются инфинитивными с разной степенью смягчения побуждения или не передаются вовсе: переводчик ограничивается констатацией факта отсутствия положенного жалованья. Просьба, таким образом, становится имплицитной, а переданная информация о невыполнении обещаний приобретает функцию намека на необходимость дальнейших действий по исправлению ситуации. Отметим, что в синхроническом переводе также отсутствуют глаголы речи или имена императивных субжанров (просьба, пожелание, требование и т. п.).

В следующем письме к русским царям, которое напоминает жалобу или претензию, встретилось 4 императивные конструкции. Поскольку в письме говорится большей частью о договоренностях, закрепленных в шерти, то тайша Аюка напоминает о принятых сторонами обязательствах, уверяет адресата в выполнении своих обещаний. Несколько императивных конструкций представляют собой, скорее, риторические фигуры, призванные усилить воздействующий эффект и побуждающие адресата проверить достоверность написанного в послании: *Андһарасн давж буру кесмдн алькв, келтн*. 'Где мы нарушили свою присягу и поступили неверно, скажите'; *Бидн андһарасн ээж, орсас хани дааһ авдо, авсн болхна, келтн*. 'Мы, боясь своей присяги, не сводили счета с русскими, если все же сводили, то расскажите' [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 1–2]. После оценочного сообщения об отсутствии в Астрахани хороших чиновников следуют предложения, содержащие побуждение: *yeke sayān xani tusai mangγud kele medekü sayin bayar ilgeqtün: ene ügēn ese itegel{dū}küne tanai sayin köün ende manā köüneldēd manai sayin köün tan-du ireji andaγārlaldutuyai: eštegiyin abuqsan mal amiγ manī sayin köü ilgeji / бүтөлгеји өгүгтүн*: 'Великого

Белого хана помощника, знающего татарский язык боярина пришлите. Если к этим словам нет доверия, пусть ваш хороший человек поговорит здесь с нами, наш хороший человек отправится к вам, и пусть вместе присягнут. Отправив хорошего человека, решите [вопрос] с нашим скотом и людьми, которых забрали башкиры' [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 1–2].

В переводе рассмотренного письма просьба прислать человека, владеющего татарским языком, передается как косвенной конструкцией (*чтоб прислали*), так и конструкцией с императивом (*пришлите*): *Чтоб великие государи пожаловали прислали доброго человека язычного, чтоб по татарски знал. Преж сего езживали язычные люди ко мне. Буде не поверите этому письму, доброго человека пришлите, и я с ним сам стану говорить. Пожалуйте, великие государи, пришлите с Москвы доброго человека, и я с ним переговорю* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 6]. В переводе использован показатель субжанра просьбы — императив глагола *пожаловать* — *пожалуйте* / *чтоб пожаловали*.

Практически во всех письмах содержится распоряжение / просьба о дальнейших действиях в отношении посланника. Просьба эта, как правило, также находится в постпозиции (ей предшествует информация об имени посланника, именах и количестве сопровождающих его лиц) и нередко является заключительной конструкцией деловых писем. В данном случае сложно говорить о воздействующем потенциале левого контекста. Скорее, здесь мы видим пример реализации одного из требований эффективной речи — стремление к полноте информации: *elči mini öñdöi baqši bodiyöči¹ Mañiq bügüdēr yučin kümün[:] elči mini morīr xariul*: 'Мой посланник, Энята багши, подъячий Маджиг — все вместе тридцать человек. Посланника моего отправь назад верхом (на лошади)' [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 4]. Просьба, содержащаяся в калмыцком письме, передана в синхроническом русском переводе инфинитивной конструкцией со значением необходимости: *Присланного иво отпустить степью, а торговых людей — водою стругом* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 17].

В другом примере синхронического перевода аналогичной просьбы (*elčiγ tanī morīr ötör xariuluqtun*: 'Посланника нашего скорейшим образом отправьте назад верхом (на лошади)' [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 1–2]) использован актуализатор побуждения (*пожалуй*), и обращение, отсутствующее в письме на «тодо бичиг»: *Великие государи, пожалуйста посланников моих отпустите вскоре коньми* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 6].

Письмо хана Аюки 1694 г. содержит несколько просьб, касающихся решения сложных вопросов, а также просьбу о посланнике. В первой просьбе в качестве воздействующей использована тактика условия, при котором необходимо действие со стороны адресата: *manā inaq boluya geküne ene yurбуlуayin {a}rban sayin kümüyini ilgeqtün man-du: buruu zöbiyini medeqsen Ayidar-xani kinas Peter Iban-üči Ša{r}-toudu bayijī zarγuyimani хаγalji öqtügei*: 'Если говорите „Станьте нашими друзьями“, то пришлите нам десять лучших представителей от этих трех [групп]. Астраханский князь Петр Иванович, знающий, кто прав, а кто не прав, находясь в Саратове, пусть разрешит наше судебное [дело]' [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1694 г. Д. 1. Л. 8–9].

¹ *bodiyöči* — искаженное русское слово *подъячий*, обозначающее человека, выполнявшего под руководством дьяка основную делопроизводственную работу в государственном учреждении.

Просьба о посланнике сформулирована аналогично предыдущим: *{elčiy} manī ötör xariuluqtun*: ‘Наших посланников скорейшим образом отправьте назад’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1694 г. Д. 1. Л. 8–9].

В синхроническом переводе использованы побудительные конструкции, основой которых служит императив глагола *указать* + инфинитив смыслового глагола: *укажите прислать, укажите росправу учинить*: *Ис тех tr{ex} добрых человек укажите прислать ко мне. Буде моя в чем {...} неправда и неверность, и про то про все укажит{e} росправу учинить* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1694 г. Д. 1. Л. 10–12об.].

Кроме того, переводчик выбирает императивную конструкцию вместо косвенного побуждения, которое можно усмотреть в сообщении об ожиданиях брата и детей Аюки: *Брат мой Аюкин Норбу Замсу, Чирдувчан, Араптан, Санзяп, Гунчан, Чеган, Кундун Делек и т{e}м семерым детям моим и братьем пожалуйста де{...}ми Данжину, Анку, Назару, Монко-Темиру, Балбу, Чимету, Мелешу; ... Пожалуйста их своим государским жалованьем, деньгами, как ваше государское изволение будет* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1694 г. Д. 1. Л. 10–12об.]. Просьба о получении Аюкой «государского жалованья» не только предваряется напоминанием о сложившейся традиции, но и подкрепляется заверением о сохранении доброй памяти об удовлетворенной просьбе и полученных дарах: *Прежде сего ваше государское жалованье присылаю ко мне соболю, кречет, пицаль на золоте прежде сего много ваше государское жалованье присылаю было, и ныне против прежнего своего государского указа пожалуйста меня своим государским жалованьем. И мне бы ваше государское жал{o}ванье не забытно было в памяти нашей* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1694 г. Д. 1. Л. 10–12об.].

Просьба о посланниках, переданная императивной конструкцией, смягчается этикетным актуализатором *пожалуйста* и обращением *великие государи*: *Посланцов моих пожалуйста, великие государи, не задержите, вскоре ко мне отпустите, чтоб мне табун вскоре прислать (нрзб).* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1694 г. Д. 1. Л. 12].

Письмо 1714 г., адресованное царю Петру Алексеевичу, содержит информацию о произошедших событиях и трудноразрешимой ситуации. Письмо завершается просьбой о получении ответа: *yatāriyini dēre yeke saγān xān ayiladxai*: ‘Что будет лучше, Великий Белый хан, соизвольте изложить’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 2. Л. 19]. В этом же письме обращаем внимание на формулировку, содержащую имплицитное побуждение: *zōb burui zarγui manī keleji / öküne sayin aqsanji*: ‘Если расскажут, правда или ложь наше судебное [разбирательство], то было бы хорошо’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 2. Л. 19].

В синхроническом переводе в одной синтаксической конструкции объединяются оба побуждения, выраженные формулой *чтоб + инф.* и описательно (*что мне повелит*): *А буде твое царское величество повелишь нам о той казне и пожитках писать, и мы писать имянно будем, а чтоб от твоего царского величества и от турецкого салтана прислать к нам дву добрых челоувк, и они б правду и неправду нашу розыскали, от чего им от нас, а нам от них бывает ссора и грабежи, и об выше помянутом о всем твое црское величество что мне повелит.* [РГАДА. Ф. 119. 1714 г. Д. 2. Л. 21].

Таким образом, воздействующей тактикой в данном письме является признание власти, ее широких возможностей и отсутствие сомнений в правильности принятого адресатом решения.

В следующем письме Петру I отмечаем такую же закономерность: сначала дается описание ситуации, причины обращения с деловой просьбой, а затем — формулировка просьбы: *töüni tölō / mandu olon bolxuna tümen: dunda bolxuna dolōn / nayıman mingyan: adaq bolxuna tabun mingyan: moritoi / ceriq Ayıdar-xan dēre ilgei-te*: ‘По этой причине, чтобы для нас было многочисленным, то десяти тысячное, чтобы [считалось] средним, то семи восьмитысячное, в крайнем [случае] — пяти тысячное конное войско пошлите в Астрахань’ [РГАДА. Ф. 119. 1714 г. Д. 12. Л. 3об.–4].

К воздействующим тактикам отнесем и упоминание о необходимости словесного выражения поддержки мнения Аюки со стороны русского государя: *mini ügēr bolji / bai geji yeke sayān xan zakixuna mandu yeke kereqtei / asanji*: ‘Если бы Великий Белый хан приказал: «Следуйте моим [Аюки-хана] словам!» — то для нас это было бы [то, в чем] очень нуждаемся» [РГАДА. Ф. 119. 1714 г. Д. 12. Л. 3об.–4].

Синхронический перевод делового письма сохраняет композицию оригинала и, кроме того, содержит дополнительное средство воздействия — указание на острую необходимость в подкреплении войсками: *А после что зделаетца, того не ведаю, и ради сей нужды буде возможно пожалуй десять тысяч служивых людей, а буде невозможно столько, хотя восемь или семь тысяч, а по последней мере хоть пять тысяч конницы. И чтоб посланы были в Астрахань, и меня б те войска слушали. И буде ваше Царское величество пришлете, и нам те люди надобны* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 12. Л. 10–10об.].

3. Заключение по первой части статьи

Тактики объяснения причин просьбы, предварительного описания ситуации и напоминания о взаимных обязательствах являются характерными для деловых писем тайши / хана Аюки. Эти тактики сохраняются в синхронических русских переводах, хотя собственно просьба или иной вид побуждения может передаваться не императивными конструкциями, а синонимичными, характерными для оформления косвенной речи. Здесь, на наш взгляд, важным оказывается фактор адресата (в этикетном оформлении в целом письма к русскому царю отличаются от писем, адресованных иным высокопоставленным лицам), а также процесс становления норм русского делопроизводства. Вместе с тем нельзя исключать и иных факторов, например, выбор языковых средств в синхроническом переводе мог зависеть и от устной беседы с посланником хана Аюки, поскольку в некоторых случаях синхронические переводы писем содержат дополнения в правом контексте просьбы, представляющие собой дополнительные средства воздействия на адресата.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Russian State Archive of Ancient Acts.

Литература

- Благова 1998 — *Благова Н. Г.* Лексика и фразеология памятников русского права XVII века: (На материале Уложения 1649 г.). СПб.: С.-Петербург. ун-т, 1998. 102 с.
- Виноградов 1982 — *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.
- Волков 1974 — *Волков С. С.* Лексика русских челобитных XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л.: Ленингр. ун-т, 1974. 164 с.
- Гедеева 1999 — *Гедеева Д. Б.* Правовая лексика в ойратском письменном языке XVII–XVIII вв.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999. 18 с.
- Гейгер, Валуевич 1986 — *Гейгер Р. М., Валуевич М. В.* Проблемы изучения делового языка XVII в. по рукописным памятникам письменности Тобольского Знаменского и Абалакского монастырей XVIII века // Виноградовские чтения. Мат-лы межвуз. науч. конф. Тобольск: Тобольск. гос. пед. ун-т, 2001. С. 134–136.
- Иванова 2014 — *Иванова Е. Н.* Креативные приемы воздействия на адресата в деловых письмах исторической языковой личности // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2014. № 2. С. 186–191.
- Иванова 2023 — *Иванова Е. Н.* Приемы речевого воздействия на нижестоящего адресата в деловых письмах XVIII в. // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2023. № 21. С. 83–93.
- Комарова 1997 — *Комарова Л. Э.* Тюменские челобитные XVII–XVIII вв. как историко-лингвистический источник // Архив и исследователи: сотрудничество в интересах настоящего и будущего. Мат-лы науч. конф., посвящ. 75-летию Гос. архива Тюменской области. Тюмень: Гос. архив Тюменской обл., 1997. С. 34–38.
- Осипов и др. 1993 — *Осипов Б. И., Гейгер Р. М., Рогожникова Т. П.* Язык русских деловых памятников XV–XVIII вв. Фонетический, орфографический и стилистический аспекты. Омск: ОмГУ, 1993. 95 с.
- Садова, Руднев 2020 — *Садова Т. С., Руднев Д. В.* Из истории русских просительных жанров: лингвистический аспект // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 5. С. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.493
- Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования. Элиста: Джангар, 2003. 456 с.
- Трофимова 2002 — *Трофимова О. В.* Тюменская деловая письменность. 1762–1769 гг.: Кн. III. Тюменские рукописные деловые тексты 1762–1796 гг. в аспектах лингвистики и документоведения: Лингвистический анализ текста. Тюмень: Вектор Бук, 2002. 232 с.

References

- Blagova N. G. Vocabulary and Phraseology of Monuments of Russian Law of the 17th Century: (Based on the Code of 1649). St. Petersburg: St. Petersburg University, 1998. 102 p. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. Legal Vocabulary in the Oirat Written Language of the 17th–18th Centuries: Cand. Sc. (Philology) thesis abstract. Moscow, 1999. 18 p. (In Russ.)
- Geiger R. M., Valuevich M. V. Problems of Studying the Business Language of the 17th Century from the Handwritten Monuments of the Tobolsk Znamensky and Abalak Monasteries of the 18th Century. In: Vinogradovskie Chteniya. Materials of the Inter-University Scientific Conference. Tobolsk: Tobolsk State Pedagogical University, 2001. Pp. 134–136. (In Russ.)
- Ivanova E. N. Creative Methods of Influencing the Addressee in Business Letters of a Historical Linguistic Personality. *Ural Journal of Philology*. Series: Psycholinguistics in Education. 2014. No. 2. Pp. 186–191. (In Russ.)
- Ivanova E. N. Techniques of Speech Influence on the Subject Addressee in Business Letters of the 18th Century. *Psycholinguistic Aspects of Studying Speech Activity*. 2023. No. 21. Pp. 83–93. (In Russ.)
- Komarova L. E. Tyumen Petitioners of the 17th–18th Centuries as a Historical and Linguistic Source. In: Archive and Researchers: Cooperation in the Interests of the Present and the Future. Proceedings of the Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the State Archive of the Tyumen Region. Tyumen: State Archive of the Tyumen Region, 1997. Pp. 34–38. (In Russ.)

- Osipov B. I., Geiger R. M., and Rogozhnikova T. P. The Language of Russian Business Monuments of the 15th–18th Centuries. Phonetic, Spelling, and Stylistic Aspects. Omsk: Omsk State University, 1993. 95 p. (In Russ.)
- Sadova T. S., Rudnev D. V. From the History of Russian Petitioning Genres: the Linguistic Aspect. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 5. Pp. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.493 (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters of Khan Ayuka and His Contemporaries, 1714–1724: A Linguosociological Study. Elista: Dzhangar, 2003. 456 p. (In Russ.)
- Trofimova O. V. Tyumen Business Writing. 1762-1769: Vol. 3. Tyumen Handwritten Business Texts of 1762–1796 in Aspects of Linguistics and Documentation: Linguistic Analysis of the Text. Tyumen: Vector Book, 2002. 232 p. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th–18th Centuries. Moscow: Vysshaya Shkola, 1982. 528 p. (In Russ.)
- Volkov S. S. Vocabulary of Russian Petitioners of the 17th Century. Formulary, Traditional Label and Style Tools. Leningrad: Leningrad University, 1974. 164 p. (In Russ.)

ЛИНГВИСТИКА

УДК / UDC 811.512.3

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-849-863

Латинско-русско-калмыцкий словарь А. Соколова (1769–1771): общая характеристика и некоторые графо-фонетические особенности

Саглар Викторовна Мирзаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-8542-0260. E-mail: kundgabo[at]list.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Мирзаева С. В., 2024

Аннотация. *Введение.* В изучении истории любого языка особую ценность представляют лексикографические материалы. Что касается калмыцкого языка, самые ранние из сохранившихся источников подобного рода относятся ко второй половине XVIII в.: это анонимный русско-калмыцкий словарь, повторно опубликованный в 2014 г., и латинско-русско-калмыцкий словарь Адриана Соколова (1769–1771), до сих пор не введенный в научный оборот. *Цель* статьи — дать общую характеристику словаря А. Соколова и рассмотреть на его материале некоторые фонетические особенности калмыцкого языка второй половины XVIII в. *Материалом* исследования выступает «Kalmükisch Vocabularium von Studenten Adrian Sokolov in den Jahren 1769.1770 und 1771» («Калмыцкий словарь, [составленный] студентом Адрианом Соколовым в 1769–1771 гг.») из фондов Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург). Словарь состоит из 76 листов и включает 1 785 калмыцких слов. Автором статьи был выполнен набор русско-калмыцкой части словаря с добавлением форм современного литературного языка, после чего подготовленный файл был загружен на платформу Lingvodoc для сравнительно-сопоставительного анализа с прамонгольскими рефлексациями и формами современного литературного калмыцкого языка. *Результаты.* Особая ценность рассматриваемого в публикации словаря заключается в том, что в нем представлена авторская кириллическая транскрипция калмыцких слов, выполненная сторонним наблюдателем, не знакомым с нормами книжного (письменного) языка и поэтому более точно (на наш взгляд) отразившим особенности звучания устной калмыцкой речи в рассматриваемый период. Установленные в словаре соответствия, такие как Сок. *e* — лит. калм. *ө* (ПМонг. **e*), Сок. *o* — лит. калм. *ө*, Сок. *ай / ой* — лит. калм. *a*, Сок. *u* — лит. калм. *у*, Сок. *б* — лит. калм. *в* совпадают с прамонгольскими рефлексам и могут быть охарактеризованы как архаичные черты калмыцкого языка второй половины XVIII в., которые обнаруживаются и в калмыцких словниках немецких ученых того же периода Г. Ф. Миллера (1760–1762), П. С. Палласа (1771, 1776–1789), Б. Бергмана (1804–1805) и Ю. Г. Клапрота (1831). Это позволяет сделать вывод о том, что

данные языковые явления были характерны для калмыцкого языка этого периода в целом, а не только для отдельных диалектов. Инновационные соответствия Сок. *e* — лит. калм. *ө* (ПМонг **ö*), Сок. *o* — лит. калм. *у*, Сок. *ц* — лит. калм. *ч* также встречаются в материалах немецких исследователей, что может указывать на их наддиалектный характер. Соответствия Сок. *io* — лит. калм. *ү*, Сок. *у* — лит. калм. *ө* и Сок. *у* — лит. калм. *ү* установлены только в словнике Б. Бергмана, в котором зафиксирован, скорее всего, дербетский говор калмыцкого языка, поэтому можно предположить, что в словаре А. Соколова также отражены диалектные особенности данного говора.

Ключевые слова: Адриан (Андриан) Соколов, словарь, калмыцкий язык второй половины XVIII в., графо-фонетический анализ, прамонгольский язык, соответствия, Lingvodoc, инновация, архаизм

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Мирзаева С. В. Латинско-русско-калмыцкий словарь А. Соколова (1769–1771): общая характеристика и некоторые графо-фонетические особенности // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 849–863. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-849-863

Latin-Russian-Kalmyk Dictionary by Adrian Sokolov (1769–1771): General Description and Some Remarks on Its Grapho-phonetic Features

*Saglara V. Mirzaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Cand. of Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-8542-0260. E-mail: kundgabo[at]list.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Mirzaeva S. V., 2024

Abstract. Introduction. Lexicographic sources are of special value in the studies on the history of any language. As for Kalmyk language, the earliest sources of such kind dating back to the second half of the 18th century are an anonymous Russian-Kalmyk dictionary published by Kalmyk researchers in 2014 and Latin-Russian-Kalmyk dictionary by Adrian Sokolov (1769–1771), which has yet to be introduced into scientific circulation. This paper *aims* to provide a general description of A. Sokolov's dictionary and to analyze some grapho-phonetic features of the Kalmyk language of the second half of the 18th century. The study is based on “Kalmükisch Vocabularium von Studenten Adrian Sokolov in den Jahren 1769, 1770 und 1771” stored in collections of National Library of Russia (St. Petersburg). The dictionary consists of 76 pages and includes 1,785 Kalmyk words. We compiled the Russian-Kalmyk part of the dictionary and added modern literary Kalmyk forms, after that the dictionary materials were uploaded to Lingvodoc platform to provide comparative analysis with Proto-Mongolic and contemporary literary Kalmyk forms. *Results.* The particular value of this dictionary is that it contains an author's Cyrillic transcription of Kalmyk words, made by an outside observer unfamiliar with the rules of the literary (written) language, and therefore more accurately (in our opinion) reflecting the characteristics of Kalmyk oral speech of this period. The correspondences established in the dictionary, such as *e* — lit. Kalm. *ө* (Proto-Mongolic **e*), *o* — lit. Kalm. *ө*, *ai* / *oi* — lit. Kalm. *a*, *i* — lit. Kalm. *ү*, *b* — lit. Kalm. *ө*, coincide with Proto-Mongolic reflexes and can be characterized as archaic features of the Kalmyk language of the second half of the 18th century. They are

also found in the Kalmyk wordlists made by German scholars of the same period, such as G. F. Müller (1760–1762), P. S. Pallas (1771, 1776–1789), B. Bergman (1804–1805), and J. G. Klaproth (1831). This allows us to conclude that these linguistic features were typical for the Kalmyk language of this period as a whole, and not just for separate dialects. The innovative correspondences such as *e* — lit. Kalm. *ө* (Proto-Mongolic **ö*), *o* — lit. Kalm. *у*, and *ts* — lit. Kalm. *ч* are also found in the abovementioned wordlists, which may indicate the fact that they were supra-dialectal. The correspondences *io* — lit. Kalm. *у*, *u* — lit. Kalm. *ө*, *u* — lit. Kalm. *у* are only found in B. Bergman's materials, who recorded, supposedly, Derbet dialect of the Kalmyk language. Thus, we can suggest that the dictionary by A. Sokolov also reflects the dialectal features of Derbet dialect of the Kalmyk language of the second half of 18th century.

Keywords: Adrian (Andrian) Sokolov, dictionary, Old Kalmyk of the second half of 18th century, grapho-phonetic analysis, proto-Mongolic language, correspondences, Lingvodoc, innovation, archaism

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 ‘Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China’.

For citation: Mirzaeva S. V. Latin-Russian-Kalmyk Dictionary by Adrian Sokolov (1769–1771): General Description and Some Grapho-phonetic Features. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(4): 849–863. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-849-863

1. Введение

Калмыцкий язык в диахроническом аспекте прошел несколько этапов развития, согласно Д. А. Павлову, — общемонгольский период (неустановл. — конец XIV в.), формирование самостоятельного ойратского языка, а затем письменности (конец XIV в. — первая половина XVII в., вторая половина XVII в. — 1917 г.) и этап современного калмыцкого литературного языка (с 1917 г. вплоть до настоящего времени) [Павлов 2000: 18–19]. Наиболее ранние источники, которыми мы располагаем, относятся ко второй половине XVIII в. Это письма калмыцких ханов и владельцев и лексикографические источники, или иначе — двуязычные русско-калмыцкие и калмыцко-русские словари, которые, как правило, в период XVIII – начале XIX в. составлялись религиозными миссионерами и представляли собой результат проповеднической деятельности среди калмыцкого населения. Многие из этих словарей уже опубликованы и введены в научный оборот [Русско-калмыцкий словарь... 2014; Cornelius Rahmn's Kalmuck Dictionary 2012; Куканова, Михалева 2018], рассматривались в научных публикациях [Бембеев 2015; Бембеев, Куканова 2014; Куканова и др. 2012; Куканова, Бембеев 2012; Куканова и др. 2013; Куканова 2013; Мулаева 2012; Мирзаева, Долеева 2022; и др.].

Самыми ранними из словарей калмыцкого языка, датируемыми второй половиной XVIII в., являются анонимный русско-калмыцкий словарь, повторно опубликованный учеными Калмыцкого научного центра РАН в 2014 г. [Русско-калмыцкий словарь... 2014], и латинско-русско-калмыцкий словарь Адриана¹ Соколова (1769–1771), до сих пор не введенный в научный оборот и рассматривавшийся лишь отдельными исследователями [Павлов 2000; Алексеева 1990; Алексеева 2010]. Несмотря на то, что словарь А. Соколова привлекается Д. А. Павловым как лингвистический источник и П. Э. Алексеева называет его в числе работ, посвященных калмыцкому языку, и дает краткую биографию

¹ В исследовательской литературе встречаются также варианты написания имени Андриан, Андреян.

автора словаря [Алексеева 2010: 17–18], общее описание словаря как источника в исследовательской литературе отсутствует, причем в некоторых публикациях язык словаря определен как немецкий [Алексеева 1990; Алексеева 2010]. Цель данной статьи — дать общую характеристику словаря А. Соколова как источника и рассмотреть на его материале некоторые фонетические особенности калмыцкого языка второй половины XVIII в. Особая ценность данного словаря заключается также в том, что записи калмыцких слов даны в авторской кириллической транскрипции, не в классическом написании на «тодо бичиг». Можно предположить, что такой способ записи слов может отражать их реальное звучание в разговорном языке того периода. Это обстоятельство представляется крайне важным в свете общепринятого в монголоведении утверждения о том, что между письменной и устной речью в классическом монгольском, а также ойратском (старокалмыцком) языках присутствовала значительная разница [Бобровников 1849: 4–6].

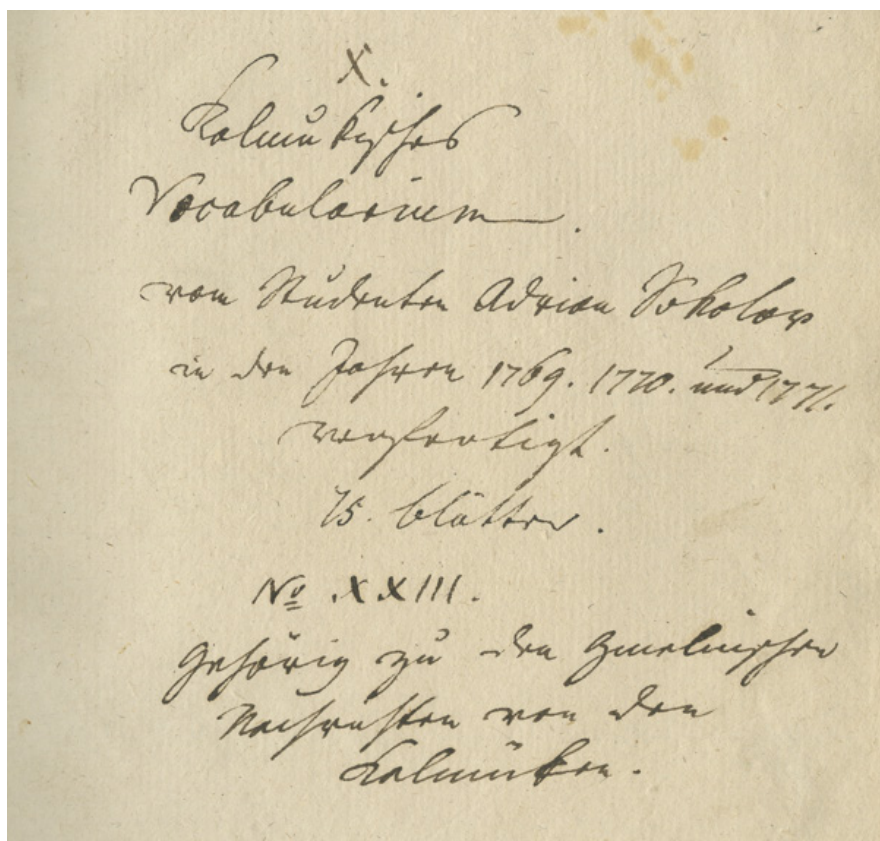
2. Словарь А. Соколова

2.1. Общая характеристика

Название рассматриваемого в статье словаря на развороте титула указано рукой автора как «Kalmükisch Vocabularium von Studenten Adrian Sokolov in den Jahren 1769.1770 und 1771» («Калмыцкий словарь, [составленный] студентом Адрианом Соколовым в 1769–1771 гг.»). Почерк неразборчивый, из информации, указанной на титуле, можно разобрать только то, что указаны общее количество листов (нем. 75 Blättern ‘75 листов’), инвентарный (?) номер № XXIII и место составления (нем. von den Kalmüken ‘у калмыков’) (см. факс. 1).

Словарь был составлен автором по результатам последней из трех «физических» экспедиций Академии наук 1768–1774 гг., связанных с именами П. С. Палласа, И. И. Лепехина, И. А. Гильденштедта, И. П. Фалька, С. Г. Гмелина-младшего и И. И. Георги [Материалы для истории экспедиций... 1940: 11]. Она носила название Астраханской академической экспедиции и включала два отряда под руководством И. А. Гильденштедта и С. Г. Гмелина. Последний был племянником Иоганна Георга Гмелина, профессора Академии наук, стоявшего во главе, вместе с Г. Ф. Миллером, естественно-исторических и историко-географических исследований Сибири [Материалы для истории экспедиций... 1940: 58]. Согласно ведомости о маршруте и составе указанных экспедиций из материалов Канцелярии Академии наук, в состав 3-й экспедиции в Астраханскую губернию входили: профессор Самуил Готлиб Гмелин, аптекарь Литке¹, гимназисты Николай Крашениников, Иван Михайлов, Андреян Соколов и Яков Ключарев, рисовальщик Иван Борисов, чучельник Михайло Котов; в Воронеже к отряду присоединился медик и ботаник по специальности Карл Габлиц [Материалы для истории экспедиций... 1940: 96, 102]. Путь экспедиции проходил по следующему маршруту: Порхов – Старая Русса – Торопец – Осташков – Ржев – Можайск – Москва – Воронеж – Павловск – Цымлянская – Черкасск – Азов – Царицын – Астрахань – Дербент – Баку – Шемаха – Сальяны – Энзели – Решт – Балфруш – Астрахань – Сарепта – Моздок [Материалы для истории экспедиций... 1940: 103]. В конце экспедиции С. Г. Гмелин по пути был захвачен в плен в Астрахань кайтагским ханом Усмей Амир-Амзою, где спустя полгода скончал-

¹ В описании путешествия С. Г. Гмелина его фамилия приводится как Луте [Материалы для истории экспедиций... 1940: 102].

Факс. 1. Титульный лист словаря А. Соколова
[Fig. 1. Title page of A. Sokolov's Dictionary]

ся от истощения и лихорадки. Сопровождавшие его студент Иван Михайлов и переводчик Федор Баур были отпущены из плена и доставили его материалы в Академию наук [Материалы для истории экспедиций... 1940: 103].

Рукописный словарь А. Соколова, который, как пишет П. Э. Алексеева, был подготовлен к изданию на немецком языке [Алексеева 2010: 17], в настоящее время хранится в Российской национальной библиотеке (прежде — Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина) в отделе рукописных и редких книг (шифр: Эрм. нем. 57). Слева от титула на листе имеется бирка с указанием хранилища (Императорская Эрмитажная иностранная библиотека), и места хранения (шкаф 2, полка 2, № 78). Словарь включает 76 листов, нумерация проставлена карандашом в правом верхнем углу листа. На каждом листе 6 столбцов: в первом — слово на латинском языке, во втором — русский перевод, третий и четвертый столбцы пустые, в пятом — калмыцкое слово в кириллической записи, в шестом — калмыцкое слово на латинице. Последний столбец заполнен только до 17-го листа, на последующих листах в нем встречаются единичные написания. Один лист включает написания 13–14 латинских слов, к каждому из которых дается русский перевод, в отличие от калмыцкого, который приводится не во всех случаях. П. Э. Алексеева, отталкиваясь от количества латинских слов, указывает, что словарь включает более 2 000 слов, на самом деле, калмыцких лексем в словаре 1 785. Автором статьи был выполнен набор русско-калмыцкой части словаря с добавлением форм современного литературного языка, после

чего подготовленный файл был загружен на платформу Lingvodoc для дальнейшей работы¹.

2.2. Особенности графической передачи

Что касается графики, автор словаря использует кириллические знаки, совпадающие с современной калмыцкой графической системой², а для обозначения отсутствующих в кириллице гласных мягкого ряда «э», «ө» и «ү» используются сочетания латинского знака «i» с соответствующими гласными переднего ряда «а», «о» и «у» с дополнительной волнистой чертой сверху (iā, iō, iū)³. Современную букву «ж» автор передает с помощью сочетания «дж» (*кемджанчи* ‘число, мера’, *теджааджи байней би* ‘питаю, кормлю’), «н» — с помощью сочетания «нг» (*мангнай* — лит. калм. *маңна* ‘чело, лоб’, *байбанг* — лит. калм. *бээвң* ‘квасцы’), «һ» — с помощью согласного «г» (*андагарч* — лит. калм. *андһар* ‘клятва’, *аргатай* — лит. калм. *арһата* ‘поползновенный, хитрый, лукавый’). Интересно, что в словаре получило отражение различие между увулярным согласным «һ» и заднеязычным «г»: первый передается, как указано выше, с помощью буквы «г», а второй — «г» с чертой наверху (*ioľio* ‘колыбель’ — лит. калм. *өлгэ, ġетаачи* ‘сторож, караульщик’ — лит. калм. *гетэч*). Как отмечает Д. А. Павлов, в словаре А. Соколова, так же, как и в анонимном словаре того же периода, последовательно отмечается палатализация согласных «л» и «н» (с использованием мягкого знака) [Павлов 2000: 191]⁴: *аргамальджи* ‘веревка, канат’, *чальчиджи байней би* ‘болтаю’, *iубюль* ‘зима’, *дель* ‘грива’, *нидиунь* ‘глаз’, *ioiokiунь* ‘сало’. То же самое можно отметить в отношении согласного «р» в словах с гласными мягкого ряда: *ноерь* ‘сон’, *iondiурь* ‘свая (в воде), свая мостовая’, *giурь* ‘моль’, *tiурьген* ‘скорый’, *зерьлик* ‘дикий, лютый, неукротимый’. Начиная со стр. 60, в некоторых словах к основе добавлен согласный «ч» (см. *емч* ‘плечо’ — лит. калм. *эм, газарч* ‘земля’ — лит. калм. *һазр, галч* ‘огонь’ — лит. калм. *һал, еликенч* ‘печень’ — лит. калм. *элкн*).

2.3. Другие особенности словаря

В отдельных словах обозначено ударение — акут (*хотд* ‘кушанье, прикорм’ — лит. калм. *хот, нерд* ‘слава’ — лит. калм. *нер, чонгнон* ‘галка’ — лит. калм. *чоңнун*) и гравис (*зән* ‘слон’ — лит. калм. *зан, мánгнай* ‘чело, лоб’ — лит. калм. *маңна*). Глаголы приводятся в личной форме 1-го лица настоящего времени, например: *даарчи байне би* ‘зябну’, *хуңцилджи байне би* ‘одеваюсь’, *анир уга байне би* ‘молчу’. Словосочетания приводятся как в раздельном (*хара биште* ‘эфиоп’ — лит. калм. *хар бийтэ, мокин шабур* ‘глина, горшечная земля’ — лит. калм. *мокн шавр*), так и слитном (*харахарга* ‘ель’ — лит. калм. *хар харһа, до-комедекчи* ‘предвещатель, прорицатель’ — лит. калм. *докъя медгч*) написании.

К 61 лексеме современные литературные эквиваленты в академических словарях калмыцкого языка [Калмыцко-русский словарь 1977; Русско-калмыцкий словарь 1964] не установлены, поскольку в большинстве своем это общемон-

¹ Словарь доступен по ссылке <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11139/7229/perspective/11139/7230/view>.

² Знак «е» используется А. Соколовым для обозначения звуков [e] и [je].

³ Для обозначения гласных «э» и «ү» А. Соколов также использует буквы «я» и «ю» соответственно.

⁴ Автор также указывает согласный «т» [Павлов 2000: 191], но такие примеры в словаре не обнаружены.

гольские слова, которые в современном калмыцком уже не употребляются; в двух случаях (к словам «*іункіу*» и «*земе*») русский эквивалент нечитабельный. Интересно отметить, что слова *гексе* ‘орел’ и *луса* ‘осел’ встречаются в таком же написании также в недавно опубликованных материалах Д. Г. Мессершмидта по монгольским языкам: см. *gegse* — *keske* ‘орел’ [Сизова и др. 2022: 110]¹, *lusa* ‘осел’ [Сизова и др. 2022: 58], что может косвенно свидетельствовать о том, что А. Соколов мог использовать их в качестве одного из источников при составлении своего словаря. Приводимый ниже список может быть интересен для дальнейших лексикологических исследований устаревшей лексики, какими эквивалентами заменяются архаизмы, к каким тематическим группам они относятся и остались ли они в других монгольских языках.

1	якорь	<i>чиктага</i>
2	орел	<i>гексе</i>
3	осел	<i>луса</i>
4	<i>нрзб</i>	<i>іункіу</i>
5	сыр	<i>бишлек</i>
6	<i>нрзб</i>	<i>земе</i>
7	насмехаюсь, шучу, пересмехаюсь	<i>елекбариджи байней би</i>
8	простываю, стою, бьюсь	<i>халсаджи байней би</i>
9	кроткий, смирный	<i>иджилдексен</i>
10	стружу, чешу	<i>зурууци байней би</i>
11	дарю	<i>іонголеджи байней би</i>
12	щипцы, клещи	<i>іоріолбіо</i>
13	кусок	<i>іунькіу</i>
14	грек, греческий	<i>урум</i>
15	пучина, водоворот	<i>уйлган</i>
16	край у платья, фалда, лоскут	<i>шикиши</i>
17	тонкая доска, шест	<i>хала</i>
18	харя, маска, личина, привидение	<i>бохоолдай</i>
19	закон	<i>зарчим</i>
20	пьян бываю	<i>нородакч би</i>
21	рыба	<i>ергіун</i>
22	плеть	<i>кіогіоджи</i>
23	мох	<i>хурхульджинг</i>
24	бездельный, непотребный	<i>ельдынгч</i>
25	добрый или худой знак	<i>бельге</i>
26	густой, темный	<i>чибеге</i>
27	праздность, покой	<i>табар</i>

¹ У К. Ф. Голстунского слово приводится в написании *geske* ‘орел с большими полосами, пестринами на перьях’ [Монгольско-русский словарь, 3 1893: 405], у О. М. Ковалевского — как *geske* ‘сокол с белым хвостом’ [Ковалевский 1849: 2458].

28	пупырышек на теле	<i>giyбdiуренгч</i>
29	прощаю, щажу	<i>iонgiуреульджи байней би</i>
30	моровая язва, моровое поветрие	<i>iолiоз</i>
31	руками бью, в ладони плещу	<i>уваеледжи байней би</i>
32	плету, казню, наказываю	<i>iуриуджи байней би</i>
33	луг	<i>дото</i>
34	пригожий, красноличный, изрядный	<i>iузиусkiулюнтей</i>
35	молодое животное, цыпленок	<i>зулзуган</i>
36	часть тела толстая, мякиш	<i>мемеге</i>
37	воняю	<i>iумиукей ангиджи байней би</i>
38	жалуюсь, плачу	<i>заргу бариджи байней би</i>
39	сиповатый, хриповатый, который осип, охрип	<i>хоркира</i>
40	вырываю, вытеребливаю поле (траву)	<i>унгеаджи байней би</i>
41	посмеяние, насмешка, ругательство	<i>елек</i>
42	цель, намерение	<i>буту</i>
43	шелуха, чешуя	<i>гельбюсен</i>
44	храплю	<i>хоркильджи байней би</i>
45	стесняю, стискиваю, вынимаю меч	<i>илдиу сугульджи байней би</i>
46	блуд, блудодеяние	<i>охолгон</i>
47	свая (в воде), свая мостовая	<i>iондиурь</i>
48	лодыжка, кость	<i>арга</i>
49	нерассудно, отважно	<i>хаебури угей</i>
50	ладонь	<i>киукiу</i>
51	щекочу	<i>кичингнеджи байней би</i>
52	замешательство, препятствие, безделица	<i>арьбиугей</i>
53	народ, куча людей	<i>цокцоло</i>
54	бесчестный	<i>киодио</i>
55	празден (есть), дела не имею	<i>iугуле угей байней би</i>
56	потоп	<i>тепи</i>
57	переворачиваю, оборачиваю	<i>iульбиуриульджи байней би</i>
58	ищу, следую	<i>миошкiюджи байней би</i>
59	который не спит, недремлющий	<i>кисан</i>
60	яд, отравя, смрад	<i>ап</i>
61	рана, язва	<i>халаасун</i>

3. Графо-фонетические особенности калмыцкого языка второй половины XVIII в.

Для анализа графо-фонетических особенностей калмыцкого языка второй половины XVIII в., получивших отражение в словаре А. Соколова, с помощью

функционала платформы Lingvodoc лексемы из словаря были связаны с современными литературными формами калмыцкого языка и прамонгольскими рефлексациями (на основе словаря Х. Нугтерена [Nugteren 2011]), в результате чего были выстроены ряды соответствий гласных и согласных звуков. Соответствия из словаря А. Соколова, которые совпадают с прамонгольскими формами, но отличаются от современного литературного языка, были определены нами как архаизмы, а те, которые отличаются как от прамонгольского, так и современного калмыцкого, — как инновации, которые могут отражать диалектные особенности, зафиксированные автором словаря, либо общеязыковые процессы, характерные для старокалмыцкого языка второй половины XVIII в.

3.1. Архаичные черты

К архаичным чертам калмыцкого языка в словаре А. Соколова, которые сохраняют прамонгольскую рефлексацию и отличаются от современного литературного языка, можно отнести следующие:

1) Сок. *е* — лит. калм. *ө*¹ (ПМонг. **е*):

Сок. *ебчитей* — лит. калм. *өвчтә* ‘больной, немощный, прискорбный, печальный’;

Сок. *темер* — лит. калм. *төмр* ‘железо (оружие)’;

Сок. *ергубчи* — лит. калм. *өргн* ‘подбородок’;

Сок. *хадаксан ебіусюн* — лит. калм. *хадсн өвсн* ‘сено’.

2) Сок. *о* — лит. калм. *ө* (ПМонг. **о*):

Сок. *зого* — лит. калм. *зөг* ‘пчела’;

Сок. *хоин* — лит. калм. *хөн* ‘овен, баран’;

Сок. *кошир* — лит. калм. *көшүр* ‘ось’;

Сок. *кокуценкир* — лит. калм. *көк* цецкр ‘лазореный’;

Сок. *морин* — лит. калм. *мөрн* ‘лошадь, конь’;

Сок. *колбюрочи* — лит. калм. *көлврч* ‘толмач, переводчик, толкователь’;

Сок. *кодельмиш* — лит. калм. *көдлмиш* ‘труд, работа’.

3) Сок. *ай* / *ой* — лит. калм. *а* (ПМонг. **аі*):

Сок. *мухулай* — лит. калм. *мухла* ‘раба, служанка, девка’;

Сок. *тенгесин гахай* — лит. калм. *теңгесин хаха* ‘дельфин, морская свинья’;

Сок. *мангнай* — лит. калм. *маңна* ‘чело, лоб’;

Сок. *хараадай* — лит. калм. *харада* ‘ластовица, ласточка’;

Сок. *хорхой* — лит. калм. *хорха* ‘червь’;

Сок. *тохой* — лит. калм. *тоха* ‘локоть, аршин, сажень’.

4) Сок. *и* — лит. калм. *ү* (ПМонг. **і*):

Сок. *бишкур* — лит. калм. *бүшкүр* ‘дудка’;

Сок. *нидіунь* — лит. калм. *нүдн* ‘око, глаз’;

¹ Аналогическое соответствие приводится ниже в числе инновационных соответствий, поскольку в тех примерах буква «е» у А. Соколова соответствует прамонгольской «ö».

Сок. *илду* — лит. калм. *үлд* ‘сабля’;
Сок. *шинджир* — лит. калм. *шинжүр* ‘цепь’.

5) Сок. *б* — лит. калм. *в* (ПМонг *b):

Сок. *іобіудіук* — лит. калм. *өвдг* ‘колени’;
Сок. *іубюль* — лит. калм. *үөл* ‘зима’;
Сок. *арбай* — лит. калм. *арва* ‘ячмень’;
Сок. *еберенч* — лит. калм. *эврэн* ‘сам’;
Сок. *хабирга* — лит. калм. *хэврһ* ‘бок, сторона’.

3.2. Инновационные черты

К инновациям, которые отличаются как от прамонгольских форм, так и современного литературного языка, относятся следующие соответствия:

1) Сок. *е* — лит. калм. *ө* (ПМонг *ö):

Сок. *ендур* — лит. калм. *өндүр* ‘высокий, глубокий’;
Сок. *меце* — лит. калм. *мөч* ‘член, состав в теле’;
Сок. *еуцүолдіор* — лит. калм. *өүклдүр* ‘вчера’;
Сок. *ешиотіо кюнч* — лит. калм. *өшээтэ күн* ‘враг’;
Сок. *кетечи* — лит. калм. *көтч* ‘слуга’.

2) Сок. *о / ou* — лит. калм. *у* (ПМонг *au)

Сок. *хато* — лит. калм. *хату* ‘горький, жестокий’;
Сок. *ногусун* — лит. калм. *нуһсн* ‘утка’;
Сок. *барон зіугин салкин* — лит. калм. *барун зүгин салькн* ‘южный, полуденный ветер’;

Сок. *зон* — лит. калм. *зун* ‘сто’;
Сок. *адон* — лит. калм. *адун* ‘стадо’;
Сок. *ноур* — лит. калм. *нур* ‘озеро’;
Сок. *дондур* — лит. калм. *дундур* ‘пол, половина’.

3) Сок. *іо* — лит. калм. *ү* (ПМонг *eü):

Сок. *зіонь* — лит. калм. *зүн* ‘левый, противный, несчастливый, вредный’.

4) Сок. *у* — лит. калм. *ө* (ПМонг *i)

Сок. *шулюн* — лит. калм. *шөлн* ‘уха, похлебка’;
Сок. *хурай* — лит. калм. *көрә* ‘пила’.

5) Сок. *у* — лит. калм. *ү* (ПМонг *iu, *ü):

Сок. *цакур* — лит. калм. *цэкүр* ‘ремень’;
Сок. *бусе* — лит. калм. *бүс* ‘пояс’;
Сок. *гууджи байней би* — лит. калм. *гүүжэнэ* ‘бегу’;
Сок. *хурюм* — лит. калм. *хүрм* ‘пир, кушанье’.

6) Сок. *ц* — лит. калм. *ч* (ПМонг *č):

Сок. *екебурца* — лит. калм. *ик бурчг* ‘крупный горох’;
Сок. *онцо* — лит. калм. *онц, онч* ‘особливо, наипаче’;
Сок. *меце* — лит. калм. *мөч* ‘член, состав в теле’.

Материалы словаря показывают, что в калмыцком языке второй половины XVIII в. сохранялись отдельные архаичные элементы общемонгольской вока-

лической системы (прамонгольские *е, *ai, *o) и еще не произошел перелом гласного «и». Что касается соответствий е → ө, одно из которых относится к архаизмам (в тех случаях, когда совпадает с прамонгольской формой), а второе — к инновациям, можно отметить, что к двум словам из примеров к данным соответствиям в словаре А. Соколова установлены дублиеты, но в другом написании: Сок. *ioбсюн* — лит. калм. *өвсн* ‘трава’; Сок. *көтечи* — лит. калм. *көтч* ‘спутник, планеты’. Данные формы могут свидетельствовать о том, что соответствие е → ө могло носить диалектный характер, и один из двух вариантов написания отражал произношение в одном из диалектов, который был зафиксирован автором словаря.

Некоторые из установленных в рассматриваемом словаре фонетических соответствий также наблюдаются в современных говорах калмыцкого языка. Например, соответствия Сок. *б* — лит. калм. *в*, Сок. *э* (в записи А. Соколова обозначается как *е*) — лит. калм. *ө* и Сок. *о* — лит. калм. *ө* можно встретить в бузавском говоре; для дербетского говора, который в калмыцкой диалектологии обычно называют о-, ө-говором [Убушаев 2006: 13], характерны соответствия лабиальных гласных Сок. *о* — лит. калм. *у*, Сок. *ө* (в записи А. Соколова *io*) — лит. калм. *ү*.

Стоит отметить также, что словарь А. Соколова фиксирует появление фонемы [в] как аллофона [б], которую Д. А. Сусеева называет «потенциальной» фонемой, опираясь на материалы писем калмыцких ханов XVIII в. [Сусеева 2011: 27]. В записи А. Соколова она появляется два раза: в позиции перед гласным (Сок. *уланво* — лит. калм. *улан ө* ‘трутень, румяна’)¹ и в интервокальной позиции между двумя лабиальными гласными мягкого ряда (Сок. *ioviop* — лит. калм. *өвр* ‘лоно, недро’). Второй позиционный аллофон фонемы [б], встречающийся в словаре в слабой позиции, — это звук [п], который также сложно назвать самостоятельной фонемой, поскольку он даже не имел графического начертания в основном ойратском алфавите «ясного письма» (для его обозначения использовался соответствующий знак транскрипционного алфавита галик). Он встречается либо в конце слова, либо перед глухими согласными:

Сок. *ептей* — лит. калм. *эвтэ* ‘способный, удобный’

Сок. *запсорту* — лит. калм. *завсрт* ‘между’

Сок. *чанчуулуксанч* — лит. калм. *чавчулсн* ‘обсеченный, обрубленный’

Сок. *улпа* — лит. калм. *улв* ‘пух, мягкое перье’

Сок. *ханчик* — лит. калм. *хавчг* ‘тиски’

Сок. *тюпиин* — лит. калм. *төвшүн* (?) ‘постоянный, важный’

Сок. *хупцасун* — лит. калм. *хувцн* ‘одежда, платье’

Сок. *iyn* — лит. калм. *өв* ‘приданое’.

4. Заключение

Рассмотренный в данной статье словарь А. Соколова ценен в первую очередь как лингвистический источник, сохранивший авторскую кириллическую транскрипцию калмыцких слов, анализ которой позволит получить более точное представление о звучании устной калмыцкой речи рассматриваемого периода, в отличие от словарей на *тодо бичиг*, в которых очевидно влияние норм книжного языка. Установленные в словаре соответствия Сок. *е* — лит. калм. *ө*

¹ В данном случае буква «в» появляется на стыке слов как пример протезы.

(ПМонг. *е), Сок. *о* — лит. калм. *ө*, Сок. *ай* / *ой* — лит. калм. *а*, Сок. *и* — лит. калм. *у*, Сок. *б* — лит. калм. *в*, которые совпадают с прамонгольскими рефлексам, определены нами как архаичные черты калмыцкого языка XVIII в. Они присутствуют также в калмыцких словниках немецких ученых второй половины XVIII – первой половины XIX в. Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, Б. Бергмана, Ю. Г. Клапрота, что дает основания предположить, что эти языковые явления были характерны для калмыцкого языка рассматриваемого периода в целом, а не для отдельных диалектов. Что касается инновационных соответствий, в словниках немецких исследователей также установлены соответствия *е* — лит. калм. *ө* (ПМонг. *ö), *о* — лит. калм. *у*, *ц* — лит. калм. *ч*, что может свидетельствовать об их наддиалектном характере. Соответствия Сок. *io* — лит. калм. *у*, Сок. *у* — лит. калм. *ө*, Сок. *у* — лит. калм. *у* обнаружены также у Б. Бергмана, который, отправившись к калмыкам из Сарепты, вероятнее всего, в своих записях фиксировал именно дербетский говор, носители которого проживали по пути маршрута исследователя. Таким образом, можно предположить, что и в словаре А. Соколова отражены диалектные особенности дербетского говора, только на полвека ранее Б. Бергмана.

Литература

- Алексеева 1990 — Алексеева П. Э. Давние корни двуязычия: из истории изучения калмыцкого языка в дореволюционной России // Теегин герл. 1990. № 2. С. 105–107.
- Алексеева 2010 — Алексеева П. Э. О людях и времени / сборник статей. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 176 с.
- Бембеев 2015 — Бембеев Е. В. Сравнительный анализ «ранних» лексикографических памятников старописьменного калмыцкого языка в свете разработки морфологического анализ // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. 2015. № 4. С. 107–115.
- Бембеев, Куканова 2014 — Бембеев Е. В., Куканова В. В. Электронные лексикографические базы данных калмыцкого языка // Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию В. И. Рассадина (г. Элиста, 10–13 ноября 2014 г.). Элиста: КалмГУ, 2014. С. 210–216.
- Бобровников 1849 — Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Университет. тип., 1849. 400 с.
- Калмычко-русский словарь 1977 — Калмычко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Ковалевский 1849 — Монгольско-русско-французский словарь / сост. О. Ковалевский. Т. 3. Казань: Универ. тип., 1849. 1546–2690 с.
- Куканова 2013 — Куканова В. В. О Национальном корпусе калмыцкого языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Мат-лы XIII Междунар. конф. (г. Уфа, 13–14 сентября 2013 г.). Уфа, 2013. С. 209–212.
- Куканова и др. 2012 — Куканова В. В., Бембеев Е. В., Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч. Национальный корпус калмыцкого языка: архитектура и возможности использования // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. №. 3. С. 138–150.
- Куканова и др. 2013 — Куканова В. В., Бембеев Е. В., Музраева Д. Н. К вопросу о кодировке UNICODE графической системы «тодо бичиг» и создании базы данных текстов на старокалмыцком языке // Вестник Калмыцкого университета. 2013. № 3. С. 65–75.
- Куканова, Бембеев 2012 — Куканова В. В., Бембеев Е. В. К проблеме электронных словарей калмыцкого языка // Информационные технологии и письменное наследие. E1 Manuscript-2012: мат-лы IV Междунар. науч. конф. (г. Петрозаводск, 3–8 сентября 2012 г.). Петрозаводск; Ижевск: [б. и.], 2012. С. 146–149.
- Куканова, Михалева 2018 — Куканова В. В., Михалева Т. А. О еще одном «анонимном»

- калмыцко-русском словаре (1871, 1875 гг.) // Монголоведение. 2018. Т. 10. № 1. С. 219–284. DOI: 10.22162/2500-1523-2018-12-219-284
- Материалы для истории экспедиций... 1940 — Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: хронологические обзоры и описание архивных материалов / сост. В. Ф. Гнучева; под общ. ред. акад. В. Л. Комарова. М.; Л.: АН СССР, 1940. 312 с.
- Мирзаева, Долеева 2022 — *Мирзаева С. В., Долеева А. О.* Обработка словарей старо-калмыцкого языка на платформе Lingvodoc: предварительные результаты // *Oriental Studies*. 2022. № 5. С. 1159–1172. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1159-1172
- Монгольско-русский словарь, 3 1893 — Монгольско-русский словарь, составленный профессором Санкт-Петербургского университета К. Ф. Голстунским. Т. 3. СПб.: Лит. А. Иконникова, 1893. 491 с.
- Мулаева 2012 — *Мулаева Н. М.* Русско-калмыцкий словарь Пармена Смирнова как источник изучения лексики калмыцкого языка // Участие калмыков в укреплении российской государственности: мат-лы региональн. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию российской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 187–191.
- Павлов 2000 — *Павлов Д. А.* Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка. 2-е изд. Элиста: КалмГУ, 2000. 285 с.
- Русско-калмыцкий словарь 1964 — Русско-калмыцкий словарь / под ред. И. К. Илишкина. М.: Сов. энцикл., 1964. 803 с.
- Русско-калмыцкий словарь... 1860 — Русско-калмыцкий словарь, составленный исправляющим должность экстраординарного профессора монгольского и калмыцкого языков в императорском С.-Петербургском университете Константином Голстунским. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1860. 140 с.
- Русско-калмыцкий словарь... 2014 — Русско-калмыцкий словарь анонимного автора, XVIII в.: / транслит. Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч.; сост. Куканова В. В., Мулаева Н. М.; отв. ред. Бембеев Е. В., Куканова В. В. [электронное издание]. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 570 с.
- Сизова и др. 2022 — *Сизова А. А., Зорин А. В., Бондарь Л. Д.* Словарные материалы в документальном наследии Д. Г. Мессершмидта: монгольский и тибетский словники / при участии А. В. Смирнова, А. К. Сытина, А. В. Кургузовой. СПб.: Петербургское востоковедение, 2022. 456 с.
- Сусеева 2011 — *Сусеева Д. А.* Грамматический строй калмыцкого языка XVIII века: морфонология и морфология (на материале писем калмыцких ханов и их современников). Элиста: КИГИ РАН, 2011. 200 с.
- Убушаев 2006 — *Убушаев Н. Н.* Дialeктная система калмыцкого языка. Элиста: Джангар, 2006. 256 с.
- Cornelius Rahmn's Kalmuck Dictionary 2012 — *Cornelius Rahmn's Kalmuck Dictionary* / transl. and ed. by J.-O. Svantesson. Turcologica. Band 93. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. 199 p.
- Nugteren 2011 — *Nugteren H.* Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht: LOT, 2011. 563 p.

References

- Alekseeva P. E. About People and Time. Collection of Papers. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2010. 176 p. (In Russ.)
- Alekseeva P. E. Early Roots of Bilingualism: From the History of Kalmyk Language Studies in Pre-Revolutionary Russia. *Teegin Gerl*. 1990. No. 2. Pp. 105–107. (In Russ.)
- An Anonymous 18th-Century Russian-Kalmyk Dictionary. N. Mulaeva, N. Ochirova (translit.); V. Kukanova, N. Mulaeva (comps.); E. Bembeev, V. Kukanova (eds.). Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2014. 570 p. (In Kalm. and Russ.)
- Bembeev E. V. The Comparative Analysis of the “Early” Lexicographic Monuments of the Old-Written Kalmyk Language in the Light of the Development of the Parsing Program. *Bulletin of the Tuva State University. Pedagogical Sciences*. 2015. No. 4. Pp. 107–115. (In Russ.)

- Bembеев E. V., Kukanova V. V. Digital Lexicographic Databases of Kalmyk Language. In: Issues of Contemporary Mongolian and Altaic Studies: Proceedings of the International Scientific Conference on the 75th Anniversary of V. I. Rassadin (Elista, 10–13 November, 2014). Elista: Kalmyk University, 2014. Pp. 210–216. (In Russ.)
- Bobrovnikov A. A. Grammar of Kalmyk Mongolian Compiled Aleksey Bobrovnikov, Bachelor of Divinity Student at Kazan Theological Academy. Kazan: Imp. Kazan University, 1849. 400 p. (In Russ.)
- Cornelius Rahmn's Kalmuck Dictionary. J.-O. Svantesson (transl. and ed.). *Turcologica*. Band 93. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. 199 p. (In Eng.)
- Golstunsky K. Russian-Kalmyk Dictionary Compiled by K. Golstunsky, Acting Extraordinary Professor of Mongolian and Kalmyk Languages at Imperial St. Petersburg University. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1860. 140 p. (In Russ. and Kalm.)
- Ilishkin I. (ed.). Russian-Kalmyk Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1964. 803 p. (In Kalm. and Russ.)
- Kovalevsky O. (comp.). Mongolian-Russian-French Dictionary. Vol. 1–3. Kazan: Universitetskaya Tipografiya, 1844–1849. 2690 p. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Kukanova V. V. About National Corpus of the Kalmyk Language. In: Issues on Dialectology of Languages of Peoples of Russia: Proceedings of the 13th International Conference (Ufa, September 13–14, 2013). Ufa, 2013. Pp. 209–212. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Bembеев E. V. On the Issue of Digital Dictionaries of the Kalmyk Language. In: Information Systems and Written Heritage. El' Manuscript-2012: Proceedings of the 4th International Scientific Conference (Petrozavodsk, September 3–8, 2012). Petrozavodsk, Izhevsk: [s. n.], 2012. Pp. 146–149. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Bembеев E. V., Mulaeva N. M., Ochirova N. Ch. National Corpus of the Kalmyk Language: Architecture and Potential. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS*. 2012. No. 3. Pp. 138–150. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Bembеев E. V., Muzraeva D. N. On the Issue of Todo Biciq Coding in Unicode and Elaboration of the Old Kalmyk Texts' Database. *Bulletin of Kalmyk State University*. 2013. No. 3. Pp. 65–75. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Mikhaleva T. A. Another “Anonymous” Kalmyk–Russian Dictionary (1871, 1875) Revisited. *Mongolian Studies*. 2018. Vol. 10. No. 1. Pp. 219–284. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2018-12-219-284
- Materials for the History of Expeditions of the Academy of Sciences in the 18th and 19th Centuries: Chronological Reviews and Descriptions of Archival Materials. V. Gnuchyova (comp.); V. Komarov (ed.-in-chief). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1940. 312 p. (In Russ.)
- Mirzaeva S. V., Doleeva A. O. Lingvodoc Platform to Process Dictionaries of Old Kalmyk: Preliminary Results Reviewed. *Oriental Studies*. 2022. No. 5. Pp. 1159–1172. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1159-1172
- Mongolian-Russian Dictionary. Prof. of St. Petersburg University K. Golstunsky (comp.). Vol. 3. St. Petersburg: Ikonnikov Litography, 1893. 491 p. (In Mong. and Russ.)
- Mulaeva N. M. Russian-Kalmyk Dictionary of Parmen Smirnov as a Source on Kalmyk Vocabulary. In: Role of Kalmyks in Strengthening Russia's Sovereignty: Proceedings of the Regional Scientific-Practical Conference on the 1150th Anniversary of Russia's Sovereignty and the Year of Russian History (Elista, 29 November, 2012). Elista: Kalmyk Institute for Humanities (RAS), 2012. Pp. 187–191. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkyi Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Eng.)
- Pavlov D. A. Issues on the History and Structure of Kalmyk Literary Language. 2nd ed. Elista: Kalmyk State University, 2000. 285 p. (In Russ.)
- Sizova A. A., Zorin A. V., Bondar L. D. Lexical Materials in the Archival Legacy Heritage of D. G. Messerschmidt: Mongolian and Tibetan Vocabularies. A. Smirnov, A. Sytinga, A. Kurugzova (contrib.). St. Petersburg: Petersburgskoe Vostokovedenie, 2022. 456 p. (In Russ.)

- Suseeva D. A. Grammatical Structure of the Kalmyk Language of the 18th Century: Morphology and Morphology (Based on the Correspondence of Kalmyk Khans and their Contemporaries). Elista: Kalmyk Institute for Humanities (RAS), 2011. 200 p. (In Russ.)
- Ubushaev N. N. The Kalmyk Dialectal System. Elista: Dzhangar, 2006. 256 p. (In Russ.)

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

2024. Т. 16. № 4

Главный редактор — Куканова В. В.

Дата выхода: 28.12.2024. Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 20.65. Тираж 100 экз. Заказ 34-24.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06
E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8